

E $\frac{91}{58}$
801-90
11958-9

ВИЗАНТІЙСКІЕ

ИСТОРИКИ,

801-97
3231

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

при

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.

1860.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать
позволяется. Мая 24 дня 1860 года. Цензоръ Архимандритъ *Фотій*.

НИКИТЫ ХОНИАТА

И С Т О Р І Я,

НАЧИНАЮЩАЯСЯ

СЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА КОМНИНА

ТОМЪ 1.

(1118 — 1185).

Переводъ

подъ редакцію Профессора В. И. Долоцкого.

КРАТКОЕ СВѢДЕНІЕ

О

НИКИТѢ ХОНИАТѢ

И ЕГО ИСТОРИИ.

Никита, по родовому имени, Акоминать, а по мѣсту рожденія въ Фригійскомъ городѣ Хонахъ (χωναί), обыкновенно называемый Хониатомъ, родился около половины 12-го вѣка. На девятомъ году его возраста, отецъ отправилъ его для воспитанія въ Константинополь, гдѣ въ то время жилъ старшій братъ его Михаилъ, бывшій впослѣдствіи архіепископомъ аѳинскимъ. Получивъ подъ руководствомъ своего ученаго брата отличное, по тогдашнему времени, образованіе и въ особенности изучивъ краснорѣчіе и гражданское право, Никита, если не при Мануилѣ, то, по крайней мѣрѣ, при Алексѣ Комнинѣ былъ принятъ въ число чиновниковъ константинопольскаго двора и былъ однимъ изъ царскихъ писцовъ. Въ этой должности онъ состоялъ и при Исаакѣ Ангелѣ въ его второмъ походѣ противъ Валаховъ въ 1188-мъ году. Впослѣдствіи, пользуясь всегда неизмѣннымъ и вполне заслуженнымъ расположеніемъ царей, онъ мало по малу достигъ высшихъ государственныхъ чиновъ и занималъ весьма важныя должности какъ въ столицѣ, такъ и въ про-

винціяхъ ¹⁾). Въ 1204 году, когда Константинополемъ овладѣли крестоносцы, онъ былъ однимъ изъ константинопольскихъ сенаторовъ. Этотъ годъ, роковой для многихъ жителей Константинополя, былъ послѣднимъ годомъ славы и счастья и для Никиты. Спасаясь отъ неистовства крестоносцевъ, истреблявшихъ все огнемъ и мечемъ, онъ 17-го Апрѣля 1204 года оставилъ Константинополь и бѣднымъ странникомъ удалился въ Никею. Здѣсь, нѣкогда богатый и знаменитый, онъ провелъ остальные годы своей недолгой жизни въ бѣдности, терпя укоризны и поношенія отъ прежнихъ согражданъ, подобно ему укрывшихся въ Никеѣ. Скончался послѣ 1206 года, не доживъ до старости.

Предлагаемая нынѣ въ русскомъ переводѣ исторія Никиты Хоніата обнимаетъ собою періодъ времени отъ 1118 до 1206 года и служитъ какъ бы продолженіемъ исторіи Анны Комниной. Начиная свое повѣствованіе о событіяхъ въ Византійской Имперіи — смертію Алексѣя Комнина, Никита доводитъ его до начала царствованія Генриха, брата Балдуинова и, какъ самъ говоритъ въ предисловіи, рассказываетъ или то, чему самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, или то, что слышалъ отъ очевидцевъ. Уже и это обстоятельство, рассматриваемое въ связи съ общественнымъ положеніемъ Никиты, говоритъ весьма

¹⁾ Частію изъ текста его исторіи, частію изъ нашихъ надъ нею видно, что онъ былъ 1) Секрето-Логоветомъ (*ὁ Λογοθέτης τῶν секретῶν*), 2) Великимъ Логоветомъ (*ὁ μέγας Λογοθέτης*), 3) Чиновникомъ, извѣстнымъ подлѣ именемъ *ὁ ἐπὶ τῶν χρησίων*, 4) Вило-судіею (*ὁ κριτής του βήλου*), 5) Ефоромъ (*ὁ εφόρος*), 6) начальникомъ надъ царскою спальнею (*ὁ προκάθήμενος του κοιτῶνος*), 7) губернаторомъ филиппопольскимъ и 8) наконѣцъ сенаторомъ. Значеніе всѣхъ этихъ чиновъ и должностей объясняется въ примѣчаніяхъ къ тексту исторіи.

много въ пользу его исторіи; но ее слѣдуетъ цѣнить тѣмъ выше, что въ сочинителѣ всегда видѣнъ человѣкъ съ умомъ свѣтлымъ и образованнымъ, съ сужденіемъ свободнымъ и неподкупнымъ, съ характеромъ твердымъ и независимымъ. Вольфъ и Липсъ называютъ Никиту историкомъ правдивымъ, ¹⁾ и намъ кажется, этотъ приговоръ вполне справедливъ. Если римско-католическіе писатели иногда и отзываются о Никитѣ невыгодно, то причина этого очень понятна: Никита передалъ потомству печальную повѣсть о неистовствахъ Латинянъ въ Θεσσαλονικί и, особенно, въ Константинополѣ.

Въ предисловіи къ своей Исторіи Никита обѣщалъ рассказъ ясный, простой и естественный; но, къ сожалѣнію, далеко не исполнилъ своего обѣщанія. Начитавшись греческихъ поэтовъ и въ особенности Гомера, онъ явно старался подражать имъ, такъ что, по отзыву Вольфа, ему лучше было бы писать поэму, чѣмъ исторію. Часто о самыхъ простыхъ вещахъ онъ говоритъ высокопарно, безъ нужды прибѣгаетъ къ метафорамъ, иногда со всѣмъ неумѣстнымъ, и любитъ слова непонятныя и малоупотребительныя. Читать его трудно, а переводить—еще труднѣе. Нашъ переводъ сдѣланъ съ послѣдняго изданія его исторіи, вышедшаго въ Боннѣ подъ редакціею Беккера, въ 1835-мъ году.

¹⁾ Hank. de Byzant. rerum scriptor. p. 537. edit. Lips. 1677.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА КОМНИНА.

Важность и значеніе исторіи вообще; видъ, въ какомъ Никита будетъ излагать свою исторію (1).—Іоаннъ Комнинъ, противъ желанія матери, назначается на царство отцемъ своимъ Алексѣемъ (2).—Начало его царствованія, его друзья и совѣтники. Отпаденіе его родственниковъ на сторону зятя его Вріеннія. Іоаннъ милостиво поступаетъ съ заговорщиками, примиряется съ сестрою Анною и пріобрѣтаетъ расположеніе матери Ирины (3).—Походы Іоанна противъ Персовъ и побѣда надъ Скиѣами (4).—Побѣда надъ Триваллами. Любовь Іоанна къ сыновьямъ. Нападеніе на Гунновъ. Переходъ на Востокъ и торжество надъ побѣжденными Персо-Армянами (5).—Взятіе и потеря Гангры; движеніе въ Киликію; осада сильной крѣпости Вакъ. Единоборство Армянина Константина и Македонянина Евстратія (6).—Іоаннъ овладѣваетъ крѣпостію Вакъ и завоевываетъ Анаварзу; отправляется въ Келесирію и вступаетъ въ дружбу съ Антиохійцами; принуждаетъ къ сдачѣ Пизу и испытываетъ неудачи (7).—Осаждаетъ городъ Сезерь, беретъ съ него выкупъ и отражаетъ коварныя нападенія Персовъ (8).—Исаакъ Ком-

нинъ примиряется съ братомъ Іоанномъ. Новые походы Іоанна противъ Персовъ. Негодованіе войска и великодушіе Іоанна. Походъ противъ тиранна трапезунтскаго. Отважное дѣло Мануила, сына Іоаннова, предъ Неокесаріею (9).—Іоаннъ, сынъ Исаака, переходитъ на сторону Султана. Невыгодныя слѣдствія этого поступка. Императоръ покоряетъ нѣкоторыхъ мятежныхъ христіанъ и испытываетъ семейныя несчастія (10).—Походъ Іоанна противъ Антиохіи и смертельная рана на охотѣ. Предсказанія о его смерти (11).—Предсмертная рѣчь императора къ родственникамъ, друзьямъ и вельможамъ. Назначеніе на царство Мануила предпочтительно предъ старшимъ его братомъ Исаакомъ. Мануила всѣ привѣтствуютъ императоромъ. Смерть и доблести Іоанна Комнина (12).

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

Книга I. Мануилъ, наслѣдовавъ отцу своему Іоанну Комнину, заключаетъ въ монастырь старшаго брата своего Исаака и, прибывъ въ столицу, за свои душевные и тѣлесныя качества, радушно принимается жителями Византіи (1).—Коронуется патріархомъ Михаиломъ и, примирившись съ братомъ, дважды выступаетъ въ походъ противъ Персовъ; женится на Алеманкѣ, женщинѣ съ прекрасною наружностію и съ возвышенною душею, уважаетъ, но не любитъ ее, и вдается въ непозволительныя связи (2).—Забываясь объ управленіи государствомъ, назначаетъ ближайшимъ къ себѣ министромъ Іоанна Агіоѳеодорита, а главнымъ казначеемъ—Іоанна Пуцинскаго, человѣка чрезвычайно скупаго и безчеловѣчнаго. Агіоѳеодорита смѣняетъ

Ѳеодоръ Стипіотъ. Добрыя свойства Мануила и ихъ скорая перемѣна (3).—Іерусалимскій походъ германскаго императора Конрада. Благосклонный отвѣтъ Мануила Алеманскимъ посламъ и тайныя козни. Греческіе легіоны сопровождаютъ алеманское войско. Придворное краснорѣчіе Филиппопольскаго епископа (4).—Раздоры между Алеманнами и Греками. Бѣдствія, испытываемыя Алеманнами отъ Грековъ; участіе въ этомъ Мануила (5).—Германское войско рѣшается напасть на Турковъ. Благочестивая и сильная рѣчь Конрада къ войску. Жестокая битва и знаменитая побѣда надъ Турками (6).

Книга 2. Рожеръ, король сицилійскій, занимаетъ Корциру, опустошаетъ Акарнанію, Этолію и приморскій берегъ, входитъ въ Беотію, овладѣваетъ Акрокоринѳомъ и разграбляетъ Коринѳъ (1).—Походъ Мануила противъ Сицилійцевъ. Осада Корциры. Смерть великаго Вождя Контостефана (2).—Пророчество о ней патріарха Козьмы. Мѣсто Контостефана занимаетъ великій Доместикъ (3).—Мануилъ, продолжая осаду Корциры, устрояетъ деревянную лѣстницу въ видѣ башни, по которой поднимаются Пуака и еще 400 ратниковъ. Лѣстница ломается, при чемъ большая часть людей гибнетъ, а Пуака, къ общему удивленію, спасается (4).—Кровавый мятежъ между Греками и Венеціанцами и его прекращеніе. Новая осада и сдача Корциры (5).—Неудачный походъ Мануила въ Сицилію. Опустошеніе Сербіи. Удачныя дѣйствія Михаила Палеолога противъ Сицилійцевъ (6).—Походы Мануила противъ Сербовъ и Венгровъ, кончившіеся триумфомъ. Неудачная битва Каламанна со Скиѳами. Алексѣй Врѣенвій, Іоаннъ Дука и Константинъ Ангелъ попадаютъ въ

плѣнъ къ Сицилійцамъ (7).—По убѣжденію римскаго первосвященника, Мануиль заключаетъ миръ съ Роже-ромъ; но спустя не много времени взаимная вражда между ними обнаруживается съ новою силою (8).

✓ **Книга 3.** Венгерскій походъ Мануила. Опустошительные набѣги Гунновъ (1).—Кровосмѣсничество Мануила и Андроника. Заключение Андроника въ тюрьму, его бѣгство, при содѣйствіи жены, и новое заключение (2).—Мануиль учреждаетъ въ Антиохіи потѣшныя кавалерійскія битвы. Распущенныя войска Мануиловы терпятъ поражение отъ Турковъ (3).—Ослѣпленіе Θεодора Стипіота по навѣтамъ Логовета Каматира. Воззваніе Никиты къ божественному провидѣнію. Характеръ Каматира, его пьянство и прожорливость (4).—Второй бракъ Мануила. Воззваніе Никиты къ Богу по поводу опустошительныхъ набѣговъ со стороны Турковъ. Вражда между Иконійскимъ Султаномъ и Каппадокійскимъ топархомъ. Пріѣздъ Султана къ Мануилу и его великолѣпный пріемъ. Землетрясеніе. Безразсудство одного Агарянина, захотѣвшаго быть вторымъ Икаромъ (5).—Султанъ, получивъ отъ Мануила великолѣпные дары, по возвращеніи въ Иконію нарушаетъ данное имъ обѣщаніе, нападаетъ на подданныхъ Мануила и мучитъ ихъ (6).—Притворная дружба между Султаномъ и Мануиломъ. Набѣги и опустошенія съ той и другой стороны (7).

Книга 4-я. Напрасныя усилія Мануила сдѣлать царемъ Панноніи Стефана, брата царя Гунновъ. Гунны отравляютъ Стефана, за что Мануиль объявляетъ имъ войну (1).—Андроникъ, послѣ неоднократнаго избавленія отъ оковъ, примиряется наконецъ съ Мануиломъ (2).—Походъ Мануила въ Паннонію и завоева-

ніе города Зевгмина (3).—Сербскій король Десѣ принуждается къ повиновенію. Назначеніе на царство Алексѣя, жениха Маріи, дочери Мануила отъ брака съ принцессою алеманскою. Андроникъ противится этому назначенію (4).—Андроникъ своими непозволительными связями съ Филиппою, сестрою императрицы, и съ Θεодорою, вдовою Балдуина, навлекаетъ на себя ненависть Мануила и съ своими дѣтьми и Θεодорою убѣгаетъ къ Халдейскому Султану (5).—Мануиль принуждаетъ Протостратора Алексѣя, чловѣка ни въ чемъ не виноватаго, вступить въ монашество. Причина нерасположенія Мануила къ Алексѣю (6).—Ослѣпленіе знаменитыхъ обманщиковъ: Аарона, Склира и Сикидита, изъ которыхъ у Аарона впоследствии отсѣченъ былъ и языкъ. Мануиль къ общему удовольствію устрояетъ новыя крѣпости въ Азіи (7).

Книга 5-я. Мануиль назначаетъ начальникомъ надъ войскомъ въ венгерскій походъ Андроника Контостефана. Паннонцы готовятся къ войнѣ (1).—Андроникъ не обращаетъ вниманія на астрологическое суетвѣріе Мануила и одушевляетъ войско къ сраженію (2).—Расположеніе того и другаго войска и сраженіе. Побѣда Андроника и триумфъ Мануила (3).—Походъ Мануила противъ Сербовъ; походъ противъ Египтянъ—при чемъ Іерусалимскій король Америкъ обѣщаетъ помощь (4).—Двоедушныя дѣйствія Америга. Андроникъ осаждаетъ Таміаѳъ и старается овладѣть имъ (5).—Не успѣвъ овладѣть Таміаѳомъ вслѣдствіе обмана со стороны Америга, Андроникъ убѣждаетъ войско возобновить атаку города (6).—Эта новая попытка, вслѣдствіе козней Америга, оказывается напрасною, и Греки на обратномъ пути въ отечество почти всѣ погиба-

ють отъ кораблекрушенія. Сарацины заключаютъ миръ съ Мануиломъ (7).—У Мануила рождается сынъ Алексѣй и назначается на царство. Нареченный зять Мануила занимаетъ царство Паннонское, а Марія, дочь Мануила, выходитъ въ замужество за сына Маркиза Монферратскаго (8).—Раздоръ, война и миръ Мануила съ Венеціанцами (8).

Книга 6-я. Мануилъ, возстановивъ Дорилей и Сувлей, рѣшается напасть на Султана персидскаго и открыто готовится къ войнѣ (1).—Пренебреженіе посольствомъ Султана, который просилъ мира. Мануилъ за свою надменность терпитъ наказаніе: безразсудно вступивъ на опасную дорогу, испытываетъ страшное пораженіе (2).—Опасности, которымъ лично подвергается Мануилъ и которыя съ трудомъ преодолеваетъ, потерявъ множество войска и нѣсколькихъ знаменитыхъ родственниковъ (3).—Новыя опасности и новое отъ нихъ избавленіе. Наконецъ Мануилъ соединяется съ своими легіонами и, молча, выслушиваетъ жестокіе упреки со стороны одного наглеца (4); — намѣревается тайно бѣжать, но, услышавъ обличеніе со стороны простаго воина, оставляетъ свое намѣреніе. Султанъ предлагаетъ миръ. Спасеніе греческаго войска. Сновидѣнія Мануила и Мавропула предъ этою несчастною битвою (5).—Персы и по заключеніи мира нападаютъ на Грековъ. За несоблюденіе Мануиломъ условій мира Султанъ нападаетъ на греческія области (6).—Пораженіе и истребленіе персидскаго войска, когда оно съ добычею возвращалось изъ похода (7).—Новый неудачный походъ Мануила противъ Персовъ. Турки безъ успѣха осаждаютъ Клавдіополь (8).

Книга 7-я. Двоедушныя отношенія Мануила къ королю Фридерiku. Осада и защита Анконы (1).—Сужденіе Никиты о Мануилѣ. Грабительство и расточительность Мануила, его слѣпая привязанность къ иноземцамъ и отсюда крайнее разстройство государства (2).—Великолѣпныя постройки Мануила и его строгость къ монахамъ (3).—Его невнимательность къ военной дисциплинѣ и отсюда порча войска (4). — Его занятія Богословіемъ (5). — Его безумный указъ объ ученіи Магометовомъ (6).—Достопримѣчательное предсказаніе о смерти Мануила. Его смерть и погребеніе (7).

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ КОМНИНА, СЫНА МАНУИЛОВА.

Вступленіе на царство малолѣтняго Алексѣя. Бѣдственное положеніе государства (1).—Андроникъ Комнинъ, главнѣйшій виновникъ всѣхъ будущихъ бѣдствій, примирившись съ Мануиломъ, отправляется на жительство въ Эней (2).—Въ своемъ уединеніи онъ замышляетъ овладѣть царствомъ (3).—Кесарисса Марія, сестра малолѣтняго императора, негодуя на Протосеаста Алексѣя за его полновластіе при дворѣ, составляетъ заговоръ (4).— Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, она возбуждаетъ въ Константинополѣ мятежъ (5). Слѣдствія этого мятежа; усилія Протосеаста; кровавая битва (6).— Мужъ Маріи побуждаетъ своихъ приверженцевъ возобновить битву и нападаетъ на войско Протосеаста. Возстановленіе мира патріархомъ Θεодосіемъ (7).—По кознямъ Протосеаста, патріархъ лишается своего мѣста, но, спустя не много времени, снова возвращается на свой тронъ (8).—Андроникъ открыто домогается царства и, не смотря на всѣ усилія и противодѣйствія Протосеаста, не оставляетъ своего намѣренія (9).—

Флотъ Протосеаста, посланный противъ Андроника. Переходъ на сторону Андроника посланника Ксифилина, великаго Вождя и почти всѣхъ придворныхъ (10). Положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Заключение въ оковы и ослѣпленіе Протосеаста. Изгнаніе изъ города Латинянъ (11).—Предвѣстія. Встрѣча и разговоръ патріарха съ Андроникомъ (12).—Встрѣча Андроника съ императоромъ и его матерью. Сожженіе одного нищаго. Андроникъ при гробѣ Мануила (13).—Андроникъ распоряжается государственными дѣлами по своему произволу. Его жестокіе поступки съ людьми знаменитыми. Ослѣпленіе Іоанна Кантакузина. Отравленіе ядомъ Кесариссы Маріи и ея мужа (14).—Противозаконный бракъ Алексѣя, незаконорожденнаго сына Мануила, съ Ириною, незаконорожденною дочерью Андроника. Удаленіе Θεодосія отъ патріаршества и избраніе на его мѣсто Василія Каматира (15).—Непріязненные дѣйствія султана Иконійскаго на Востокѣ. Возстаніе великаго Доместика Іоанна Комнина противъ Андроника. Смерть Іоанна и ослѣпленіе дѣтей его. Вѣнчаніе малолѣтняго Алексѣя (16).—Козни Андроника противъ императрицы. Заговоръ противъ Андроника и его слѣдствія. Жалкая смерть императрицы (17).—Назначеніе и провозглашеніе Андроника императоромъ. Предпочтеніе его Алексѣю, сыну Мануилову, котораго, спустя не много времени, Андроникъ лишаетъ не только царства, но и жизни (18).

ЦАРСТВОВАНИЕ АНДРОНИКА КОМНИНА.

Книга 1-я. Бракъ Андроника съ Агнессою, вдовою Алексѣя. Достойная награда Архіереямъ—угодникамъ Андроника. Неудачное предпріятіе Лапарды: ослѣпле-

ніе и заключеніе его въ монастырь (1).—Походъ Андроника противъ Никеи и осада этого города (2).—Погибель Θεодора Кантакузина. Сдача Никеи. Жестокость Андроника къ городскимъ жителямъ (3).—Взятіе Прузы и жестокость Андроника къ Прузейцамъ. Ослѣпленіе Θεодора Ангела и казни многихъ вельможъ. Опасность, какой подвергался Андроникъ на театрѣ (4).—Занятіе Исаакомъ Комнинымъ острова Кипра и его тираннія. Опасенія Андроника по этому поводу (5).—Андроникъ казнить смертію своихъ приближенныхъ совѣтниковъ: Константина Макродуку и Андроника Дуку. Ужасъ народа при этомъ случаѣ. Казнь братьевъ Севастіановъ (6).—Алексѣй Комнинъ возбуждаетъ короля Сицилійскаго противъ Грековъ. Сицилійцы занимаютъ Диррахій и Θεссалонику. Бѣдствія Θεссалоникцевъ по сдачѣ города (7).—Страшныя жестокости Сицилійцевъ съ жителями, оставшимися въ домахъ (8).—Ихъ безчеловѣчіе съ несчастными, скитавшимися по улицамъ и площадямъ; ихъ наглость съ людьми, собиравшимися въ храмахъ для молитвы. Евстафій, епископъ солунскій, своимъ заступничествомъ облегчаетъ участь своихъ согражданъ (9).—Жестокость Андроника къ своей дочери Иринѣ и ея мужу. Жестокая казнь Мамала, бывшаго секретаремъ у мужа Ирины (10).—Заключеніе въ оковы Георгія Дисипата, бывшаго чтецомъ Великой Церкви, и ослѣпленіе Константина Трипсиха, самаго усерднаго исполнителя жестокостей Андроника (11).

Книга 2-я. Неудачное противодѣйствіе Андроника Сицилійцамъ (1).—Его приготовленія къ защитѣ Константинополя. Безпечность, роскошь, стража, собака, жестокость Андроника (2).—Добрыя качества Андро-

ника, его милосердіе къ бѣднымъ и заботливость о дѣлахъ государственныхъ (3).—Рѣчь Андроника о перадѣниіхъ прежнихъ императоровъ (4).—Строгость Андроника обезопасиваетъ участь несчастныхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Распоряженія Андроника, клонящіяся къ упроченію общественнаго благосостоянія. Его справедливость къ подданнымъ и строгость къ притѣснителямъ народа. Его любовь къ ученымъ и нерасположеніе къ богословскимъ спорамъ (5).—Статуи, воздвигнутыя Андроникомъ. Возобновленіе храма 40-ка мучениковъ (6).—Жестокое намѣреніе Андроника казнить смертію всѣхъ, заключенныхъ въ темницы, равно какъ и всѣхъ ихъ родственниковъ (7).—Приговоръ, составленный по этому случаю. Протестъ противъ него Мануила, сына Андроникова (8).—Андроникъ хочетъ узнать чрезъ волхвователей, кто будетъ его преемникомъ (9).—Убіеніе Агіохристорита, который хотѣлъ схватить Исаака Ангела. Исаакъ убѣгаетъ въ храмъ и возмущаетъ народъ (10).—Тщетныя усилія Андроника остановить мятежъ. Іоаннъ Дука домогается престола; но народъ провозглашаетъ императоромъ Исаака Ангела. Бѣгство Андроника (11).—Чернь разграбляетъ дворецъ. Взятіе въ плѣнъ Андроника и его мучительная смерть (12).—Наружность Андроника и образъ жизни; его погребеніе и пророчество о его погибели (13).

НИКИТЫ ХОНИАТА

ИСТОРІЯ,

НАЧИНАЮЩАЯСЯ

СЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА РОМНИНА.

1. Исторія придумана на общую для всѣхъ ользу въ жизни; изъ ней не мало выгодъ могутъ извлечь люди стремящіеся къ совершенству. Иная событія давно минувшія, она и объясняетъ войства человѣческія, и сообщаетъ разнообразную опытность тѣмъ, кто имѣетъ душу возвышенную и питаетъ врожденную любовь къ добру. смѣивая пороки и превознося добродѣтели, она юдей, склонныхъ къ добру и злу, большею частью удерживаетъ отъ зла и побуждаетъ преусѣвать въ добрѣ, если только они не отъ постыдой привычки отъ дурныхъ наклонностей ерадятъ о мнѣ безной добродѣтели. Къ тому же, люди, вошедшіе въ Исторію, становятся нѣкоторымъ образомъ бессмертными, хотя они заплатили дань смерти и давно уже окончили свою жизнь; потому что о нихъ хранится хорошая или урная слава, смотря потому, хорошо или худо ни жили. Душа ихъ перешла въ другую жизнь и тѣло разложилось на свои составныя части, а

о томъ, что они сдѣлали въ жизни, будутъ ли то дѣла святые и праведныя, или незаконныя и ненавистныя, жили ли они благополучно, или непустили духъ въ несчастіи,—громко говоритъ Исторія. Поэтому Исторія справедливо можетъ быть названа также и своего рода книгою живыхъ, и звучною трубою, которая какъ бы изъ могилъ воскрешаетъ давно уже умершихъ и представляетъ ихъ на видъ всякому желающему. Таково-то, сколько я могу сказать вкратцѣ, значеніе Исторіи! А самымъ занимающимся ею она столько доставляетъ удовольствія, что конечно никто не будетъ столько безразсуденъ, что почтетъ что нибудь другое болѣе пріятнымъ, чѣмъ Исторія. Въ самомъ дѣлѣ, что могли бы знать и о чемъ могли бы рассказывать охотникамъ послушать лишь люди состарѣвшіеся, и прожившіе больше Тиѳона (¹), и трехсотлѣтніе старики, если бы они, оставаясь еще въ живыхъ, разшевелили свою память и отрыли въ ней дѣла давно минувшія, то самое расскажетъ и любитель Исторіи, хотя бы онъ еще не вышелъ изъ возраста юности. Посему-то и я не рѣшился пройти молчаніемъ столь многихъ и столь важныхъ событій, которыя совершились въ мое время и нѣсколько раньше, и которыя достойны памяти и повѣствованія. И вотъ эти-то событія я и дѣлаю извѣстными потомству въ настоящей моей книгѣ.

(¹) Тиѳонъ сынъ Лаомедона, супругъ Авроры, получившій отъ Юпитера даръ безсмертія, но безъ вѣчной юности, послѣ продолжительной и дряхлой старости просилъ у боговъ смерти и обращенъ былъ въ стрекозу.

А такъ какъ и самъ я очень хорошо понимаю, да и другіе легко могутъ сообразить, что Исторія чуждается, какъ несоотвѣтственнаго ей, повѣствованія неяснаго, съ выраженіями околичными и періодами запутанными, а напротивъ любитъ изложеніе ясное, не только какъ сообразное съ словами мудраго, но и какъ особенно ей приличное; то, надѣюсь, мое сочиненіе не совѣмъ будетъ чуждо и этого достоинства. Я вовсе не заботился о разсказѣ пышномъ, испещренномъ словами непонятными и выраженіями высокопарными, хотя многіе очень высоко цѣнятъ это, или вѣрнѣе сказать, оставляютъ прошедшее и настоящее и долго упражняются въ этомъ, какъ будто бы въ какомъ-нибудь особенно важномъ дѣлѣ. Напротивъ я и въ этомъ отношеніи всегда предпочиталъ поступать согласно съ требованіями Исторіи и не любилъ дѣлать ей насиліе или совѣмъ выходить изъ нея предѣловъ. Ей болѣе всего противна, какъ я уже сказалъ, рѣчь искусственная и неудобопонятная, и напротивъ она очень любитъ повѣствованіе простое, естественное и легко-понятное. Имѣя главною цѣлію истину и совершенно чуждаясь ораторскаго краснорѣчія и поэтическаго вымысла, она отвергаетъ и то, что составляетъ ихъ отличительный характеръ. Но такъ какъ съ другой стороны, при всей своей важности и досто-почтенности, Исторія любитъ, чтобы ею занимались и землекопы, и кузнецы, и люди покрытые сажею, желаетъ, чтобы ее знали и лица, посвятившія себя военному искусству, не сердится и на женщинъ—поденщицъ, когда онѣ разбираютъ

ее; то она охотно допускаетъ рѣчь изящную и любить наряжаться, но—въ одежду словъ простую и чистую, а отнюдь не пышную и иноземную.

Что касается нашей Исторіи, она при ясности будетъ въ то же время, сколько возможно, и кратка. Но мы просимъ снисхожденія у благосклонныхъ читателей, если, по изложеннымъ причинамъ, она не будетъ отличаться пышною и великолѣпною отдѣлкою,—тѣмъ болѣе, что мы первые приступаемъ къ изложенію настоящаго предмета. Мы рѣшаемся пройти путемъ пустыннымъ и непроложеннымъ, а это и сопряжено съ трудностями, и требуетъ гораздо большихъ усилій, чѣмъ слѣдовать за другими, или идти прямо и неуклонно широкимъ и царскимъ путемъ,—разумѣю Исторію другихъ. Начнемъ же мы свое повѣствованіе съ того, что случилось сряду послѣ смерти перваго изъ семейства Комниныхъ Императора Алексѣя (¹), такъ какъ этимъ государемъ ограничили свой рассказъ все бывшіе до насъ извѣстные историки. Черезъ это наше повѣствованіе будетъ въ связи съ тѣмъ, что они сказали, и рассказъ, продолжаясь такимъ образомъ, уподобится теченію рѣки, выходящей изъ одного источника, или же будетъ походить на рядъ связанныхъ меж-

---

(¹) Это нужно разумѣть о современныхъ писателю Императорахъ изъ семейства Комниныхъ; потому что еще прежде Алексѣя одинъ изъ Комниныхъ занималъ константинопольскій престолъ, именно Исаакъ, преемникъ Михаила Стратіотика и предшественникъ Константина Дуки.

ду собою колецъ, непрерывно тянущійся въ безконечность. Впрочемъ жизнь самодержца Іоанна, который былъ преемникомъ въ правленіи Алексѣю, мы расскажемъ въ краткихъ и общихъ чертахъ, и не будемъ говорить о немъ съ такою же подробностію, съ какою скажемъ о послѣдующихъ Императорахъ; потому что мы и нишемъ о немъ не то, что видѣли своими глазами и что поэтому могли бы рассказать подробно, но что слышали отъ тѣхъ изъ нашихъ современниковъ, которые видѣли этого царя, сопутствовали ему въ походахъ противъ непріятелей и раздѣляли съ нимъ битвы. Но во всякомъ случаѣ лучше начать отсюда.

2. У Императора Алексѣя Комнина было три сына и четыре дочери. Старшій изъ сыновей былъ Іоаннъ, а старше всехъ дѣтей у Алексѣя была дочь Анна, выданная замужъ за Никифора Вріенія и имѣвшая титулъ Кесариссы (¹). Царь и отецъ Алексѣй больше всехъ дѣтей любилъ Іоанна и потому-то, конечно, рѣшившись оставить его наслѣдникомъ царства, далъ ему право носить пурпуровые сапоги и дозволилъ, чтобы его провозглашали царемъ. Напротивъ мать и царица Ирина, отдавъ всю свою любовь дочери Аннѣ, непрестанно клеветала на Іоанна предъ своимъ мужемъ Алексѣемъ, называла его человѣкомъ безразсуднымъ, изнѣженнымъ, легкомысленнымъ и

(¹) Кесарисса — жена Кесаря. Въ прежнее время Кесарь былъ ближайшимъ лицомъ къ царю, но при Кодиѣ онъ занималъ уже третье мѣсто. Codin. de offic. Palat. edit. Bon. p. 176.

явно глухимъ, и постоянно больше всего заботилась о томъ, чтобы царь перемѣнилъ свое о немъ рѣшеніе. Порою же, какъ будто бы къ слову, назвавъ Вріеннія, она превозносила его всякаго рода похвалами, и какъ человѣка весьма красно-рѣчиваго и не менѣе способнаго къ дѣламъ, и какъ человѣка знакомаго съ свободными науками, которыя образуютъ нравы и не мало содѣйствуютъ будущимъ правителямъ къ непостыдному царствованію. Алексѣй, слушая это и зная расположеніе матери къ Аннѣ, иногда притворялся занятымъ важнѣйшими и нужнѣйшими дѣлами и показывалъ видъ, будто совсѣмъ не обращаетъ вниманія на ея слова, иногда увѣрялъ, что онъ подумаеть о ея словахъ и не пренебрежетъ ея просьбою, а однажды не могъ сдержатъ себя и сказать нѣчто въ такомъ родѣ: «жена, участница моего ложа и царства! Ужели ты не перестанешь совѣтовать мнѣ того, что благопріятно твоей дочери, стараясь нарушить похвальный порядокъ, какъ будто бы ты съ ума сошла? Оставь меня въ покоѣ! Или лучше, давай, раземотримъ вмѣстѣ, кто изъ всѣхъ прежнихъ римскихъ Императоровъ, имѣя сына, способнаго царствовать, пренебрегъ имъ и предпочелъ ему зятя? Если же когда нибудь и были подобные случаи, не станемъ, жена, считать закономъ того, что бывало рѣдко. А надо мною и особенно стали бы громко смѣяться всѣ Римляне ⁽¹⁾ и меня сочли бы

(1) Никита Хоніатъ, подобно другимъ византійскимъ историкамъ, подъ именемъ Римлянъ, вездѣ разумѣетъ Грековъ, а Римлянъ обыкновенно называетъ Латинянами.

за сумасшедшаго, еслибы я, получивъ царство не путемъ законнымъ, но кровью родныхъ и средствами, не согласными съ христіанскими постановленіями, при назначеніи наслѣдника, отвергъ своего роднаго сына и принялъ къ себѣ Македонянина:—такъ онъ называлъ Вріеннія, по его происхожденію изъ Орестіи ⁽¹⁾, одного изъ счастливыхъ и важнѣйшихъ городовъ Македоніи. Впрочемъ и послѣ такихъ словъ, сказанныхъ съ твердостью, Алексѣй опять предъ царицею Ириною показывалъ видъ человѣка, отнюдь ей не отказывающаго, и всегда успокоивалъ свою жену притворнымъ увѣреніемъ, что онъ о ея словахъ размышляетъ. Это былъ человѣкъ, какъ нельзя болѣе скрытный, крайнюю осторожность всегда считалъ дѣломъ мудрымъ и обыкновенно не любилъ разсказывать о томъ, что хотѣлъ дѣлать. Когда же насталъ конецъ его жизни и онъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи въ великолѣпныхъ палатахъ, построенныхъ въ манганскомъ монастырѣ ⁽²⁾,—сынъ его Іоаннъ, видя, что отецъ приближается къ смерти, и зная, что мать ненавидитъ его и заботится о предоставленіи царства сестрѣ, входитъ въ сношеніе касательно плана своихъ дѣйствій съ тѣми изъ родныхъ, которые ему благопріятствовали и между которыми главнымъ былъ братъ Исаакъ. Въ слѣдствіе этого,

(1) Нынѣшній Адрианополь.

(2) Это—огромнѣйшій мужской монастырь въ Константинополѣ, построенный Константиномъ Мономахомъ во имя Великомученика Георгія. Здѣсь былъ и царскій дворецъ, построенный Василиемъ Македоняниномъ. Corp. Script. Hist. Byzant. Edit. Paris. vol. XX. pag. 42.

тайно отъ матери, входитъ въ спальню къ отцу и, припавъ къ нему, какъ бы для того, чтобы оплакать его, тихонько снимаетъ съ его руки перстень съ изображеніемъ печати. Нѣкоторые впрочемъ говорятъ, что онъ это сдѣлалъ съ согласія отца, какъ это и можно заключать изъ того, что мы, спустя немного, скажемъ. Велѣдъ за тѣмъ, Іоаннъ тотчасъ же собралъ своихъ соучастниковъ и, рассказавъ имъ о случившемся, поспѣшно отправился верхомъ въ сопровожденіи оруженосцевъ къ большому дворцу (¹), при чемъ какъ въ самомъ манганскомъ монастырѣ, такъ равно и по городскимъ улицамъ, приверженная къ нему толпа и жители города, собравшіеся по слуху объ этомъ событіи, привѣтствовали его царемъ-самодержцемъ. Царица Ирина, мать Іоанна, испугавшись этихъ происшествій, пославъ за сыномъ, звала его къ себѣ и убѣждала удержаться отъ его предпріятія. Но такъ какъ Іоаннъ, вполнѣ отдавшись своему дѣлу, нисколько не обращалъ вниманія на мать, то она побуждаетъ Вріеннія присвоить себѣ царство, обѣщая ему свое содѣйствіе. Когда же увидѣла, что и тутъ расчеты ея не удаются,—приходитъ къ мужу, распростертому на одрѣ и лишь краткимъ дыханіемъ обнаруживающему въ себѣ жизнь, повергается на его тѣло и, проливая слезы, какъ источникъ черной воды, громко жалуется на сына за то, что онъ еще при жизни отца, затѣявъ заговоръ, похищаетъ царство. Но мужъ ничего не отвѣтилъ на

(¹) Такъ называется главный дворецъ въ отличіе отъ прочихъ.

ея слова, будучи естественно занятъ при концѣ жизни другими важнѣйшими дѣлами, помышляя о наступающей кончинѣ и обращая взоры къ Ангеламъ—посмертнымъ душеводителямъ. Когда же царица стала сильнѣе настаивать и крайне огорчалась поступками сына, Алексѣй принужденно улыбнулся и поднялъ руки къ небу. Это онъ сдѣлалъ вѣроятно отъ радости, которую испыталъ, узнавъ о случившемся, и желая возблагодарить за то Бога, а можетъ быть этимъ онъ хотѣлъ выразить упрекъ и укоризну женѣ за то, что она заводитъ рѣчь о царствѣ въ минуты разлученія души съ тѣломъ, или наконецъ чрезъ это онъ испрашивалъ у Бога прощенія въ своихъ согрѣшеніяхъ. Но жена подумала, что мужъ непременно радуется полученному отъ ней извѣстію, и потому, какъ совершенно потерявшая все прежнія надежды и обманувшаяся въ обѣщаніяхъ, съ глубокимъ вздохомъ сказала: «мужъ! ты и при жизни отличался всевозможнымъ коварствомъ, любя говорить не то, что думалъ, и теперь, разставаясь съ жизнью, не измѣняешь тому, что любилъ прежде». Между тѣмъ Іоаннъ, прибывъ къ большому дворцу, не легко нашелъ въ него доступъ; потому что стража не довольствовалась тѣмъ, что онъ показалъ перстень, но требовала еще и другаго доказательства на то, что онъ прибылъ туда по приказанію отца. Велѣдствіе этого дворцовыя ворота, будучи нѣсколько приподняты съ одного конца широкими мѣдными полосами, падаютъ на землю,—и такимъ образомъ и самъ онъ легко вошелъ, и съ нимъ вошли его

оруженосцы и родственники. Въ то же время не мало вторглось людей и изъ случайно сбѣжавшейся и сопровождавшей его толпы, которые и стали грабить все, что ни попало. Когда же ворота снова были заперты, то и бывшіе внѣ дворца не могли больше входить въ него, и тѣ, которые вошли, не имѣя позволенія выходить, въ теченіи многихъ дней жили въ немъ вмѣстѣ съ царемъ. Это было въ пятнадцатый день мѣсяца Августа. А въ слѣдующую ночь царь Алексѣй скончался, царствовавъ тридцать семь лѣтъ и четыре мѣсяца съ половиною. На другой день рано утромъ мать тотчасъ же посылаетъ за Іоанномъ, приглашая его выйти къ торжественному выносу отцовскаго тѣла, которое немедленно имѣетъ быть поднято и отвезено въ монастырь, воздвигнутый Алексѣемъ во имя человѣколюбца—Христа. Но Іоаннъ не послушался матери и отказался отъ приглашенія не потому, чтобы онъ пренебрегалъ властію матери, или не хотѣлъ отдать честь отцу, но потому, что опасался за свою еще не утвердившуюся власть и боялся соперниковъ, которые втайнѣ горѣли еще желаніемъ царствовать. Посему - то самъ онъ не оставилъ дворца, держась его, какъ полипы держатся за камни, а большую часть бывшихъ съ нимъ родныхъ отправилъ на выносъ отца.

3. Когда же прошло много дней и онъ былъ уже въ безопасности; то дозволилъ всякому желающему и входить во дворецъ и выходить изъ него, и сталъ распоряжаться государственными дѣлами по своему усмотрѣнію. Съ людьми близ-

кими къ нему по родству и дружбѣ онъ обходился сообразно съ ихъ достоинствомъ, и отдавалъ каждому соотвѣтственную ему честь. А къ родному брату Исааку до того былъ привязанъ, что, казалось, сросся съ нимъ и дышалъ однимъ съ нимъ воздухомъ; частію потому, что и тотъ любилъ его больше всѣхъ, но особенно потому, что онъ исключительно, или, по крайней мѣрѣ, преимущественно помогъ ему получить царство. При самомъ началѣ царствованія онъ раздѣлилъ съ нимъ свое сѣдалище и трапезу, и удостоилъ его провозглашенія, соотвѣтствующаго достоинству Севастократора ⁽¹⁾, которымъ Исаакъ почтенъ былъ отъ отца своего Алексѣя. И надзирающими надъ общественными дѣлами онъ также сдѣлалъ людей близкихъ ему по крови, именно Іоанна Комнина, котораго почтилъ и достоинствомъ Паракимомена ⁽²⁾, и Григорія Таронита, бывшаго Протовестіаріемъ ⁽³⁾. Но такъ какъ Іоаннъ хотѣлъ распоряжаться всѣмъ по своему

⁽¹⁾ Достоинство Севастократора придумано Алексѣемъ Комнинымъ для старшаго брата Исаака. Севастократоръ былъ выше Кесаря, и имя его провозглашалось вслѣдъ за именемъ царя. Но замѣчанію Кодина, съ званіемъ Севастократора, равно какъ съ званіемъ Деспота и Кесаря, не было соединено никакой должности. Codin. ed. Вон. р. 174.

⁽²⁾ *Παρακλιόμενος* отъ *παράκλιος*—возлѣ сплю, лежу, стою на стражѣ. Такъ называлось главное лице, завѣдывавшее царскою спальнею и всею прислугою при спальнѣ и имѣвшее въ своемъ распоряженіи начальника надъ спальнею (*προκαθήμενος τοῦ κλιτύου*) Codin. pp. 186 et 202.

⁽³⁾ *Πρωτοβεσιάριος*—такъ назывался главный начальникъ надъ царскимъ гардеробомъ. По Кодину онъ занималъ шестое мѣсто въ ряду придворныхъ должностей. Codin. p. 178.

произволу, велъ себя надменно и былъ гордъ, какъ никто другой, то скоро сложили съ себя званіе надзирателя за общественными дѣлами. Напротивъ Григорій, исполняя обязанности своего званія, велъ себя скромно и не выходилъ изъ предѣловъ своей власти, и потому пользовался ею постоянно. Впослѣдствіи ему приданъ былъ въ товарищи нѣкто другой Григорій, по прозванію Каматиръ. Это былъ человѣкъ знаменитый, но рода не знатнаго и отнюдь не богатаго. Будучи принятъ царемъ Алексѣемъ въ число Секретарей, онъ объѣзжалъ провинціи, назначалъ имъ подати, и, собравъ чрезъ то огромное богатство, захотѣлъ чрезъ бракъ породниться съ царемъ. И когда дѣйствительно женился на одной изъ его родственницъ,—сдѣланъ былъ Секретологоетомъ⁽¹⁾. Но больше всѣхъ имѣлъ силы при этомъ царѣ и пользовался первыми почестями Іоаннъ Аксухъ, родомъ Персіанинъ. Въ то время, какъ Ваймундъ, на походъ въ Палестину, освободилъ изъ подъ власти Персовъ главный городъ вифинскій—Никею, вмѣстѣ съ городомъ взять былъ и Аксухъ и представленъ въ даръ царю Алексѣю. Такъ какъ онъ былъ ровесникомъ царю Іоанну, то принятъ былъ въ товарищи ему по забавамъ и сдѣлался самымъ любимымъ лицомъ между всѣми служившими въ комнатахъ и при спальнѣ. А когда Іоаннъ возшелъ

⁽¹⁾ Λογοθέτης τῶν секретῶν. По Дюканжу — начальникъ государственнаго казначейства; но, по мнѣнію другихъ толкователей, Логоетъ τῶν секретῶν былъ государственнымъ канцлеромъ и не отличался отъ великаго Логоета. Codin. ed. Bonn. p. 182.

на царство, онъ, будучи почтенъ званіемъ великаго Доместика⁽¹⁾, получилъ такую силу, какой никто не имѣлъ при прежнихъ царяхъ, такъ что многіе изъ знаменитыхъ людей по своему родству съ царскимъ домомъ, случайно встрѣтившись съ нимъ, сходили съ коня и отдавали ему поклонъ. Впрочемъ руки этого человѣка были не только опытны въ войнѣ, но и скоры и готовы на благотвореніе нуждающимся. А такое его великодушіе и благородство характера много прикрывали незнатность его рода и дѣлали его любимымъ у всѣхъ.

Но царю не исполнилось еще и года, какъ уже родные, неизвѣстно какимъ образомъ, изъ ненависти и зависти, устроятъ противъ него заговоръ. Составивъ злой умыселъ и поклявшись другъ другу въ вѣрности, всѣ они пристають къ сторонѣ Вріеннія и предоставляютъ ему царство, какъ человѣку, который знаетъ словесныя науки, одаренъ царскою наружностію и имѣетъ преимущество предъ другими по родству съ царемъ; потому что, какъ мы выше сказали, онъ былъ женатъ на сестрѣ царя, Кесариссѣ Аннѣ, которая также занималась главною изъ всѣхъ наукъ—философіею и была свѣдуша во всемъ. И когда царь ночевалъ въ филопатійскомъ циркѣ, находящемся недалеко отъ земляныхъ воротъ,—они, вѣрно, ночью напали бы на него съ

⁽¹⁾ Такъ назывался главный начальникъ, или вожь сухопутнаго войска. У Кодина въ спискѣ должностей онъ слѣдуетъ за Кесаремъ и занимаетъ четвертое мѣсто. Codin. p. 176.

оружіемъ убійць, напередъ подкупивъ богатыми дарами начальника надъ городскими воротами, если бы Вріенній не разстроилъ ихъ замысла. По своей обычной безпечности и недостатку энергій, нужной для овладѣнія царствомъ, онъ и самъ забылъ объ условіи и спокойно оставался дома, и былъ причиною охлажденія жара въ заговорщикахъ. Говорятъ, что при этомъ случаѣ Кесарисса Анна, негодуя на такую безпечность своего мужа, отъ ярости скрежетала зубами, какъ жестоко обиженная, и горько жаловалась на природу, немало обвиняя ее въ самыхъ срамныхъ выраженіяхъ за то, что ее она сдѣлала женщиною, а Вріеннія мужчиною. Когда же днемъ заговорщики были открыты, ни одинъ изъ нихъ не былъ ни изувѣченъ, ни наказанъ бичами, но все лишены были имущества. А спустя немного времени и самое имущество было возвращено большей части изъ нихъ, начиная съ самой зачинщицы заговора Кесариссы Анны, которой прежде всѣхъ царь оказалъ челоуѣколюбіе. Поводомъ къ этому было вотъ какое обстоятельство. Когда царь Іоаннъ осматривалъ имущество Кесариссы, сложенное въ одномъ домѣ и состоявшее изъ золота, серебра, всякаго рода сокровищъ и разнообразныхъ одеждъ, то при этомъ случаѣ сказалъ: «со мною случилось не то, чего бы слѣдовало ожидать по обыкновенному порядку: родные оказались мнѣ врагами, а чужіе-друзьями; поэтому нужно, чтобы и богатство ихъ перешло къ друзьямъ»;—и дѣйствительно приказалъ великому Доместику взять все себѣ. Но тотъ, поблагодаривъ

царя за столь великую щедрость, попросилъ у него дозволенія сказать свое мнѣніе и, когда получилъ это дозволеніе, сказалъ: «хотя сестра твоя, царь, покусилась на дѣло беззаконное и крайне преступное, и самымъ дѣломъ отреклась отъ родства съ тобою, но съ потерей естественнаго расположенія, не потеряла и природнаго названія; а оставаясь родною сестрою добраго царя, она чрезъ раскаяніе, при пособіи природы, опять можетъ снискать ту любовь, которую теперь погубила по безумію. Пощади же, государь, однородную, оскорбившую твое державное величество, и накажи челоуѣколюбіемъ ту, которая уже открыто признаетъ себя побѣжденною твоею благодію; отдай ей и это, лежащее на глазахъ, имущество, не какъ справедливый долгъ, но какъ добровольный даръ. Вѣдь она съ большимъ правомъ, чѣмъ я, будетъ владѣть этимъ имуществомъ, такъ какъ оно составляетъ ее отцовское наслѣдство и опять перейдетъ въ ея потомство». Убѣжденный или, вѣрнѣе сказать, тронутый этими словами, царь охотно согласился на представленіе Аксуха, сказавъ: «я былъ бы недостоинъ царствовать, если бы ты, пренебрегши столь великимъ и столь легкимъ пріобрѣтеніемъ, превзошелъ меня въ челоуѣколюбіи къ моему семейству». И дѣйствительно, онъ все возвратилъ Кесариссѣ и примирился съ нею. Что же касается матери и царицы Ирины,—она отнюдь не была уличена въ участіи въ заговорѣ противъ сына; а напротивъ, узнавъ впослѣдствіи о заговорѣ, она, говорятъ, даже произнесла

и это мудрое правило: «надобно искать царя, когда его нѣтъ, и не трогать его съ мѣста, когда онъ есть», и при томъ сказала: «какое великое мученіе готовили мнѣ убійцы моего сына,—мученіе, безъ сомнѣнія, болѣе тяжкое, чѣмъ муки, испытанныя при его рожденіи! Эти послѣднія вызывали, по крайней мѣрѣ, на свѣтъ плодъ, носимый во чревѣ, а то, исходя изъ глубины ада и проходя сквозь мою утробу, причиняло бы мнѣ непрестанную скорбь».

4. Послѣ сего царь, видя, что Персы ни во что ставятъ договоръ, заключенный съ его отцемъ, и во множествѣ нападаютъ на города, расположенные во Фригіи при рѣкѣ Меандрѣ, съ началомъ весны выступилъ противъ нихъ въ походъ и, послѣ многократныхъ побѣдъ надъ ними въ сраженіяхъ, овладѣлъ Лаодикією и окружилъ ее стѣнами, изгнавъ Алпихара, которому ввѣрена была ея защита. Затѣмъ приведя въ надлежащій порядокъ и все прочія дѣла, онъ возвратился домой; но, проживъ въ Византіи недолго, онъ снова оставляетъ дворецъ и переселяется въ лагерь, для предотвращенія варварскихъ набѣговъ, справедливо полагая, что въ случаѣ неготовности отразить ихъ, они легко могутъ нанести большой вредъ. Онъ охотно проводилъ время въ походахъ, надѣясь чрезъ это достигнуть двухъ весьма важныхъ выгодъ,—и охраненія своихъ провинцій, которыя обезопасиваются по большей части такимъ движеніемъ войскъ въ открытомъ полѣ,—и обученія военнымъ дѣламъ и окрѣпости своихъ легионовъ, которые, живя не въ домахъ, трудомъ и по-

томъ закаляются, какъ раскаленное желѣзо отъ погруженія въ воду. И такъ, онъ выступаетъ въ походъ съ намѣреніемъ овладѣть Созополемъ, городомъ Памфиліи. Но какъ не легко было взять этотъ городъ силою, и по причинѣ находившагося въ немъ гарнизона, и по трудно доступной и скалистой мѣстности, на которой онъ былъ расположенъ; то царь, по божественному внушенію, употребляетъ слѣдующую хитрость. Поручивъ конницу нѣкому Пактіарію, онъ приказываетъ ему какъ можно чаще появляться въ виду Созополя и бросать на стѣны стрѣлы; если же непріатели выйдутъ,—бѣжать назадъ и, не вступая въ сраженіе, проходить узкія и лѣсистыя тропы, находящіяся недалеко отъ города. Какъ царь приказалъ, такъ Пактіарій и дѣлалъ. И какъ Персы часто выходили изъ Созополя и далеко преслѣдовали Пактіарія, то онъ искусно вводитъ въ обманъ непріателей, поставивъ въ узкомъ мѣстѣ засаду. При одномъ изъ такихъ нападеній Турки, не предполагая засады, особенно упорно и далеко преслѣдовали Римлянъ, такъ что неосторожно прешли и тѣснины. Тогда бывшіе въ засадѣ Римляне, видя, что Персы беззаботно во всю мочь гонятся за ихъ товарищами и думаютъ лишь о томъ, какъ бы догнать бѣгущихъ, тотчасъ же поднимаются изъ засады и идутъ прямо къ Созополю. Когда же вскорѣ за тѣмъ и бѣгущіе обратились назадъ, то Турки очутились въ срединѣ и, не имѣя возможности ни опять войти въ городъ, потому что вышедшіе изъ засады Римляне заняли входы, ни убѣжать отъ тѣхъ, которые прежде

бѣжали, а теперь—тѣснили ихъ сзади, — частію были переловлены, частію легко побиты мечами, и лишь не многіе спаслись, благодаря отличному качеству своихъ лошадей. Такимъ-то образомъ Созополь взятъ былъ Римлянами по одному благо-разумному распоряженію царя. Велѣдъ за тѣмъ царь овладѣлъ крѣпостью, которая называлась Іеракокорифитисъ (ястребиная вершина), и покорилъ весьма многіе другіе города и укрѣпленія, прежде платившіе дань Римлянамъ, а тогда бывшіе въ союзѣ съ Персами.

На пятомъ году своего царствованія Іоаннъ выступаетъ въ походъ противъ Скивовъ, которые стали опустошать Оракію, уничтожая хуже сарацины все, что ни встрѣчалось. Собравъ римскія войска, онъ вооружился, сколько можно сильнѣе, не только потому, что непріятелей было почти безчисленное множество, но и потому, что варвары выказывали надменность и съ хвастовствомъ смѣло и сильно наступали. Къ тому же, онъ, кажется, вспомнилъ, что потерпѣлъ прежде, когда римскимъ скипетромъ владѣлъ Алексѣй Комнинъ, и когда занята была Оракія и опустошена большая часть Македоніи. Сначала, употребивъ военную хитрость, царь отправляетъ къ Скивамъ пословъ, которые говорили однимъ съ ними языкомъ, чтобы какъ нибудь склонить ихъ къ договору и отклонить отъ войны всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ они раздѣлялись на многія племена и отдѣльно раскидывали свои шатры. Заманивъ къ себѣ этимъ способомъ нѣкоторыхъ изъ ихъ начальниковъ, онъ оказалъ

имъ всевозможную ласковость, предложилъ роскошное угощеніе, очаровалъ и обворожилъ ихъ подарками, состоявшими изъ шелковыхъ одеждъ и серебряныхъ чашъ и кастрюль. Отуманивъ и разстроивъ такими ласками умы Скивовъ, онъ рѣшился, нисколько не медля, вывести противъ нихъ войско и вступить съ ними въ сраженіе, пока они находятся еще въ нерѣшимости и склоняются то туда, то сюда, то есть — и думаютъ заключить съ Римлянами союзъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ обѣщаній, и хотятъ отважиться на войну, какъ уже прежде привыкшіе побѣждать. Итакъ, поднявшись изъ предѣловъ Верои, гдѣ стоялъ лагерь, онъ въ сумерки нападаетъ на Скивовъ. Тогда происходитъ страшная свалка и завязывается ужаснѣйшая изъ когда-либо бывшихъ битва. Ибо и Скивы мужественно встрѣтили наше войско, наводя ужасъ своими конными атаками, бросаніемъ стрѣлъ и криками при нападеніяхъ, и Римляне, однажды вступивъ въ бой, рѣшились сражаться съ тѣмъ, чтобы побѣдить или умереть. При этомъ и самъ царь, имѣя при себѣ друзей и определенное число тѣлохранителей, всегда какъ-то являлся на помощь тамъ, гдѣ была опасность. Между тѣмъ Скивы, руководимые одною нуждою, изобрѣтательницею всего полезнаго, изъ предосторожности ухитрились во время этой битвы вотъ на что. Собравъ всѣ повозки, они расположили ихъ въ видѣ круга и, поставивъ на нихъ не малое число своего войска, пользовались ими, какъ валомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставивъ между ними косые проходы, они, когда

тѣснимы были Римлянами и принуждены были бѣжать, уходили за повозки, какъ за крѣпкую стѣну, и отъ того не подвергались невыгодамъ бѣгства; а потомъ, отдохнувъ, опять выходили оттуда, какъ бы чрезъ отверстыя ворота, и мужественно сражались. Такимъ образомъ эта битва была почти настоящимъ штурмомъ стѣны, внезапно воздвигнутыхъ Скиоами среди открытаго поля, и отъ того Римляне напрасно истощались въ усиліяхъ. Тогда-то Іоаннъ показалъ своимъ подданнымъ образецъ мудрости, ибо онъ не только былъ умный и находчивый совѣтникъ, но и первый исполнялъ на дѣлѣ то, что предписывалъ военачальникамъ и войскамъ. То было дѣло необыкновенное и свидѣтельствовало о его великомъ благочестіи. Когда непріатели всею массою напали на Римлянъ и съ особенною отвагою вступили въ бой, и когда римскія фаланги изнемогали, — онъ, ставъ предъ иконою Богоматери и съ воплемъ и съ умоляющимъ видомъ взирая на нее, проливалъ слезы, болѣе горячія, чѣмъ потъ воиновъ. И не безплодно было это его дѣйствіе: напротивъ, онъ тотчасъ же облекся силою свыше и прогналъ войска скиоскія, какъ нѣкогда Моисей простертіемъ рукъ разсѣялъ полчища Амаликитянъ. Взявъ тѣлохранителей, которые защищаются длинными щитами и заостренными съ одной стороны сѣкирами, онъ несокрушимою стѣною устремляется на Скиоовъ. И когда устроенное изъ повозокъ укрѣпленіе ими было разрушено и отъ того бой сдѣлался рукопашнымъ, — враги опрокидываются и обращаются въ безслав-

ное бѣгство, а Римляне смѣло ихъ преслѣдуютъ. Тогда тысячами падаютъ эти жители повозокъ, и лагери ихъ разграбляются. Что же касается до военнопленныхъ, то ихъ оказывается безчисленное множество, равно какъ и тѣхъ, которые добровольно отдались изъ любви къ пленнымъ единоплеменцамъ, такъ что изъ нихъ въ одной западной римской провинціи составлены были цѣлыя селенія, отъ которыхъ небольшіе остатки существуютъ еще и доселѣ. Не малое также число ихъ включено было въ союзныя когорты, но еще болѣе значительныя толпы, взятые войскомъ, были проданы.

5. Одержавъ столь знаменитую побѣду надъ Скиоами и достигнувъ такого великаго торжества, Іоаннъ воздастъ благодареніе Богу, учредивъ въ память этого событія и во свидѣтельство благодарности такъ называемый у насъ праздникъ Печенеговъ. Затѣмъ, спустя немного времени, онъ объявилъ походъ и противъ Тривалловъ, которыхъ другіе называютъ Сербами, — за ихъ непріязненные дѣйствія и за нарушеніе договоровъ. Сразившись съ ними и одержавъ надъ ними полную побѣду, онъ принудилъ къ миру и этихъ варваровъ, которые впрочемъ и не отличались воинскими доблестями, и потому всегда находились подъ властію сосѣдей. Вынеся отсюда огромную добычу и обогативъ добычею войско, онъ взятыхъ въ пленъ людей перевелъ на Востоку и, назначивъ имъ жилище въ никомидійской области и надѣливъ большимъ количе-

етвомъ земли, часть изъ нихъ включилъ въ войско, а часть обложили податью.

Когда у этого царя родились дѣти мужескаго пола, то старшему сыну, по имени Алексѣю, онъ далъ право носить порфиру и обуваться въ красные сапоги и дозволилъ, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, провозглашать и его имя, когда народныя толпы привѣтствуютъ его именемъ римскаго Самодержца; а втораго послѣ него сына Андроника, и слѣдующаго за нимъ Исаака, и потомъ четвертаго Мануила почтилъ достоинствомъ Севастократорскимъ. Рассказываютъ, что царь видѣлъ во снѣ, будто нововѣнчаный сынъ его Алексѣй сидитъ на львѣ и управляетъ имъ, держа его за уши, за неимѣніемъ другаго средства управлять этимъ животнымъ. Смыслъ этого сновидѣнія былъ тотъ, что Алексѣя будутъ только именовать и провозглашать царемъ, дѣйствительно же царской власти онъ не получитъ. Такъ и случилось, потому что спустя немого времени Алексѣй скончался.

Около лѣтняго времени Гунны, нарушивъ прежде заключенные дружественные договоры, перешли Дунай, опустошили Враницову, разрушивъ ея стѣны и перенесли камни въ Зевгминъ, и разграбили Сардику. Тайною причиною этого непріязненнаго дѣйствія было то, что Алмузъ, родной братъ Стефана, начальствовавшего надъ Гуннами, ушелъ къ царю и былъ принятъ имъ чрезвычайно ласково; а благовиднымъ и открытымъ предлогомъ—то, будто жители Враницовой разбойнически нападаютъ на проходящихъ къ нимъ

для торговли Гунновъ и поступаютъ съ ними весьма худо. Такъ какъ это несчастіе случилось неожиданно, то царь благоразумно ограничилъ тогда свои оборонительныя дѣйствія прибытіемъ въ Филиппополь и изгнаніемъ изъ него Гунновъ. Но послѣдующее за тѣмъ время онъ употребилъ на то, чтобы все приготовить къ оборонѣ своихъ и отмщенію врагамъ, — собралъ войско, устроилъ быстрыя на ходу суда, ввелъ ихъ черезъ Понтъ въ Дунай, и такимъ образомъ водою и сушею предсталъ предъ непріятелями. Переплывъ рѣку на адмиральскомъ кораблѣ и переправивъ войско на противоположный берегъ, онъ конницею и конями разбѣжалъ собравшуюся толпу Гунновъ. Затѣмъ оставшіе въ непріятельской землѣ и пробывъ въ ней долѣе обыкновеннаго, снѣ овладѣлъ Франгохоріемъ, этою плодороднѣйшею частию земли Гунновъ, которая разстилается обширными равнинами между рѣками Савою и Дунаемъ, принудилъ къ сдачѣ Зевгминъ и, достигнувъ самаго Храма, овладѣлъ огромною добычею. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ новыхъ сраженій, заключивъ и съ этимъ народомъ выгодный и прочный мирный договоръ, и своими многократными успѣхами въ войнѣ заставивъ искать дружбы съ собою и прочихъ варваровъ, сопредѣльныхъ Римлянамъ на Западѣ, онъ призналъ необходимымъ привлечь къ себѣ какимъ нибудь образомъ и племена отдаленныя, и особенно тѣ, которыя, занимаясь торговлею и промыслами, пріѣзжаютъ на корабляхъ въ Константинополь. И дѣйствительно, онъ склонилъ къ дружбѣ съ собою приморскую Италію, которая обык-

новенно на всѣхъ парусахъ летѣла въ царствующій городъ. Когда же такимъ образомъ водворень былъ миръ съ народами западными, онъ перевелъ войско на Востокъ и рѣшился напасть на Персо-Армянъ, владѣвшихъ Кастамоною. Съ этою цѣлію, пройдя Вיוниією и Пафлагонією, онъ приходитъ къ тому мѣсту и, при пособіи множества лѣстницъ и поставленныхъ вокругъ города осадныхъ машинъ, овладѣваетъ Кастамоною, а начальствовавшего надъ нею Персо-Армянина заставляетъ въ отчаяніи бѣжать. Выведя отсюда значительную толпу взятыхъ въ плѣнъ Персовъ, онъ возвратился въ Византію и, назначивъ по поводу этой побѣды триумфъ, приказалъ соорудить колесницу и отдѣлать ее серебромъ. Чудное произведеніе была эта колесница, украшенная по мѣстамъ даже камнями, хотя и не самыми дорогими! Когда насталъ день, назначенный для торжественнаго шествія, улицы украсились всякаго рода коврами, протканными золотомъ и пурпуромъ; были тутъ и изображенія Христа и святыхъ, которыя художническая рука отпечатлѣла на покрывалахъ такъ, что ихъ можно было принять за живыя, а не вытканныя. Стоили также удивленія и деревянные подмостки, устроенныя для зрителей по обѣимъ сторонамъ дороги. Такъ была приготовлена и убрана та часть города, которая идетъ отъ восточныхъ воротъ до самаго большаго дворца. Великолѣпна была колесница, но и везли ее четыре прекрасныя лошади, шерстью бѣлѣе снѣга. Царь самъ не взошелъ на колесницу, но помѣстилъ на ней икону Богома-

тери; такъ какъ она была причиною его радости и восторга, отъ котораго онъ былъ внѣ себя, и ей, какъ непобѣдимой Воеводѣ, вмѣстѣ съ нимъ начальствовавшей надъ войскомъ, онъ приписывалъ побѣды. Назначивъ первымъ при себѣ вельможамъ вести за узду лошадей и поручивъ близкимъ роднымъ попеченіе о колесницѣ, онъ самъ пѣшкомъ шелъ впереди, неся крестъ. Войдя въ храмъ, котораго наименованіе взято отъ премудрости Божіей, онъ предъ лицомъ всего народа воздалъ благодареніе Господу Богу за успѣшныя дѣла свои и затѣмъ отправился во дворецъ.

Но не много прошло послѣ того времени, — такъ что едва успѣлъ онъ показать себя своимъ подданнымъ и насладиться зрѣлищами, да и солдаты, послѣ долгаго отсутствія, едва успѣли побывать въ своихъ домахъ, дать отдохнуть лошадямъ и отточить коня, — какъ онъ опять выступилъ въ походъ противъ Кастамоны. Причиною было то, что владѣвшій въ то время каппадокійскою страной Персо-Армянинъ Тансманій, напавъ на этотъ городъ съ большимъ войскомъ, взялъ его силою и истребилъ мечемъ римскій гарнизонъ. Прибывъ на мѣсто, царь узналъ, что Тансманія нѣтъ уже въ живыхъ, что Кастамоною правитъ какой-то Магометъ, который находился во враждѣ съ начальникомъ города Иконіи Массутомъ. Пользуясь этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для усиленія своихъ средствъ, онъ заключаетъ съ Массутомъ союзъ и, получивъ отъ него вспомогательное войско, нападаетъ на Магомета. Тогда Магометъ, видя, что онъ не въ

состояніи бороться съ двумя войсками, входить въ тайное сношеніе съ своимъ соплеменникомъ Массутомъ и, забывъ вражду, — какъ многими другими представленіями, которыя выставилъ ему на видъ въ письмѣ, такъ особенно тѣмъ, что дѣла Персовъ будутъ въ дурномъ положеніи, если они не примирятся между собою и онъ останется въ союзѣ съ царемъ римскимъ, — убѣждаетъ Иконійца Массута, оставивъ царя, соединиться съ нимъ и подать ему помощь. Вслѣдствіе сего, когда спустя не много времени Персы, посланные Султаномъ на помощь царю, дѣйствительно почью ушли отъ него, настоящий походъ для Римлянъ не былъ удаченъ. Поэтому царь отступилъ отъ туда и расположился лагеремъ въ городѣ, который имъ же былъ выстроенъ при рѣкѣ Риндакъ. Но потомъ онъ снова, съ большею силою напалъ на Магомета и, возвративъ Римлянамъ Кастамону, захотѣлъ овладѣть и Гангрою, однимъ изъ знаменитыхъ и величайшихъ городовъ понтійскихъ, который не такъ давно подпалъ подъ власть Персовъ.

6. Съ этою цѣлію покоривъ сначала силою оружія окрестности города, онъ вслѣдъ за тѣмъ сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ предъ самымъ городомъ. Но какъ бывшіе въ городѣ Персы думали о себѣ слишкомъ много и ни на какомъ условіи и договорѣ не соглашались впустить царя въ городъ; то войска обложили городскія стѣны и начали стѣнобитными машинами непрерывно поражать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представлялась возможность овладѣть ими. Когда же эти

труды оказались безуспѣшными, какъ по силѣ оборонительныхъ укрѣпленій, такъ и по упорному мужеству, съ которымъ сражались осажденные; то царь положилъ — оставя стѣны, бросать камни въ дома, видимые съ внѣшнихъ высотъ, на которыхъ Римляне стояли лагеремъ. Тогда управляющіе машинами, пользуясь открытою мѣстностію, стали бросать круглые и легкіе камни, сколько можно дальше, такъ что казалось камни летали, а не были бросаемы машинами. Отъ этого дома стали падать, крыши ихъ проваливались и давили жителей, такъ что наконецъ и ходить по улицамъ было опасно и сидѣть спокойно дома совсѣмъ не возможно. Частію отъ этого, частію вслѣдствіе упорной осады со стороны царя, но особенно по причинѣ смерти начальствовавшего надъ Гангрою Таисманія, жители и сами сдались и сдали городъ Императору. Тогда царь вошелъ въ городъ, вывелъ изъ него множество Персовъ, оставилъ въ немъ гарнизонъ изъ двухъ тысячъ Римлянъ и за тѣмъ возвратился въ столицу. Но и этотъ городъ недолго оставался въ рукахъ Константинополя въ числѣ другихъ подвластныхъ ему городовъ. Персы въ большемъ, противъ прежняго, числѣ и въ гораздо превосходнѣйшихъ силахъ напали на него, осадили и принудили къ сдачѣ голодомъ, между тѣмъ какъ царь былъ занятъ другими важнѣйшими дѣлами и на нихъ обращалъ все свое вниманіе.

Послѣ сего царь объявилъ походъ въ Киликію, желая отмстить царю Арменіи Левуну (Леону) за то, что онъ не только овладѣлъ нѣсколь-

кими подвластными Римлянамъ городами, но и покушался занять Селевкию. Собравъ войска старья и присоединивъ къ нимъ вновь набранныя, и взявъ съ собою достаточное количество продовольственныхъ запасовъ на долговременный походъ, онъ является у вратъ Киликии ⁽¹⁾ и, пройдя ими безъ боя, занимаетъ Адану и овладѣваетъ Тарсомъ. Но неудовольствовавшись этимъ, онъ ведетъ борьбу изъ-за цѣлой Арменіи и, послѣ того какъ однимъ изъ важнѣйшихъ крѣпостей овладѣлъ по договору, а другія покорилъ силою,—дѣйствительно становится обладателемъ всей этой страны. Въ это время онъ между прочимъ приступилъ и къ одной стоящей на крутизнѣ крѣпости, по имени Вака; и такъ какъ жители не только не просили пощады, но даже не соглашались ни на какой мирный договоръ, то онъ, окопавшись валомъ, окружилъ крѣпость всѣмъ войскомъ и рѣшительно объявилъ, что не отступитъ отсюда, пока не сдѣлается обладателемъ города, хотя бы ему пришлось посѣдѣть и много разъ быть засыпану снѣгомъ. Въ тоже время онъ представлялъ осажденнымъ, сколько они получатъ отъ него благодѣяній, если сдадутся и передадутъ ему укрѣпленіе, и напротивъ, какъ худо будетъ съ ними поступлено, если они будутъ взяты силою оружія и увидятъ войско ворвавшимся въ городъ. Но оказалось, что это онъ напѣвалъ аспидамъ, которые нарочно закрываютъ

⁽¹⁾ Такъ называется одинъ изъ узкихъ проходовъ, ведущихъ изъ Сиріи въ Киликію.

уши, чтобы не слышать чаръ, произносимыхъ волхвователемъ, и хотѣлъ вымытъ эѳіона. Ибо и всѣ вообще, кому ввѣрено было начальство въ крѣпости Вака, нисколько не боялись сраженія, и въ особенности нѣкто Константинъ, знаменитѣйшій между Армянами и превосходившій многихъ силою и храбростію. Этотъ человекъ не только возбуждалъ и одушевлялъ жителей къ войнѣ съ Римлянами, но и самъ часто показывался изъ крѣпости и, стоя въ вооруженіи на холмѣ, который природа оградаила скалою, а искусство окружило и укрѣпило стѣнами,—осыпалъ царя бранью на греческомъ языкѣ и нагло издѣвался въ непристойныхъ выраженіяхъ надъ его женою и дочерями. Царю очень хотѣлось схватить и наказать этого нагло ругавшагося варвара; и такъ какъ онъ, надѣясь на свою силу и чрезмѣрно хвастая крѣпостію своихъ мышцъ, смѣялся и надъ царскими войсками и дерзко вызывалъ на единоборство съ собою любого царскаго воина, то царь немедленно приказываетъ такеіархамъ ⁽¹⁾ выбрать какого нибудь сильнаго ратника, который могъ бы сразиться съ этимъ Армяниномъ. Когда выбранъ былъ изъ македонскаго легіона нѣкто Евстратій,—ему дали щитъ величиною въ ростъ человека и вручили вновь отточенный мечъ. Вооружившись такимъ образомъ, Евстратій отдѣлился отъ римскихъ отрядовъ и, ставъ у подножія холма, приглашалъ Армянина

⁽¹⁾ Ταξιάρχης — начальникъ отряда, состоявшаго большею частию изъ ста человекъ, по нашему — ротный.

сойти нѣсколько ниже, чтобы они могли сразиться на ровномъ мѣстѣ, если онъ дѣйствительно хочетъ вступить въ единоборство, а не напрасно и не по крайней глупости, сверхъ всего другаго величается и этимъ. Константинъ, будучи воиномъ и огромнаго роста и отважнаго духа, принялъ эти слова Македонянина за личную обиду. Оградившись бѣлымъ квадратнымъ щитомъ, на срединѣ котораго было изображеніе креста, онъ, какъ ниспадающая молнія, или какъ горная серпа, выскакивая изъ кустовъ, бросается на Евстратія и, поднявъ вооруженную мечемъ руку, непрерывно съ неистовствомъ бьетъ вдоль и поперекъ по щиту Македонянина, такъ что постоянно ожидали, что онъ нанесетъ ему тяжкій ударъ. Царь съ своей стороны не только потерялъ всякую надежду на успѣхъ, но и явно говорилъ, что Македонянинъ не останется въ живыхъ. Не смотря однакоже на то, что Константинъ такъ стремительно нападалъ, Римляне криками ободряли Евстратія и побуждали его въ свою очередь также поразить противника. Но Евстратій много разъ поднималъ руку и заставлялъ думать, что онъ ударитъ соперника, и однакожь вопреки ожиданію, опускалъ ее, какъ будто бы какой нибудь чародѣй отводилъ ее отъ удара и удерживалъ, когда она готова была поразить. Наконецъ, послѣ долгаго маханія мечемъ, Македонянинъ наноситъ такой ударъ, что разсѣкаетъ пополамъ огромный и истинно Гекторскій щитъ Константина. При этомъ Римляне съ величайшимъ изумленіемъ подняли радостный крикъ, а Армянинъ, по-

терявъ такъ неожиданно охранный оружіе и не имѣя возможности долѣе оставаться на мѣстѣ битвы, искалъ спасенія въ бѣгствѣ и съ чрезвычайною поспѣшностію, какъ въ опасности жизни, взбѣжалъ на холмъ. Съ тѣхъ поръ, оставаясь въ крѣпости, онъ не величался уже надъ Римлянами и пересталъ съ своихъ дерзкихъ устъ, какъ съ тетивы, бросать въ царя и въ его родъ стрѣлы поносныхъ рѣчей. Когда же царь спросилъ Македонянина, для чего и съ какою цѣлію онъ нѣсколько разъ поднималъ руку, какъ бы намѣреваясь поразить противника, и только однажды нанесъ ударъ, — тотъ отвѣчалъ, что у него было намѣреніе однимъ ударомъ меча разсѣчь и щитъ и щитоносца; но такъ какъ онъ не могъ осуществить своего намѣренія, потому что противникъ держалъ щитъ не прижатымъ къ тѣлу, но вдали отъ себя, то рѣшился не терять напрасно времени, но сначала рѣшительнымъ ударомъ сокрушить щитъ и за тѣмъ уже напасть на непріятеля, когда онъ останется безъ щита. Царь подивился этимъ словамъ и наградилъ Евстратія весьма большими дарами.

7. Не много дней спустя послѣ того крѣпость принуждена была сдаться царю. Тогда и Константинъ былъ взятъ въ плѣнъ, заключенъ въ оковы и посаженъ на корабль, который чрезъ нѣсколько времени долженъ былъ сняться съ якоря и доставить этого узника въ Византію; но Армянинъ, будучи человѣкомъ дерзкимъ и отважнымъ, напавъ ночью на стражей, весьма многихъ изъ нихъ убилъ и, снявъ съ себя оковы

при пособіи бывшихъ съ нимъ слугъ, спасся бѣгствомъ. Впрочемъ прежде чѣмъ успѣлъ затѣять новыя дѣла, онъ опять былъ схваченъ и выданъ царю.

Но не только при взятіи крѣпости Вака царь боролся съ трудностями, а еще и прежде ему стоило весьма много трудовъ занятіе Анаварзы⁽¹⁾. Этотъ городъ и самъ по себѣ былъ многолюдень, обнесенъ крѣпкими стѣнами и расположенъ на утесистыхъ скалахъ; а тогда онъ сдѣлался еще сильнѣе, потому что въ немъ, какъ въ безопасномъ убѣжищѣ, укрылись люди, вполне вооруженные и весьма храбрые, къ нему прибавлены были новыя укрѣпленія и онъ снабженъ былъ всякаго рода машинами. Царь напередъ послалъ къ этому городу часть своего войска, и именно составленную изъ персидскихъ отрядовъ, которые онъ взялъ прежде, при занятіи Гангры, — въ намѣреніи вывѣдать чрезъ это расположенія Армянъ и съ точностію узнать, что они имѣютъ въ виду. Но тѣ, лишь только увидѣли Персовъ, воспламенились противъ нихъ гнѣвомъ и, въ увѣренности, что они немедленно погибнуть и не выдержать даже и перваго ихъ нападенія, — отворивъ ворота, выступили противъ нихъ. Въ послѣдовавшей за тѣмъ битвѣ они дѣйствительно одолеваятъ Персовъ и, обративъ ихъ въ бѣгство, далеко преслѣдуютъ. Но когда бѣгущіе Персы, спустя немного времени, остановились и обратились назадъ, потому что и римскіе легіоны по-

(1) Тоже, что Аиазарбъ.

доспѣли имъ на помощь, тогда битва принимаетъ противоположный видъ, и Армяне поневолѣ запираются въ стѣнахъ. Вскорѣ за тѣмъ къ стѣнамъ подвозятся осадныя машины и бросаемыми изъ нихъ шаровидными камнями поражаются башни. Но и варвары не оставались при этомъ въ бездѣйствіи: напротивъ и они также, поставивъ на своихъ укрѣпленіяхъ машины, бросали въ войско тяжелые камни и пускали раскаленные куски желѣза, и какъ въ этомъ отношеніи имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ Римлянами, то сначала весьма многіе изъ Римлянъ были ранены. Затѣмъ, одушевившись, Армяне выходятъ изъ крѣпости и, произведя неожиданное и стремительное нападеніе, сожигаютъ осадныя машины, легко поджегши тростниковыя цыновки и плетенки, которыми для защиты покрыты были машины. Тутъ поднялся со стороны непріятелей громкій смѣхъ, начались радостныя тѣлодвиженія, и многократныя насмѣшки надъ Римлянами, и бранныя рѣчи на царя, и продолжительная болтовня. Но это не надолго остановило военныя дѣйствія и прекратило борьбу. Римляне наскоро исправили камнеметательныя орудія, устроили для нихъ покрывки и связи изъ глины и кирпичей, и на слѣдующій день снова начали поражать стѣны. Такъ какъ теперь бросаемые Армянами раскаленные куски желѣза нисколько не вредили машинамъ, то всѣ усилія непріятелей оказались безплодными и прежній ихъ смѣхъ и хохотъ обратились въ плачь. Ибо раскаленные куски желѣза, бросаемые изъ города, хотя и падали стремительно и про-

изводили жестокіе удары, но, упавая на мягкую, влажную, глинистую и рыхлую покрывку, оставались безъ дѣйствія: сила удара ихъ мало по малу ослабѣвала, пламя погасало, и потому они не производили ни одного изъ тѣхъ дѣйствій, для которыхъ были бросаемы. Когда такимъ образомъ городская стѣна во многихъ мѣстахъ была разрушена и доступъ въ городъ сдѣлался удобнымъ,—многочисленные непріатели, прежде дерзкіе и потрясавшіе оружіемъ, преклоняются предъ царемъ и скорѣе по необходимости, чѣмъ по доброй волѣ, сдаютъ ему городъ Анаварзу; да и то не тотчасъ, но послѣ вторичной попытки защититься, послѣ неоднократныхъ сраженій, послѣ того какъ перешли за другую, смежную стѣну и опять отсюда также, какъ изъ-за первой стѣны, не безъ крови отражали и отбивали Римлянъ.

Покоривъ подобнымъ образомъ и лежащія около этого города крѣпости, царь отправляется въ Келесирію, и вступаетъ въ прекрасный городъ Антиохію, чрезъ который протекаетъ Оронтъ и который освѣжаетъ западный вѣтеръ съ моря. Здѣсь онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и княземъ Раймундомъ и всѣми городскими жителями. Пробывъ въ этомъ городѣ довольно времени и сдѣлавъ своимъ ленникомъ князя, а вмѣстѣ съ нимъ и графа трипольскаго, онъ рѣшился напасть на сопредѣльные съ Антиохіею города сирофиникійскіе, бывшіе въ то время подъ властію Агарянъ. Съ этою цѣлію приблизившись къ рѣкѣ Евфрату, онъ подходитъ къ одному городу, который туземцы называютъ Пизою. Здѣсь

непріатели выказали особенную храбрость въ битвѣ, и потому Римляне отступили и были нѣсколько времени преслѣдуемы, такъ какъ передовая часть войска не могла устоять противъ бѣшенаго и невѣроятно стремительнаго нападенія враговъ. Но когда потомъ вблизи показался царь, то его фаланга снова вступила въ бой съ непріателями; и они, не выдержавъ натиска Римлянъ, принуждены были укрыться за стѣнами, изъ-за которыхъ съ тѣхъ поръ уже и не рѣшались выходить. Этотъ городъ имѣлъ двойныя стѣны и отчасти былъ опоясанъ глубокимъ рвомъ, отчасти огражденъ естественною скалою. Но когда многія изъ башенъ, не устоявъ подъ градомъ камней, рушились, — Агаряне потеряли мужество. Дерзкіе и надменные, они теперь, когда укрѣпленія не обѣщали имъ безопасности, обратившись къ царю съ просьбою, умоляютъ его о жизни и покупаютъ ее цѣною всего своего имущества. Отсюда царь отправилъ часть войска противъ городовъ и крѣпостей, лежащихъ за Евфратомъ, и собралъ множество добычи. Затѣмъ, подаривъ Пизу графу едесскому и миновавъ Вемпець, какъ такой городъ, который не трудно было взять, потому что онъ лежалъ на ровномъ мѣстѣ, — выступилъ, по просьбѣ князя антиохійскаго, который также былъ съ нимъ въ походѣ, противъ Халепа и Ферепана. Приблизившись къ Халецу, который въ древности назывался Верресю, онъ видитъ, что это городъ многолюдный и что въ немъ весьма много войска, которое тотчасъ же и вышло изъ-за стѣны, какъ только увидѣло Римлянъ,

и стремительно напало на царскія войска, но, потерпѣвъ пораженіе, укрылось за стѣну. И не теперь только, но и послѣ нѣскольکو разъ непріатели производили вылазку, хотя ни въ одной не имѣли успѣха. А однажды, когда самъ царь объѣзжалъ городъ и осматривалъ стѣну, они тайно направили противъ него далекометныя машины, но и тутъ не успѣли въ своемъ намѣреніи. Впрочемъ на этотъ разъ царь ничего не могъ сдѣлать съ городомъ, частію по прочности его укрѣпленій, частію по многочисленности бывшаго въ немъ пѣшаго и коннаго войска, а не менѣе того и по недостатку жизненныхъ припасовъ, равно какъ дровъ и воды. Выступивъ отсюда, онъ овладѣлъ при первомъ же нападеніи Ферепомъ и, подаривъ его одному графу антioxійскому, перешелъ къ другому городу, называемому на мѣстномъ нарѣчii Кафарда, который повелѣваетъ обширною страною, гордится подвластными ему въ окрестности не маловажными крѣпостями и славится крѣпостію своихъ стѣнъ.

8. Овладѣвъ въ короткое время и этимъ городомъ, царь идетъ далѣе и, направляя путь къ Сезеру, располагается лагеремъ около Истрія, города Месопотамii, недалеко отстоящаго отъ Сезера и всѣмъ, какъ нельзя лучше, снабженнаго. Разрушивъ мимоходомъ этотъ городъ и отдавъ его на разграбленіе солдатамъ, и въ особенности тѣмъ скиѣскимъ легіонамъ, которые его взяли, онъ поднимается отсюда и подходитъ къ Сезеру. Между тѣмъ жители этого города собрали весьма много вооруженныхъ ратниковъ, такъ какъ

сюда сошлись и сосѣдніе сатрапы. Соединившись въ одно войско и составивъ одинъ военный союзъ, они, перейдя протекающую тамъ рѣку, выступили навстрѣчу Римлянамъ и, потрясая тростниковыми дротиками, на своихъ быстрыхъ лошадяхъ напали на царскія фаланги. Но послѣ многократныхъ схватокъ, царь одерживаетъ побѣду, и тогда одни изъ непріателей тонуть въ водѣ, а другіе пронизываются копьями, такъ какъ тростниковые дротики, которые они бросали, одною не оказали имъ пужной помощи, а доставили пособіе слабое, ничтожное, однимъ словомъ—тростниковое. Съ этихъ поръ, укрывшись за стѣны, они уже не дѣлали вылазокъ, но, показываясь изъ-за земляныхъ крышъ, доставлявшихъ имъ при этомъ важное пособіе, дѣйствовали противъ Римлянъ,—предоставивъ имъ безнаказанно грабить и опустошать свою страну и брать крѣпости. И между тѣмъ, какъ Римляне это дѣлали, царь, тщательно осмотрѣвъ фаланги и раздѣливъ ихъ по націямъ и племенамъ, такъ чтобы соплеменники помогали соплеменникамъ, одну часть ихъ составляетъ изъ Македонянъ, другую изъ такъ называемыхъ избранниковъ, третью изъ Скиѣовъ и еще одну изъ Персовъ, перешедшихъ къ Римлянамъ во время прежнихъ войнъ. Это соединеніе одноплеменниковъ и это раздѣленіе войска на большое число отрядовъ, вооруженныхъ различнаго рода оружіемъ, еще болѣе устрало непріателей, и они, оставивъ упорное сопротивленіе, изъ-за внѣшнихъ стѣнъ переходятъ за внутреннія. Здѣсь, въ теченіе многихъ дней, на близ-

комъ разстояніи происходили схватки, стычки и настоящія битвы, и единоборства храбрецовъ, и бѣгства, и отступленія, и взаимное съ той и другой стороны преслѣдованіе. Хотя перевѣсъ всегда оказывался на сторонѣ Римлянъ, но и непріатели, не смотря на то, что во множествѣ падали отъ меча и засыпали сномъ смертнымъ отъ стрѣлъ и были разрываемы на части камнями, бросаемыми изъ машинъ, не смотря на то, что и городскія стѣны разрушались и падали,—все еще оставались непоколебимыми, такъ какъ ихъ было безчисленное множество, а притомъ они и сражались за свою жизнь, за своихъ женъ и дѣтей, да кромѣ того и за множество всякаго рода богатства. Но, вѣроятно, и этотъ городъ былъ бы взятъ, покорился бы царю и потерялъ бы все свое богатство, и Римляне больше прежняго прославились бы чрезъ то, что овладѣли имъ, если бы не пришли дурныя вѣсти и не заставили царя поневолѣ выйти оттуда. Эти вѣсти говорили, что Едесса окружена Персами и находится въ опасности жестоко пострадать, если царь въ самомъ скоромъ времени не подастъ ей помощи. Поэтому, получивъ отъ осажденныхъ великолѣпные дары изъ драгоцѣннѣйшаго вещества, и отличной породы лошадей, и шелковыя матеріи, протканныя золотомъ, и достопримѣчательный столъ, но выше всего этого получивъ прекраснѣйшій и необыкновенный крестъ, который былъ высѣченъ изъ драгоцѣннаго свѣтящагося камня и на которомъ искусство живо изобразило божественный ликъ несравненной Красоты, на которую глаза не

могутъ насмотрѣться, — царь снимаетъ осаду и отправляется къ Антиохіи. Сезерскіе Сарацины говорили, что между поднесенными царю дарами, крестъ изъ лучезарнаго камня, равно какъ драгоцѣнный и удивительный столъ давно уже приобрѣтены ихъ предками на войнѣ,—именно когда они взяли въ плѣнъ бывшаго римскаго самодержца Романа Діогена, разграбили его царскую палатку и, овладѣвъ лагеремъ, раздѣлили между собою все, что въ немъ было. Во время отступленія царя отъ Сезера, на Римлянъ нападаютъ сзади персидскія войска Заки и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ вождей, на своихъ, почти какъ вѣтръ, быстрыхъ лошадяхъ, напередъ уже считая себя побѣдителями и, по глупой варварской снѣси, весьма мало цѣня Римлянъ. Но они обманулись въ своихъ надеждахъ и не только не сдѣлали ничего славнаго, а еще за свое хвастовство и надменность понесли отъ божественнаго правосудія достойное наказаніе, да сверхъ того потеряли плѣнниками двухъ вождей, изъ которыхъ одинъ былъ сынъ Атапака, а другой — родной братъ эмира Самуха. Когда царь подходилъ къ знаменитому городу Антиохіи, ему навстрѣчу вышли все городскіе жители, такъ что даже скоро устроили ему свѣтлое входное торжество, съ священными изображеніями и съ великолѣпнымъ убранствомъ улицъ. Изъ Антиохіи сопровождаемый благожеланіями и похвалами, онъ прибылъ въ предѣлы Киликіи, и потомъ вступилъ на путь, ведущій къ Византіи. Подвигаясь такимъ образомъ впередъ въ боевомъ порядкѣ и держась

своихъ военачальническихъ правилъ, онъ посылаетъ часть войска противъ иконійскихъ Персовъ, такъ какъ они въ то время, какъ царь вступалъ въ Сирію, воспользовавшись этимъ случаемъ, напали на Римлянъ. Побѣдивъ и эту враждебную толпу, онъ опустошилъ непріятельскую землю и взялъ въ плѣнъ много людей и разнаго рода скота, годнаго для работы и для ѣзды. Таковы-то дѣла, совершенныя этимъ самодержцемъ на Востока въ теченіе одного похода, продолжавшагося три года, заставившія всѣхъ говорить о себѣ и привлекиія къ себѣ общее вниманіе.

9. Въ это же время возвратился къ царю и родной братъ, Севастократоръ Исаакъ, который, какъ мы прежде сказали, больше всѣхъ помогъ ему получить царство. Разойдясь съ братомъ вълѣдствіе ничтожнаго огорченія, онъ убѣждалъ изъ предѣловъ римскихъ. Вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ и странствовалъ и старшій сынъ его Іоаннъ. Исаакъ былъ человекъ воинственный и храбрый, одаренный отличнымъ ростомъ и прекрасною наружностію. Перебывая у многихъ другихъ народовъ, онъ между прочимъ пришелъ и къ сатрапу столичнаго города — Иконіи, постоянно имѣя въ виду напасть на римскія области и отметить Іоанну. Но такъ какъ у него не было денегъ, а царь Іоаннъ всегда и вездѣ славился своими военными дѣйствіями; то онъ не находилъ никого, кто бы сошелся съ нимъ въ его видахъ. Напротивъ, всѣ даже отступали отъ него и, при первомъ словѣ о возмущеніи, изъявляли свое негодованіе и отказывались отъ его замысловъ, какъ

безполезныхъ и для него, и для нихъ отнюдь не достижимыхъ. Поэтому, обходя мѣстныхъ начальниковъ, онъ хотя вездѣ, гдѣ останавливался, принималъ былъ почтительно, какъ человекъ, одаренный истинно царскою наружностію и весьма знаменитый родомъ, однакожъ наконецъ понялъ, что напрасно, отдѣлившись отъ родства, ведетъ бѣдственную жизнь, — и возвратился къ брату. Царь ласково принялъ и его, и сына, видѣлся и говорилъ съ ними, и сердечно обнялъ ихъ. Такъ-то сильна любовь, внушаемая родствомъ. Хотя бы она на время и прекратилась, но опять скоро и легко возобновляется. Потому-то и царь, сохранивъ вполнѣ всю прежнюю привязанность, не скрывалъ въ душѣ никакой тайной непріязни, какъ это любятъ дѣлать люди, облеченные властію, которые до времени умѣютъ скрывать свой гнѣвъ, а при случаѣ со всею силою обнаруживаютъ его. Вступивъ вмѣстѣ съ братомъ въ Константинополь, онъ не больше радовался о побѣдѣ, чѣмъ о возвращеніи брата. Да и подданные съ своей стороны также прославляли эту внимательность царя: они не только гордились его трофеями и возсылали благодаренія Богу за то, что Онъ сохранилъ его и возвратилъ побѣдителемъ, но и радовались возвращенію его брата.

Впрочемъ царь не долго пробылъ въ Византіи. Вълѣдствіе вторженія Персовъ въ открытыя равнины, лежащія при рѣкѣ Сангаріѣ, онъ, не смотря на то, что былъ боленъ, немедленно выступилъ въ походъ. Устрашивъ непріятелей своимъ появленіемъ и отнявъ множество разнаго рода

скота, онъ возвратился въ Лопадій. Спустя немного времени, когда и царица съ своимъ домомъ выѣхала въ этотъ городъ, онъ воздвигъ укрѣпленія, употребивъ свободное отъ военныхъ дѣйствій время не безъ пользы для Римлянъ. Предполагая пробыть въ этихъ мѣстахъ долгое время, онъ приказалъ собраться сюда войску. По приказанію царскому, войско дѣйствительно стало собираться; однакожъ, вслѣдствіе этого распоряженія, воины больше, чѣмъ когда-либо, находили его безжалостнымъ, не знающимъ мѣры въ походахъ, какъ будто-бы онъ забылъ или вовсе не думалъ о томъ, что Римляне три года провели въ восточной войнѣ. Эта непріязнь къ нему войска еще болѣе усилилась отъ того, что многіе изъ воиновъ, бывшихъ съ нимъ въ походъ въ Сиріи, будучи задержаны на пути болѣзнію, недостаткомъ продовольствія и потерей лошадей, не успѣли еще повидаться съ своими домашними, и между тѣмъ должны были идти не на родину, а отправляться прямо туда, гдѣ находился царь, бывъ къ тому принуждаемы людьми, которые тщательно смотрѣли за дорогами и наблюдали за морскими переправами. Царь не могъ не знать причины ропота, но показывалъ видъ, будто не знаетъ, чтобы не сказать, — нисколько не обращаетъ на то вниманія. Онъ позволялъ войскамъ говорить пустяки рѣчи, а самъ твердо держался своего рѣшенія, говоря, что онъ хочетъ имѣть войска, которые соревновали бы ему, а отнюдь не тяготились и не скучали непрерывными походами. Предположивъ наказать варваровъ, тайно вторгшихся

въ область Арменіаковъ (¹), а вмѣстѣ съ тѣмъ захватить и Константина Гавра, который давно уже подчинилъ себѣ Трапезунтъ и управлялъ имъ въ качествѣ тирана, онъ отправляется въ походъ чрезъ долину нафлагонскую для того, чтобы идти все прибрежными мѣстами Понта. Это онъ сдѣлалъ по двумъ причинамъ, частью для того, чтобы продовольствіе доставлять войску изъ своихъ провинцій, а частью для того, чтобы, въ случаѣ сраженія, непріатели могли угрожать только съ одной стороны, но не могли напасть съ обѣихъ сторонъ и чрезъ то легко окружить его. А этого онъ могъ опасаться, потому что Кесарією въ то время владѣлъ Магометъ, о которомъ мы сказали выше, человекъ чрезвычайно сильный, покорившій часть Иверіи и подчинившій себѣ нѣкоторыя мѣста въ Месопотаміи. Отдаленный родъ свой онъ сливалъ съ Арзакидами, а ближайшимъ образомъ происходилъ отъ Танисманіевъ; а это были люди отважные и храбрые и между всѣми тогдашними обладателями восточныхъ римскихъ городовъ, особенно могущественные и наглые. Такии-то образомъ царь, выступивъ изъ Лопадіи, когда весна стала приближаться къ концу, и проведя въ походъ все лѣто и лучшую часть осени, около зимняго солнцестоянія сталъ лагеремъ въ понтійскомъ городѣ Кинтъ. Вторгшись отсюда въ

(¹) Θεία τῶν Ἀρμενιῶν. Θεία отъ τίθημι — полагаю, здѣсь означаетъ мѣстность, область, занятую извѣстнымъ отрядомъ войскъ. Эти области или θέρματα раздѣлялись на восточныя и западныя, тѣхъ и другихъ было нѣсколько, и каждая имѣла особенное названіе. Область Арменіаковъ была на Востокъ и получила свое названіе отъ того, что была сопредѣльна съ Арменією. Du Cange Gloss. tom. I, p. 487 et seq. Cfr. Const. Porphyrog. vol. 111, p. 17—19. Ed. Bonn.

непріятельскую землю, онъ перенесъ много несчастій. Страна каппадокійская и сама по себѣ—холодна, климатъ ея суровъ, вѣтры пронзительны, а тогда наступила еще необыкновенная зима; оттого царь долженъ былъ бороться съ разнообразными затрудненіями. У него и продовольственные запасы совсѣмъ истощались, и лошади какъ подъемныя, такъ и боевыя, погибали. Между тѣмъ непріатели, сдѣлавшись отъ этого еще смѣлѣе,—такъ какъ нѣтъ ничего сокровеннаго и тайнаго, о чемъ молва не разгласила бы,—стали часто и неожиданно нападать на него. Нападая тайно, какъ разбойники, а иногда вступая въ борьбу и явно, они всегда наносили вредъ римскимъ фалангамъ; потому что нападая внезапно густою, какъ туча, толпою, въ надеждѣ на быстроту своихъ коней, они исчезали съ поля битвы, какъ будто бы уносимы были порывомъ вѣтра. Чтобы вознаградить потерю конницы, царь съ своей стороны, собиралъ со всего войска лучшихъ лошадей и, раздавая ихъ частію Римлянамъ, которые умѣли сражаться пиками, но преимущественно тѣмъ изъ Латинянъ, которые искусно владѣли копьями, противопоставлялъ этихъ всадниковъ непріателямъ, поручая имъ мужественно отражать нападенія. Непріатели, дѣйствительно, не выдерживали атакъ этихъ копьеносцевъ и обращались въ бѣгство. Этимъ-то средствомъ, а равно и тѣмъ, что весьма многіе изъ пѣшаго войска держали поднятыя вверхъ знамена для того, чтобы представить, что у нихъ еще много конницы, царь достаточно оградилъ себя отъ нападеній со

стороны персидскихъ полчищъ, и такимъ образомъ достигъ Неокесаріи. Но и здѣсь также много было схватокъ между Персами и Римлянами. Однажды младшій сынъ царя, по имени Мануиль, взявъ копье и выступивъ довольно далеко впередъ, безъ вѣдома отца, напалъ на непріателей. Этотъ поступокъ юноши заставилъ почти все войско вступить въ неравный бой, такъ какъ нѣкоторые увлеклись соревнованіемъ, а всѣ другіе боялись за юношу и думали особенно угодить царю, если, при ихъ содѣйствіи, онъ не потерпитъ отъ непріателей никакого вреда. Въ виду всѣхъ царь похвалилъ за это сына; но потомъ, когда вошли въ палатку, онъ нагнулъ его и слегка наказалъ за то, что онъ не столько храбро, сколько дерзко, и притомъ безъ его приказанія, вступилъ въ бой съ непріателями.

10. Впрочемъ Царь, можетъ быть, овладѣлъ бы и Неокесаріею, если бы, вслѣдствіе неожиданнаго обстоятельства, не помѣшала ему безразсудно-упрямая гордость и совершенно неукротимый нравъ племянника Іоанна, сына Севастократора Исаака. Однажды, предъ наступленіемъ сраженія съ Персами, царь, увидѣвъ, что у знаменитаго итальянскаго всадника нѣтъ лошади, приказалъ стоявшему подлѣ него племяннику Іоанну сойти съ арабскаго коня, на которомъ онъ сидѣлъ, и отдать его Итальянцу, зная, что у племянника нѣтъ недостатка въ лошадяхъ. Но Іоаннъ, будучи человѣкомъ чрезвычайно гордымъ и надменнымъ, воспротивился царскому приказанію, давъ отвѣтъ очень грубый, чтобы не сказать,—очень

дерзкій. Ставя ни во что Латинянина, онъ вызывалъ его на бой съ тѣмъ, чтобы онъ по праву получилъ коня, если останется побѣдителемъ. Но не имѣя возможности долго противиться дядѣ и царю, такъ какъ замѣтилъ, что тотъ начинаетъ сердиться, онъ нехотя отдалъ своего коня. Потомъ съ досадою и гнѣвомъ сѣлъ на другаго коня и, устремивъ впередъ копье, понесся къ непріятельскому строю. Когда же отъѣхалъ нѣсколько впередъ, то, откинувъ копье назадъ, кладетъ его на плечо, снимаетъ съ головы шлемъ и перебѣгаетъ къ Персамъ. Варвары съ удовольствіемъ встрѣчаютъ и охотно принимаютъ Іоанна, такъ какъ они уже и прежде знали его, когда онъ скитался вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, да и теперь надѣялись, что онъ своимъ присутствіемъ будетъ содѣйствовать успѣху ихъ дѣлъ. А самъ Іоаннъ спустя немного времени отрекся и отъ вѣры христіанской, и женился на дочери иконійскаго Перса. Это обстоятельство крайне встревожило царя, и онъ сталъ опасаться дурныхъ послѣдствій. Онъ зналъ, что племянникъ не станетъ молчать о стѣснительномъ положеніи римскаго войска, но непременно, и скоро расскажетъ о потерѣ лошадей, о недостаткѣ продовольствія и о всѣхъ другихъ лишеніяхъ лагеря. Поэтому, желая скрыть свое отступленіе, онъ сталъ мало по малу, какъ бы передвигаясь, удаляться оттуда; но, и при такомъ отступленіи, не вполне успѣлъ укрыться отъ непріятелей, которые, настигши задніе отряды войска, весьма далеко преслѣдовали ихъ и постоянно тревожили. По этой причи-

нѣ, онъ взялъ направленіе къ морскому берегу, и такимъ образомъ поставилъ себя въ безопасно-сти, а непріятели, не имѣя уже возможности нападать на него, возвратились назадъ.

Въ Январскіе иды (15 Января) царь Іоаннъ возвратился въ столицу изъ тягостнаго персидскаго похода, а въ концѣ весны онъ опять уже былъ препоясанъ мечемъ и прибылъ въ городъ, основанный при р. Риндакѣ. Но когда лѣтнее время прошло, а наступившая зима, негодую на живущихъ на открытомъ воздухѣ, стала устрашать ихъ всею вѣтровъ и отнимала возможность бороться со стужей, — онъ снова возвращается въ Византію, уступивъ холоду, вооруженному снѣгами, какъ-бы камнями, и морозами, какъ-бы копьями. А при первой улыбкѣ весны, опять оставляетъ царскіе чертоги, прощается съ своими дочерьми, которыя, какъ дочери солнца, проливаютъ по немъ янтаровидныя слезы, проходитъ Фригію, и, достигши знаменитаго города Аттала⁽¹⁾, рѣшается провести въ немъ нѣсколько времени для того, чтобы лучше устроить благосостояніе сопредѣльныхъ городовъ и областей. Въ то время нѣкоторые изъ нихъ подпали уже подъ власть Турковъ, въ томъ числѣ было и озеро, называемое Пусгускимъ, которое, разливаясь почти какъ море на огромное пространство, имѣетъ во многихъ мѣстахъ островки, обнесенные крѣпкими стѣнами. На этихъ островахъ жило тогда весьма много христіанъ, которые на рыбацкихъ лодкахъ и неболь-

(¹) Царь пергамскій, основатель города Атталіи въ Памфиліи.

шихъ парусныхъ судахъ имѣли сношеніе съ иконійскими Турками и чрезъ то не только завели взаимную между собою дружбу, но и позаимствовали отъ нихъ весьма много обычаевъ. А находясь въ тѣсной связи съ ними, какъ съ сосѣдями, они смотрѣли на Римлянъ, какъ на враговъ: такъ-то привычка, скрѣпленная временемъ, бываетъ сильнѣе родства по племени и вѣрѣ! Поэтому и царя они поносили, какъ своего непріятеля, и осмѣливались рѣшительно не повиноваться его повелѣніямъ, гордясь тѣмъ, что окружены озеромъ, и, какъ безумные, позволяли себѣ то, о чемъ бы въ здоровомъ умѣ и не подумали. Царь убѣждалъ ихъ—оставить озеро, какъ древнее достояніе Римлянъ, и, если хотять, совсѣмъ переселиться къ Персамъ. Въ противномъ случаѣ, говорилъ, онъ никакъ не потерпитъ, чтобы они и озеро долго оставались въ отчужденіи отъ Римлянъ. Но когда слова не имѣли успѣха, онъ началъ военныя дѣйствія. Построивши наскоро рыбачьи лодки и небольшія парусныя суда и связавши ихъ между собою, онъ поставилъ на нихъ осадныя машины и такимъ образомъ подступилъ къ самымъ укрѣпленіямъ озера; и хотя дѣйствительно взялъ ихъ силою, однакожъ и Римлянамъ эта война обошлась не безъ бѣдствій. Случалось, что буря возмущала озеро и воздымала его волны; тогда многія изъ грузовыхъ судовъ были уносимы вѣтромъ и опрокидывали свой грузъ въ пучину и волны.

Въ это время умеръ старшій сынъ царя, Алексѣй, которому онъ далъ право носить красные са-

поги и пурпуровую царскую одежду. Болѣзнь была острая, а не хроническая, именно—быстро поражающая горячка, которая, какъ на крѣпость, напала на его голову. А послѣ Алексѣя не долго прожилъ и слѣдующій за нимъ Андроникъ: едва успѣлъ онъ оплакать смерть брата, какъ и самъ окончилъ свою долю жизни.

11. Царь, хотя и смутился духомъ отъ такихъ бѣдствій и горестной потери прекрасныхъ сыновей, хотя, можно сказать, и видѣлъ дурное предзнаменованіе для дальнѣйшаго похода въ смерти возлюбленныхъ дѣтей, однакожъ нисколько не допустилъ себя до малодушія, ни въ чемъ не измѣнилъ своему намѣренію, и не возвратился въ Византію послѣ того, какъ уже цѣлый годъ провелъ въ такихъ трудахъ; напротивъ, прибывши въ Исаврію и устроивши, какъ было нужно, тамошнія провинціи, онъ отправился далѣе въ Сирію, въ сопровожденіи младшаго своего сына Мануила. Открытою цѣлію этого похода было—лучшее устройство Арменіи и обезопасеніе вѣрности городовъ и крѣпостей, которые онъ завоевалъ въ прежній свой походъ. Но истинная причина, не объявленная войску, а хранимая втайнѣ и тщательно скрываема, была слѣдующая. Онъ всегда и пламенно желалъ присоединить къ Константинополю Антиохію и оттуда посѣтить освященные божественными стопами мѣста, почтить дарами животворящій гробъ Господень и очистить окрестности отъ варваровъ. Потому-то онъ и употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ нибудь склонить Латинянъ добровольно уступить ему господ-

ство надъ знаменитою Антиохіею, или, если они не согласятся, — такъ какъ онъ не полагался на гордыхъ и надменныхъ Латинянъ, — то по крайней мѣрѣ, привлечь къ себѣ Киликійцевъ и Сиріянъ. Съ этою цѣлю онъ не преминулъ во время настоящаго похода писать къ Антиохійцамъ и предупредить ихъ о своемъ прибытіи, такъ что, прежде чѣмъ онъ вступилъ въ предѣлы Сиріи, они уже выслали къ нему посольство, которое подавало ему весьма хорошія надежды въ будущемъ. Но когда онъ приблизился къ городу Антиоха, то встрѣтилъ въ Итальянцахъ совсѣмъ инныя мысли и расположенія; такъ какъ молва уже разгласила о всѣхъ его тайныхъ и тщательно скрываемыхъ замыслахъ. Онъ не нашелъ въ Антиохію доступа легкаго и согласнаго съ его видами, напротивъ увидѣлъ, что ему позволяютъ вступить только подъ условіемъ клятвы, — что, вступивши въ городъ, онъ пробудетъ въ немъ нѣсколько дней, приметъ подобающія ему поздравленія и почести, — и затѣмъ опять выступитъ, не дѣлая никакого нововведенія въ гражданскомъ управленіи и не измѣняя ничего въ установившихся обычаяхъ, т. е. совсѣмъ не такъ, какъ онъ предполагалъ. Раздраженный тѣмъ, что не сбылись его ожиданія, онъ, хотя и не счелъ нужнымъ войти въ городъ силою, питая крайнее отвращеніе къ войнѣ съ христіанами, однакожъ, расположившись въ предмѣстіяхъ города, дозволилъ войску опустошать ихъ и забирать все, что только можно. Вслѣдствіе этого дозволенія, даннаго подъ предлогомъ недостатка въ необходимомъ

продовольствіи, даже фруктовые деревья не остались нетронутыми, но и они были сожжены для приготовленія пищи. Тайно отметивши такимъ образомъ за пренебреженіе къ себѣ, царь удалился къ предѣламъ киликійскимъ и сталъ лагеремъ въ обширнѣйшей долинѣ, изъ которой высоко поднимаются къ небу двѣ вершины горъ, называемыя, какъ говорятъ, гнѣздами вороновъ. Здѣсь отправился онъ на охоту и, встрѣтивъ дикаго кабана, вонзилъ въ грудь звѣря остріе копья. Кабанъ съ такою силою напиралъ, что всадилъ въ свои внутренности все желѣзо. Оттого рука, державшая копье, начала мало по малу цѣпенѣть и уступать сильному напору звѣря и, согнувшись, уперлась въ колчанъ, косо висѣвшій у царя съ боку и наполненный ядовитыми стрѣлами. Колчанъ отъ этого перевернулся, — и одна изъ разсыпавшихся стрѣлъ ранила царя въ руку между послѣдними пальцами. Ядъ, разливаясь и распространяясь все далѣе и далѣе, поражаетъ наконецъ и самыя важныя части тѣла, — мало по малу лишаетъ ихъ силы и жизненности, и оттого царь, спустя немного времени, умираетъ. Сначала онъ счелъ за ничто свою рану и для ея излѣченія наложилъ на нее снятую съ подошвы ноги кожу, — что называется *экдора* (*excoriatio*), — стараясь этимъ сомнительнымъ средствомъ остановить выходящую изъ раны кровяную матерію. Возвратившись вечеромъ въ лагерь, онъ поужиналъ и спокойно провелъ ночь. Но на другой день, когда рана стала пухнуть и воспаляться, онъ почувствовалъ сильную боль и поспѣшилъ рассказать врачамъ

бывшій съ нимъ случай. Тѣ, осмотрѣвъ опухоль руки и съ любопытствомъ посмотрѣвъ на приложенную къ ранѣ накладку, сняли ее съ руки, какъ средство принятое не по правиламъ медицины, и употребили другія лѣкарства, имѣющія силу уничтожать воспаленіе ранъ. Но такъ какъ лѣкарства эти не принесли никакой пользы, то потомки эскулапа обратились къ хирургіи. Опухлое мѣсто было разрѣзано; но и это не принесло никакого облегченія и успокоенія страждущему члену: напротивъ опухоль все болѣе увеличивалась и боль переходила отъ пальца къ пальцу, отъ ладони къ ручной кисти, потомъ перешла въ локоть, а отсюда дошла и до плеча, такъ что царь сталъ терять надежду на спасеніе. Врачи были въ крайнемъ недоумѣніи и полагали совсѣмъ отнять у царя руку, которая отъ опухоли сдѣлалась толстою, какъ мужское бедро, хотя и въ этомъ случаѣ не признавали исцѣленія вѣрнымъ. Но царь, считая и прежнюю операцію причиною всего зла, не согласился на ихъ предложеніе, не захотѣлъ допустить сомнительнаго способа врачеванія, но по прежнему лежалъ больной и страдалъ. Въ пресвѣтлый день Христова Воскресенія онъ приобщился божественныхъ Таинъ и въ вечернее время предъ ужиномъ открылъ свою царскую палатку для всѣхъ, кто только желалъ войти и просить его о своихъ нуждахъ. Тоже самое, по совѣту великаго Доместика Іоанна, сдѣлалъ онъ и въ слѣдующій день,—раздѣливъ при томъ между присутствовавшими поставленные яства, — и затѣмъ, оставшись одинъ, сталъ ду-

мать о назначеніи себѣ преемника. Между-тѣмъ пошелъ проливной дождь,—и глубокая долина, въ которой императоръ стоялъ лагеремъ, покрылась водою. Когда по этому поводу царское ложе переносимо было на незанятое водою мѣсто,—на устахъ царя было слѣдующее изрѣченіе оракула: «въ мѣстахъ водныхъ и противъ ожиданія падешь ты!» А тѣ, которые особенно любятъ судить о преемствѣ и перемѣнахъ царей, находили, что теперь сбылось и это предсказаніе: «увы! ты будешь пищею страшныхъ вороновъ!» По ихъ словамъ это древнее изрѣченіе частию указываетъ на черные и шипящіе желѣзные инструменты, которыми прижигали руку царя, а частию объясняется названіемъ горъ, близъ которыхъ императоръ стоялъ лагеремъ.

12. Потомъ царь собралъ родныхъ, друзей и всѣ власти и высшіе чины и, представивъ своего младшаго сына Мануила, сказалъ такого рода рѣчь: «Римляне! Не за тѣмъ, что вы видите, пришелъ я въ Сирію,—нѣтъ, я думалъ совершить дѣла славнѣе прежнихъ,—думалъ съ полною безопасностію омыться въ Евфратъ и досыта напиться его струящейся воды; надѣялся увидѣть и рѣку Тигръ и разсѣять оружіемъ всѣхъ враговъ, какіе только состоятъ въ связи съ Киликійцами и соединились съ сынами Агари, затѣмъ перелетѣть, подобно царямъ птицъ, (хотя это и можетъ показаться преувеличеннымъ) и въ самую Палестину, гдѣ Христосъ своею смертію возстановилъ нашу падшую природу, распростерши руки на крестѣ и немногими каплями кро-

ви соединивши весь міръ,—думалъ взойти, какъ говорить Псалмопѣвецъ, и на гору Господню и стать на мѣстѣ святѣмъ Его, и наказать по праву войны окрестныхъ враговъ, которые не разъ вооруженною рукою овладѣвали гробомъ Господнимъ, какъ нѣкогда иноплеменики—кивотомъ. Но мои надежды не исполнились, а по какимъ причинамъ, о томъ знаетъ Богъ. Противиться этому совершенно не возможно, да и противорѣчить не должно. Ибо кто премудрѣе Бога? Или кто можетъ уразумѣть умъ Господень и измѣнить суды его, убавивъ или прибавивъ что нибудь? Шатки помыслы человѣческіе, но совѣтъ Господень твердъ и неизмѣненъ. Между тѣмъ я получилъ отъ Бога, устроившаго судьбу мою, такъ много благодѣяній, что ихъ и перечислить не возможно. Чтобы возблагодарить Его за всѣ тѣ милости, которыя онъ *возвеличилъ сотворити* съ нами (Пс. 125, 5), я теперь упомяну о нихъ вамъ—моимъ слушателямъ и ихъ свидѣтелямъ. Я родился отъ отца—императора, сдѣлался преемникомъ его власти, ничего не утратилъ изъ того, что передалъ онъ въ мои руки. А умножилъ ли я, подобно благоразумному и вѣрному рабу, врученный мнѣ отъ Бога талантъ царства, объ этомъ предоставляю другимъ судить и говорить. Но и самъ я безъ стѣсненія могу сказать объ этомъ, не съ тѣмъ, чтобы похвалиться, но—чтобы повѣдать чудеса Божіи на мнѣ. Меня видѣлъ сражающимся Востокъ и Западъ, я дѣлалъ походы противъ народовъ, живущихъ на томъ и другомъ материкѣ. Не много пробылъ я въ

царскихъ чертогахъ, почти вся жизнь моя прошла въ палаткѣ и всегдашнею моею заботою было—находиться въ полѣ. Самая земля эта, на которой мы стоимъ лагеремъ, въ другой разъ уже видѣла меня. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Персы и Арабы и въ глаза не видѣли римскаго войска, а теперь это самое войско, подъ главнымъ водительствомъ Божіимъ и подъ моимъ служебнымъ начальствомъ, привело ихъ въ трепетъ, и они уступили намъ многіе города, которые и доселѣ подвластны намъ и живутъ согласно нашимъ указамъ. Да дастъ же Господь Богъ, чтобы я, столько потрудившійся ради христіанскаго народа, сподобился тамошняго жребія и того вѣчнаго наслѣдія, которое получаютъ кроткіе и угодные Богу! А ваши руки да утвердить и укрѣпить Онъ еще болѣе противъ народовъ, которые жаждутъ брани и между которыми всѣмъ не призывается всесвятѣйшее имя Бога нашего! И это будетъ, если и вы свои успѣхи станете поставлять въ зависимость отъ десницы Вышняго и отъ Его высокой мышцы, и вождемъ надъ вами будетъ поставленъ отъ Бога не грабитель народа, не человѣкъ, который нисколько не соотвѣтствовалъ бы своему званію, или былъ бы съ дурными свойствами души, сидѣлъ бы только за столомъ и не выпускалъ чаши изъ рукъ, и никогда не отрывался бы отъ царскихъ чертоговъ, подобно лицамъ, изображеннымъ мозаикою и красками на стѣнахъ. Вѣдь обыкновенно всѣ дѣла такъ или иначе устроятся и идутъ соотвѣтственно качествамъ правителя, потому что прежде

всего отъ него зависятъ. Если онъ худъ,—и они разстроиваются, а если хорошъ,—и они приходятъ въ цвѣтущее состояніе. Это потому, что Богъ, по слову Давида, *ублажаетъ благія и правыя сердцемъ, уклоняющіяся же въ развращенія отведетъ съ дѣлающими беззаконіе* (Пс. 124, 4—5). А какъ я хочу теперь сказать нѣчто и о преемникѣ моей власти послѣ моей кончины, которая неизбѣжно и скоро наступитъ, то вамъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на мои слова. Что царская власть перешла ко мнѣ, какъ отцовское наслѣдіе, объ этомъ мнѣ нѣтъ нужды говорить, точно также, какъ всякому другому—доказывать, что солнце—свѣтило дня. Я вижу также, что вы усердно желаете, чтобы сохраненное во мнѣ отъ отца преемство перешло и на тѣхъ, которые произошли отъ моихъ чреслъ,—что вы искренно хотите быть подъ властію одного изъ моихъ сыновей, которые остаются еще въ живыхъ, то есть, Исаака или Мануила, и самое избраніе предоставляете не самимъ себѣ, а моему рѣшенію. По этому я долженъ сказать, что хотя природа, вѣрная порядку, обыкновенно отдаетъ преимущество старшимъ дѣтямъ, но у Бога, при важнѣйшихъ назначеніяхъ, почти всегда бываетъ не такъ. Вспомните объ Исаакѣ, который, по порядку рожденія, занималъ второе мѣсто за Исмаиломъ, объ Іаковѣ, который вышелъ изъ утробы матерней послѣ Исава, о Моисеѣ, который былъ моложе Аарона, о Давидѣ, самомъ младшемъ между братьями и юнѣйшемъ въ до-

му отца и о весьма многихъ другихъ. Богъ не смотритъ, подобно человѣку, на лица и не отдаетъ предпочтенія долголѣтію, сѣдинамъ и возрасту, но цѣнитъ добрыя свойства души и съ благоволеніемъ взираетъ на кроткаго, смиреннаго и хранящаго Его заповѣди. Потому-то и я не очень благопріятствую поврежденной природѣ, но въ дѣлахъ важныхъ отвергаю ея правила, какъ совѣты малодушной жены, и лучше хочу подражать Богу, Который выше всякаго лицепріятія. Если бы верховная власть безспорно переходила къ старшему моему сыну Исааку, мнѣ вовсе не было бы нужды говорить что-нибудь для изображенія свойствъ обоихъ моихъ сыновей. Но такъ какъ она должна перейти на сторону младшаго сына Мануила; то, чтобы отклонить подозрѣніе народа и чтобы кто нибудь не подумалъ, будто я изъ пристрастія, а не по достоинству, предпочелъ младшаго сына старшему, необходимо сказать объ этомъ, что слѣдуетъ. Не однимъ путемъ идутъ человѣческія пожеланія, но расходятся по множеству тропинокъ, точно такъ же, какъ и наши тѣла не одинаковы по виду, хотя всѣ мы равно люди и имѣемъ одну и ту же природу. Одни изъ насъ стремятся къ одному, другіе къ другому, и не всѣ мы равно находимъ наслажденіе въ одномъ и томъ же. А если бы было иначе, то мы, какъ необходимо увлекающіеся одними и тѣми же удовольствіями, одними и тѣми же расположеніями, не были бы виновны ни предъ Богомъ, ни другъ предъ другомъ. Такъ и двое моихъ сы-

новей, хотя произошли отъ одного отца, но имѣютъ различныя душевныя качества. Правда оба они хороши, оба отличаются и тѣлесною силою, и величественнымъ видомъ, и глубокимъ умомъ, но въ отношеніи къ управленію царствомъ мнѣ представляется несравненно лучшимъ младшій Мануиль. Исаака я часто видѣлъ вспыльчивымъ и раздражающимся отъ самой ничтожной причины, потому что онъ крайне гнѣвливъ, а это губить и мудрыхъ и доводить большую часть людей до необдуманныхъ поступковъ. Между тѣмъ Мануиль съ цѣлымъ рядомъ другихъ достоинствъ, которыхъ не чуждъ и Исаакъ, соединяетъ и это прекрасное качество—кротость, легко уступаетъ другимъ, когда это нужно и полезно, и слушается внушеній разсудка. А какъ мы, люди, скорѣе любимъ подчиняться незлобію сердца, которымъ украшенъ былъ и Давидъ царь и пророкъ, чѣмъ рукъ, держащей мечъ и волъ, не оставляющей безъ изслѣдованія и малѣйшихъ проступковъ подвластныхъ; то я, по этой причинѣ, и рѣшилъ назначить царемъ Мануила. И такъ, примите этого юношу, какъ царя, и Богомъ помазаннаго, и по моему избранію вступающаго на престолъ. А что и Богъ дѣйствительно предъизбралъ и предопредѣлилъ его въ царя, доказательство этому—многія благочестивыхъ мужей предсказанія и предвѣщанія, которыя все провозглашали, что Мануиль будетъ царемъ Римлянъ. Да какъ иначе объяснить и то, что умерли мои сыновья, которыхъ я прежде предназначалъ къ верховной власти, и

что теперь нѣтъ при мнѣ Исаака, которому послѣ нихъ принадлежитъ царство по праву рожденія? Не очевидно ли, что и это мы должны признать за совершенно ясные знаки воли Божій на то, чтобы не другой кто, а Мануиль держалъ въ рукахъ скипетръ римскій? А кто захочетъ внимательно вѣмотрѣться въ дѣло, тотъ увидитъ, что и я, отецъ, не совсѣмъ даромъ вручаю сыну царство,—единственно потому, что хочу сохранить преемство рода, но этимъ назначеніемъ награждаю его и за доблести. Вѣдь вы безъ сомнѣнія знаете, сколько не по возрасту геройскихъ подвиговъ совершилъ онъ при Неокесаріи и въ то отважное нападеніе на Персовъ, которое съ одной стороны такъ много беспокоило меня, какъ отца, крайне боявшагося за возлюбленнаго сына, а съ другой такъ много возвысило дѣла Римлянъ». Когда царь Іоаннъ сказалъ это, собраніе, рыдавшее при его словахъ, охотно признало Мануила царемъ, какъ бы онъ избранъ былъ по жребію, или по большинству голосовъ. Затѣмъ отецъ обратился съ словомъ къ сыну и, давши ему полезныя совѣты, украсилъ его царскою діадемою и облекъ въ порфиру. Потомъ и собравшіяся по приказанію войска провозгласили Мануила римскимъ императоромъ, причемъ каждый изъ главныхъ военачальниковъ стоялъ отдѣльно съ своимъ отрядомъ и яснымъ голосомъ говорилъ привѣтствіе новому царю. Наконецъ предложено было Евангеліе, и предъ нимъ все поклялись въ преданности и вѣрности Мануилу. Распорядителемъ и вмѣстѣ виновникомъ

всего этого былъ великій Доместикъ. Онъ думалъ чрезъ это обезсилить и подавить стремленія честолюбцевъ къ возвышенію и мятежу и не допустить партіямъ содѣйствовать нѣкоторымъ изъ царскихъ родственниковъ, которые, выставляя на видъ старшинство лѣтъ, какъ нѣчто великое и достойное уваженія, и преувеличивая свое царское родство, считали самихъ себя болѣе достойными царствовать.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ все это совершилось, царь Іоаннъ скончался, царствовавъ двадцать четыре года и восемь мѣсяцевъ. Это былъ человекъ, который и царствомъ управлялъ прекрасно, и жилъ богоугодно, и по нравственности не былъ ни распутенъ, ни невоздерженъ, и въ дарахъ и издержкахъ любилъ великолѣпіе, какъ объ этомъ ясно говорятъ и частыя раздачи золота константинопольскимъ жителямъ, и столько прекрасныхъ и громадныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ имъ съ самаго основанія. Въ то же время страстно любя славу, какъ никто другой, онъ больше всего старался о томъ, чтобы оставить по себѣ въ потомствѣ знаменитое имя. За благопристойнымъ поведеніемъ и приличнымъ видомъ домашнихъ онъ наблюдалъ съ такою строгостію, что даже обращалъ вниманіе на стрижку волосъ и тщательно осматривалъ обувь—вполнѣ ли она соотвѣтствовала положенію того, кто ее носилъ. Какъ убійственную заразу, онъ изгналъ изъ царскаго дворца и пустословіе, и сквернословіе при общественныхъ собраніяхъ, и чрезмѣрную роскошь въ одеждѣ и пищѣ. Представляя въ

себѣ образецъ строгаго воздержанія и желая, чтобы всѣ домашніе подражали ему, онъ не переставалъ подвизаться во всѣхъ видахъ этой добродѣтели. Но поступая такимъ образомъ, онъ не былъ однакожъ чуждъ любезности, не былъ ни суровъ, ни неприступенъ, ни угрюмъ, ни пасмуренъ и какъ будто чѣмъ-то недоволенъ. Публично подавая собою примѣръ во всякомъ прекрасномъ дѣлѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, когда оставался безъ людей постороннихъ и избавлялся отъ шумной толпы, какъ отъ докучливаго звона колокола,—допускалъ и приличное остроуміе, не чуждался и шутки, несовсѣмъ запрещалъ или подавлялъ и смѣхъ. И такъ какъ онъ въ немногомъ уступалъ тѣмъ, которые хранятъ высшее воздержаніе и непорочность, недалеко отставалъ отъ тѣхъ, которые ведутъ жизнь въ высшей степени строгую, и ни у кого во все свое царствованіе ни жизни не отнялъ, ни тѣла не изуродовалъ; то его и до сихъ поръ всѣ прославляютъ похвалами и считаютъ, такъ сказать, вѣнцемъ всѣхъ царей, возсѣдавшихъ на римскомъ престолѣ изъ рода Комниновыхъ. Но и по отношенію ко многимъ изъ древнихъ и лучшихъ императоровъ, можно сказать, что онъ съ одними изъ нихъ сравнился, а другихъ даже превзошелъ.

ЦАРСТВОВАНИЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

КНИГА I.

1. Когда Мануиль провозглашенъ былъ самодержцемъ, онъ немедленно отправилъ въ царственный городъ великаго Доместика, по имени Юанна, а по прозванію Аксуха, и съ нимъ Хартуларія (¹), Василия Цинцилука, съ тѣмъ, чтобы они устроили дѣла новаго царствованія, облегчили ему прибытіе въ столицу и приготовили все нужное къ его въѣзду, а въ тоже время задержали и роднаго его брата, Севастократора Исаака. Самодержецъ опасался, чтобы Исаакъ, услышавъ о смерти отца и узнавъ, что скипетръ переданъ младшему его брату, не сталъ противиться и домогаться верховной власти, такъ какъ онъ имѣлъ право на престолъ по своему рожденію, находился тогда въ

(¹) *Χαρτουλάριος*, отъ *charta*—бумага,—хранитель бумагъ и секретарь. Хартуларіи были разнаго рода. Должность великаго Хартуларія, какимъ, по мнѣнію Дюканжа, и былъ Василій Цинцилукъ, главнѣйшимъ образомъ состояла въ томъ, что онъ подводилъ Императору коня, когда тотъ отправлялся куда-нибудь. *Du Cange Glossar. ad script. med. et inf. graecit. Tom. II. p. 1735—1736.*

столицѣ и проживалъ въ томъ дворцѣ, въ которомъ хранилась казна и царскія регаліи. Юаннъ, поспѣшно пріѣхавъ въ Константинополь, дѣйствительно задерживаетъ Исаака, который еще ничего не зналъ о случившемся, и заключаетъ его въ монастырь Вседержителя, построенный царемъ Іоанномъ; такъ что, когда тотъ, находясь уже въ заключеніи, узналъ о смерти отца и услышалъ о провозглашеніи брата, то ничего уже не могъ сдѣлать и только жаловался, что его обижаютъ и только жаловался, что его обижаютъ сверхъ всякой мѣры, и превозносилъ тотъ порядокъ, которому все въ мірѣ подчиняется. «Скончался, говорилъ онъ, Алексѣй, первородный изъ братьевъ и наслѣдникъ отеческой власти; за нимъ послѣдовалъ Андроникъ, второй послѣ перваго: и онъ вскорѣ послѣ того, какъ привезъ тѣло покойнаго брата изъ-за моря, также окончилъ жизнь. Значитъ ко мнѣ теперь долженъ перейти римскій скипетръ и по праву мнѣ принадлежитъ власть». Но между тѣмъ какъ онъ тщетно высказывалъ такія жалобы и, какъ поймавшая птичка, напрасно истощался въ усиліяхъ, великій Доместикъ, заботясь объ охраненіи дворца и стараясь, чтобы граждане провозгласили Мануила царемъ, выдаетъ духовенству великаго храма грамоту, писанную красными чернилами и скрѣпленную золотою печатію и шелковымъ краснымъ шнуркомъ, въ которой назначалось ему ежегодно по 200 минъ серебряныхъ монетъ (¹). Гово-

(¹) Мина (*μνᾶ*)—греческій фунтъ или монета въ 100 аттическихъ драхмъ, 10 серебряныхъ минъ составляютъ одну золотую. 60 минъ составляютъ одинъ талантъ.

рили впрочемъ, что Акеухъ привезъ съ собою и другую подобную же царскую грамоту, въ которой назначалось столько же золотыхъ монетъ. Императоръ не безъ основанія опасался, чтобы или самъ Исаакъ, имѣвшій больше права на престолъ по рожденію, услышавъ о смерти отца и о провозглашеніи младшаго брата, не возмущилъ города, или происки какихъ нибудь беспокойныхъ и склонныхъ къ возмущеніямъ людей, обыкновенно сопровождающіе восшествіе на престолъ и перемѣну императоровъ, не сдѣлали чего-либо неблагопріятнаго новому царю и опаснаго для его царствованія. Поэтому, при такомъ сомнительномъ положеніи дѣлъ, онъ и вручилъ Іоанну двѣ милости-выя грамоты. Но дѣла посольства пошли такъ благопріятно, что ни пославшему, ни посланному нельзя было ничего лучшаго ни представить, ни желать, и потому Іоаннъ, удержавъ грамоту, назначавшую золото, выдалъ только грамоту, назначавшую серебро.

Между тѣмъ какъ посланные подготовили такимъ образомъ прибытіе царя, самъ царь, воздавъ послѣдній долгъ отцу, поставилъ тѣло его на одномъ изъ кораблей, стоявшихъ въ рѣкѣ Пирамъ, которая, орошая Мопсуестію, впадаетъ въ море, и, устроивъ, сколько позволяло время, дѣла въ Антиохіи, выступилъ изъ Киликіи и отправился въ путь чрезъ такъ называемую верхнюю Фригію. На пути были захвачены Персами и отведены къ тогдашнему правителю Иконіи, Масуту, двоюродный по отцѣ братъ Мануила, Андроникъ Комнинъ, бывший впослѣдствіи тиранномъ надъ Рим-

лянами и Оеодоръ Дасіотъ, за которымъ была въ замужествѣ Марія, дочь роднаго брата Мануилова, Севастократора Андроника. Находясь на охотѣ и уклонившись отъ пути, по которому шло войско, они нечаянно попали въ руки непріятелей и такимъ образомъ, думая ловить звѣрей, сами были пойманы ловцами людей. Въ то время царь не могъ обращать вниманія ни на что постороннее, будучи всецѣло занятъ предстоявшимъ ему дѣломъ и считая не безопаснымъ, хоть сколько нибудь медлить его исполненіемъ, и потому не позаботился, какъ слѣдовало, и объ этихъ лицахъ и не оказалъ имъ царской помощи; но впослѣдствіи освободилъ ихъ безъ выкупа и возвратилъ Римлянамъ небольшой городъ Праку, основанный въ сосѣдствѣ съ Селевкією и разоренный Персами. По прибытіи въ столицу, Мануиль былъ радостно приняться жителями, какъ потому, что онъ наслѣдовалъ отеческій престолъ, такъ и потому, что его все любили. Въ возрастѣ нѣжнаго юноши онъ превосходилъ уже благоразуміемъ людей, составившихся въ дѣлахъ, былъ воинственъ и смѣлъ, въ опасностяхъ неустрашимъ и мужественъ, въ битвахъ рѣшителенъ и храбръ. Юношеское лице его отличалось пріятностію и улыбающійся взоръ заключалъ въ себѣ много привлекательнаго. Ростомъ онъ былъ высокъ, хотя нѣсколько и сутуловатъ. Цвѣтъ тѣла его былъ не такой бѣлоснѣжный, какъ бываетъ у воспитанныхъ въ тѣни, но и не такой смуглый, какъ у людей, которые долго были на солнцѣ и подвергались дѣйствию пламенныхъ лучей его; отличаясь отъ бѣлага, онъ хотя

и приближался къ черноватому, но не отнималъ тѣмъ красоты. По всеѣмъ этимъ причинамъ граждане стеклись ему навстрѣчу съ распростертыми объятіями, и онъ радостно вступилъ въ царскіе чертоги, при громкихъ восклицаніяхъ и сильныхъ рукоплесканіяхъ народа. При вступленіи его во дворецъ на стройномъ арабскомъ конѣ, когда нужно было проходить воротами, за которыми сидеть съ сѣдла дозволяется однимъ только императорамъ, конь, на которомъ ѣхалъ царь, громко заржалъ и сталъ сильно бить копытами въ пометъ, потомъ спокойно пошелъ впередъ и, гордо описавъ нѣсколько круговъ, переступилъ наконецъ порогъ. Это обстоятельство показалось счастливымъ предзнаменованіемъ для бывшихъ тутъ болтуновъ, и особенно для тѣхъ, которые глазбуютъ на небо, но едва умѣютъ различать то, что у нихъ подъ ногами; по этимъ движеніямъ и многократнымъ круженіямъ коня, они предсказывали самодержцу продолжительную жизнь.

2. Воздавъ благодареніе Богу за свое провозглашеніе и вступленіе на царство, царь сталъ думать о назначеніи преемника на патріаршій престолъ, для управленія дѣлами церкви и для возложенія на него самаго во храмѣ Господнемъ императорскаго вѣнца; такъ какъ Левъ Стищіотъ тогда скончался. По этому поводу онъ совѣщался съ важнѣйшими изъ своихъ августѣйшихъ родственниковъ, съ сенаторами и служителями алтаря. Многіе были предлагаемы къ избранію на высочайшій іерархическій престолъ; но большинство голосовъ и почти общее мнѣніе склонилось

въ пользу Михаила, инока монастыря окейскаго; потому что онъ и славился добродѣтелями, и былъ не чуждъ нашего образованія. Михаилъ, возведенный на патріаршій престолъ, немедленно во святомъ храмѣ помазалъ того, кто какъ-бы помазалъ его самаго, избравъ въ патріархи. Между тѣмъ съ царемъ примирился и братъ его Исаакъ, и, вопреки ожиданію народа, оба брата оказывали другъ другу взаимную благосклонность. Но Исаака не любилъ народъ за его крайнюю раздражительность и за склонность къ жестокимъ наказаніямъ, часто по маловажнымъ причинамъ. Къ тому же, не смотря на свой огромный ростъ, онъ страдалъ недостойною и несвойственною мужу боязливостію, такъ что пугался всякаго шума. Поэтому все ублажали и считали достойнымъ вѣчной доброй памяти августѣйшаго отца его, Іоанна, между прочимъ и за то, что онъ предпочелъ ему Мануила при назначеніи преемника власти и царства.

Такъ какъ Масаутъ нападалъ на восточныя области и опустошалъ ихъ, то Мануиль выступилъ противъ него въ походъ и, достигши Мелангій⁽¹⁾, отместилъ тамошнимъ Персамъ. Затѣмъ, сдѣлавъ распоряженія о возстановленіи и охраненіи Мелангій, онъ возвратился въ столицу, заболѣвъ колотьемъ въ бокахъ. Считая долгомъ отместить и князю антиохійскому Раймунду за то, что тотъ нападалъ на киликійскіе города, подвластные Римлянамъ, онъ выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ племянниковъ Конто-

(1) Τὰ Μελάνγεια, — городъ близъ Олимпіа въ Мизіи.

стефана, Иоанна и Андроника, и нѣкоего Проеуха, опытнаго въ военномъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ и длинныя корабли, которыми начальствовалъ Димитрій Врана. Какъ скоро тамошнія крѣпости и города, терпѣвшіе нападенія, были надлежащимъ образомъ обезопасены, онъ рѣшился идти войною противъ Персовъ; такъ какъ они помогали овладѣть пиниканскими укрѣпленіями и, вторгнувшись въ область Оракісійцевъ⁽¹⁾, опустошали все, встрѣчавшееся на пути. Съ этою цѣлію онъ прошелъ Лидію и, приблизившись къ городамъ, лежавшимъ во Фригіи и при рѣкѣ Меандрѣ, избавилъ эти города отъ угрожавшихъ имъ опасностей, прогнавъ уstraшенныхъ Персовъ. Достигнувъ Филомилія, онъ и здѣсь имѣлъ стычку съ Турками, гдѣ и былъ раненъ въ подошву ноги однимъ Персомъ: царь повергъ его копьемъ на землю, а онъ во время паденія пустилъ стрѣлу въ его пятку. Такъ какъ непріатели считали его человекомъ страшнымъ въ дѣлахъ, рѣшительнымъ и болѣе отважнымъ, чѣмъ отецъ его Іоаннъ; то онъ не хотѣлъ пойти назадъ и не слушался тѣхъ, которые совѣтовали ему возвратиться домой, дабы Персы не были наконецъ доведены до отчаянія и, собравшись, не причинили зла его войску, — но съ особенною поспѣшностію пошелъ противъ самой Иконіи. Въ это время самъ Масутъ, выступивъ изъ города, расположился лаге-

(1) Τῆς ἐξέτης Ορακισίων. Это одна изъ восточныхъ областей, такъ называемая отъ выселенныхъ сюда Оракіійцевъ. Constant. Porphyrog. Vol. III, pag. 22—24. ed. Bonn.

ремъ въ Таксарахъ, которыя прежде назывались Колонією; а одна изъ его дочерей, бывшая, говорятъ, въ замужествѣ за двоюроднымъ братомъ царя, сыномъ Севастократора Исаака, Іоанномъ Комнинымъ, который, по поводу небольшого оскорбленія, убѣжалъ отъ дяди и царя Іоанна Комнина къ Масуту, — стоя на стѣнахъ города, сказала при этомъ случаѣ убѣдительную рѣчь въ защиту отца и султана. Между тѣмъ царь приблизился уже къ укрѣпленіямъ Иконіи, окружилъ ея стѣны войскомъ, далъ позволеніе юношамъ бросать стрѣлы въ крѣпость, не дозволивъ только оскорблять гробницы мертвыхъ, но вынужденъ былъ отступить оттуда и идти назадъ. При этомъ отступленіи, — такъ какъ непріатели сдѣлали засады и напередъ заняли тѣсныя проходы, — происходили схватки сильнѣе прежнихъ; но онъ преодолѣлъ, хотя не безъ труда, все препятствія, и возвратился въ царствующій городъ.

Этотъ царь взялъ себѣ жену изъ славнаго и царственнаго рода Алеманновъ. Она не столько заботилась о красотѣ тѣлесной, сколько о внутренней и душевной. Отказавшись отъ притираний порошками, отъ подкрашиванія глазъ, отъ щегольства, отъ искусственнаго, но не отъ природнаго румянца и предоставивъ все это женщинамъ безумнымъ, она занималась и украшалась добродѣтелями. При томъ имѣла, свойственный ей роду, характеръ непреклонный и была упряма. Поэтому и царь не много любилъ ее и, хотя не лишалъ ее чести, великолѣпныхъ троновъ, оруженосцевъ и прочаго, чего требовало царское ве-

личіе, но не соблюдалъ супружеской вѣрности. Будучи молодъ и влюбивъ, Мануиль предавался развѣянной и роскошной жизни; любилъ шировать съ веселыми и разгульными товарищами и дѣлалъ все, къ чему склоненъ цвѣтущій возрастъ и чему учитъ всесвѣтная любовь.

5. Впрочемъ Мануиль заботился и объ общественныхъ дѣлахъ. Блюстителемъ за государственными доходами и главнымъ контролеромъ онъ, подобно своему отцу и царю, сдѣлалъ Іоанна Пуцинекаго, который прежде былъ Протонотаріемъ почтоваго вѣдомства ⁽¹⁾; а ближайшимъ своимъ посредникомъ и исполнителемъ собственныхъ распоряженій назначилъ Іоанна Агіоѳеодорита, который самъ постоянно находился при лицѣ императора и принималъ его приказанія, какбы изреченія оракула, а для приведенія ихъ въ исполненіе письменно и словесно, имѣлъ при себѣ не мало помощниковъ изъ образованныхъ людей, которыми богатъ былъ императорскій дворъ, и преимущественно предъ всѣми Феодора Стипшіота, о которомъ скажемъ ниже. Іоаннъ Пуцинескій былъ человѣкъ весьма свѣдущій по части финансовой, въ высшей степени искусный и опытный въ дѣлѣ взиманія податей, чрезвычайно строгій во взысканіи прежнихъ налоговъ и необыкновенно находчивый въ изобрѣтеніи новыхъ. По харак-

⁽¹⁾ *Πρωτοτάριος του δρόμου*. Протонотарій — первый между писцами, завѣдывающій письменною частию. Протонотарій *του δρόμου* — завѣдывающій письменною частию по почтовому вѣдомству. Codin. ed. Bonn. p. 201; Cfr. Du Cange Glossar. tom. I, p. 822.

теру онъ былъ крайне жестокъ и неумолимъ, такъ что легче можно было бы смягчить твердый и жесткій камень, чѣмъ склонить его къ тому, чего онъ не хотѣлъ. И, что еще удивительнѣе, онъ не только не трогался слезами, не смягчался жалобнымъ видомъ, не преклонялся предъ тяжестью серебра и не обольщался приманкою золота, но и былъ недоступенъ до безчеловѣчія. Онъ никогда не входилъ въ подробныя объясненія съ людьми, которые являлись къ нему съ какими либо предложеніями, но любя большею частию молчаніе, иногда не удостоивалъ ихъ и привѣтствія, что для современниковъ было крайне прискорбно и почти невыносимо. А отъ царя онъ былъ облеченъ такою силою и властію, что по своему усмотрѣнію иные изъ царскихъ указовъ отвергалъ и разрывалъ, а другіе вносилъ въ государственные кодексы. По представленію этого человѣка, царь Іоаннъ безразсудно уничтожилъ одно общепольное учрежденіе, спасительное для всѣхъ острововъ и соблюдавшееся неприкосновеннымъ при прежнихъ царяхъ. Корабельныя пошлины, употреблявшіяся прежде на содержаніе флота, онъ присовѣтовалъ царю обратить въ государственную казну, а тріиры ⁽¹⁾, по закону представляемыя островами вмѣсто ратниковъ, онъ убѣдилъ царя чуть не потопить въ морѣ. Онъ представилъ, что тріиры не всегда нужны для государства и общества, а употребляемыя на нихъ

⁽¹⁾ Это трехгребные корабли, съ тремя рядами скамей для гребцовъ, устроенныхъ ярусами.

ежегодно издержки огромны, и потому лучше сберегать эти суммы въ государственной казнѣ, а, въ случаѣ нужды, снаряжать флотъ на счетъ царскихъ сокровищницъ. Предложивъ такую мысль, достойную морскаго разбойника, онъ однакожъ принять былъ за человека отличнаго и вполне понимающаго сущность дѣлъ. Чтобы склонить къ этому царя, онъ съ одной стороны пугалъ его чрезмѣрными издержками, а съ другой радовалъ умѣренностію расходовъ. А между тѣмъ, вѣдствіе этой дурной мѣры, или этого скряжничества, теперь господствуютъ на моряхъ разбойники и опустошаютъ, какъ хотятъ, прибрежныя римскія области. Конечно, мы приписываемъ плоды тому, кто посѣялъ сѣмя, но не оправдываемъ и того, кто собиралъ ихъ; обвиняемъ въ пожарѣ того, кто подложилъ огонь, но не оправдываемъ и того, кто могъ погасить его, но рѣшительно не хотѣлъ сдѣлать этого. Впрочемъ Іоаннъ только до тѣхъ поръ былъ преданнымъ пользамъ казны контролеромъ, искуснымъ и бережливымъ распорядителемъ, и до крайности строгимъ во взысканіи податей, пока имѣлъ полную власть и свободу—дѣлать все, что только было непротивно его мнѣнію, или что было ему угодно и возможно. А когда увидѣлъ, что его власть измѣняется, свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію ограничивается и значеніе мало по малу уменьшается,—потому что и другіе начали усиливаться у царя, отстраняя его и лишая чрезмѣрнаго вѣса; тогда онъ измѣнилъ свои правила и сталъ всѣми силами приспособляться ко времени и приносив-

ляться къ обстоятельствамъ. Сказавъ одному изъ своихъ приближенныхъ: «ну, теперь и мы будемъ богаты», онъ дѣйствительно сдѣлался совсѣмъ другимъ человекомъ, женился на женщинѣ изъ благороднаго, но падшаго и забытаго дома и, сдѣлавшись отцемъ семейства, оставилъ своимъ дѣтямъ, огромное и достаточное для роскошной жизни, богатство. Будучи человекомъ до крайности скупымъ и неподатливымъ, такъ что не рѣшался даже поднять рѣсницъ, чтобы взглянуть на бѣдныхъ, онъ не распускалъ своего богатства, но, связавъ его неразрѣшимыми и нерасторжимыми узамъ, держалъ взаперти, какъ нѣкогда Акрисій Данаю. Его скряжничество простиралось до того, что даже съѣстные припасы, присылаемые ему, онъ часто отсылалъ для продажи на рынокъ, а большія и жирныя рыбы, какъ напр. сіаксы и лавраксы, присланныя ему кѣмъ нибудь, трижды продавалъ и столько же разъ купленные вновь принималъ отъ другихъ, имѣвшихъ до него нужду. Такимъ образомъ эти рыбы обращались у него въ рыбаковъ: выставя свою величину, какъ уду, а жиръ, какъ приманку, онъ привлекали къ себѣ проходящихъ и побуждали ихъ къ покупкѣ.

Важное также значеніе по своимъ совѣтамъ имѣлъ и Іоаннъ Агіоѳеодоритъ, но, по превратности дѣлъ человѣческихъ, ему скоро назначенъ былъ хитрый товарищъ Феодоръ Стиппіотъ. Этотъ человекъ то соглашался съ Іоанномъ, то противорѣчилъ ему и, занимая по краснорѣчію первое мѣсто, а по чину второе, не довольствовался предоставленными ему почестями, но, крайне желая

большаго и стремясь къ высшему, всѣми силами домогался первенства. Воспользовавшись случаемъ, когда произошли немаловажныя разногласія между благороднымъ мужемъ Михаиломъ Палеологомъ и Иосифомъ Вальсамономъ, зятемъ Агіоогеодорита по сестрѣ, онъ рѣшительнѣе приступилъ къ исполненію своего намѣренія и, употребивъ всѣ усилія, успѣлъ вытѣснить Іоанна изъ столицы, какбы съ высоты небесной, и забросить въ самый отдаленный уголъ, на должность Претора Еллады и Пелопоннеса, съ тѣмъ, чтобы онъ привелъ въ порядокъ тамошнія дѣла и разрѣшилъ споры между упомянутыми лицами. Іоаннъ еще готовился къ отъѣзду, а судьба, даже не дождавшись его удаленія, перешла на сторону Стипніота и, какъ говорится, обнявъ его ласково и радушно, стала украшать всѣми почестями и возвышать отъ славы къ славѣ. Наконецъ одного она возвела въ великолѣпный санъ Каниклія ⁽¹⁾, сдѣлала самымъ приближеннымъ лицомъ къ царю и возвеличила другимъ еще большими преимуществами; а другаго возненавидѣла и лишила куска хлѣба, и, что всего удивительнѣе, не измѣнила своего рѣшенія и не отмѣнила его, но до конца осталась при немъ. Съ того времени Стипніотъ сталъ управлять дѣлами, какъ хотѣлъ. Это

(1) Τοῦ ἐπὶ τοῦ κανικλίου. Каникліѳон назывался сосудъ съ пурпуровою или красною жидкостію, которою императоры подписывали грамоты. Ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλίου — Каниклій, лице, завѣдывавшее этимъ сосудомъ, хранитель его. Должность его состояла, между прочимъ, въ томъ, что онъ скрѣплялъ царскую подпись. Codin. ed. Bonn. pag. 206.

былъ человекъ съ умомъ глубокимъ и обширнымъ, съ характеромъ любезнымъ и съ быстрымъ соображеніемъ. Онъ исполнялъ все, что приказывалъ царь, а царь приказывалъ то, чего хотѣлъ онъ. Впрочемъ и царь не былъ тогда зараженъ постыднымъ корыстолюбіемъ, былъ моремъ щедрости, бездною милости, доступенъ по привѣтливости своего обращенія, неподражаемъ въ царскихъ добродѣтеляхъ, имѣя душу еще простую и сердце безхитростное. Старики рассказывали намъ, что тогда люди жили какбы въ золотой вѣкъ, воспѣваемый стихотворцами. Приходившіе въ царское казнохранилище за полученіемъ какой либо милости, походили на рой пчелъ, съ шумомъ вылетающихъ изъ расщелинъ скалы, или на толпу людей, собравшихся на площади, такъ что сталкивались между собою въ дверяхъ и тѣснили другъ друга—одни торопясь войти, а другіе спѣшавшіе выйти. Впрочемъ объ этомъ мы только слышали. А съ другой стороны и государственная казна въ то время отличалась щедростію, разливалась, подобно переполнившемуся собранію водъ, и, какъ чрево, близкое ко времени рожденія и удрученное избыткомъ бремени, охотно извергала изъ себя пособіе нуждающимся. Ибо отъ доходовъ царя, отца Мануилова, изъ которыхъ часть удѣлялась на дѣла богоугодныя и которые не подвергались безпутной и безразсудной тратѣ, скопились груды денегъ и лежали, какъ кучи камней. Къ тому же, кажется, и Богъ благословлялъ и умножалъ сокровища, согласно съ своимъ непременнымъ обѣтованіемъ, указывающимъ и на

вѣчную награду и на временное стократное воздаяніе. Впрочемъ не долго продолжалось это доброе настроеніе царя Мануила, но скоро прошло и миновало. Достигнувъ мужескаго возраста, онъ сталъ самовластнѣе управлять дѣлами, съ подчиненными началъ обращаться не какъ съ людьми свободными, а какъ съ наемными рабами; сталъ сокращать, если не совсѣмъ прерывать потоки благотворительности, и даже отмѣнилъ такія выдачи, которыя самъ назначилъ. Думаю, что онъ дѣлалъ это не столько по недостатку доброты (при объясненіи дѣлъ сомнительныхъ, всегда нужно быть снисходительнымъ), сколько потому, что не котила (¹), а цѣлое тиресинское море золота нужно было ему на покрытіе его огромныхъ расходовъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго моего разсказа.

4. Но между тѣмъ какъ императоръ такъ управлялъ имперією, страшная и опасная туча враговъ, съ шумомъ поднявшись съ Запада, направились на предѣлы римскаго государства: говорю о движеніи Алеманновъ и другихъ, поднявшихся съ ними и единоплеменныхъ имъ, народовъ. Между ними были и женщины, ѣздившія на коняхъ подобно мужчинамъ, смѣло сидѣвшія въ сѣдлахъ, не опустивъ ногъ въ одну сторону, но верхомъ. Онѣ также, какъ и мужчины, были вооружены копьями и щитами, носили мужскую одежду, имѣли совершенно воинскій видъ и дѣйствовали смѣлѣе Амазонокъ. Въ особенности от-

(¹) *Κοτὺλη*—мѣра жидкостей, $7\frac{1}{2}$ унцій вѣсу.

личалась одна изъ нихъ, какъ бы вторая Пенесилія (¹): по одеждѣ своей, украшенной по краямъ и подолу золотомъ, она прозывалась Златоногою. Причиною своего движенія эти народы выставляли посѣщеніе гроба Господня и желаніе устроить прямые и безопасные пути для своихъ единоплеменниковъ, отправляющихся въ Іерусалимъ. Они говорили, что не везутъ съ собою въ дорогу ничего лишняго, но берутъ единственно то, что необходимо для уравниенія путей, а подъ этимъ разумѣли не лопаты, молоты и заступы, но щиты, латы, мечи и все другое, потребное для войны. Такую они представляли причину своего движенія, подтверждая это клятвою, и, какъ оказалось впоследствии, слова ихъ не были ложны. Приславъ пословъ, какъ друзья, они просили царя дозволить имъ пройти чрезъ римскія области и открывать имъ на пути рынки, на которыхъ они могли бы покупать пищу для людей и кормъ для лошадей. Царь, какъ и естественно, сначала испугался этого неожиданнаго и доселѣ еще никогда не бывавшаго дѣла, однако же не преминулъ сдѣлать все, что могло быть полезнымъ. Посламъ онъ отвѣчалъ благосклонно и, какъ требовали обстоятельства, показавъ видъ, что онъ чрезвычайно одобряетъ ихъ дѣйствія, притворно восхищаясь ихъ благочестивымъ намѣреніемъ, обѣщалъ немедленно приготовить все, необходимое для ихъ перехода, и увѣрялъ, что съѣстные припасы будутъ

(¹) Это знаменитая царица Амазонокъ, принимавшая участіе въ троянской войнѣ.

заготовлены въ изобиліи и что они будутъ получать ихъ такъ, какъ будто бы проходили не по чужой, а по своей землѣ, если только дадутъ вѣрную клятву, что ихъ проходъ будетъ истинно благочестивый и что они выйдутъ изъ римскихъ предѣловъ, не причинивъ вреда. Устроивъ это, какъ слѣдовало, онъ дѣйствительно посылаетъ повсюду царскіе указы, чтобы жизненные потребности были выставлены на дорогахъ, по которымъ будутъ проходить западные войны. За словомъ послѣдовало и дѣло. Но опасаясь и подозрѣвая, чтобы въ овчей кожѣ не пришли волки, или, въ противоположность баснѣ, чтобы подъ видомъ ословъ не скрывались львы, или вмѣстѣ съ лисьею шкурою не имѣли они и львиной, онъ собираетъ римскія войска и публично совѣщается объ общественномъ дѣлѣ. При этомъ исчисляеть множество имѣющихъ проходить воиновъ, показываетъ количество конницы, объявляетъ число тяжело вооруженныхъ ратниковъ, говоритъ о безчисленномъ множествѣ пѣхоты, описываетъ, какъ они покрыты мѣдью и жаждутъ убійства, какъ у всѣхъ ихъ глаза огнемъ горятъ и какъ они восхищаются кровопролитіемъ болѣе, нежели другіе окропленіемъ водою. И не только это объявляетъ Сенату, высшимъ сановникамъ и войскамъ, но говоритъ и о томъ, какъ тиранъ сицилійскій, подобно морскому звѣрю, разоряетъ приморскія области, какъ онъ, переплывая море и приставая къ большимъ римскимъ селеніямъ, опустошаетъ все, встрѣчающееся на пути, безъ всякаго сопротивленія. Потомъ исправляетъ городскія башни и

укрѣпляетъ стѣны по всему ихъ протяженію, даетъ солдатамъ латы, вооружаетъ ихъ мѣдными копьями, снабжаетъ быстрыми конями и воодушевляетъ раздачею денегъ, которыя кто-то изъ древнихъ прекрасно называлъ первами всѣхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, при помощи Божіей и при содѣйствіи покровительницы города, Матери-Дѣвы, приготовивъ, какъ можно лучше, войска къ отраженію непріятеля, одну часть ихъ онъ удерживаетъ для защиты прекраснаго города и помѣщаетъ на стѣнахъ его, а другой приказываетъ слѣдовать не въ дальнемъ разстояніи за войскомъ Алеманновъ и удерживать тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ выходить на грабежи и разбои, впрочемъ—средствами мирными, а не враждебными. Пока Алеманны были далеко, не случилось ничего достопримѣчательнаго между обоими войсками; да когда они остановились и у Филиппополя, и на этой стоянкѣ не произошло между отрядами столкновенія. Архіереемъ этой области въ то время былъ Михаилъ италійскій, человѣкъ отлично краснорѣчивый и всесторонне образованный, въ разговорѣ до того пріятный, что всѣхъ привлекалъ къ себѣ, подобно магниту. Онъ до такой степени увлекъ короля прелестью своихъ словъ и очаровалъ сладостию рѣчей, (имѣя однако въ мысляхъ совсѣмъ не то, что говорилъ, а выгоды Римлянъ, и искусно превращаясь, подобно Протею фаросскому), что гордый король не могъ оторваться отъ него, бывалъ у него на обѣдахъ, и раздѣлялъ съ нимъ завтраки. За то и самъ, изъ угожденія ему, подвергалъ самымъ же-

стокиѣмъ наказаніямъ тѣхъ, которые приносили откуда-нибудь съѣстные припасы, не заплативъ за нихъ денегъ.

5. Когда же король выступилъ оттуда и отправился далѣе, то между задними отрядами Алеманновъ и Римлянами сначала происходить споръ, по поводу какихъ-то обидъ; за споромъ слѣдуетъ шумная распря толпы, усиливаемая криками; къ крикамъ присоединяется брань и ссоры, а отсюда дѣло доходитъ до драки. Затѣмъ является богиня войны, — завязывается вооруженная схватка и поднимается открытое сраженіе. Возрастая и усиливаясь болѣе и болѣе, оно едва было не подняло свою голову до небесъ, хотя въ началѣ было незначительно и незамѣтно; но вышеупомянутый архіерей успѣлъ своими убѣжденіями смягчить и сверхъ чаянія успокоить короля, который уже возвращался назадъ и дышалъ войною, какъ кровожадный левъ, свирѣпо махающій хвостомъ и готовящійся къ нападенію. Когда войска достигли укрѣпленнаго Адрианополя, то король, пройдя чрезъ этотъ городъ, отправился далѣе, а одинъ изъ его родственниковъ, по причинѣ болѣзни, остался въ Адрианополѣ. Здѣсь нѣкоторые негодные Римляне, которыхъ руки были привычны не къ оружію, а къ грабежу, подошедши ночью, подкладываютъ огонь подъ тотъ домъ, гдѣ находился этотъ человѣкъ и сожигаютъ какъ его самого, такъ и все, что при немъ было. Узнавъ объ этомъ, Конрадъ, — такъ назывался король, — поручаетъ племяннику своему Фридрику отмстить за то жителямъ. Фридрикъ — человѣкъ и безъ того же-

стокій, а теперь еще воспламененный гнѣвомъ, возвратившись въ городъ, предастъ огню монастырь, въ которомъ жилъ Алеманинъ, производить изслѣдованіе о пропавшихъ деньгахъ и осуждаетъ на смерть виновныхъ. Это обстоятельство могло бы подать поводъ къ войнѣ; но дѣло опять окончилось вождѣльнымъ миромъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ знатныхъ Римлянъ, погасившихъ войну, и въ особенности Прасуха, который уладилъ все. Переѣхавши на конѣ три рѣки, которыя все вмѣстѣ протекаютъ подъ тамошнимъ каменнымъ мостомъ, онъ прибылъ къ разгнѣванному Фридрику, укротилъ его и отклонилъ отъ его намѣренія. Тогда стоянки Алеманновъ опять сдѣлались спокойными, переходы мирными и дальнѣйшій путь благополучнымъ. Чрезъ нѣсколько дней они раскинули лагерь на всей равнинѣ Хировакховъ (¹), но не оградили его валомъ; такъ они поступали и на всѣхъ стоянкахъ, довѣряя клятвамъ и договорамъ Римлянъ. По тамошнимъ полямъ протекаетъ рѣка, не широкая и не глубокая, называемая Меласъ (черная). Лѣтомъ, высыхая, она обращается въ тинистый ручей, потому что протекаетъ не по песчаной почвѣ, но по землѣ весьма тучной, по которой пахари проводятъ глубокія борозды. А зимою и при проливныхъ дождяхъ, изъ ничтожной она дѣлается очень большою, изъ дряннаго и грязнаго потока постепенно превращается въ глубокую рѣку, даже, недовольствуясь быть рѣкою, хочетъ сравниться съ мо-

(¹) Между Адрианополемъ и Константинополемъ.

ремь, бѣжить стремительно и шумно и, разливаясь широко, изъ легко переходимой становится судоходною. Воздымаемая вѣтромъ, она тогда жестоко волнуется, выбрасываетъ на берега пѣнистыя волны и, сильно ударяясь о сосѣдную землю, уноситъ труды земледѣльцевъ, останавливаетъ путниковъ и вообще производитъ всякаго рода опустошенія. Эта-то небольшая рѣка, и въ то время отъ дождей необыкновенно увеличившись и сдѣлавшись многоводною, внезапно выступаетъ ночью изъ береговъ, какъ будто бы надъ ней отверзлись хляби небесныя, и уноситъ изъ лагеря Алеманновъ не только оружіе, конскую зброю, одежды и всѣ другія вещи, которыя они везли съ собою, но и лошадей, и муловъ, и самихъ всадниковъ. Жалкое то было зрѣлище и поистинѣ достойное слезъ: Алеманны падали безъ борьбы, гибли безъ врага! И ни огромный и необыкновенный ростъ, ни привычныя къ войнѣ руки не помогли имъ спастись отъ бѣды: они падали, какъ трава, уносились, какъ сухое сѣно и легкій пухъ, и лишь рѣка, говоря словами Псалмопѣвца, воздвигала гласы ихъ, когда они поварварски кричали и своими дикими и страшными воплями, нисколько не похожими на сладкозвучныя пѣсни пастуховъ, оглашали горы и холмы, мимо которыхъ проносились. Тѣ, которые видѣли это событіе, поневолѣ приходили къ мысли, что гнѣвъ Божій явно постигъ лагерь Алеманновъ, если они столь внезапно поглощены были водою, что не могли спасти даже своихъ тѣлъ. Изъ спавшихъ въ ту ночь, дѣйствительно, одни заснули сномъ смертнымъ,

а другіе лишились всего своего имущества. Король, крайне опечаленный этимъ событіемъ, нѣсколько побавилъ своей снѣси и, подивившись, что и стихіи повинуются Римлянамъ и исполняютъ ихъ желанія и что самыя времена года, какъ послушные рабы, въ угодность имъ, переменяютъ свои свойства, снялся оттуда и отправился далѣе. Когда же приблизился къ царствующему городу; то принужденъ былъ тотчасъ же переправить свое войско на ту сторону пролива, хотя прежде, въ бытность свою въ Переѣ, называемой никридійскою, не соглашался на это и съ чванствомъ отказывался отъ переправы, говоря, что отъ его воли зависить—переправиться или нѣтъ. По этому случаю всѣ гребцы, всѣ суда, всѣ рыбачьи лодки и перевозные корабли заняты были переправою Алеманновъ. Царь приказалъ было записать число этого огромнаго войска, назначивъ счетчиковъ на каждую переправу съ тѣмъ, чтобы они замѣчали cadaго переправляющагося челоуѣка; но количество войска оказалось выше исчисленія, и потому приставленные къ этому дѣлу, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, возвратились, не исполнивъ порученія. Когда такимъ образомъ король, какъ злоуѣщее небесное знаменіе, перешелъ, согласно съ желаніемъ Римлянъ, на Востокъ, а за нимъ, спустя немного времени, послѣдовали и бывшіе въ одномъ съ нимъ походѣ Франки, царь опять обратился къ прежнимъ своимъ заботамъ о собственныхъ областяхъ. Не пренебрегалъ онъ также и тѣмъ, чтобы эти чужеземцы имѣли необходимую пищу, для чего на

пути опять были выставляемы на продажу съѣстные припасы. Впрочемъ въ удобныхъ мѣстахъ и въ тѣсныхъ проходахъ, по распоряженію Мануила, сдѣланы были Римлянами засады, отъ которыхъ немало того войска погибло. А жители городовъ, запирая городскія ворота, не допускали Алеманновъ на рынокъ, но, спуская со стѣны веревки, сначала притягивали къ себѣ деньги, слѣдующія за продаваемыя вещи, а потомъ спускали, сколько хотѣли, хлѣба или другихъ какихъ-нибудь съѣстныхъ припасовъ. При этомъ они позволяли себѣ несправедливости, такъ что Алеманны призывали на нихъ мщеніе всевидящаго Ока за то, что тѣ ихъ обманывали неправильными вѣсами, не оказывали имъ состраданія, какъ пришельцамъ, и не только отъ себя ничего не прибавляли имъ, какъ единовѣрцамъ, а напротивъ какъ бы изъ ихъ рта вырывали необходимую пищу. Негоднѣйшіе же изъ городскихъ жителей и люди особенно безчеловѣчные не опускали даже ни крошки; но, притянувъ къ себѣ золото или поднявъ серебро и спрятавъ за пазуху, исчезали и больше ужъ не показывались на городскихъ стѣнахъ. А были и такіе, которые примѣшивали къ мукѣ известъ и чрезъ то дѣлали пищу вредною. Точно ли это дѣлалось по императорскому, какъ говорили, приказанію, вѣрно не знаю; но во всякомъ случаѣ эти незаконныя и преступныя дѣла дѣйствительно были. А то несомнѣнно и совершенно вѣрно, что по приказанію царя была вычеканена монета изъ фальшиваго серебра и что она выдавалась въ уплату тѣмъ изъ италіянскихъ

ратниковъ, которые хотѣли что нибудь продать. Кратко сказать, царь и самъ всячески старался вредить имъ и другимъ приказывалъ наносить имъ всевозможное зло для того, чтобы и позднѣйшіе потомки ихъ неизгладимо помнили это и страшились вторгаться въ области Римлянъ.

6. Подобнымъ же образомъ вздумали поступать съ Алеманнами и Турки, бывъ наущены и побуждены къ войнѣ письмами Мануила. Близъ рѣки Ваонса (глубокой), подъ предводительствомъ нѣкоего Паблана, они даже одержали надъ Алеманнами побѣду и многихъ изъ нихъ истребили. Но когда напали на ту часть войска, которая проходила чрезъ Фригію; то ошиблись въ своихъ расчетахъ и добровольно навлекли на свою голову гибель, безразсудно подвергшись опасности, которая была отъ нихъ далеко, и попавъ въ яму, которую вырыли собственными руками. Имъ бы не слѣдовало огорчать людей, которые не причиняли имъ никакого зла, не слѣдовало будить свирѣпаго звѣря, пока онъ спитъ, и побуждать его къ убійству; а они, построившись въ густыя фаланги и занявъ берега рѣки, — то была рѣка Меандръ, — рѣшительно не позволяли латинскимъ войскамъ переправиться чрезъ нее. Эта рѣка и во всякое время не вездѣ бываетъ удобна для переправы, представляя множество водоворотовъ и пучинъ, а тогда была совершенно непроходима. Здѣсь-то западная войска самымъ дѣломъ доказали, что только по ихъ снисхожденію фаланги Римлянъ не были истреблены, города ихъ не были разрушены и граждане не были перебиты, по-

добно кормному скоту. Когда король приблизился къ берегу рѣки, онъ не нашелъ здѣсь ни рѣчныхъ судовъ, ни моста для переправы, а между тѣмъ Турки, и пѣшіе и конные, явившись на противоположномъ берегу, стали бросать стрѣлы, и ихъ стрѣлы, перелетая рѣку, попадали въ передніе ряды фаланги. Поэтому онъ отступаетъ нѣсколько отъ берега и, расположившись лагеремъ такъ, чтобы быть внѣ бросаемыхъ стрѣлъ, приказываетъ всѣмъ, подкрѣпившись пищею, снарядить къ битвѣ коней и осмотрѣть свое оружіе, чтобы на слѣдующій день рано утромъ вступить въ бой съ Турками. И дѣйствительно, когда было еще темно и когда солнце не впрягло еще своихъ коней въ колесницу, онъ и самъ всталъ и снарядился, какъ слѣдуетъ, къ сраженію, и все войско облеклось въ оружіе. Тоже сдѣлали и варвары: они также выстроились, поставили стрѣльцовъ вдоль берега, расположили всадниковъ, какъ находили нужнымъ, и тотчасъ же начинали бросать стрѣлы, когда Италіявцы подошли близко къ рѣкѣ. Между тѣмъ король, обходя отряды и желая воодушевить своихъ воиновъ, говорилъ имъ слѣдующее: «соратники! каждый изъ васъ, конечно, хорошо знаетъ, что настоящий походъ мы предприняли ради Христа и ищемъ славы не человѣческой, а Божіей. Да и кто можетъ подумать иначе, когда изъ-за этого мы отказались отъ покойной домашней жизни, добровольно оставили своихъ родныхъ и, проходя по чужой землѣ, испытываемъ бѣдствія, подвергаемся опасностямъ, истаеваемъ отъ голода, зяб-

немъ отъ холода, изнуряемся отъ жара, имѣемъ ложе для себя землю, а покровомъ—небо, мы, люди благородные, знаменитые, славные, богатые и владѣющіе надъ многими народами?—когда мы постоянно носимъ воинскіе доспѣхи, какъ добровольныя узы, и страдаемъ подъ тяжестью ихъ, подобно величайшему изъ слугъ Христовыхъ Петру, который нѣкогда отягченъ былъ двойными узамъ и находился подъ стражею четырехъ четверицъ воиновъ? Съ другой стороны никто не станетъ спорить и противъ того, что эти, отдѣленные отъ насъ рѣкою, варвары—враги Креста Христова, съ которыми мы давно хотѣли сразиться и въ крови которыхъ, по выраженію Давида, обѣщали омыться,—никто, если то не будетъ человѣкъ, совершенно безумный, который видя не видитъ и слыша не слышитъ. Итакъ, если вы хотите идти прямымъ путемъ въ безсмертныя обители,—потому что Богъ не столь несправедливъ, чтобы не видѣть причины настоящаго похода и не воздать нетлѣнными радостями и прохладными едемскими обителями намъ, которые, оставивъ свои дома, рѣшились лучше умереть за Него, нежели жить,—если вы скольконибудь помните тѣ обиды, какія эти, необрѣзанные сердцемъ, люди постоянно причиняютъ нашимъ соплеменникамъ, если представляете въ умѣ своемъ тѣ раны, какія они наносятъ имъ, и сколько нѣбудь сожалеете о невинно пролитой крови; то станьте твердо, подвижайтесь мужественно, и никакой страхъ да не удержитъ васъ отъ справедливаго мщенія. Пусть иноплеменики

истинно познають, что сколько Христосъ, нашъ Наставникъ и Учитель, выше ихъ пророка, обольстителя и избобрѣтателя нечестиваго ученія, столько же и мы превосходимъ ихъ во всемъ. Мы — святое ополченіе и богоизбранное воинство: не будемъ же малодушно привязываться къ жизни и бояться приснопамятной смерти изъ любви ко Христу. Если Христосъ умеръ за насъ, то не гораздо ли справедливѣе намъ умереть за Него? Пусть же нашему честному походу будетъ положенъ и добрый конецъ. Будемъ сражаться съ надеждою на Христа и съ увѣренностію, что мы обратимъ враговъ въ бѣгство и что для насъ не трудна будетъ побѣда; потому что никто, какъ мы надѣемся, не выдержитъ нашего нападенія, но все отступитъ, при самомъ первомъ натискѣ. Если же, чего не дай Богъ, мы надемъ, — достойна будетъ могила умершихъ за Христа. Пусть персидскій стрѣлокъ поразитъ меня за Христа: лучше мнѣ съ благими надеждами уснуть сномъ смерти и на стрѣлѣ, какъ бы на колесницѣ, перенестись къ тамошнему покою, чѣмъ быть похищену смертію, можетъ быть, безславною и грѣшною. Отметимъ же, наконецъ, этимъ варварамъ, которыхъ нечистыми ногами попраны наши единокровные и единовѣрные братья и отъ которыхъ они низшли въ то общее священное мѣсто, въ которомъ былъ съ мертвыми Христосъ, совѣчный и сопрестольный Отцу. Мы — тѣ сильные, вооруженные мечами, которые охраняютъ животворный и божественный гробъ, какъ ложе Соломоново: уничтожимъ же, какъ люди свобод-

ные, этихъ сыновъ рабыни Агари и удалимъ ихъ, какъ камень претыканія, съ пути Христова. Римляне, не знаю почему, питаютъ ихъ, какъ волковъ, на собственную гибель и безчестно утучняютъ своею кровію, тогда какъ слѣдовало бы, одушевившись мужествомъ и послѣдовавъ внушенію здраваго разума, отогнать ихъ отъ селеній и городовъ, какъ дикихъ звѣрей отъ стада овецъ. Но какъ вы видите, что эту рѣку можно перейти только необыкновеннымъ способомъ, то я научу васъ, какъ это сдѣлать, и самъ первый подамъ примѣръ. Составивъ одну густую массу и взявъ въ руки копьа, бросимся стремительно въ эту рѣку и быстро перейдемъ ее на коняхъ. Я увѣренъ, что вода, отхлынувъ, остановится и, какъ бы возвратившись назадъ, удержится отъ дальнѣйшаго прямого теченія, какъ нѣкогда рѣка Иорданъ, когда проходилъ чрезъ нее Израиль. И будетъ это придуманное нами дѣло приснопамятно позднѣйшимъ потомкамъ, не изгладится ни временемъ, ни потокомъ забвенія, къ великому безчестію Персовъ, которыхъ труны, падшіе при этой рѣкѣ, будутъ лежать высокимъ холмомъ и составлять какъ бы трофей безсмертной нашей славы». Сказавъ эту рѣчь и подавъ знакъ къ сраженію, король самъ, сильно прищпоривъ коня, стремительно бросился въ рѣку, а за нимъ и все другіе, сомкнувшись на коняхъ въ густую и сплошную массу и сотворивъ молитву, съ обычными криками устремились туда же. Отъ этого вода въ рѣкѣ частью отхлынула на берегъ отъ лошадиныхъ копытъ, частью прервала и остан-

вила дальнѣйшее теченіе, какъ будто бы сверхестественно обратилась назадъ къ своему источнику или была задержана вверху, и Алеманны, перейдя воду, какъ сушу, неожиданно напали на Персовъ. Тогда эти варвары не могли ни спастись бѣгствомъ, потому что ихъ преслѣдовали и ловили, не смотря на быстроту ихъ коней, которые чуть не носились по вершинамъ стеблей, — ни устоять противъ Алеманновъ въ рукопашномъ бою. Умерщвляемые различнымъ образомъ, они какъ колосья падали другъ на друга, или какъ грозды проливали живую кровь свою, будучи давимы копьеносцами. Одни были пронзаемы копьями, другіе на бѣгу пополамъ разсѣкаемы длинными мечами, — особенно легко вооруженная часть войска, а иные на близкомъ разстояніи поражаемы кинжалами, исторгавшими ихъ внутренности, такъ что падшіе Персы совершенно покрыли тамошнія равнины своими трупами и затопили лощины своею кровію. Что же касается Италіянцевъ, то хотя многіе изъ нихъ были ранены стрѣлами, но пали и убиты не многіе. О множествѣ падшихъ и доселѣ свидѣлствуютъ часто встрѣчающіяся здѣсь огромныя груды костей, которыя возвышаются на подобіе холмовъ и удивляютъ всѣхъ, проходившихъ по этому пути, равно какъ удивили и меня, пишущаго эти строки. Сколь велики были размѣры ограды, сдѣланной изъ костей Кимвровъ вокругъ массилійскихъ виноградниковъ, когда Марій, военачальникъ римскій, поразилъ этихъ варваровъ, о томъ, конечно, могли вѣрно знать люди, видѣв-

шіе своими глазами это необыкновенное дѣло и рассказавшіе о немъ другимъ. Но настоящее дѣло, безъ сомнѣнія, было бы выше и того, если бы только все, что касается до Кимвровъ, не было преувеличено Исторіею, такъ что выходитъ изъ предѣловъ естественныхъ и походить на басню. Съ тѣхъ поръ Алеманны продолжали путь безъ битвъ и никто изъ варваровъ не показывался на пути и не препятствовалъ имъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ МАНУИЛА КОШИЦА.

КНИГА 2.

1. Послѣ такихъ-то трудовъ и подвиговъ Италіянцы достигли Келесиріи. Но между тѣмъ, какъ они шли къ Іерусалиму и, выступивъ изъ предѣловъ римской имперіи, проходили верхнюю Фригію, Ликаонію и Писидію, — области, прежде подвластныя Римлянамъ, а теперь принадлежащія варварамъ, которые завладѣли ими, конечно, по нерадѣнію и безпечности прежнихъ римскихъ императоровъ, не считавшихъ слишкомъ нужнымъ и обязательнымъ трудиться и подвергаться опасностямъ для блага своихъ подданныхъ; — самодержецъ Мануиль сталъ помышлять, какъ бы отмстить Сицилійцамъ за ихъ безчеловѣчные по-

ступки съ Римлянами и выгнать ихъ гарнизонъ съ острова Керкиры, который нынѣ называется Корифо ⁽¹⁾. Дѣйствительно, одновременно съ движеніемъ Алеманновъ, Рожеръ, тогдашній владѣтель Сициліи, или по предварительному соглашенію съ королемъ Алеманновъ, какъ иные говорили, или по собственному своему побужденію, сталъ нападать, на мелкихъ судахъ, на прибрежныя римскія области. Флотъ его, выѣхавшій изъ Врентисія ⁽²⁾, прибылъ къ Керкирѣ и безъ сраженія, при первомъ появленіи, овладѣлъ ею. Причиною этого были жители острова и въ особенности глупѣйшіе изъ нихъ, по прозванію Гимны. Подъ тѣмъ предлогомъ, что не могутъ болѣе терпѣть тяжелаго, какъ они говорили, и несноснаго сборщика податей и переносить его обидъ, они составили коварный замыселъ; но какъ сами собою не въ состояніи были осуществить его, то теперь, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, обратились къ предводителю флота и, обольщенные его ласковыми словами и хитрыми обѣщаніями, приняли къ себѣ на извѣстныхъ условіяхъ сицилійскій гарнизонъ, состоящій изъ тысячи вооруженныхъ ратниковъ. Такимъ образомъ спасаясь отъ дыма уплаты податей, они, по своей глупости, попали въ пламя рабства; а Римлянѣ эти безумцы заставили вести продолжительную и крайне тяжкую войну. Начальникъ флота, обезопасивъ крѣпость и сдѣлавъ ее, сколько можно,

(1) Нынѣшній островъ Корфу.

(2) Городъ въ Италіи. Нынѣшнее названіе его—Бриндизи.

недоступнѣе и неодолимѣе, отправился оттуда и присталъ къ Монемавасіи ⁽¹⁾, льстясь надеждою взять и этотъ мысъ точно также безъ боя, какъ недавно взялъ Керкиру. Но встрѣтивъ здѣсь людей умныхъ и знающихъ цѣну свободы, онъ былъ отбитъ такъ, какъ бы напалъ на несокрушимую скалу, и, не достигнувъ цѣли, медленно удалился оттуда. Миновавъ Малю, гдѣ постоянно дуютъ противные вѣтры, такъ что есть даже пословица: «повернувъ къ Малю, забудь о домашнихъ», онъ вошелъ въ глубокій заливъ и, обойдя ту и другую его сторону, не только ограбилъ селенія беззащитныя, но и достаточно огражденные и не легко доступныя—частію принудилъ сдаться на условіяхъ, частію покорилъ силою. Потомъ опустошивъ Акарнанію и Этолію, называемую нынѣ Артинією, и весь приморскій берегъ, приплылъ въ заливъ коринѣскій и, остановившись въ криссейской пристани, отважился напасть на жителей внутреннихъ областей, потому что не было никого, кто бы могъ ему противиться. Съ этою цѣлію, будучи только начальникомъ флота, онъ раздѣлилъ войско на отряды тяжело и легко вооруженныхъ воиновъ и, зная доселѣ одно море, появился и на сушѣ, подобно тѣмъ морскимъ чудовищамъ, которыя ищутъ себѣ пищи въ водѣ и на сушѣ, и вторгся въ Кадмову землю ⁽²⁾. Здѣсь, опустошивъ мимоходомъ лежавшія на пути большія селенія, онъ напалъ на семи-вратныя Фивы и, овладѣвъ ими, поступилъ без-

(1) Нынѣшняя Мальвазія. Hofm. Lex. tom, 3, p. 199.

(2) Т. е. Беотію.

человѣчно съ тамошними жителями. Такъ какъ издревле была молва, что въ этомъ городѣ живутъ граждане богатые; то онъ, побуждаемый страстію къ деньгамъ, не могъ довольно насытить своего корыстолюбія и желалъ наполнить деньгами все или большую часть кораблей такъ, чтобы они погрузились до третьяго пояса. Поэтому и ремесленникамъ онъ дѣлалъ насилія, стараясь отыскать послѣднюю жалкую копѣйку, и мужей сильныхъ и славныхъ по происхожденію, почтенныхъ по лѣтамъ и знаменитыхъ по заслугамъ, подвергалъ различнымъ притѣсненіямъ; не стыдился и не щадилъ никого, не склонялся ни на какія просьбы, не боялся, что когда нибудь упадетъ подъ власть богини мщенія, и не гнушался такъ называемой кадмовой побѣды ⁽¹⁾. Наконецъ, предложивъ священныя книги, принуждалъ каждого съ препоясанными чреслами подходить къ нимъ, съ клятвою предъ ними объявлять свое состояніе и, отказавшись отъ него, уходить. И послѣ того, какъ обобралъ такимъ образомъ все золото и все серебро и нагрузилъ корабли златотканными одеждами, онъ не оставилъ въ покоѣ и лицъ, имъ ограбленныхъ. И изъ нихъ онъ взялъ съ собою людей, занимавшихъ первое мѣсто по своимъ достоинствамъ, а изъ женщинъ выбралъ особенно красивыхъ и нарядныхъ, которыя часто умывались водою прекрасной Дирки ⁽²⁾, хорошо

⁽¹⁾ Кадмъ, сынъ финикійскаго царя Агенора, основатель города Оивъ. Кадмова побѣда—это побѣда съ пагубными послѣдствіями. *Hebr. Steph. Thesaur. l. q. Vol. V. p. 1110.*

⁽²⁾ Оивскій источникъ, получившій названіе отъ имени Дирки, жены оивскаго царя Лика. *Hofm. Lex. tom. 3. p. 82.*

убирали свои волосы и отлично знали ткацкое искусство,—и затѣмъ уже удалился оттуда. Пользуясь столь благопріятнымъ для него теченіемъ дѣлъ и не встрѣчая никакого сопротивленія ни на сушѣ, ни на морѣ, онъ отправляется на судахъ къ богатому городу, Коринѣ. Этотъ городъ лежитъ на перешейкѣ, славится двумя пристанями, изъ которыхъ одна принимаетъ плывущихъ изъ Азіи, а другая — пріѣзжающихъ изъ Италіи, — и представляетъ большое удобство съ обѣихъ сторонъ для ввоза и вывоза и взаимнаго обмѣна товаровъ. Не найдя ничего въ торговой части города, которая называется нижнимъ городомъ, потому что все жители удалились въ Акрокоринѣ и собрали туда все съѣстные припасы и все имущество, какъ принадлежащее частнымъ людямъ, такъ и посвященное Богу,—онъ рѣшился напасть и на самый Акрокоринѣ и, если можно, взять его. Акрокоринѣ—это акрополь древняго города Коринѣа, а нынѣ сильная крѣпость, стоящая на высокой горѣ, которая оканчивается острою вершиною, представляющею гладкую поверхность въ видѣ стола, и ограждена твердою стѣною. Въ самой крѣпости находится немало колодцевъ вкусной и чистой воды и источникъ Пиринъ, о которомъ упоминаетъ Гомеръ въ одной изъ рапсодій. Не смотря на такую твердость и неприступность Акрокоринѣа, который и природа, и мѣстоположеніе, и крѣпкая ограда обезопасили такъ, что его трудно или и совсѣмъ невозможно взять, — Сицилійцы почти безъ труда вошли въ него, употребивъ не много времени на покореніе крѣпости.

И въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго или удивительнаго. Крѣпость, хотя сама по себѣ и неодолима, конечно, не могла защищать сама себя, не могла отразить нападенія враговъ, когда въ ней не было доблестнаго гарнизона и достойныхъ защитниковъ. Числомъ ихъ было, правда, не мало, но всѣ они не стоили и одного мужественнаго защитника города. Тутъ, именно, находились и царскія войска съ своимъ вождемъ Никифоромъ Халуфомъ, и коринѣскіе вельможи, и немалое число жителей изъ окрестныхъ селеній, которые собрались въ Акрокоринѣ, какъ въ самое безопасное отъ враговъ убѣжище. Оттого-то предводитель флота, вступивъ въ крѣпость и увидѣвъ, что она по естественному своему положенію со всѣхъ сторонъ неприступна, сказалъ: «мы сражались съ Божіею помощію, и Богъ попустилъ намъ овладѣть такимъ мѣстомъ»; а о находившихся въ крѣпости отзывался дурно и осыпалъ ихъ упреками, какъ низкихъ трусовъ, и особенно Халуфа, котораго называлъ даже хуже женщины и неспособнымъ ни къ чему, кромѣ веретена и прялки. Затѣмъ сложилъ на корабли и здѣшнее имущество, обратилъ въ рабство знаменитѣйшихъ по происхожденію Коринѣянъ, взялъ въ плѣнъ и женщинъ, которыя были особенно красивы и полногруды, не пощадилъ даже иконы великомученика и чудотворца Феодора Стратилата, но и ее похитилъ изъ посвященнаго имени его храма и, воспользовавшись попутнымъ и благопріятнымъ вѣтромъ, удалился оттуда со всѣмъ имуществомъ, и на обратномъ пути еще болѣе

укрѣпилъ и обезопасилъ Керкиру. Если бы кто увидѣлъ въ это время трехгребные сицилійскіе корабли; то совершенно справедливо могъ бы сказать, что это не разбойничьи корабли, а огромныя транспортныя суда,—такъ они были переполнены множествомъ дорогихъ вещей, погружаясь въ воду почти до самаго верхняго яруса!

2. Когда все это дошло до слуха императора Мануила,—онъ опечалился и сталъ походить на Гомерова Юпитера, который постоянно разбиралъ въ умѣ своемъ, что ему дѣлать, или на Фемистокла Неоклейскаго, который всегда казался озабоченнымъ, проводилъ безъ сна ночи, и, когда его о томъ спрашивали, отвѣчалъ, что ему не даетъ спать трофей Милтіадовъ. По этому поводу онъ созвалъ на совѣтъ всѣхъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ и знаменитыхъ по краснорѣчію мужей. Изъ многихъ предложенныхъ мнѣній было найдено лучшимъ и одобрено императоромъ то, чтобы идти войною противъ Сицилійцевъ въ одно время и съ суши, и съ моря; такъ какъ и борьба эта отнюдь не обѣщала вѣрнаго успѣха, представляла немало препятствій, и прежнимъ римскимъ императорамъ казалась очень тяжкою и невозможною. И вотъ собираются легіоны восточные и западные; трехгребные корабли частію починиваются, частію вновь строятся и приготавливаются къ походу; огненосныя суда снабжаются жидкимъ огнемъ, который дотолъ оставался безъ употребленія; снаряжаются суда пятидесятивесельныя, собираются мелкія, перемазываются смолою транспортныя для лошадей, напол-

няются съѣтными припасами провіантскія, приводятся въ порядокъ скороходныя,—и всѣ, бывъ снабжены парусами, выходятъ изъ гавани, въ которой доселѣ стояли. Такимъ образомъ составилъя флотъ почти изъ тысячи судовъ, а пѣхотнаго войска собралось безчисленное множество. Самые гиганты, если бы они при этомъ были, устранились бы такой арміи; потому что въ то время и всѣ римскія войска вмѣщали въ себѣ много мужей доблестныхъ и людей съ геройскою храбростію, и тяжело вооруженная пѣхота не потеряла своей славы, но отличалась львиною и несокрушимую отвагою. Этимъ были обязаны Іоанну, отцу Мануила, императору истинно великому и полководцу въ высшей степени опытному. Не пренебрегая ничѣмъ другимъ, что содѣйствовало общественной пользѣ, онъ преимущественно заботился о войскахъ, ободряя ихъ частыми подарками и приучая къ воинскимъ дѣламъ постоянными упражненіями. Сдѣлавъ такія отличія, какъ казалось, приготовленія къ войнѣ съ Сициліянами, царь приказываетъ гребцамъ и ихъ начальникамъ, развязавъ канаты, выходить съ флотомъ въ море, назначивъ главнымъ надъ нимъ вождемъ своего зятя по сестрѣ, Стефана Конто-стефана. Въ тоже время дать приказаніе и сухопутному войску отправляться въ походъ подъ начальствомъ, кромѣ другихъ вождей, великаго Доместика, Іоанна Аксуха, о которомъ мы уже много разъ говорили прежде. По прибытіи флота къ берегу феакійскому ⁽¹⁾, вспомогательные ко-

(1) Феакія—древнѣйшее названіе о. Корфу.

рабли венеціанскіе и корабли римскіе отдѣлились одни отъ другихъ и стали въ разныхъ мѣстахъ для того, чтобы два различныхъ племени не смѣшивались между собою во время стоянки и отъ такого смѣшенія не произошло несогласія. Между тѣмъ и самъ царь, спустя немного времени, отправился въ походъ съ войскомъ. На пути, при первой же встрѣчѣ, онъ прогналъ Скивовъ, которые, перейдя Дунай, опустошали области при горѣ Эмосъ,—и, выступивъ изъ Филиппополя, пошелъ прямо на Керкиру. Мысъ керкирскій составляетъ огромную сплошную возвышенность, достигающую почти до облаковъ, съ изгибами и высокоподымающимися вершинами, вдающуюся въ большую глубину морскую. Вокругъ него разбросаны утесистыя и обрывистыя скалы, которыя высокою превосходятъ воспѣтый поэтами Аорнъ. Самый городъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ крѣпкими стѣнами и огражденъ высокими башнями, отъ чего овладѣть имъ становится еще труднѣе. Царскія морскія войска, окруживъ этотъ мысъ, какъ бы обвинили его мѣднымъ оружіемъ; но царь, прежде чѣмъ начать осаду, рѣшился чрезъ людей, знавшихъ языкъ тамошнихъ жителей, испытать, не сдадутъ ли ему непріатели крѣпость безъ сраженія. Когда же они, выслушавъ предложеніе, нисколько не склонились на него, но рѣшительно его отвергли, затворили ворота и загродили ихъ запорами, поставили на стѣнахъ ратниковъ, вооруженныхъ стрѣлами и луками, и, размѣстивъ всякаго рода машины, явно открыли сраженіе; тогда царь приказалъ и своимъ вой-

скамъ также вступитъ въ бой и всевозможно метить непріятелямъ. И вотъ Римляне стали бросать конья какъ бы на небо, а тѣ сверху сыпали стрѣлы, какъ снѣгъ. Римляне, бросая камни изъ метательныхъ орудій, кидали, или точнѣе сказать, поднимали ихъ къверху; а тѣ бросали ихъ внизъ, словно градъ. Одни, пуская стрѣлы съ высокой и выгодной мѣстности, очевидно, бросали ихъ легко и успѣшно; а другіе, сражаясь снизу съ непріателемъ, находившимся на огромной высотѣ, вредили ему мало, или не вредили нисколько. Это повторялось нѣсколько разъ и продолжалось долгое время, но не приносило Римлянамъ никакой пользы, напротивъ явно клонилось къ ихъ гибели, а для осажденныхъ, которые не терпѣли никакого вреда, было выгодно. При такомъ бѣдственномъ положеніи, Римляне постоянно придумывали что-нибудь новое, старались отличиться въ глазахъ императора, выказывали и чудеса храбрости, и терпѣніе въ страданіяхъ, и находчивость въ затрудненіяхъ, которая свидѣтельствовала о ихъ глубокомъ умѣ и опытности въ военномъ дѣлѣ. Но все было напрасно: они явно стремились къ недостижимому и покушались на невозможное, и своими усиліями скорѣе помогали и содѣйствовали непріятелямъ; потому что, сражаясь съ ними, все равно, что спорили съ самимъ небомъ, или состязались съ птицами, основавшими свои гнѣзда на какой нибудь скалѣ, и пускали стрѣлы въ облака. Къ довершенію всего, палъ и самъ главный вождь флота, бывъ пораженъ въ бедро ос-

колкомъ камня, брошеннаго съ высоты метательнымъ орудіемъ. Склонивъ голову на сторону, онъ лежалъ чуть живой, а вскорѣ потомъ и скончался.

5. Такимъ образомъ исполнилось на немъ предсказаніе патріарха Космы Аттика, управлявшаго кормиломъ Церкви послѣ Михаила оксійскаго, который, добровольно отказавшись отъ верховной каедры, возвратился на островъ Оксію, гдѣ онъ изъ дѣтства проводилъ подвижническую безмятежную жизнь,—и, простершись на землѣ, при входѣ въ преддверіе храма, отдалъ выно свою на погребеніе всякому входящему монаху, сознаваясь, что онъ напрасно оставлялъ давнишнее и любезное ему спокойствіе и безъ всякой пользы восходилъ на верховный престолъ. Косма былъ прежде въ числѣ діаконѣвъ, происходилъ родомъ изъ Эгины, былъ человѣкъ весьма ученый, но особенно славился различными добродѣтелями, больше же всего отличался великимъ милосердіемъ, которое въ разнообразномъ сонмѣ его добродѣтелей, какъ бы въ прекрасномъ и драгоценномъ ожерельѣ, сіяло подобно лучезарному камню. Онъ былъ до того сострадателенъ къ людямъ, что и верхнюю и нижнюю одежду съ своего тѣла и льняное покрывало съ своей головы отдавалъ бѣднымъ, и не только самъ раздавалъ свое имущество, но и другихъ побуждалъ помогать нуждающимся. За то онъ и былъ у всѣхъ въ почтеніи, а Севастократоръ Исаакъ, братъ императора Мапуила, чуть не боготворилъ его, считая богоугоднымъ и прекраснымъ то, что совѣтовалъ патрі-

архъ, и напротивъ богопротивнымъ и пагубнымъ то, чего онъ не одобрялъ. Но общество тогдашнихъ архіереевъ, не терпѣвшихъ добродѣтели, и партія, враждебная этому благочестивѣйшему мужу, оклеветали его предъ царемъ, будто онъ замышляетъ предоставить царство брату его Исааку. Открытыя его посѣщенія Севастократора въ царскомъ дворцѣ они представили скрытными и то, что говорилось между ними не въ потаенномъ мѣстѣ и не скрытно, а днемъ и явно, выдали за тайныя совѣщанія. Мануилъ, какъ человѣкъ еще молодой и самолюбивый, котораго притомъ клеветникамъ патріарха легко было расположить къ подозрѣнію брата въ домогательствѣ царской власти,—рѣшился свергнуть его съ престола. И такъ какъ для клеветы, какъ мы знаемъ, нѣтъ ничего неприкосновеннаго, и всякій, какъ тоже извѣстно, скорѣе склоненъ сдѣлать какое-нибудь зло; то патріархъ осуждается на низверженіе, какъ человѣкъ, будтобы раздѣляющій еретическія мысли одного монаха Нифонта. Этотъ Нифонтъ былъ близокъ къ патріарху, часто обѣдалъ за его столомъ и проживалъ у него въ домѣ, а между тѣмъ былъ обвиненъ въ неправомыслии по вѣрѣ, разстриженъ и заключенъ въ темницу патріархомъ Михаиломъ. Поэтому и Косму стали обвинять въ единомыслии и соучастіи съ нимъ. Воспользовавшись этимъ благовиднымъ предлогомъ, враги патріарха собрались и открыто напали на него, рѣшившись насильно и общимъ голосомъ низвергнуть его съ престола. Когда его призывали на судъ, или, лучше сказать, на осужденіе,

стали допрашивать о томъ, чего онъ не зналъ, и за это присуждали къ низверженію съ престола,—онъ исполнился негодованія и, обозрѣвъ собраніе, произнесъ заклятіе на утробу царицы, чтобы она не рождала дѣтей мужескаго пола, подвергъ отлученію нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ царю людей и осудилъ собравшійся на низверженіе его соборъ за то, что бывшія на немъ лица обиваютъ пороги царскаго дворца, судятъ лицепріятно, а не по церковнымъ правиламъ, и незаконно лишаютъ его и престола, и паствы. Въ это время Контестефанъ,—человѣкъ, принадлежащій къ числу лицъ, которые окружаютъ императорскій престолъ и пользуются особенною близостію къ царю и правомъ свободно говорить съ нимъ,—показалъ видъ, будто онъ крайне оскорбленъ заклятіемъ утробы императрицы и, нестати притворившись негодующимъ болѣе всѣхъ присутствовавшихъ, съ гнѣвомъ приступилъ къ патріарху и хотѣлъ было ударить его кулакомъ, но удержался отъ своего порыва. Такого поступка, какъ дѣла безумнаго, не одобрилъ и царь, и своимъ негодованіемъ показалъ, какъ онъ недоволенъ случившимся. Да и родственники императора и весь сенатъ порицали Контестефана за то, что онъ посягнулъ на это нечестивое дѣло и не убоился земной пропасти, поглощающей такихъ преступниковъ. А самъ патріархъ кроткимъ голосомъ сказалъ: «оставьте его: онъ самъ скоро получитъ ударъ камнемъ»,—чѣмъ предугазывалъ на тотъ родъ смерти, который его постигнетъ. Что же касается до царицы,—въ слѣдствіе ли этого заклятія отца она не была мате-

рпо дѣтей мужескаго пола, потому т. е. что Богу угодно было прославить слугу своего и оставить ее во всю жизнь раждать дѣтей женскаго пола,—я достовѣрно не знаю. Но императоръ, человекъ, видимо здравомыслящій, будучи упрекаемъ совѣстію за то, что лишилъ власти мужа праведнаго и благочестиваго, безукоризненнаго и не сдѣлавшаго ничего, достойнаго низверженія, признавалъ это, а не другое что-либо причиною, почему онъ не имѣлъ дѣтей мужескаго пола.

Когда палъ, какъ мы сказали, Контостефанъ, начальство надъ морскими силами поручено было великому Доместіку Іоанну, впрочемъ такъ, что онъ не получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ названія великаго Вождя (¹), а только могъ командовать флотомъ и управлять дѣлами, какъ человекъ весьма опытный въ званіи военачальника, храбрый и одаренный отличными предводительскими способностями. Между тѣмъ царь, досадуя, что время проходитъ напрасно, и не желая губить дни безъ пользы, какъ нѣкогда кефалинскій царь Улиесъ не хотѣлъ губить быковъ солнца, взошелъ на предводительскій корабль и, объѣхавъ кругомъ всю Керкиру, тщательно осматривалъ, съ которой бы стороны можно было напасть на нее. А осада дѣйствительно тянулась три мѣсяца, потому что не могъ же онъ притащить Осеу, или придвинуть Аэонъ, или нагромоздить горы на го-

(¹) Μέγας δοῦξ—титულъ главнаго начальника надъ флотомъ,—тоже, что великій Доместикъ въ сухопутномъ войскѣ. Codin. edit. Bonn. pag. 178—179.

ры, чтобы такимъ образомъ легче взять крѣпость: все это дѣла баснословныя и невѣроятныя.

4. Но въ то время, какъ онъ совсѣмъ не зналъ, что дѣлать, ему пришло на мысль перекинуть въ одномъ, легко доступномъ, по своему внутреннему положенію, ущельѣ деревянную лѣстницу, построенную въ видѣ круглой башни. Съ этою цѣлію сплотили корабельные лѣса, сколотили мачты большихъ кораблей, сдѣлали наставки къ тѣмъ, которыхъ высота была недостаточна, и наконецъ устроили лѣстницу въ видѣ башни. Когда ее подняли и приставили къ крѣпости, вершина ее доходила до края и ровной оконечности скалы, съ которой начинается городская стѣна, такъ что тутъ можно было сойти съ лѣстницы и вступитъ въ бой съ бывшими на стѣнѣ непріятелями; а ее основаніе, твердо сплоченное и крѣпко прибитое, неподвижно лежало на корабляхъ. Затѣмъ были вызываемы охотники—взойти по этой лѣстницѣ, люди самые храбрые и отважные на войнѣ, и самъ царь провозглашалъ: «кто любитъ царя и не боится опасностей, пусть идетъ вверхъ». Однако никто не являлся на вызовъ, напротивъ все отказывалось идти, страшаясь великой опасности, пока четыре родныхъ брата Петралифы, происходившіе изъ племени Франковъ и жившіе въ Дидимотихѣ, не послушались императора и первые не взойшли на лѣстницу. А лишь только отважились они, и еще прежде ихъ—Пунаки, оруженосецъ великаго Доместика, съ одушевленіемъ бросившійся на это дѣло,—за ними изъ соревонованія послѣдовало немало и дру-

гихъ. Царь, похваливъ всѣхъ ихъ за усердіе и скорую рѣшимость и отдѣливъ изъ нихъ до четырехъ сотъ человѣкъ, которые были извѣстны ему многократными воинскими подвигами и особенною храбростію, приказалъ имъ идти вверхъ, сказавъ напередъ длинную рѣчь для возбужденія ихъ мужества и обѣщавъ какъ имъ, такъ и дѣтямъ ихъ, великія награды и свое благоволеніе. «Если вы, говорилъ онъ, останетесь въ живыхъ, избѣжавъ угрожающей опасности и доблестно совершивъ предстоящій подвигъ,—вы найдете во мнѣ, вмѣсто государя и царя, самаго нѣжнаго, какъ и не ожидаете, отца. Если же лишитесь жизни, стараясь заслужить честь отечеству и славу себѣ,—я и тогда не откажусь воздать вамъ всѣ почести по смерти и сдѣлаю столько добра вашимъ домашнимъ, дѣтямъ и женамъ, что и живые будутъ имъ завидовать и ублажать ихъ, и вы сами, перейдя въ другую жизнь, будете радоваться, если только есть въ умершихъ какое нибудь чувство и если не только дѣла минувшія не изглаждаются изъ ихъ памяти забвеніемъ, но и то, что совершается послѣ въ этой жизни, достигаетъ до нихъ и бываетъ извѣстно умершимъ». Итакъ, первый, какъ я сказалъ, сталъ подниматься, сотворивъ на себѣ крестное знаменіе, Пупаки, за нимъ послѣдовали братья Петралифы, а потомъ и другіе, пока всѣ не взойшли на лѣстницу. Изъ бывшихъ при этомъ зрителей не было ни одного, чье бы сердце не стѣснилось отъ скорби при столь необыкновенномъ зрѣлищѣ, кто бы не зарыдалъ и, заливаясь слезами и ударяя себя

въ грудь, не обратился съ молитвою къ Богу. И дѣйствительно, зрѣлище было поразительное. Одни шли вверхъ съ поднятыми для безопасности надъ головою щитами и обнаженными мечами и, приблизившись къ находившимся на стѣнахъ непріателямъ, отважно вступали въ бой; а другіе сыпали на нихъ всякаго рода снаряды и бросали тяжелые камни. Но всѣ усилія враговъ были напрасны: Римляне, поражаемые всякими орудіями, какъ наковальни молотками, были неутомимы, непоколебимы, непреклонны и, не смотря на опасности, неустрашимы. И вѣрно эта борьба имѣла бы прекрасный исходъ и доставила бы славу Римлянамъ, если бы негодный случай, примѣнившійся и къ величайшимъ предпріятіямъ и всегда какъ-то вредящій имъ, доставивъ этому дѣлу отличное начало и польстивъ надеждою на успѣхъ, въ концѣ не измѣнилъ ему. Въ то время какъ Пупаки сошелъ уже съ лѣстницы и, ставъ твердою ногою на скалу, вступилъ въ бой съ бывшими на стѣнахъ непріателями, вдругъ лѣстница обрушилась. Наступило жалкое и невообразимое зрѣлище: всѣ, бывшіе на лѣстницѣ, стали опрокидываться, падали внизъ головою и плечами и жалко погибали, уносимые волнами моря, разбиваясь о скалы и палубы кораблей и поражаемые камнями сверху, такъ что изъ многихъ весьма немногіе избѣгли опасности. А Пупаки, разбѣжавъ бывшихъ на стѣнахъ непріателей и нашедши отпертыя небольшія воротца, возвратился чрезъ нихъ къ своему войску. Это не только поразило Римлянъ и императора, но было чудомъ и для са-

михъ враговъ, — и они, устыдившись безчеловѣчія и жестокости, въ которыхъ упрекали ихъ за то, что они бросали сверху камни на упавшихъ съ лѣстницы, перестали бросать ихъ, изъ уваженія къ храбрости павшихъ.

5. Еще не успѣли Римляне совершенно оплакать этой неудачи, еще всеуничтожающее время не утишило печали царя о ней, какъ уже присоединяется новое несчастье, худшее прежняго, неожиданно постигаетъ другое плачевное бѣдство. Среди площади произошло враждебное столкновение между Римлянами и Венеціанцами; и это столкновение состояло не въ однихъ наемѣшкахъ, которыми перекидывались оба народа, не въ бранныхъ только словахъ, которыя равно сыпались съ той и другой стороны, не въ томъ, что противники трунили и колко острили другъ надъ другомъ, осыпали другъ друга бранью иругательствами, нѣтъ, — они взялись за оружіе и завязали настоящій бой. По слуху объ этомъ несчастьи съ той и другой стороны сбѣжалось много вооруженныхъ людей на помощь своимъ соплеменникамъ; явились также многіе и безоружные, люди знаменитые по своему родству съ царемъ и по своимъ достоинствамъ; пришли и старѣйшины венеціанскіе съ тѣмъ, чтобы умирить мятежъ и возстановить миръ. Но никто не слушалъ словъ, никто не обращалъ вниманія на собравшихся знаменитыхъ мужей. Марсъ страшно неистовствовалъ и, жаждая кровопролитія, сильно подстрекалъ къ битвѣ тяжело вооруженныхъ воиновъ и въ особенности — изъ отряда Венеціан-

цевъ, такъ что ничто не обуздывало и не вразумляло ихъ. Чѣмъ успѣшнѣе великій Доместикъ сдерживалъ порывы Римлянъ и не допускалъ ихъ до мѣста боя, тѣмъ сильнѣе разгорались гнѣвомъ и неистовствовали Венеціанцы и тѣмъ въ большемъ числѣ высыпали изъ своихъ тріиръ. Видя всю безуспѣшность своихъ усилій примирить оба народа и необходимость разнять ихъ силою, великій Доместикъ вызывалъ своихъ тѣлохранителей, которые служили ему во время сраженія, какъ отличные тяжело вооруженные воины, и высыластъ ихъ противъ Венеціанцевъ. Въ тоже время выводилъ и часть войска. Венеціанцы послѣ недолгаго сопротивленія, обративши тыль, побѣждали безъ оглядки и, поражаемые стрѣлами и мечами, поневолѣ должны были безпорядочною толпою уйти на корабли. Но и при этомъ не оставили своего варварства, и послѣ пораженія не положили оружія, но, подобно медленно умирающимъ дикимъ звѣрямъ, все еще продолжали производить нападенія и сильно досадовали, что не одолѣли самихъ Римлянъ. И такъ какъ не могли больше сражаться на сушѣ; то, притотовивъ корабли къ выходу въ море, выводятъ ихъ изъ пристани и, отправившись къ одному острову, окруженному со всѣхъ сторонъ моремъ, — думаю, что это Астерисъ, который древніе полагаютъ между Итакою и Тетраполемъ кефалинскимъ, — нападаютъ, какъ непріатели, на стоявшія тамъ римскія суда изъ Евбеи и, поступивъ непріязненно съ матросами, между которыми большею частію были Евбейцы, наконецъ сожигаютъ и самые корабли.

Къ этому преступному дѣлу они присоединяють еще другое, болѣе гнусное. Похитивъ царскій корабль и взявъ его съ собою, сначала убрали находившіяся въ немъ царскія комнаты вытканными изъ золота занавѣсами и пурпуровыми коврами, потомъ ввели туда одного чѣрнаго Еѳіоплянина — человѣка самаго ничтожнаго и, украсивъ его блистательнымъ вѣнцемъ, торжественно сопровождали его и привѣтствовали, какъ римскаго императора. Чрезъ это они издѣвались надъ царскимъ достоинствомъ и осмѣивали императора Мануила, такъ какъ у него волосы не были золотисты, какъ зрѣлые колосы, а напротивъ лицо его было черновато, какъ у невѣсты въ Пѣсни Пѣсней, которая говоритъ о себѣ: «черна я и хороша, потому что опалило меня солнце» (Пѣсн. Пѣсн. 1, 4—5). Царь конечно могъ тотчасъ же достойно наказать этихъ варваровъ; но, опасаясь, чтобы не произошло еще болѣе зла, если возникнетъ междоусобная война, и видя, что мщеніе не безопасно въ то время, когда все вниманіе должно быть обращено на другіе предметы, онъ чрезъ нѣкоторыхъ изъ своихъ родственниковъ объявляетъ прощеніе Венеціанцамъ, какъ въ преступленіяхъ противъ него самаго, такъ и во враждебныхъ и коварныхъ дѣйствіяхъ противъ Римлянъ. Впрочемъ, хотя въ то время онъ и удержалъ гнѣвъ свой, но все же таилъ въ душѣ злобу, какъ огонь въ кучѣ золы, до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не позволили во всей силѣ открыть ее, какъ объ этомъ будетъ сказано въ свое время.

Когда же такимъ образомъ снова помирились оба войска, онъ выводитъ фаланги на осаду города и, обложивъ его, сколько было возможно, съ моря, употребляетъ всевозможныя усилія, какъ бы стараясь превзойти самого себя, — чтобы какъ нибудь покорить и завоевать городъ. Съ этою цѣлію безпрестанно бросаемы были огромные камни изъ камнеметныхъ орудій, постоянно стрѣлки прижимали къ груди своей луки и, сильно натягивая тетиву, сыпали стрѣлы на стоявшихъ на стѣнѣ непріятелей, словно хлопья зимняго снѣгу. Во многихъ мѣстахъ крѣпости нѣкоторые по ущельямъ взбирались даже на крутизны, подобно дикимъ козамъ. Но все это не доставляло ни какой пользы и служило развѣ къ тому, чтобы войско не оставалось въ бездѣйствіи. Ибо и находившіеся въ крѣпости съ своей стороны защищались мужественно и, отнюдь не считая нужнымъ спускаться внизъ и вступать въ рукопашный бой съ Римлянами, всячески оборонялись со стѣнъ и наносили вредъ непріятелямъ, бросая въ нихъ стрѣлы и камни. Царь увидѣвъ, что онъ домогается невозможнаго, но не считалъ необходимымъ уходить оттуда и оставить осаду не увѣнчанною успѣхомъ. Онъ полагалъ, что для него будетъ безславіемъ, если онъ, послѣ многихъ трудовъ и потери нѣсколькихъ отрядовъ войска, не успѣетъ взять одну крѣпость, и притомъ такую, которая недавно еще платила дань Римлянамъ, — и что онъ дастъ притонъ въ своихъ владѣніяхъ тысячамъ разбойниковъ, если оставитъ за Сицилійцами Керкиру, которая въ такомъ случаѣ будетъ безопас-

нымъ убѣжищемъ для ихъ тріиръ и сдѣлается военнымъ арсеналомъ противъ Римлянъ. И такъ, онъ рѣшился ждать, потому что не оставалось никакой надежды на что-нибудь другое болѣе лестное; а между тѣмъ долговременность осады, думалъ онъ, побудить начальниковъ гарнизона сдать ему крѣпость и ввѣрить самихъ себя. И не обманулся онъ въ своемъ ожиданіи, не ошибся въ расчетъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, непріатели, дѣйствительно, отправляютъ къ нему пословъ и просятъ, чтобы имъ дозволено было выйти изъ крѣпости съ оружіемъ и со всѣмъ прочимъ, что при нихъ было. Они рѣшились на это, потому что увидѣли, что царь не дозволитъ имъ оставаться тутъ и что они напрасно питали себя лестными надеждами, ежечасно ожидая помощи отъ короля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что между ними сталъ мало по малу появляться голодъ. Къ этому въ особенности побуждалъ ихъ Кастелланъ ⁽¹⁾ Теодоръ, главный начальникъ гарнизона, — человекъ не столько любившій кровь, сколько стадо Христово, предпочитавшій миръ враждѣ и расположенный къ Римлянамъ, какъ это доказалъ впоследствии. Царь, съ радостію выслушавъ объ этомъ предложеніи, тотчасъ же хотѣлъ видѣть и его исполненіе. Но прежде, чѣмъ дать благопріятный отвѣтъ, представилъ изъ себя человека жестокаго и страшно грозилъ непріателямъ, если не исполнять того, что обѣщаетъ по-

⁽¹⁾ Καστέλλανος — начальникъ крѣпости. Du Cang. Glossar. tom. 1, p. 602.

сольство. Когда же наконецъ они вышли изъ крѣпости — а вышли они не все вмѣстѣ, но небольшими отрядами, когда напередъ вышедшіе удостоивърили собою остававшихся, что царь не гордъ и ничего особеннаго противъ нихъ не замышляетъ, но принимаетъ ихъ благосклонно, — онъ обошелся съ ними очень ласково и привѣтливо и предоставилъ имъ полную свободу дѣлать, что хотятъ и что сочтутъ полезнымъ. Не въ моихъ, говорилъ онъ, правилахъ, да я и не считаю дѣломъ царскимъ и благороднымъ прогонять желающихъ остаться, или задерживать тѣхъ, которые хотятъ удалиться. Поэтому многіе рѣшились остаться при царѣ и прежде всѣхъ Кастелланъ Теодоръ, а остальные возвратились въ отечество — Сицилію.

6. Войдя въ городъ и подивившись силѣ крѣпости, которую не было никакой возможности покорить оружіемъ, царь оставилъ въ ней весьма сильный гарнизонъ изъ Германцевъ и затѣмъ, снявшись оттуда со всѣмъ войскомъ, переправился въ Авлонъ. ⁽¹⁾ Пробывъ здѣсь довольно времени, онъ назначилъ походъ въ Сицилію, полагая, что спокоенъ только тотъ, кто сражается, что война служить залогомъ мира, и что счастливы только тѣ города, которые защищаются не стѣнами, а мечами. Люди, говорилъ онъ, избѣгающіе войны ради мира, не замѣчаютъ, что чрезъ то наживаютъ себѣ больше враговъ, которые тогда родятся точно на плодоносной землѣ, что они ослабляютъ свое царство и никогда не

⁽¹⁾ Приморскій городъ на берегу адриатическаго залива.

наслаждаются прочным миромъ. Но «суетны, говоритъ Давидъ, помышленія людей, и невѣрны расчеты ихъ, а совѣтъ Господень твердъ и неизмѣненъ, и никто не можетъ противиться ему». Такъ и Мануиль, когда направилъ свой путь въ Сицилію и присталъ къ острову, такъ называемому Аиронисію,—остановленъ былъ въ своемъ предпріятіи сильными вѣтрами и страшною бурей, взволновавшею море и сопровождавшеюся грозными раскатами грома и необыкновенно сильнымъ и ужасающимъ сверканіемъ молніи. И когда онъ въ другой разъ пустился въ путь и спѣшили переправою,—море опять не улежало спокойно подъ его кораблями, но стало кипѣть и сильно волноваться. Отъ поднявшихся противныхъ вѣтровъ, суда разсѣялись при наступившемъ глубокомъ мракѣ, и едва лишь нѣкоторыя пристали къ твердой землѣ, такъ что и самъ царь съ трудомъ избѣжалъ опасности, а всѣ прочія разметаны были въ разныя стороны и сдѣлались добычею волнъ. Тогда царь отказался отъ намѣренія лично идти въ Сицилію, такъ какъ этотъ походъ былъ для него несчастенъ,—и, выступивъ изъ Авлона съ бывшими при немъ силами, прибылъ въ Пелагонію. Устроивъ здѣсь дѣла, какъ ему казалось лучше, онъ рѣшилъ обратить свои силы противъ Сербовъ. Ибо Сербы, пока у самодержца въ царствѣ все было спокойно, показывали видъ доброжелателей и расточали рѣчи, несогласныя съ тѣмъ, что у нихъ было втайнѣ на сердцѣ; а когда случилось на сушѣ и на морѣ то, о чемъ я вкратцѣ разсказалъ, они, воспользо-

вавшись этимъ временемъ, необыкновенно ободрились, подняли противъ Римлянъ оружіе и непріязненно напали на смежныя съ ними римскія области. И такъ, царь, взявъ отлично вооруженную часть войска и оставивъ все, что могло связывать ее въ движеніи, вступаетъ въ Сербію. Отъ сербскаго сатрапа не укрылось движеніе на него императора, хотя послѣдній и старался сдѣлать это скрытно. Не зная, что дѣлать, и сознавая, что онъ не въ состояніи бороться съ римскими легіонами, онъ оставляетъ равнины и устремляется въ горы, въ надеждѣ тамъ найти себѣ спасеніе. А своихъ подданныхъ, словно стада животныхъ, пасущихся на лугахъ, онъ отдалъ на расхищеніе и истребленіе непріятелямъ, предоставивъ каждому, по его собственному примѣру, искать спасенія въ бѣгствѣ. Но между тѣмъ какъ такъ думалъ и дѣйствовалъ правитель Сербіи, и давалъ такіе совѣты своимъ подданнымъ, царь словно левъ, увѣренный въ своей силѣ, разсѣялъ скопища варваровъ, какъ стада быковъ и козъ, сжегъ много принадлежащаго имъ имущества, захватилъ немалое количество рабовъ, и затѣмъ, выступивъ оттуда, тотчасъ же написалъ грамоту, которою увѣдомлялъ городекихъ жителей объ этихъ новыхъ успѣхахъ. Эту грамоту привезъ туда великій Доместикъ; а спустя немного прибылъ въ столицу и самъ виновникъ военныхъ подвиговъ и совершилъ по этому поводу блистательный триумфъ. Насладившись радостными восклицаніями и громомъ рукоплесканій всего наро-

да и Сената, онъ велѣдь за тѣмъ занялся конскими скачками и зрѣлищами.

А лишь только наступила весна, онъ опять занялъ Пелагонию и, такъ какъ ему самому не посчастливилось въ сицилійской экспедиціи, то онъ выслалъ туда одного изъ знатныхъ и благородныхъ людей — человека предприимчиваго, именно Михаила Палеолога, снабдивъ его большою суммою денегъ и ввѣривъ ему достаточное количество войска. Палеологъ, по мысли царя, сначала отправился въ Венецію, и тамъ нанялъ войско, а также и изъ италіянскихъ провинцій набралъ сильный отрядъ коньеносцевъ и затѣмъ уже, имѣя огромныя силы, отплылъ въ Лонгобардію. Здѣсь, сражаясь съ королевскими войсками, онъ торжествуетъ надъ ними и вѣнчается блистательными побѣдами, пользуясь во всѣхъ случаяхъ помощью и содѣйствіемъ нѣкогого графа Александра, кровнаго родственника королевскаго, который недавно передался на сторону Римлянъ за оскорбленіе, нанесенное ему королемъ. Вообще Палеологъ постоянно расширялъ свои завоеванія и, щедро разсыпая и раздавая деньги, крайне безпокоилъ короля и, казалось, готовъ былъ нанести ему окончательный ударъ, когда взялъ весьма многіе изъ тамошнихъ городовъ, одни на капитуляцію, а другіе приступомъ. Между прочимъ онъ переправилъ отсюда множество камней и, отославши къ царю нѣсколько плѣнныхъ, укрѣпилъ на берегу Егейскаго моря городъ, доселѣ извѣстный подъ именемъ Бары и Авлоніи.

7. А самъ царь, узнавъ, что владѣтель Сербіи

снова на границахъ злодѣйствуетъ и поступаетъ хуже прежняго, такъ что заключилъ даже союзъ противъ Римлянъ съ соседними Пэонійцами, съ пренебреженіемъ выступаетъ противъ нихъ съ небольшою частію войска, полагая, что они не въ состояніи съ нимъ бороться. Но они выказали неожиданное сопротивленіе и мужественно встрѣтили предстоящую войну, получивъ весьма сильное вспомогательное войско отъ Гунновъ. Въ это-то время и Іоаннъ Кантакузинъ, вступивъ въ бой съ варварами и сражаясь до того, что и самъ наносилъ и принималъ удары, — потерялъ пальцы на рукахъ, подвергшись нападенію цѣлой толпы Сербовъ. Да и самъ царь имѣлъ единоборство съ архиэупаномъ ⁽¹⁾ Вакхиномъ, — человекомъ богатырскаго тѣлосложенія и съ сильно развитыми ручными мышцами. Вакхинъ ударилъ царя въ лице и разбилъ въ дребезги опущенную съ шлема желѣзную сѣтку, закрывавшую глаза его, а царь пронзилъ мечемъ его руку и, чрезъ то отнявъ у него возможность сражаться, взялъ его живымъ въ плѣнъ. Когда же наконецъ и здѣсь Римлянъ озарилъ блескъ побѣды, и варвары разсѣялись, подобно тучамъ, и послѣ благополучнаго начала война окончилась весьма счастливо, — императоръ, еще не стерши съ лица пыли послѣ прежняго сраженія и еще покрытый горячимъ потомъ, идетъ войною противъ Венгровъ. Онъ ставилъ имъ въ вину то, что они помогали Сербамъ и хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ

⁽¹⁾ Это древній титулъ владѣтеля Сербіи.

ихъ защитника, такъ какъ король венгерскій былъ тогда въ отечества и сражался съ сосѣдними Россами. Перейдя рѣку Саву и вторгнувшись въ Франгохорій (это не ничтожная, но довольно многолюдная часть Венгріи, разстилающаяся между рѣками Дунаемъ и Савою, гдѣ и построена чрезвычайно сильная крѣпость Зевгминъ, нынѣ называемая Сирміемъ), онъ страшно опустошилъ тамошнія мѣста. Здѣсь-то одинъ изъ Пэонійцевъ, при огромнѣйшемъ ростѣ отличавшійся и неустрашимостію духа, отдѣлившись отъ товарищей, стремительно нападаетъ на самого царя; но царь, выдержавъ его нападеніе, вонзаетъ ему мечъ между глазъ и лишаетъ его жизни. Взявши множество плѣнныхъ и захвативши немалую добычу, императоръ возвратился наконецъ въ царственный городъ. Устроивъ торжественный въѣздъ и растянувъ его на огромное пространство, онъ шелъ по улицамъ города въ великолѣпнѣйшемъ триумфѣ. Пышность этого торжества возвышали плѣнные Венгры и Сербы, одѣтые не такъ, какъ обыкновенно бываютъ одѣты плѣнники, а въ великолѣпныя одежды, которыя роздалъ имъ царь, чтобы тѣмъ славнѣе казалась побѣда, и тѣмъ болѣе дивились ей и сами граждане и всѣ иностранцы, полагая, будто въ самомъ дѣлѣ взяты были на войнѣ люди рода знаменитаго, на которыхъ стоить посмотреть. Чуднымъ казалось это торжественное шествіе еще и потому, что плѣнники шли не всѣ вмѣстѣ, а по частямъ, отдѣленные другъ отъ друга промежутками, такъ что зрители легко обманывались и воображали го-

раздо большее число ихъ, чѣмъ какое было на самомъ дѣлѣ.

Въ это же время и Скионы, переправившись чрезъ Дунай, стали раззорять римскія крѣпости, лежащія на этой рѣкѣ. Противъ нихъ посланъ былъ нѣкто Каламанъ. Но онъ неудачно повелъ войну противъ Скионовъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе; полки его были разбиты и потеряли много храбрыхъ людей, да и самъ онъ умеръ отъ полученныхъ имъ смертельныхъ ранъ. А Скионы, разграбивъ по своему обыкновенію все, что попадалось имъ на пути, и навьючивъ лошадей добычею, отправились въ обратный путь. Для нихъ ничего не стоитъ переправа чрезъ Дунай, они легко выходятъ на грабежъ и безъ труда возвращаются назадъ. Оружіе ихъ составляютъ: колчанъ, повѣшенный съ боку на чреслахъ, кривой лукъ и стрѣлы. Нѣкоторые, впрочемъ, употребляютъ и конья и ими дѣйствуютъ на войнѣ. Одинъ и тотъ же конь и носитъ Скиона во время тягостной войны, и доставляетъ пищу, когда разрѣзываютъ его жилу, а если то кобылица, то, говорятъ, удовлетворяетъ и скотской похоти варвара. Для переправы чрезъ рѣку Скионы употребляютъ кожаные мѣшки, наполненные соломой и такъ хорошо сшитые, что въ нихъ не проникаетъ ни малѣйшая капля воды. Скионъ садится верхомъ на такой мѣшокъ, привязавъ его къ конскому хвосту, кладетъ на него сѣдло и всѣ военныя принадлежности и такимъ образомъ, пользуясь при переправѣ конемъ, какъ судно парусомъ, легко переплываетъ чрезъ всю ширину Дуная.

Между тѣмъ Палсологъ, котораго обвиняли за его безпокойный характеръ и за бесполезную для Римлянъ расточительность, лишь только вступилъ въ Калабрию, — лишенъ былъ начальства надъ войскомъ. На его мѣсто посланъ былъ Алексѣй Комнинъ, сынъ Кесаря Врѣннаго, двоюродный братъ царя по матери, только что возведенный въ санъ великаго Вождя. А вмѣстѣ съ нимъ отправленъ былъ и Іоаннъ Дука, человекъ посвятившій себя и Меркурію и Марсу, такъ какъ онъ тщательно изучилъ свободныя науки, происходилъ изъ благороднаго рода и былъ хорошо знакомъ съ военнымъ искусствомъ. Прибывъ въ Сицилію, они сражались съ силами короля и много разъ одерживали надъ ними побѣду въ большихъ морскихъ сраженіяхъ, такъ что корабли королевскіе развалились и самый Врентисій почти что былъ въ осадѣ. Но счастье не вполне улыбнулось этимъ блистательнымъ подвигамъ и царь не успѣлъ порадоваться, какъ бы слѣдовало, пріятнымъ извѣстіямъ. Король, собравъ еще большее количество войска и нанявъ немалое число иностранцевъ, снова выступилъ противъ Римлянъ, желая вознаградить себя за понесенное поражение. Вступивъ въ бой, онъ дѣйствительно одерживаетъ надъ ними побѣду, беретъ въ плѣнъ обоихъ военачальниковъ, заключаетъ ихъ въ окопы и такимъ образомъ въ самое короткое время уничтожаетъ все, что Римляне приобрѣли трудомъ и величайшими усиліями. Слухи и вѣсти объ этомъ уничтожили недавнюю радость Мануила и, какъ полынное питье, отравили его душу

горечью. Естественнo, что онъ не могъ перенести этого равнодушно и довольно сильно скорбѣлъ. Но онъ былъ не робкаго характера и не унывалъ въ бѣдствіяхъ; не увлекался сверхъ мѣры благоприятнымъ теченіемъ дѣлъ, но за то и не склонялся малодушно подъ ударами несчастья. Поэтому и теперь онъ мужественно вступилъ въ борьбу съ непріязненною ему судьбою, снарядилъ другой флотъ и ввѣрилъ начальство надъ нимъ Константину Ангелу, который происходилъ изъ Филаделфій отъ простыхъ и незнатныхъ родителей, но, имѣя отличный ростъ и прекрасную наружность, при содѣйствіи сваты-красоты, женился на дочери царя Алексѣя—дѣда Мануилова, Θεοδωρѣ. А такъ какъ всѣ почти сильные люди и прежнего и нынѣшняго времени вѣрятъ, будто на обстоятельства и приключенія человѣческой жизни имѣютъ вліяніе разныя движенія звѣздъ и самое ихъ положеніе, равно какъ различныя виды планетъ, ихъ приближеніе и удаленіе и вообще все, что говорятъ болтуны—астрологи во вредъ божественному Промыслу, незамѣтно вводя судьбу съ ея неизбежными и неизмѣнными опредѣленіями; то и Мануилъ употребилъ всевозможное стараніе на то, чтобы Ангель выступилъ въ счастливый часъ, и наконецъ дѣйствительно назначилъ ему время для выхода. Но что же? Не успѣло еще солнце склониться къ западу, какъ Константинъ, по приказанію царя, возвращается назадъ. И это потому, что выходъ былъ неблаговременный и что Ангель отправился въ путь не вслѣдствіе дѣйствительно - благоприятнаго положенія

звѣздъ, и даже не вслѣдствіе точнаго изслѣдованія законовъ звѣзднаго неба, а по указанію пустослововъ, которые болтаютъ вздоръ и не умѣютъ приняться за дѣло, какъ слѣдуетъ, и отъ того ошибаются въ опредѣленіи счастливаго часа. Поэтому стали снова и самымъ тщательнымъ образомъ разсматривать звѣзды, чтобы по нимъ составить предсказаніе. Наконецъ, послѣ долгаго надъ ними наблюденія, изслѣдованія и переслѣдованія, Ангелъ отправляется въ походъ, напутствуемый движеніями благодѣтельныхъ звѣздъ. Но это опредѣленіе благоприятнаго времени на столько содѣйствовало счастливому обороту дѣлъ Римлянъ, исправило ошибки прежнихъ военачальниковъ и вознаградило за понесенныя неудачи, что Константинъ тотчасъ же попалъ въ руки непріятелей. Въ то время, какъ онъ безъ всякой осмотрительности плылъ въ Сицилію,—его захватили сторожевыя сицилійскія тріеры и привели плѣнникомъ къ королю. А король, похваливъ тѣхъ, которые захватили такую добычу и назвавъ ее прекраснѣйшею изъ прекрасныхъ, отдалъ и его въ оковахъ подъ стражу.

8. Царь, и послѣ этого втораго пораженія, изыскивалъ средства къ борьбѣ. Но видя, что война ведется трудно и неудачно, и замѣчая, что огромныя и непрерывныя издержки, какъ антоновъ огонь, мало по малу истощаютъ казну,—такъ какъ уже издержано было около трехъ сотъ центенаріевъ ⁽¹⁾ золота — счелъ за нужное прими-

¹⁾ Центенарій—вѣсь ста фунтовъ.

риться съ королемъ. Поэтому не неохотно, а напротивъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ пословъ первосвященника древняго Рима, посланныхъ съ этою цѣлію, привѣтствовалъ ихъ, какъ ангеловъ благовѣстниковъ, и послалъ въ Анкону Протостратора ⁽¹⁾ Алексѣя, старшаго сына великаго Доместика, давъ ему двоякое порученіе, именно—и приготовить оружіе и набрать наемное войско въ западныхъ странахъ, если это понадобится, и заключить дружбу съ королемъ, если переговоры будутъ успѣшны. Алексѣй былъ человѣкъ предпріимчивый и вполне изучившій все военное дѣло, владѣлъ языкомъ, нисколько не уступавшимъ уму, и при распорядительности, вполне соотвѣтствовавшей его начальническимъ способностямъ, былъ одаренъ величественною наружностію. Прибывъ на мѣсто, онъ тотчасъ же занялся наборомъ войска, желая молвою объ этомъ испугать короля, и собралъ большое количество конницы, какъ бы съ цѣлію вторгнуться въ Калабрію. Въ тоже время онъ не упускалъ изъ виду и переговоровъ о мирѣ, стараясь прекратить вражду между царемъ и королемъ, и съ этою цѣлію велъ переписку съ Маіемъ, который тогда начальствовалъ надъ сицилійскіимъ флотомъ. И когда, по его стараніямъ, къ нему отправлено было посольство изъ Сици-

⁽¹⁾ Протостратор — начальствующій надъ страторами, т. е. надъ лицами, которымъ ввѣрено было попеченіе о царскихъ лошадяхъ. У Колина, въ спискѣ придворныхъ должностей, Протостраторъ занимаетъ осьмое мѣсто. На немъ, вмѣстѣ съ Хартуляріемъ, лежала, между прочимъ, обязанность подводить къ царю коня. Du Cang. Glossar. tom. 2. p. 1463—1464.

ли, онъ препровождаетъ его къ императору и просить выслушать, что будутъ говорить послы, такъ какъ ихъ требованія, сколько ему извѣстно, не чрезмѣрны и не тягостны. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ успѣшнаго хода и окончанія переговоровъ, просить дать ему знать о томъ прежде, чѣмъ узнаютъ многіе,—чтобы въ противномъ случаѣ не вышло для него какой-нибудь несприятности, такъ какъ онъ находится среди людей, которыхъ приманилъ къ себѣ лестными надеждами изъ союзныхъ царю алеманскому провинцій и которыхъ прежде, болѣею частію враждебное расположеніе къ Римлянамъ, обратилъ, по возможности, на короля сицилійскаго. Когда же дѣйствительно явился отъ царя къ Алексѣю человѣкъ съ вѣстію о заключеніи мира, онъ тайно отъ окружавшихъ его, вынимаетъ изъ ящиковъ деньги и отправляетъ ихъ съ преданными ему людьми, а пустые ящики оставляетъ на мѣстѣ и, наложивъ на нихъ печати, отдаетъ на сохраненіе мѣстнымъ вельможамъ съ тѣмъ, чтобы ничто въ нихъ не пропало, чтобы никто не попытствовалъ узнать, что въ нихъ находится, и чтобы въ томъ только случаѣ сломать печати, если онъ, отправившись къ царю, не возвратится оттуда. Такимъ-то образомъ Алексѣй возвратился изъ Анконы, а императоръ и король, склонившись къ миру, заключили мирный договоръ, хотя, вѣрнѣе сказать, они не примирились чистосердечно, а только показали видъ волчьей дружбы. Но каково бы ни было ихъ примиреніе, а имъ воспользовались плѣнники, получивъ свободу безъ

выкупа, и не только плѣнники знатнаго происхожденія и царской крови, но и простые ратники, кромѣ тѣхъ, которые происходили изъ Коринѳа и Оивъ, притомъ были незнамнаго рода и умѣли ткать тонкія полотна, и кромѣ красивыхъ и нарядныхъ женщинъ, знавшихъ также ремесло своихъ мужей. Поэтому и теперь можно видѣть, какъ въ Сициліи потомки Оивянъ и Коринѳянъ ткутъ драгоцѣнныя и неценуренныя золотомъ одежды, подобно древнимъ Евстрійцамъ, обращеннымъ въ рабство Персами за то, что они первые воспротивились Дарію, когда онъ шелъ войною противъ Еллады.

Впрочемъ не много прошло времени, какъ опять царь и король поднялись и устремились на битвы, точно бурные морскіе отливы и сирти, воздымающіе огромныя волны. Императоръ возбудилъ противъ короля сосѣднихъ ему сильныхъ владѣтелей, склонивъ ихъ къ тому обѣщаніемъ денегъ. А король приказываетъ начальнику флота Маію вывести изъ пристаней сорокъ кораблей, самыхъ скорыхъ на ходу, и, снарядивъ ихъ за-ново, отправиться въ Константинополь и тамъ въ слухъ городскихъ жителей провозгласить его владыкою и царемъ Сициліи и Акиліи⁽¹⁾, Капуи и Калабріи и всѣхъ странъ и острововъ, лежащихъ между ними, а римскаго императора унижить и очернить, и затѣмъ возвратиться. Исполняя это приказаніе, Маій обогнулъ Малюю,

(1) Подъ именемъ Акиліи нужно разумѣть или Аквилею или, что вѣроятнѣе, — Апулію.

переплылъ Эгейскій заливъ и, пройдя Геллеспонтъ, подошелъ къ столицѣ. Здѣсь онъ переплылъ сначала вдающійся въ материкъ заливъ и, подступивъ къ царскимъ палатамъ во Влахернахъ, бросилъ на нихъ стрѣлы съ серебряными вызолоченными остріями, а потомъ, на возвратномъ пути оттуда, опустивши весла напротивъ большого дворца, началъ превозносить похвалами своего короля, при громкихъ и шумныхъ восклицаніяхъ всѣхъ бывшихъ на корабляхъ матросовъ. Затѣмъ, давъ быстрый ходъ кораблямъ и поплывъ скорѣе воспѣваемаго древле корабля Аргонавтовъ, онъ проскользнулъ между Систомъ и Авидомъ⁽¹⁾, какъ бы между другими Симплигадами⁽²⁾, а между тѣмъ въ городѣ произошло большое смятеніе, такъ какъ императора не было дома. Для короля сицилійскаго это было поводомъ къ большому хвастовству, и онъ считалъ это за величайшую побѣду. А Мануилъ смотрѣлъ на этотъ случай, какъ на шутку и, смѣясь тому, что король добивается такихъ почестей, или, вѣрнѣе сказать—разбойничасть, предоставилъ ему попустому хвастаться и гордиться ничтожнымъ и бесполезнымъ успѣхомъ.

(1) Это два города, расположенные на противоположныхъ берегахъ Геллеспонта, въ самомъ узкомъ его мѣстѣ: Систъ—на берегу европейскомъ, и Авидъ—азіатскомъ.

(2) Такъ назывались два острова въ Черномъ морѣ при устьѣ Востора еракійскаго, о которыхъ думали, будто они часто сталкивались между собою и сокрушали попавшійся между ними корабль.

ЦАРСТВОВАНИЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

КНИГА III.

Такъ кончилась борьба императора Мануила въ Сициліи и Калабріи. Она была блистательна и стоила весьма большихъ издержекъ, но не принесла никакой пользы Римлянамъ и не оставила ничего, что бы могло возбудить соревнованіе въ послѣдующихъ самодержцахъ. Но кто станетъ говорить что-либо противъ человека, который такъ усердно подвизался для того, чтобы лучше устроить дѣла государства и покорить иноплемениковъ, хотя и не имѣлъ въ томъ успѣха?—Велѣдъ за симъ Мануилъ опять объявилъ походъ противъ Пэонійцевъ, которыхъ называютъ также Венграми и Гуннами, и приказалъ воинамъ, живущимъ на Западѣ, привезти съ собою въ лагерь повозки для того, чтобы они могли и самихъ себя снабжать въ дорогѣ жизненными припасами, и доставлять ихъ прочему войску, у котораго не будетъ подобныхъ повозокъ. Войска собрались и самъ царь прибылъ въ городъ Сардику, называемый нынѣ Тріадицею. Но здѣсь онъ пробылъ не много времени, такъ какъ отъ Пэонійцевъ явилось посольство съ просьбою о мирѣ. Отсюда онъ отправился противъ сатрапа сербскаго и, безъ труда устранивъ его, убѣдилъ отказаться отъ союза съ Гуннами и только его одного признавать царемъ и бояться. Затѣмъ распустилъ большую часть войска по домамъ, а самъ отправился въ

область Оессалійцевъ и, пробывши тамъ, сколько находилъ нужнымъ, возвратился въ столицу.

Но лишь только солнце совершило зимній поворотъ, онъ снова выступаетъ въ Пелагонію, находя ее пунктомъ удобнымъ, какъ для расположенія войска, потому что она разстилается обширными равнинами, такъ и для собранія извѣстій о томъ, что дѣлалось у народовъ, съ которыми онъ былъ во враждѣ. Его еще занимали и беспокоили дѣла сицилійскія, потому что они не совсѣмъ еще затихли. Да и предводитель Гунновъ, какъ оказалось изъ его дѣйствій, также замышлялъ войну. Когда Андроникъ Комнинъ, бывший въ послѣдствіи римскимъ тиранномъ, лишенъ былъ управленія Враницовой и Велеградомъ, по слуху о томъ, что онъ тайно соединился съ Пэонійцами противъ Римлянъ и условился съ ихъ вождемъ лишить Мануила власти и присвоить ее себѣ, — и когда вельдъ за тѣмъ немедленно былъ высланъ въ Пелагонію, а отсюда, уличенный въ козняхъ противъ двоюроднаго брата и царя, препровожденъ въ оковахъ въ Константинополь и заключенъ въ одной изъ темницъ большого дворца; тогда, дѣйствительно, предводитель Гунновъ тотчасъ же выступаетъ войною противъ Римлянъ, осаждастъ Враницову и опустошаетъ всѣ тамошнія мѣста, грабя и расхищая все, по своему произволу. Велѣдствіе этого царь высылаетъ противъ него военачальникомъ хартулярія Василія Цинцилука. Цинцилукъ, принявъ начальство надъ собранными войсками, построилъ ихъ въ когорты и фаланги и, думая, что имѣетъ непобѣдимое

войско, вступилъ въ бой съ Венграми и на нѣсколько времени дѣйствительно одержалъ надъ ними побѣду. Но такъ какъ Римляне безъ всякаго порядка преслѣдовали непріятелей, то они, обратившись назадъ, вознаградили себя за понесенное пораженіе еще болѣе славною побѣдою. Услышавъ объ этомъ, царь самъ отправляется туда, въ томъ предположеніи, что Пэонійцы испугаются его прибытія и удалятся изъ тамошнихъ областей. Пэонійцы такъ и сдѣлали, заключивъ съ царемъ миръ, какой можно было по тогдашнимъ обстоятельствамъ. А самъ царь, устроивъ по возможности дѣла въ Враницовѣ и Велеградѣ, возвратился въ столицу.

Когда же на Западѣ, велѣдствіе договоровъ и соглашеній, враги нѣсколько успокоились и съ этой стороны не представлялось пока ни одного опаснаго соперника, — царь назначаетъ походъ въ Арменію. Отправившись въ Тарсъ, онъ доходитъ до Аданы и до другихъ городовъ, сопредѣльныхъ съ нижнею Арменією, избавляетъ ихъ отъ страданій, которыя они терпѣли отъ Торуса, и ограждаетъ надлежащею безопасностію. Наведя ужасъ своимъ появленіемъ на этого Армянина—человѣка не прямого и открытаго, но хитраго и лукаваго, царь однакожъ не пошелъ далѣе и не сталъ, по примѣру своего отца, сражаться изъ-за обладанія цѣлою Арменією. Даже тѣ крѣпости, которыя тотъ покорилъ силою, онъ не потребовалъ и не отнялъ у властителя Армянъ, какъ вырываетъ пастухъ изъ горла волка куски печени. Обманутый хитрыми и коварными рѣчами Торуса, увле-

ченный обольстительными условіями союза, онъ повернулъ въ-сторону и прибылъ въ Антиохію, прекраснѣйшій и главнѣйшій городъ во всей Сиріи.

2. Въ то время, какъ царь Мануилъ находился въ Тарсѣ, до него доходитъ извѣстіе о бѣгствѣ изъ заключенія двоюроднаго его брата Андроника. Причиною заключенія Андроника было частію то, что мы выше сказали, но не менѣе того и его всегдашняя вольность въ рѣчахъ, его сила, которою онъ превосходилъ многихъ, его прекрасная наружность, достойная царекаго сана, и его неукротимый характеръ, — все-такія качества, на которыя государи, изъ опасенія лишиться царства, обыкновенно смотрятъ подозрительно, которыя тревожатъ ихъ и колятъ въ самое сердце. Вотъ поэтому-то, равно какъ и потому, что онъ былъ некусный воинъ и происходилъ изъ знатнаго рода, — такъ какъ отъ одного отца, Алексѣя, дѣда Мануилова, происходили и отецъ Мануила, царь Іоаннъ, и отецъ Андроника, Севастократоръ Исаакъ, — слѣдили за нимъ и смотрѣли на него очень подозрительно. Къ этому присоединилось и другое обстоятельство, по которому Мануилъ держалъ его въ темницѣ. У этого царя было три брата: Алексѣй, Андроникъ и часто упоминаемый нами Исаакъ. Изъ нихъ двое скончались еще при жизни своего отца, царя Іоанна Комнина. Алексѣй оставилъ по себѣ потомство въ одной дочери, которую и взялъ въ замужество, какъ мы уже выше сказали, Алексѣй, сынъ великаго Доместика Іоанна. А у Андроника было три дочери: Марія, Осодора и Евдокія, и два сына:

Іоаннъ и Алексѣй. Изъ дочерей Евдокія, лишившись мужа, жила въ преступной связи съ Андроникомъ, и жила не тайно, но явно. И когда Андроника упрекали за эту незаконную связь, онъ въ оправданіе всегда ссылался на подражаніе своимъ роднымъ и шутя говорилъ, что подданные любятъ подражать государю и что люди одной и тойже крови всегда какъ-то бываютъ похожи одни на другихъ. Этимъ онъ намекалъ на своего двоюроднаго брата, царя Мануила, который былъ подверженъ подобной же, или еще и худшей страсти, потому что тотъ жилъ съ дочерью своего роднаго брата, а Андроникъ съ дочерью двоюроднаго. Подобныя шутки Мануилу не нравились, а ближайшихъ родственниковъ Евдокіи просто бѣсили и воспаляли страшнымъ гнѣвомъ противъ Андроника, — въ особенности же, ея роднаго брата Іоанна, который былъ почтенъ достоинствомъ Протосеаста⁽¹⁾ и Протовестиарія, и его зятя по сестрѣ Маріи, Іоанна Контакузина. Естественно поэтому, что противъ Андроника затѣвали и строили много ковъ и тайно и явно; но онъ уничтожалъ ихъ, какъ нити паутины, и разсѣвалъ, какъ дѣтскія забавы на песокъ, благодаря своему мужеству и уму, которымъ настолько превосходилъ своихъ противниковъ, насколько безсловесныя животныя ниже существъ разумныхъ. Не разъ случалось,

(1) Достоинство Протосеаста введено при константинопольскомъ Дворѣ Алексѣемъ Комнинимъ. У Кодица, въ списокъ придворныхъ чиновъ, Протосеастъ занимаетъ тринадцатое мѣсто. Съ званіемъ Протосеаста не соединялось никакихъ обязанностей. Codin ed. Вопп. р. 33 et 183.

что они напали на него силою, но онъ обращалъ ихъ въ бѣгство, находя для себя награду въ любви Евдокии. Однажды, когда онъ, находясь въ Пелагоніи, въ палаткѣ наслаждался въ объятіяхъ этой женщины, близкіе родственники Евдокии, узнавъ объ этомъ, окружили палатку и со множествомъ вооруженныхъ стерегли его выходъ въ намѣреніи тотчасъ же убить его. Но это не укрылось отъ Евдокии, хотя мысль ея и была занята другимъ. Была ли она извѣщена кѣмъ-либо изъ своихъ родственниковъ, или какъ иначе узнала о засадѣ, устроенной ея обольстителю, — потому что и она была надѣлена умомъ острымъ и ужъ никакъ не женскою проницательностію, — только она объявляетъ объ этомъ Андроннику въ то время, какъ онъ лежалъ вмѣстѣ съ нею. Андронникъ испугался, тотчасъ же вскочилъ съ постели и, опоясавшись длиннымъ мечемъ, размышлялъ, что ему дѣлать. Евдокія совѣтовала своему любовнику надѣть женское платье и, какъ только она прикажетъ одной изъ бывшихъ на стражѣ прислужницъ при спальнѣ принести въ палатку свѣтильникъ, назвавъ ее по имени и притомъ такъ громко, чтобы ея голосъ слышали подстерегающіе, — тотчасъ же выдти и скрыться. Но этотъ совѣтъ не правился Андроннику: онъ боялся, что его поймутъ и, взявъ за волосы, въ безчестномъ видѣ приведутъ къ царю, и страшился смерти безславной и свойственной лишь женщинамъ. Поэтому, обнаживъ мечъ и взявъ его въ правую руку, онъ косымъ ударомъ разрѣкаетъ палатку, выскакиваетъ вонъ и однимъ огромнымъ

прыжкомъ перескакиваетъ и плетень, случайно примыкавшій къ палаткѣ, и все пространство, которое занимали колья и веревки. Сторожившіе его разинули рты отъ удивленія и считали чудомъ и чѣмъ-то необыкновеннымъ этотъ побѣгъ пойманной добычи. Слухи объ этомъ беспокоили самодержца Мануила, а непрерывно доходящія до него клеветы, какъ непрерывно падающія капли, приготовляли въ душѣ его мѣсто для принятія всего, что говорили противъ Андроника, мало по малу погашали въ немъ остатокъ любви къ этому человѣку и побуждали принимать за истину все, что возносили на него. Не совсѣмъ же напрасно, думалъ онъ, ходитъ молва и не даромъ, распустивъ крылья, всюду распространяетъ объ Андроникѣ слухъ, какъ о человѣкѣ надменномъ и помогающемъ царству. Поистинѣ нѣтъ въ людяхъ зла, которое было бы хуже, чѣмъ языкъ клеветника, и справедливо Пѣнопѣвецъ и Псалмопѣвецъ Давидъ во многихъ мѣстахъ своихъ божественныхъ и сладкорѣчивыхъ пѣней поносить и позорить его, выставляя на показъ его пагубную силу и молясь объ избавленіи отъ его ухищреній. Такимъ-то образомъ и Мануиль, какъ съѣми, уловленъ былъ частыми наговорами родственниковъ Андроника, и волею—неволею сажаетъ его въ темницу и заключаетъ въ самыя крѣпкія и несокрушимыя желѣзные оковы. Андроникъ довольно долгое время бѣдствовалъ въ темницѣ. Но какъ онъ былъ человѣкъ смѣлый, чрезвычайно изворотливый и въ трудныхъ обстоятельствахъ весьма находчивый; то, открывъ въ своей темницѣ (это

была баня, построенная изъ обожженного кирпича) старинный подземный ходъ, онъ руками, какъ вѣникомъ и заступомъ, прочищаетъ въ немъ отверстіе для входа и выхода такъ, чтобы это было незамѣтно, застилаетъ его кое—какими домашними вещами и затѣмъ прячется въ немъ. Когда настала часъ обѣда, стражи отворили двери темницы и принесли обычное кушанье, но гостя къ столу нигдѣ не видѣли. Стали осматривать, не разломана ли, или не раскопана ли гдѣ темница, и не ушелъ ли хитрый Андроникъ. Но нигдѣ не было никакого поврежденія: ни дверныя петли, ни дверныя косяки, ни порогъ у дверей, ни потолокъ, ни задняя часть дома, ни желѣзныя рѣшетки въ окнахъ, словомъ, ничто не было испорчено. Тогда стражи подняли громкій вопль и стали терзать себѣ лице ногтями, такъ какъ у нихъ не стало того, кого они стерегли, и они не знали, какъ и гдѣ онъ ушелъ. Доводятъ объ этомъ до свѣдѣнія царицы, главныхъ сановниковъ и придворныхъ вельможъ. И вотъ одни отправлены были стеречь приморскія ворота, а другимъ приказано наблюдать за воротами земляными, одни осматривали пристани, а другіе отыскивали въ какой-либо другой открытой части города скрывшагося Андроника. Ни улицы, ни перекрестки не были оставлены безъ осмотра и наблюденія. Въ то же время и по всеѣмъ провинціямъ непрестанно рассылались царскія грамоты, въ которыхъ объявлялось о бѣгствѣ Андроника и постоянно предписывалось искать его и, какъ только будетъ пойманъ, представить въ Константинополь. А между

тѣмъ схватили и его жену, какъ участницу въ его побѣгѣ, и посадили въ ту темницу, въ которой былъ заключенъ Андроникъ, для того, чтобы она тамъ же, гдѣ содержался ея мужъ, понесла наказаніе за свою любовь къ нему и за то, что склонила его къ побѣгу. Очевидно, эти люди не знали, что Андроникъ попрежнему остается ихъ узникомъ, что они напрасно изливаютъ свой гнѣвъ на несчастную женщину и чрезъ то благопріятствуютъ Андронику. Выбравшись изъ подземелья чрезъ подземный проходъ и встрѣтившись съ женою, Андроникъ сначала былъ принятъ ею за демона изъ преисподней или за тѣнь изъ царства мертвыхъ, и неожиданностію своего появленія привелъ ее въ страхъ. Потомъ онъ обнялъ ее и заплакалъ, хотя и не такъ громко, какъ требовали несчастія и тогдашнія бѣдственные обстоятельства, остерегаясь, чтобы плачь его не дошелъ до слуха темничныхъ сторожей. Проживъ такимъ образомъ довольно долгое время въ темницѣ съ женою и, влѣдствіе супружескихъ связей, сдѣлавъ ее беременною,—отъ чего у него родился сынъ Іоаннъ, которому онъ и передалъ впослѣдствіи свое царство, какъ объ этомъ будетъ сказано въ свое время,—Андроникъ наконецъ уходитъ изъ темницы, такъ какъ теперь, когда въ темницѣ была женщина, стражи уже не такъ бдительно охраняли ее, какъ было при немъ. Но когда онъ прибылъ въ Мелангін, то былъ пойманъ однимъ солдатомъ, по имени Никеемъ, и опять посаженъ подъ стражу и заключенъ въ темницу въ двойныхъ желѣзныхъ кандалахъ, при строжайшемъ противъ

прежняго надзорѣ. Когда объ этомъ донесено было Мануилу, стоявшему еще лагеремъ въ Арменіи, онъ посылаетъ въ столицу Дромо-Логовета (¹), Іоанна Каматира, съ тѣмъ, чтобы онъ возвѣстилъ о скоромъ прибытіи туда императора и, точнѣе изслѣдовавъ этотъ случай, обстоятельнѣе донесъ ему.

5. Между тѣмъ Антиохійцы, узнавъ о прибытіи къ нимъ императора, сначала не были рады ему, даже очень тяготились имъ и старались отклонить его пріѣздъ. Но такъ какъ не могли воспрепятствовать ему и измѣнить его рѣшенія, то не только, высылавъ за ворота, въ рабскомъ видѣ и съ покорною душою встрѣчали его, но и устроили ему торжественный входъ, украсивъ улицы и перекрестки коврами и другими домашними вещами, устлавъ ихъ свѣжими древесными вѣтвями и перенесли въ городъ красу полей и луговъ. И никто не уклонился отъ этой великолѣпной процессіи, но въ ней участвовали рѣшительно все жители, такъ что тутъ былъ и прожорливый Сиріецъ, и разбойникъ Исавріецъ, и пиратъ Киликіецъ; даже всадникъ коньеносецъ-Италіецъ,—и тотъ, оставивъ статнаго коня и отложивъ свою гордость, шель пѣшкомъ въ этой торжественной процессіи. Замѣтивъ, что здѣшнее латинское войско очень гордится своимъ конемъ

(¹) Λογοθέτης τοῦ δρόμου—Дромо-Логоветъ. Такъ назывался главный начальникъ почтоваго вѣдомства. Впослѣдствіи онъ скрѣплялъ своею подписью царскіе указы и золотыя буллы. При Кодицѣ онъ занималъ 27 мѣсто въ ряду придворныхъ чиновъ, но уже не имѣлъ никакой должности. Du Cange Glossar. p. 822. Codin. p. 36 et 191.

и хвастаетъ искусствомъ обращаться съ нимъ, императоръ назначаетъ день для потѣшнаго сраженія на коняхъ. И когда насталъ опредѣленный день,—онъ, выбравъ изъ римскихъ легіоновъ и между своими родственниками людей, особенно искусныхъ въ обращеніи съ конемъ, выводитъ ихъ на мѣсто. Выѣзжаетъ и самъ, съ веселымъ видомъ и съ всегдашней своею улыбкою, на обширную равнину, гдѣ удобно могли расположиться и дѣйствовать конныя фаланги, раздѣлившись на двѣ половины. Держа поднятое вверхъ копье и одѣтый въ великолѣпнѣйшую хламиду, которая, стягиваясь пряжкой на правомъ плечѣ, оставляла руку свободною, онъ ѣхалъ на прекрасномъ и златосбруйномъ боевомъ конѣ, который, сгибая нѣсколько шею и подпрыгивая, словно просился на бѣгъ и какъ будто спорилъ съ блескомъ сѣдока. И каждому изъ своихъ родственниковъ, а равно и всемъ, кто былъ выбранъ сражаться съ Итальянцами, онъ приказалъ одѣться, сколько можно, великолѣпнѣе. Выѣхалъ также и князь Герардъ, сидя на конѣ—бѣлѣ снѣга, одѣтый въ разрѣзную тунику, спускающуюся до пятъ, и имѣя на головѣ шляпу, наклоненную на подобіе тіары и покрытую золотомъ. Съ нимъ выѣхали и бывшіе при немъ всадники, все люди отважные духомъ и высокіе ростомъ. Когда начался этотъ безкровавый бой, многіе съ той и другой стороны стремительно нападали другъ на друга, бросая въ противниковъ коня и отклоняя отъ себя удары. Тутъ можно было видѣть, какъ одни опрокидывались и падали внизъ головою и пле-

чами, а другіе, словно мячикъ, вылетали изъ конскаго сѣдла; — одни повергались внизъ лицомъ, другіе падали навзничъ, а иные, давши тылъ, бѣжали безъ оглядки; одни блѣднѣли, боясь упасть подъ удары коня, и совсѣмъ закрывались щитомъ, а другіе пламенѣли отъ восторга, видя, что противникъ прячется отъ страха. Воздухъ, разсѣкаемый быстрымъ бѣгомъ коней, волновалъ и со свистомъ колебалъ знамена. Всякій, кто посмотрѣлъ бы на это увеселеніе, безъ преувеличенія сказалъ бы, что здѣсь сошлись Венера съ Марсомъ и Беллона съ Граціями: столько въ этихъ играхъ было разнообразія и красоты. Римлянъ одушевляло необыкновенною ревностію желаніе превзойти Латинянъ въ искусствѣ владѣть конемъ и то, что они сражались въ глазахъ царя—цѣнителя ихъ дѣйствій; а Итальянцевъ воспламеняло ихъ всегданнее высокомеріе и непомерная гордость, а къ тому же и мысль—какъ бы не уступить въ войнѣ на копьяхъ первенства Римлянамъ. Самъ же императоръ при этомъ повергъ на землю за-разъ двоихъ всадниковъ: наскочавши на коня на одного изъ нихъ, онъ ударилъ его конемъ съ такою силою, что тотъ ниспровергъ вмѣстѣ съ собой и своего сосѣда.

Удививъ своимъ мужествомъ Антиохійцевъ, которые теперь своими глазами увидѣли то, о чемъ прежде только слышали, царь рѣшился предпринять обратный путь въ Константинополь. Онъ предполагалъ идти безъ непріязненныхъ дѣйствій, и потому распустилъ войско, предоставивъ каждому отправляться, куда хочетъ. Но поступивъ

въ этомъ случаѣ не такъ, какъ слѣдовало предводителю и какъ самъ поступалъ прежде, онъ потерялъ весьма много войска, вслѣдствіе пораженія, понесеннаго задними отрядами. Поспѣшность, съ которою солдаты выступали въ путь, и ничѣмъ не сдерживаемое и безпорядочное ихъ отправленіе въ свои дома, были причиною гибели немалаго числа распущенныхъ легіоновъ, при неожиданномъ нападеніи на нихъ Турковъ. Тогда многіе на самомъ дѣлѣ узнали, сколько добра заключается въ предусмотрительности и какъ бесплодно и бесполезно позднее раскаяніе, — во сколько разъ лучше спасительное и славное завтра, чѣмъ гибельное сегодня, хотябы оно и льстило сначала доброю надеждой. И это жалкое пораженіе, можетъ быть, было бы еще хуже, еслибы царь, воротившись, не удержалъ напора Турковъ и не повелъ войско въ томъ порядкѣ, въ какомъ бы слѣдовало вести его прежде. Когда онъ пришелъ на мѣсто, гдѣ лежали тѣла павшихъ, и увидѣлъ множество убитыхъ, то отъ скорби, говорятъ, ударялъ себя рукою по бедрамъ, часто испускалъ звуки сквозь губы, глубоко вздыхалъ и плакалъ, какъ обыкновенно поступаютъ люди, когда они бываютъ поражены скорбію, увидѣвъ жалкое зрѣлище или услышавъ печальную вѣсть. Ему сильно хотѣлось вознаградить себя за понесенное пораженіе и безчестіе; но какъ въ эту минуту онъ не могъ сдѣлать ничего славнаго, то снова отправился въ предположенный путь.

4. Не на однихъ только высокихъ властите-

лей народовъ и городовъ всегда косо смотритъ зависть и постоянно поддерживаетъ вблизи ихъ злоумышленниковъ,—нѣтъ, она не оставляетъ въ покоѣ и людей, не столь высоко поставленныхъ. Такъ не миновала она и Θεодора Стиппіота, пользовавшагося большою довѣренностію у царя. Воздвигнувъ противъ него бурю и вѣтры,—неодолимая, она стала часто потрясать этого сильнаго человѣка, пока наконецъ не низвергла его и не довела до самаго жалкаго паденія. Я включаю разсказъ и объ этомъ въ исторію, чтобы показать читателямъ, какъ трудно разгадать лукавство людское и какъ мудрено уберечься отъ него,—какъ поэтому нужно всевозможно остерегаться соперниковъ, которые при душѣ неблагородной и при скрытномъ характерѣ надѣлены языкомъ, говорящимъ не то, что у нихъ на сердцѣ, а главное,—какъ нужно охранять уста и не давать языку опрометчиво вырываться за ограду зубовъ и укрѣпленіе губъ, которыми природа окружила его, какбы двойною стѣною. Тогдашній Дромо—Логоветъ не могъ равнодушно смотрѣть на благосклонность судьбы къ Стиппіоту и на чрезвычайное къ нему благоволеніе царя. Ему несносно было, что Стиппіотъ могъ во всякое время являться къ самодержцу и свободно говорить съ нимъ, могъ все приводить въ движеніе своимъ указаніемъ и мановеніемъ, тогда какъ для него открывались двери къ царю только въ опредѣленные часы, а о томъ, что дѣлалось по одному лишь желанію Стиппіота, ему не удавалось грезить и во снѣ. Все это разжигало въ немъ зависть,

кололо его до глубины сердца, и вельдствіе того онъ поступаетъ со Стиппіотомъ самымъ коварнымъ и самымъ гнуснымъ образомъ. Владѣя въ высшей степени искусствомъ строить козни, надѣленный языкомъ раздвоеннымъ, какъ у змѣя—клеветника, бывшаго первымъ виновникомъ зла, онъ вкрался въ дружбу этого человѣка, прикрывъ низкіе замыслы личиною добраго расположенія и стаканъ съ ядомъ подмазавъ по краямъ медомъ любви. Такимъ-то образомъ, говоря одно и думая другое, на устахъ выражая почтеніе, а въ сердцѣ чувствуя далеко не то, онъ обманулъ Стиппіота, въ одномъ лишь этомъ случаѣ простаго и неосторожнаго. Оклеветавъ его предъ царемъ, какъ обманщика и злоумышленника, онъ обвиняетъ его въ предательствѣ, увѣряя, что онъ разстроиваетъ дѣла сицилійскія. Когда же царь, бывший въ то время еще въ Киликіи, потребовалъ отъ него доказательства, онъ ставитъ его за занавѣсъ, беретъ Стиппіота, какъ будто-бы ему нужно было поговорить съ нимъ о чемъ-то на-единѣ, и приводитъ туда, гдѣ скрытно стоялъ царь. Начавъ разговоръ о предметахъ постороннихъ, онъ хитро сводитъ рѣчь на дѣла сицилійскія, самъ же подаетъ Стиппіоту поводъ порицать и оуждать распоряженія царя по дѣламъ Сициліи и за тѣмъ прерываетъ разговоръ. Заронивъ въ душу царя такую искру противъ Стиппіота и представивъ ей тлѣть, онъ сталъ пріискивать и хворостъ другихъ обвиненій, чтобы чрезъ то скорѣе ее разжечь. Къ тому же онъ получилъ въ сердце новый жестокий ударъ: Стиппіоту ввѣренъ былъ

золотой, украшенный дорогими камнями сосудъ съ красною жидкостію ⁽¹⁾, и было поручено распоряженіе въ храмъ влахернскомъ присягою, которою утверждалось преемство престола за Венгерцемъ Алексѣемъ и дочерью царя Марією,—обязанность, собственно относящаяся къ должности Логовста. По этому-то случаю, онъ, говорятъ, составилъ глупѣйшее письмо отъ имени Стипціота къ королю сицилійскому и, подбросивъ его между книгами и бумагами Стипціота, убѣдилъ царя послать въ палатку Стипціота нарочныхъ, чтобы они отыскиали его письмо къ королю. Когда оно было найдено, царь веныхнулъ гнѣвомъ, какъ молніею, — и Стипціоту тогдаже несправедливо выкололи глаза, — и онъ сталъ слѣпъ и уже не видѣлъ солнца. О, всевидящее, правосудное Око! Для чего Ты часто терпишь такіа преступленія или даже болѣе тяжкія злодѣянія людей и не бросаешь тотчасъ же громовъ и молній, но медлишь наказаніемъ! Неизлѣдимъ судъ твой и недоступенъ для помысловъ человѣческихъ. Но Ты поистинѣ премудръ и точно знаешь, что полезно намъ, хотя мы малодушные и не постигаемъ судовъ твоихъ. Такъ-то, завидѣвъ змѣя ядовитаго или заслышавъ въ горахъ льва косматаго, тотчасъ же можно убѣжать; всякаго злодѣя можно умолить, слезами и мольбами тронуть: но чтобы укрыться отъ человѣка, который злоумышляетъ втайнѣ противъ ближняго и въ душѣ таитъ одно,

---

⁽¹⁾ Т. е. онъ получилъ должность Каниклія—хранителя царской чернильницы.

а говорить другое, для этого нужно много мудрости и необходимо содѣйствіе свыше.

Логовстъ, о которомъ мы говоримъ,—я прерву и еще на нѣсколько времени связь моего повѣствованія,—былъ человѣкъ недалекій въ высшихъ наукахъ, не большой любитель и не усердный читатель священной философіи. Но онъ имѣлъ превосходную осанку, владѣлъ даромъ говорить безъ приготовленія и рѣчью, которая лилась подобно прекрасному потоку, падающему съ возвышенія, и чрезъ то пріобрѣлъ себѣ большую славу. Не имѣя себѣ соперниковъ въ обжорствѣ и превосходя всѣхъ въ питьѣ вина, онъ умѣлъ подпѣвать подъ лиру, играть на арфѣ и плясать кордакъ ⁽¹⁾, быстро перебирая ногами. Жадно наливая себя виномъ и часто насасываясь имъ, какъ губка, онъ не потоплялъ однакожъ своего ума въ винѣ, не шатался, какъ пьяные, не склонялъ головы на сторону, какъ бываетъ отъ хмѣля, но говорилъ умно, — такъ какъ питье лишь прибавляло живости и силы его уму,—и становился еще одушевленнѣе въ разговорѣ. Любя пирь, онъ не только весьма правился царю, но пріобрѣлъ большую любовь и у другихъ владѣтельныхъ лицъ, которые жаловали веселый разгулъ. Пріѣзжая къ нимъ посломъ, однихъ онъ одолѣвалъ питьемъ и доводилъ до того, что имъ долго приходилось отрезвляться и освѣжать голову, а съ другими равнялся. А это были люди,

---

⁽¹⁾ Такъ называлась комическая пляска съ неблагопристойными тѣлодвиженіями.

которые вливали въ свое брюхо по цѣлымъ бо-
ченкамъ, держали амфоры въ рукахъ, какъ стака-
ны, и всегда употребляли за столомъ геркулесов-
скую чашу. Такъ какъ зашла уже однажды рѣчь
объ этомъ человѣкѣ, то да позволено будетъ раз-
сказать и о слѣдующихъ обстоятельствахъ, до-
стойныхъ памяти и повѣствованія. Однажды онъ
объявилъ царю Мануилу, что на извѣстныхъ усло-
віяхъ готовъ выпить наполненную водою порфи-
ровую чашу, которая прежде стояла во дворцѣ
предъ китонемъ въ открытомъ преддверіи царя
Никифора Фоки, обращенномъ къ Вуколеону ⁽¹⁾, а
теперь находилась въ огромномъ раззолоченномъ
андронѣ ⁽²⁾, построенномъ царемъ, о которомъ мы
повѣствуемъ. Царь, удивленный его словами, ска-
залъ: «хорошо, Логоуетъ», — и положилъ усло-
віемъ — дать ему большое количество дорогихъ
цвѣтныхъ матерій и золота, если сдѣлаетъ, какъ
сказалъ; если же нѣтъ — получить отъ него такую
же плату. Логоуетъ съ удовольствіемъ принялъ
это условіе и, когда чаша, вмѣщавшая въ себѣ
около двухъ хой ⁽³⁾, была наполнена до-верха во-
дою, — нагнувшись къ сосуду, осушилъ ее, какъ

(1) Вуколеонъ (*βουκολέων*) называлась одна площадь въ Кон-
стантинополѣ съ прилегающими къ ней зданіями, не въ дальнемъ
разстояніи отъ морскаго берега, и называлась такъ потому, что на ней
стояла высѣченная изъ камня группа, представляющая быка (*βούκος*)
въ борьбѣ со львомъ (*λέων*). Bandur. Comment. in antiquit. Constans-
tinop. p. 363.

(2) Андронъ (*ἀνδρών*) — часть дома, занимаемая мужчинами, — зала,
куда собирались мужчины для пиршества, бесѣды и проч.

(3) Хой (*χοίους*) — мѣра жидкостей, вмѣщавшая въ себѣ 12-ть ко-
тиль, по вѣсу 90 унцій.

быкъ, сдѣлавши одну только остановку, чтобы
немного перевести духъ, — и тотчасъ же полу-
чилъ отъ царя, что слѣдовало по условію. Боль-
шой также охотникъ былъ онъ до зеленыхъ бо-
бовъ и ѣлъ ихъ, какъ говорится, походя. Цѣлая
ихъ полосы онъ истреблялъ и уничтожалъ не ху-
же чекалки. Однажды, стоя лагеремъ близъ рѣки,
завидѣлъ онъ на другомъ берегу полосу бобовъ.
Тотчасъ же раздѣвшись до-нага и переплывъ на
другую сторону, онъ поѣлъ большую часть ихъ,
но и тѣмъ не удовольствовался. Связавъ остатки
въ пучки и положивъ на спину, онъ перетащилъ
ихъ черезъ рѣку и, расположившись на полу въ
палаткѣ, съ наслажденіемъ вышелушивалъ бобы,
какъ будто долгое время постился и ничего не
ѣлъ. При атлетическомъ сложеніи и при высо-
комъ ростѣ, онъ не былъ трусомъ, но глядѣлъ
человѣкомъ храбрымъ и достойнымъ той крови,
отъ которой происходилъ по матери. При концѣ
жизни, чувствуя угрызеніе совѣсти за то, что
оклеветалъ Стиппіота, онъ позвалъ къ себѣ этого
человѣка и со слезами просилъ прощенія. Тотъ,
не помня обиды, охотно простилъ его и въ-доба-
вокъ еще молился о спасеніи его души. Вотъ что
я хотѣлъ сказать объ этомъ и, думаю, что мой
разсказъ не лишенъ для многихъ пользы, назида-
тельности и занимательности.

5. Между тѣмъ у Мануила скончалась супру-
га, взятая изъ рода Алемановъ. Терзаясь скорбію,
онъ громко рыдалъ по ней, какъ будто бы съ ея
смертію лишился части собственного тѣла, — по-
читилъ ее великолѣпнымъ погребеніемъ и схоро-

нилъ въ отцовской обители Пантократора. Затѣмъ, проживъ во вдовствѣ и одиночествѣ столько времени, сколько считалъ приличнымъ, рѣшился вступитъ во второй бракъ, желая сдѣлаться отцемъ дѣтей мужескаго пола. Изъ многихъ мѣстъ приходили къ нему и письма и предложенія невѣстъ отъ царей и королей и владѣтелей земли; но всѣмъ невѣстамъ онъ предпочелъ одну изъ дочерей правителя Антиохіи Петевина,—разумѣю Антиохію, которая находится въ Келесиріи, и которую напаяетъ Оронть и освѣжаетъ западный вѣтеръ съ моря. Этотъ Петевинъ, родомъ Италіянецъ, былъ отличный всадникъ и владѣлъ ясеновымъ копьемъ лучше извѣстнаго Пріама. Отправивъ къ нему знаменитыхъ по своему происхожденію сенаторовъ, царь чрезъ нихъ ввелъ къ себѣ въ домъ эту дѣвицу и совершилъ брачное торжество. Это была женщина красивая, и очень красивая, и даже чрезвычайно красивая,—словомъ необыкновенная красавица. Въ сравненіи съ нею рѣшительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и бѣлорукая и волоокая Юнона, и знаменитая своею высокою шеею и прекрасными погами Елена, которыхъ древніе за красоту обоготворили,—да и вообще всѣ женщины, которыхъ книги и повѣсти выдають за красавицъ.

Теперь, намѣреваясь продолжать разсказъ о Туркахъ, мы, для ясности повѣствованія, изложимъ нѣкоторыя изъ событій предшествовавшихъ. У государя Турковъ Масута было много сыновей, но не меньше и дочерей. При концѣ

жизни, предъ переходомъ туда, гдѣ его, какъ нечестиваго, ожидали муки, онъ раздѣлилъ между своими дѣтьми—нѣкогда принадлежавшіе Римлянамъ, а въ это время ему подвластные города и области. Однимъ оставилъ онъ въ наслѣдіе одни города, другимъ—другіе, а митрополию-Иконію и что было въ зависимости отъ ней выдѣлилъ сыну своему Клидасолану. Изъ зятьевъ же Ягунасану назначилъ Амасію, Анкиру и плодородную область каппадокійскую со смежными имъ городами; а Дадуну предоставилъ богатые и огромные города—Кесарію и Севастію. Но доколѣ, Господи, Ты будешь оставлять свое наслѣдіе на разграбленіе и расхищеніе и посяганіе народу глупому и немудрому, совершенно чуждому благочестиваго исповѣданія и истинной вѣры въ Тебя? Доколѣ будешь отвращать отъ насъ лице твое, Человѣколюбче, доколѣ будешь забывать убожество наше и невнимать нашимъ воплямъ и рыданіямъ, Ты, скоро внемлющій угнетаемымъ? Доколѣ не отметишь Ты, Господь мщеній? Доколѣ будетъ продолжаться эта несообразность, что потомки рабыни Агари господствуютъ надъ нами—свободными? Доколѣ они будутъ истреблять и убивать твой святой народъ, который призываетъ пресвятое имя твое, а между тѣмъ терпитъ такое продолжительное рабство и несетъ поношенія и заушенія отъ этихъ презрѣнныхъ прищельцовъ? Призри, любвеобильный Владыко, на тѣсноту содержащихся въ узахъ. Да возопіетъ къ Тебѣ и нынѣ проливаемая кровь твоихъ рабовъ, какъ нѣкогда—кровь Авеля. Возми оружіе и щить, воз-

стань на помощь нашу, укрѣпи мужа, котораго самъ избереши и о которомъ благоволиши. Воздай седмерицею злымъ сосѣдямъ нашимъ за все то зло, которое они сдѣлали твоему наслѣдію. Возврати намъ твоею крѣпостію города и области, которыя отняли иноплеменики, и поставь предѣлами для именующихся твоимъ именемъ востокъ съ первыми лучами солнца и западъ съ лучами солнца послѣдними.

Не неумѣстно, кажется, и не напрасно мы высказали это въ своемъ краткомъ обращеніи къ Богу и тѣмъ нѣсколько облегчили душу, отягченную скорбію. Между тѣмъ дѣти Масута, раздѣливъ на три части, полученные по наслѣдству, важнѣйшія отцовскія владѣнія, или, точнѣе сказать, римскія области, не много жили въ мирѣ и какъ прилично родственникамъ, но большею частию ссорились и враждовали между собою. Султанъ иконійскій тотчасъ же сталъ дико и враждебно смотрѣть на топарха каппадокійскаго, а тотъ, въ свою очередь, бросалъ непріязненные взгляды на него. И злые ихъ замыслы другъ противъ друга составлялись не во мракѣ и не тайно, но были явны и ими же самими открыты царю. Царь, желая гибели обоимъ, хотѣлъ, чтобы ихъ непріязнь не ограничивалась одною только ссорою, но чтобы они, взявшись за оружіе, открыто вступили въ борьбу другъ съ другомъ и чрезъ то дали бы ему возможность спокойно наслаждаться ихъ бѣдствіями, такъ какъ они были и иноплеменики и люди нечестивые. Съ этою цѣлію онъ чрезъ тайныхъ агентовъ и того и дру-

гаго возбуждалъ къ войнѣ другъ противъ друга. Но явно склонялся на сторону Ягупасана и ему оказывалъ пособіе своими подарками, потому что терпѣть не могъ султана, какъ человѣка скрытнаго, коварнаго и двосдушнаго, который не только замышлялъ гибель своимъ кровнымъ родственникамъ, но и постоянно, какъ разбойникъ, грабилъ сосѣднія римскія земли. Велѣдствіе этого Ягупасанъ, полагаясь на императора, выступаетъ войною противъ султана, а тотъ въ свою очередь выходитъ противъ него. Много разъ они сходились и сражались; наконецъ, послѣ большаго пролитія крови съ той и другой стороны, побѣда склонилась на сторону Ягупасана, и они на время положили оружіе. Ягупасанъ остался въ своей странѣ, а султанъ отправился къ царю, который въ то время только что возвращался въ столицу изъ западныхъ странъ,—и, принятый дружески и съ почетомъ, столько же обрадовалъ своимъ посѣщеніемъ царя, сколько радъ былъ самъ радужному гостепріимству. Мануиль, велѣдствіе посѣщенія султана, не только льстился надеждою—хорошо устроить дѣла восточныя, рассчитывая радужнымъ пріемомъ очаровать сребролюбиваго варвара, но и считалъ это событіе славою для своего царствованія. Поэтому, вступивъ вмѣстѣ съ султаномъ въ Константинополь, онъ приказываетъ устроить триумфъ. И триумфъ былъ приготовленъ великолѣпный: вездѣ развѣшены были прекраснѣйшіе и дорогіе ковры, и все сіяло разнообразными украшеніями. Предполагалось, что царь будетъ шествовать въ триумфѣ, при радостныхъ кли-

кахъ и рукоплесканіяхъ гражданъ,—и что вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ и султанъ въ этой великолѣпной процессіи, и будетъ раздѣлять торжество и восклицанія въ честь императора. Но Богъ упразднилъ торжество этого дня. Случилось землетрясеніе, отъ котораго обрушилось много великолѣпнѣйшихъ зданій; состояніе воздуха было довольно неестественное и ненормальное: это и другія грозныя явленія, занимая и волнуя душу, не позволяли думать о триумфахъ. Притомъ же служители церкви Божіей и алтаря, да и самъ царь, видѣли въ этомъ недоброе предзнаменованіе и говорили, что Богъ гнѣвается и отнюдь не хочетъ допустить, чтобы человѣкъ, чуждый истиннаго благочестія, смотрѣлъ на триумфъ, который долженъ быть украшенъ священными вещами и изображеніями и освященъ крестомъ Христовымъ. Такимъ образомъ триумфъ былъ устроенъ напрасно,—царь не обратилъ на него никакого вниманія, такъ что даже не исполнилъ того, что слѣдовало по обычаю. Между тѣмъ султанъ пробылъ довольно долго у царя, наслаждаясь зрѣлищемъ конскихъ скачекъ въ циркѣ. Въ это-то время одинъ изъ потомковъ Агари, котораго сначала принимали за чудодѣя, по который впоследствии оказался самымъ жалкимъ человѣкомъ и явнымъ самоубійцею,—вызвался перелетѣть съ находящейся въ циркѣ башни все пространство ристалища. Поднявшись на эту башню, подъ которою внизу параллельными арками устроены отверстія, откуда пускаются лошади въ бѣгъ, и надъ которою вверху стоятъ четыре мѣдные, вызолоченные

коня, съ выгнутыми шеями, головами обращенные другъ къ другу и готовые пуститься въ бѣгъ,—онъ сталъ на ней какъ бы за барьеромъ, изъ-за котораго выходятъ состязающіеся. Онъ былъ одѣтъ въ весьма длинный и широкій хитонъ бѣлаго цвѣта, кругомъ перетянутый обручами, отъ чего въ этой одеждѣ образовалось много широкихъ складокъ. Агарянинъ рассчитывалъ, что, какъ корабль летитъ на парусахъ, такъ онъ полетитъ при пособіи своей одежды, коль скоро вѣтеръ надуется ея складки. Глаза всѣхъ устремились на него, въ театрѣ поднялся смѣхъ и зрители непрерывно кричали: «лети, лети; долго ли, Сарацинъ, ты будешь томить души наши, взвѣсивая вѣтеръ съ башни»? Между тѣмъ царь посылалъ людей отговаривать его отъ его затѣи; а султанъ, бывший также въ числѣ зрителей, вслѣдствіе сомнительности успѣха, въ безпокойствѣ вскакивалъ съ мѣста отъ страха и боязни за своего соплеменника. Агарянинъ долго обманывалъ надежды зрителей, хотя постоянно слѣдилъ за воздухомъ и наблюдалъ за вѣтромъ. Много разъ распростиралъ руки и приводилъ ихъ въ движеніе, какъ распускаются и движутся на лету крылья,—чтобы набрать болѣе вѣтра, но всякій разъ удерживался отъ полета. Наконецъ, когда ему показалось, что подулъ благопріятный и нужный для него вѣтеръ,—онъ распростирается на-подобіе птицы, полагая, что пойдетъ по воздуху. Но на дѣлѣ онъ вышелъ воздухоплавателемъ хуже Икара. Какъ тяжелое тѣло, онъ стремительно полетѣлъ внизъ, а не держался въ воздухѣ, какъ что-ни-

будь легкое, и наконецъ уналъ и испустилъ духъ, переломавъ себѣ и руки, и ноги, и всѣ кости. Этотъ полетъ сдѣлался для городскихъ жителей предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и шутокъ надъ Турками, бывшими въ свитѣ султана. Турки не могли даже пройти по площади безъ того, чтобы не быть осмѣянными: бывшіе на площади серебряники обыкновенно при этомъ стучали по желѣзнымъ частямъ столовъ. Когда дошло это до свѣдѣнія царя, онъ разсмѣялся, зная, какъ любить острить и шутить уличная толпа. Но такъ какъ эти выходки нѣсколько уязвляли сердце варвара, то въ угоду султану онъ принималъ, повидимому, мѣры къ обузданію вольныхъ шутокъ толпы.

6. Кромѣ удивительнаго угощенія со стороны царя, султанъ получилъ еще изъ царскихъ кладовыхъ множество богатыхъ даровъ, которые до того изумили его, что онъ недоумѣвалъ, оставилъ ли царь самому себѣ столько же и такихъ же сокровищъ, — и затѣмъ съ радостію и со множествомъ дорогихъ вещей отправился домой. Императоръ, зная, что всякій варваръ падохъ на подарки, но въ особенности желая блеснуть предъ Клицаселаномъ и поразить его множествомъ сокровищъ, которыми изобиловало римское царство, приказалъ въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ покоевъ дворца разложить въ порядкѣ все, что предположилъ дать ему въ подарокъ. Тутъ было золото и серебро въ монетахъ, драгоцѣнное платье, серебряныя чаши и золотыя оириклей ('), бога-

(') Такъ назывались особеннаго рода чаши отъ имени коринфскаго художника Оирикля. Hoffm. Lexic. tom. IV, p. 421.

тѣйшія ткани и другія отличныя вещи, у Римлянъ очень обыкновенныя, но у варваровъ рѣдкія и большею частію даже совсѣмъ невиданныя. Войдя въ этотъ покой и пригласивъ туда и султана, царь спросилъ его, что бы онъ хотѣлъ получить въ подарокъ изъ находящихся тутъ сокровищъ. Когда же тотъ сказалъ, что будетъ доволенъ всѣмъ, что подарить ему царь, — онъ снова спросилъ, могъ ли бы хотя одинъ изъ римскихъ непріятелей выдержать нападеніе Римлянъ, если бы онъ употребилъ эти сокровища на наемное и туземное войско. Султанъ съ удивленіемъ отвѣчалъ, что, если бы онъ владѣлъ такимъ богатствомъ, то давно покорилъ бы себѣ всѣхъ окрестныхъ враговъ. Тогда царь сказалъ: «отдаю тебѣ все это, чтобы ты зналъ, какъ я люблю дарить и какъ велики мои подарки, и чтобы понялъ, какимъ богатствомъ владѣть тотъ, кто дарить одному столько дорогихъ вещей». Ослѣпленный корыстью, султанъ и обрадовался и изумился этой подачкѣ, и обѣщалъ предоставить царю Севастію съ ея областью. А Мануиль, радостно принявъ это обѣщаніе, обязался дать ему и еще сокровищъ, если онъ оправдастъ свои слова на дѣлѣ. И точно, еще прежде, чѣмъ варваръ исполнилъ свое обѣщаніе, Мануиль, желая предупредить его непостоянство и держась пословицы: куй желѣзо, пока оно горячо, — сдѣлалъ такъ, какъ сказалъ, отправивъ вновь къ султану чрезъ Константина Гавру много драгоцѣнныхъ вещей и всякаго рода оружія. Но тотъ, человѣкъ фальшивый и рѣшительно никогда не знавшій вѣрности въ

обѣщаніяхъ, лишь только прибылъ въ Иконію, забылъ объ условіи и, опустошивъ Севастію и покоривъ смежныя съ нею земли, все это обратилъ въ собственное владѣніе. Когда же лишилъ Дадуну принадлежавшей ему области и, присвоивъ себѣ Кесарію, принудилъ его бѣжать и скитаться,—обратился и противъ остальнаго родственника,—разумѣю Ягупасана,—пламенѣя желаніемъ овладѣть и его страною и умертвить его самого. Ягупасанъ, съ своей стороны, также сталъ собирать войско и готовился къ борьбѣ съ нимъ, какъ уже болѣе сильнымъ соперникомъ; но смерть скоро прервала его заботы. Тогда Дадунъ тайно вошелъ—было въ амасійскую сатрапію, какъ оставшуюся безъ властителя, но, бывъ выгнанъ оттуда, сдѣлался причиною смерти для приглашенной его супруги Ягупасановой. Амасійцы возмутились и отметили ей смертію за то, что она тайно хотѣла предоставить власть Дадуну, а Дадуну далеко прогнали, потому что не хотѣли имѣть его своимъ властителемъ. Но не могли они точно также одолѣть и Клиңасолана, напротивъ онъ одержалъ надъ ними верхъ и, какъ прежде овладѣлъ Каппадокією, такъ теперь взялъ и Амасію. У этого человѣка всѣ дѣла шли скоро и необыкновенно счастливо, хотя тѣло его не было хорошо сложено и развито, но было уродливо во многихъ главныхъ членахъ. Такъ, прежде всего, руки у него были будто вывихнутыя, ноги прихрамывали,—отчего онъ большею частію ѣздилъ въ повозкѣ. Эти-то недостатки подали поводъ Андронику, любившему подтрунить, какъ сдва ли

кто другой, необыкновенно-колкому остряку, умѣвшему ловкимъ словцомъ навсегда осмѣять дурное дѣло или недостатки тѣла,—подали поводъ въ насмѣшку называть его Куңасоланомъ⁽¹⁾. Но каковъ бы ни былъ султанъ по устройству своего тѣла,—а былъ онъ, конечно, таковъ, какимъ создала его природа,—только, сдѣлавшись обладателемъ обширной страны и имѣя въ своемъ распоряженіи множество войска, онъ не захотѣлъ жить въ покоѣ. Склонный по природѣ къ мятежу и смутамъ, вѣчно волнующійся, какъ какой-нибудь морской заливъ, онъ неожиданно напалъ на Римлянъ, когда могъ имъ вредить, и часто безвинно начиналъ съ ними войну, нарушая условія и пренебрегая договорами безъ всякой причины—единственно потому, что такъ ему хотѣлось. Не оставилъ онъ въ покоѣ даже и Мелитину, но, имѣя возможность низвергнуть и ея эмира, онъ, не смотря на то, что этотъ человѣкъ былъ одной съ нимъ вѣры и не сдѣлалъ ему никакой обиды, безстыдно самъ выдумалъ и составилъ противъ него обвиненіе, и за то выгналъ его изъ Мелитины. Потомъ, тайно подкравшись и къ своему родному брату, онъ и его заставилъ бѣжать. Всѣ эти бѣглецы пришли къ императору. Но это случилось послѣ. А тогда, пріобрѣтши большую силу, онъ отложилъ почтительность къ царю и сталъ требовать отъ него того уваженія, которое самъ прежде оказывалъ ему, когда былъ стѣняемъ неудачами въ дѣлахъ. Измѣня-

⁽¹⁾ Κούτσος значитъ—хромоногій. Du Cang. Glossar. p. 745.

ясь, по обычаю варваровъ, съ обстоятельствами, онъ вообще и унижался до крайности, когда былъ въ нуждѣ, и опять тотчасъ же возносился, какъ скоро счастіе склонялось въ другую сторону и награждало его благопріятнымъ ходомъ дѣлъ. А какъ, по пословицѣ, клинъ клиномъ выгоняется, то по временамъ онъ ласкался къ царю и оказывалъ ему уваженіе и, хотя больше походилъ на дикаго звѣря, чѣмъ на сына, по воздавая царю славу отца, самъ пользовался отъ него честию сына. Такимъ образомъ въ письмахъ, которыя они писали другъ къ другу, царь назывался отцомъ, а султанъ сыномъ. Но и это не могло соединить ихъ искреннею дружбою и даже не предохранило отъ нарушенія мирныхъ договоровъ. Султанъ, словно выступающій изъ береговъ потока, потоплялъ и уносилъ все, что ни попадалось на пути, или, какъ ядовитый змѣй, пожиралъ много нашихъ городовъ, извергая на нихъ ядъ своей злобы. А царь или воздвигалъ несокрушимую плотину войска и тѣмъ останавливалъ его разливы и давалъ ему обратное теченіе, или чарами золота наводилъ сонъ мира на его вѣки, заставлялъ его склонить голову, когда она была уже поднята на добычу, и останавливалъ его, когда онъ уже ползъ и тащилъ за собою войско. А однажды, чтобы остановить Турковъ, которые, какъ огромныя стада овецъ, разбрелись по римскимъ предѣламъ, онъ напалъ на Пентапольцевъ. Персы не посмѣли вступить съ нимъ въ бой — и онъ, захвативъ множество людей и скота, съ торжествомъ возвратился домой. Въ это-то время

Солиманъ, главнѣйшій между вельможами султана, явился къ царю и много говорилъ въ защиту султана, стараясь доказать, что Турки дѣйствуютъ безъ его воли и согласія. Онъ искусно представлялъ въ благопріятномъ видѣ все, что рассказывалъ; но дѣла противорѣчили его словамъ и явно обличали его во лжи. Не смотря однакожъ и на это, Солиманъ не потерпѣлъ отъ царя никакой непріятности. По обычаю варваровъ, онъ безмѣрно льстилъ императору и, всячески стараясь обмануть его, предложилъ ему со своей конюшни быстроногихъ коней. Царь принялъ коней и, похваливъ Солимана за его доброе расположеніе и покорность, — хотя это расположеніе происходило не отъ души, но зависѣло отъ обстоятельствъ, — отпустилъ его въ надеждѣ, что онъ расскажетъ султану обо всемъ, что ему было не безызвѣстно, и укорить его за непостоянство, вѣроломство и лукавство. Но нельзя было думать, чтобы послѣ этого султанъ остался въ покоѣ или хоть на короткое время отложилъ свое мщеніе Римлянамъ. И дѣйствительно, онъ по-прежнему, какъ воръ, продолжалъ свои грабежи. Между прочимъ, выславъ и отборныя фаланги во Фригію, опустошилъ Лаодикію, которая тогда не была еще заселена такъ, какъ нынѣ, и не была ограждена прочными стѣнами, но, подобно селеніямъ, была разбросана по склонамъ тамошнихъ возвышенностей. Выведа отсюда множество плѣнниковъ и огромное количество скота, онъ немало людей и казнилъ, въ томъ числѣ — и архіерея Соломона, который хотя и былъ скопцемъ, но имѣлъ любезный характеръ

и по своимъ добродѣтелямъ близокъ былъ къ Богу. Своимъ приближеннымъ султанъ въ насмѣшку говаривалъ, что чѣмъ болѣе будетъ онъ дѣлать зла Римлянамъ, тѣмъ больше долженъ ожидать себѣ добра отъ царя. На чьей сторонѣ, говорилъ онъ, побѣда, къ тому обыкновенно приходятъ въ гости и дары, чтобы остановить дальнѣйшій побѣды, подобно тому, какъ за больными воспалительною болѣзнію ходятъ съ сособенною заботливостію, для того чтобы отвлечь и остановить дальнѣйшее распространеніе болѣзни. Впрочемъ и Мануиль послѣ этого не остался въ покоѣ, но сначала чрезъ Цикандила Гуделія, а потомъ чрезъ Михаила Ангела напалъ на тѣхъ Турковъ, которые, будучи богаты стадами, нуждаются въ лугахъ и пастбищахъ, и поэтому оставляютъ свои жилища и со всѣми семействами переходятъ въ римскіе предѣлы. Эти вожди взявъ легкое войско и распредѣливъ его по отрядамъ, выступили съ нимъ противъ Турковъ. Считая ночь болѣе удобнымъ временемъ для нападенія на nepřіятелей, они роздали войску пароль, приказавъ кричать во время ночнаго сраженія съ Турками: «жельзо», чтобы такимъ образомъ можно было по этому слову узнавать и пропускать соотечественниковъ, и убивать, какъ иноплеменниковъ, тѣхъ, кто будетъ проходить молча. Этотъ пароль, раздававшійся въ продолженіе всего сраженія, различалъ племена и такимъ образомъ жельзо, какъ говоритъ Давидъ, пронзало души Персовъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго уже кровопролитія, Турки, понявъ значеніе произно-

симаго Римлянами слова, вмѣстѣ съ ними и сами стали кричать до тѣхъ поръ, пока наступившій разсвѣтъ не разлучилъ войска. Много было въ то время и другихъ набѣговъ, какъ со стороны этого царя на Турковъ, такъ и со стороны Турковъ на Римлянъ. Но я опустилъ все тѣ, въ которые не случилось ничего замѣчательнаго и разсказъ о которыхъ навелъ бы только скуку на читателя; потому что болѣею частію пришлось бы повторять одно и то же, не привнося въ разсказъ ничего новаго.

ЦАРСТВОВАНИЕ МАНУИЛА КОМНИНА.

КНИГА IV.

1. Намѣреваясь опять говорить о дѣлахъ нѣонійскихъ, для ясности разсказа, скажу напередъ вотъ что. У тогдашняго правителя Гунновъ Яцы (') было два родныхъ брата—Стефанъ и Владиславъ, и двое сыновей—Стефанъ и Вела. Одинъ изъ братьевъ—Стефанъ, вырвавшись изъ родственныхъ рукъ, готовыхъ погубить его, убѣжалъ въ Константинополь и, ласково принятый самодержцемъ Мануиломъ, не только нашелъ у него самое

(') Это король Гейза.

радушное гостепріимство, но и женился на племянницѣ его Маріи, дочери Севастократора Исаака. Не много спустя и третій братъ — Владисолавъ, по слѣдамъ Стефана, также явился къ Мануилу, не столько отъ того, что не былъ любимъ Яцю, какъ бы слѣдовало, или боялся его козней, сколько увлеченный слухомъ о счастливой жизни брата Стефана и желаніемъ побывать у него. Не обманулся въ своихъ надеждахъ и Владисолавъ: и онъ былъ принятъ царемъ сообразно съ достоинствомъ его происхожденія, и вообще нашелъ все такъ, какъ предполагалъ. Онъ могъ бы и жениться на любой женщинѣ, и даже на женщинѣ царской крови; но удержался отъ брака, опасаясь, что привязанный ласками жены, онъ забудетъ о возвращеніи въ отечество и чрезъ то повредитъ своимъ дѣламъ. Что же потомъ? Умираетъ король Гунновъ Яца, и умираетъ смертію спокойною,—сама природа разстроила гармонию настроеннаго ею инструмента и разобрала его на составныя части. Власть его переходитъ къ сыну его Стефану. Царь между тѣмъ, обрадовавшись этому неожиданному случаю, сообразилъ, что если сатрапія Гунновъ перейдетъ къ зятю его, по племянницѣ, Стефану,—такъ какъ онъ дѣйствительно имѣлъ на то право, то во-первыхъ,—это ему самому доставитъ славу, а во-вторыхъ,—и римское царство, чрезъ это, можетъ быть, будетъ получать оттуда часть доходовъ, и ужъ во всякомъ случаѣ будетъ безспорно владѣть Зевгиномъ и Франгохоріемъ. Вслѣдствіе этого онъ сталъ стараться о приведеніи въ исполненіе сво-

ихъ соображеній. Тотчасъ же отправлены были въ страну Гунновъ послы, съ тѣмъ, чтобы они условились съ Гуннами о предоставленіи царскаго вѣнца Стефану; а спустя немного времени прибылъ и самъ царь въ Сардику. Но Гунны, при первомъ слухѣ о Стефанѣ, отказались отъ него, даже не хотѣли слышать его имени, ссылаясь какъ на другія причины, почему отвергаютъ его, такъ особенно на то, что онъ женился у Римлянъ. Они находили совершенно невыгоднымъ для себя допустить къ правленію чело-вѣка, который по браку состоитъ въ родствѣ съ римскимъ царемъ,—опасаясь, какъ бы не вышло того, что, тогда какъ Гунны будутъ находиться подъ его управленіемъ, самъ онъ будетъ подъ властію и въ зависимости у римскаго царя. Поэтому они и къ Стефану, отправившемуся было туда, не оказали никакого расположенія, и бывшихъ съ нимъ царскихъ пословъ отпустили ни съ чѣмъ. Тогда царь, признавъ необходимымъ оказать Стефану болѣе дѣйствительную помощь, и самъ выступаетъ изъ Сардики и приходитъ къ берегамъ Дуная, именно въ Враницову и Велеградъ, и въ тоже время вмѣстѣ со Стефаномъ высылаетъ съ войскомъ племянника своего Алексѣя Контостефана. Эти, прибывъ въ Храмъ (¹), дѣлали все, что только было можно, для того, чтобы добиться царства,—подкупали вельможъ пэонійскихъ дарами, обольщали ласками, увлекали большими обѣщаніями; но успѣли только въ томъ, что Гунны признали своимъ правителемъ Владисолава—роднаго брата Стефана. Когда же и Владисолавъ спустя немного

(¹) Храмъ—крѣпость при Дунаѣ.

времени послѣ полученія власти скончался, они опять склонились на сторону Стефана, сына Яцы. Царь не могъ перенести этого равнодушно; да и Стефанъ, братъ Яцы, при содѣйствіи царя, сталъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы какъ-нибудь добиться власти. Это было причиною многихъ войнъ. Когда же царь просваталъ дочь свою Марію за сына Яцы Велу, котораго предполагалъ даже сдѣлать наслѣдникомъ своего царства, то противники Стефана изъ Гунновъ, чтобы пресѣчь и уничтожить всякую надежду на успѣхъ, и избавить самихъ себя отъ хлопотъ, оставивъ прежній образъ противодѣйствія окольными и дальними путями, рѣшились обманомъ извести ненавистнаго имъ Стефана. Ядъ показался имъ самымъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы лишить его жизни. Они стали искать человѣка, который согласился бы поднести Стефану смертоносную чашу; и когда нашли одного изъ слугъ Стефана, по имени Оому, предложили ему награду. Этотъ Оома всегда готовъ былъ изъ-за низкой прибыли лишить человѣка жизни, разлучить душу съ тѣломъ, и такой былъ мастеръ на это дѣло, что даже самъ отъ себя придумалъ другой способъ, какъ поскорѣе отправить Стефана въ царство мертвыхъ. Когда Стефанъ нечаянно порѣзалъ себѣ жилу до крови, Оома накладываетъ ему на рану повязку, намазанную ядомъ. Ядъ распространился и разлился по всему тѣлу и, когда проникъ въ самыя важныя части организма,—лишилъ Стефана жизни. Смерть этого человѣка ясно показала, какъ невѣрны и ничтожны замы-

слы людскіе, какъ тщетно люди стремятся къ тому, что для нихъ недостижимо, и какъ напрасно трудятся надъ своими предпріятіями, если Божественная десница свыше не содѣйствуетъ имъ, не поддерживаетъ ихъ и не руководитъ ими въ ихъ совѣтахъ и дѣйствіяхъ. И между тѣмъ какъ Стефанъ лежалъ убитый такимъ образомъ, и трупъ его, поруганный, оставался безъ должнаго погребенія,—Зевгминъ принужденъ былъ сдаться Гуннамъ на капитуляцію.—Царь, услышавъ объ этомъ, объявляетъ войну противъ Гунновъ.

2. Въ это же время возвратился въ отечество и Андроникъ, снова бѣжавшій изъ заключенія и проживавшій въ Галицѣ. Галица—это одна изъ топархій, принадлежащихъ Россамъ, которыхъ называютъ также иперборейскими Скивами. А убѣждалъ Андроникъ вотъ какимъ образомъ. Онъ притворился больнымъ, и ему назначенъ былъ въ услуженіе молодой комнатный слуга изъ иностранцевъ и притомъ плохо знавшій нашъ языкъ. Этому слугѣ,—такъ какъ ему только одному и доступенъ былъ входъ въ тюрьму,—Андроникъ поручаетъ унести потихоньку ключи отъ дверей башни въ то время, когда стражи, порядочно выпивъ, уснутъ послѣ обѣда, и съ этихъ ключей сдѣлать изъ воску точный снимокъ, такъ чтобы онъ во всемъ соответствовалъ подлиннику и вполне походилъ на него. Невольникъ исполняетъ приказаніе и приноситъ Андронику слѣпки ключей. Андроникъ поручаетъ ему показать ихъ сыну своему Мануилу и сказать, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, приказалъ сдѣлать изъ мѣди такіе же

ключи, и кромѣ того,—чтобы въ амфоры, въ которыхъ приносится ему къ обѣду вино, положить льняныя веревочки, клубки нитокъ и тонкіе снурки. Когда все это приведено было въ исполненіе,—замки ночью отпираются, темница безъ труда отворяется и Андроникъ, при содѣйствіи невольника, который помогать ему въ этомъ дѣлѣ, получивъ отъ него подарокъ, — выходитъ съ веревками въ рукахъ. Остатокъ этой ночи онъ проводитъ въ густой и высокой травѣ, которою поросли нѣкоторыя мѣста дворцоваго двора, куда обыкновенно никто не ходилъ. И второй и третій день онъ скрывался отъ поисковъ въ травѣ. Когда же искавшіе утомились розысками по разнымъ мѣстамъ дворца, Андроникъ устрояетъ изъ палокъ лѣстницу, и, спустившись со стѣны между двумя башнями, входитъ въ лодку, ожидавшую его, по уговору, у скалистаго морскаго берега, которымъ окружена выходящая на море городская стѣна и о которой разбиваются бурныя волны. Человѣкъ, который принялъ Андроника въ лодку, прозывался Хрисохоопуломъ. Но едва успѣли они отплыть отъ берега, какъ уже ихъ задерживаютъ стражи вуклеонскіе, которые всю ночь смотрятъ, чтобы ни одна лодка не проходила близъ царскаго дворца. Этотъ надзоръ начался съ того времени, какъ Іоаннъ Цимисхій, поднятый въ корзинѣ, попалъ ночью на Никифора Фоку. Такимъ образомъ Андроникъ чуть было опять не попалъ подъ стражу и въ болѣе тяжкіе оковы, или даже едва было мечъ не прекратилъ его жизни и не пресѣкъ многихъ дальнѣй-

шихъ его походовъ. Но и тутъ собственная изобрѣтательность избавила отъ опасности этого находчиваго человѣка, доставивъ изъ своего сада нужное по обстоятельствамъ лекарство, подобно тому, какъ нѣкогда Давида въ Геѣ спасли перемѣна въ лицѣ, звукъ тимпана и неистовое движеніе ногами. Притворившись домашнимъ слугою, убѣжавшимъ изъ долговременнаго заключенія, Андроникъ сталъ просить поймавшихъ пощадить его, такъ какъ онъ уже и прежде не мало потерпѣлъ отъ господина своего, да и теперь долженъ будетъ расплатиться за побѣгъ. А своимъ господиномъ онъ называлъ Хрисохоопула, причемъ нарочно перемѣнялъ языкъ греческій на варварскій и притворялся, будто весьма мало его понимаетъ. И самъ Хрисохоопулъ также просилъ стражей отдать ему Андроника, какъ его бѣглого раба, и подкупивъ ихъ дарами, успѣлъ освободить его. Такимъ образомъ Андроникъ сверхъ чаянія пришелъ въ свой домъ, называемый Вланга, снялъ съ ногъ своихъ оковы и, увидѣвшись съ своими домашними, въ одно и тоже время и привѣтствовалъ ихъ, какъ человѣкъ, только что вошедшій, и простился съ ними, какъ отъѣзжающій на чужую сторону. Достигши Меливота, онъ садится здѣсь на приготовленныхъ для него лошадей и бѣжитъ прямо въ Анхіаль⁽¹⁾. По прибытіи сюда, открывается Пупакъ, который первый, какъ я уже сказалъ, взомель на лѣстницу на

(1) Городъ во Фракіи, на берегу Чернаго моря, нынѣ извѣстный у Грековъ подъ именемъ Анхіало и Ахело, а у Турковъ—подъ именемъ Кенхисъ.

островъ Корифо, — и, получивъ отъ него съѣстные припасы на дорогу и проводниковъ, отправляется въ Галицу. Но когда Андроникъ считалъ уже себя внѣ опасности, такъ какъ уже скрылся отъ преслѣдованій и достигъ предѣловъ Галицы, куда стремился, какъ въ спасительное убѣжище, тогда-то именно онъ и попадаетъ въ сѣти ловцовъ. Влахи, предупрежденные молвою о его бѣгствѣ, схватили его и опять повели назадъ къ царю. Не имѣя для себя ни въ комъ ни спасителя и избавителя, ни друга—защитника, безъ оруженосца, безъ слуги, этотъ изобрѣтательный человекъ опять нашелъ себѣ пособіе въ своей хитрости. Чтобы обмануть тѣхъ, которые вели его, онъ притворился, будто страдаетъ поносомъ, часто сходилъ съ лошади и, отойдя въ сторону, готовился къ отправленію естественной нужды, отдѣлялся отъ спутниковъ и оставался одинъ, какъ будто его дѣйствительно беспокоилъ поносъ. Много разъ онъ дѣлалъ такъ и днемъ и ночью, и наконецъ обманулъ своихъ спутниковъ. Однажды, поднявшись въ темнотѣ, онъ воткнулъ въ землю палку, на которую опирался въ дорогѣ, какъ человекъ больной, надѣлъ на нее хламиду, наложилъ сверху шляпу и такимъ образомъ сдѣлавъ нѣчто похожее на человека, присѣвшаго для отправленія естественной нужды, предоставилъ стражамъ наблюдать, вмѣсто себя, за этою чучелою, а самъ, тайно пробравшись въ росій тамъ лѣсъ, полетѣлъ, какъ серна, освободившаяся отъ тенетъ, или птица, вырвавшаяся изъ западни. Когда стражи увидѣли наконецъ его продѣлку, они броси-

лись бѣжать впередъ, полагая, что Андроникъ слѣдуетъ тому же направленію, по которому шелъ прежде. Но онъ обратился назадъ и другимъ путемъ направился въ Галицу. Пупаки, между тѣмъ, по приказанію царя были взяты и всенародно наказаны многими ударами плети по плечамъ и спи-нѣ. Потомъ глашатай публично водилъ его привязаннымъ веревкою за шею, и громко провозглашалъ: «такъ наказывается бичами и всенародно водится всякій, кто принимаетъ къ себѣ въ домъ приходящаго къ нему врага царева, даетъ ему необходимое на дорогу и отпускаетъ его». А Пупаки, пристально и съ веселымъ лицомъ смотря на собравшійся народъ, говорили: «пусть, кто хочетъ, безчеститъ меня такъ за то, что я не выдалъ пришедшаго ко мнѣ благодѣтеля и не выгналъ его съ жестокостію, но сколько можно было услужилъ ему и проводилъ его въ радости!» Что же касается Андроника, — онъ принять былъ правителемъ Галицы съ распростертыми объятіями, пробылъ у него довольно долго, и до того привязалъ его къ себѣ, что вмѣстѣ съ нимъ и охотился и засѣдалъ въ совѣтѣ, и жилъ въ одномъ съ нимъ домѣ и вмѣстѣ обѣдалъ.

Между тѣмъ царь Мануилъ считалъ бѣгство двоюроднаго брата и удаленіе его изъ отечества личнымъ для себя безчестіемъ. Къ тому жъ ему казалось и подозрительнымъ долговременное его отсутствіе, такъ какъ ходили уже слухи, что онъ собираетъ многочисленную скинскую конницу съ намѣреніемъ вторгнуться въ римскіе предѣлы. Поэтому онъ призналъ дѣломъ, какъ

говорять, первой важности — возвратить Андроника, 5. Съ этою цѣлію онъ приглашаетъ его оттуда и, послѣ дружескихъ увѣреній съ той и другой стороны, дѣйствительно принимаетъ странника въ свои объятія. Это было, какъ я сказалъ въ то самое время, когда Пэонійцы, нарушивъ мирные договоры, опустошали придунайскія области Римлянъ. Варвары вступили даже въ бой съ вождями, Михаиломъ Гаврею и Михаиломъ Враною, и, принудивъ ихъ бѣжать, овладѣли огромною добычею. Гавра только что недавно отпраздновалъ свадьбу съ Евдокією Комниной, съ которою, какъ мы уже выше сказали, былъ въ связи Андроникъ. Поэтому родственники Евдокіи, желая отрекомендовать его самодержцу, чрезвычайно хвалили и превозносили его предъ царемъ, говорили даже, что онъ храбро сражался въ битвѣ съ Гуннами и въ свидѣтели своихъ словъ приводили Михаила Врану, который вмѣстѣ съ нимъ начальствовалъ надъ войскомъ. Царь приказалъ Вранѣ поклясться головою императора и сказать по правдѣ, знаетъ ли онъ какой либо мужественный подвигъ Гавры. Но тотъ, прежде чѣмъ дать отвѣтъ, обратился къ Гаврѣ и спросилъ его о самомъ себѣ: показалъ ли самъ онъ сколько нибудь достохвальнаго мужества и такъ ли дѣйствовалъ, какъ прилично вождю, когда они сражались съ Венграми, предводимыми Діонисіемъ. Когда же Гавра отвѣчалъ на это утвердительно и засвидѣтельствовалъ, что онъ точно сражался мужественно, какъ никто другой; тогда Врана присовокупилъ, что онъ не можетъ исказить истины предъ ца-

ремъ, который заставилъ его поклясться своею головою, — что Гавра несколько не выдержалъ натиска враговъ, но при первомъ ихъ нападении со страха бѣжалъ, не смотря на то, что онъ (Врана) много разъ просилъ его возвратиться и громко кричалъ ему: «другъ, остановись!» Царь между тѣмъ, торопясь возвратить Римлянамъ Зевгминъ и отмстить Гуннамъ за смерть и поруганіе Стефана, вступилъ въ тѣ мѣста съ войскомъ. Варвары, расположившись на возвышенныхъ берегахъ рѣки Дуная и приготовившись къ бою, старались было воспрепятствовать переправѣ войска, метая всевозможныя стрѣлы и напередъ занимая всѣ проходы, но несколько въ томъ не успѣли. Римскіе стрѣльцы, искусные въ дальней стрѣльбѣ, да и все вообще тяжеловооруженное войско отбросили и выбили ихъ изъ прибрежныхъ мѣстъ. Тогда царь, прибывъ со всѣмъ войскомъ къ Зевгмину, раскидываетъ тамъ лагерь. Зевгминъ недоступенъ съ юга, такъ какъ съ этой стороны онъ огражденъ близъ-лежащимъ холмомъ и теченіемъ рѣки. Царь надѣялся безъ боя овладѣть этимъ городомъ, рассчитывая на то, что жители испугаются даже перваго его появленія, отойдутъ ему ворота и впустятъ его въ городъ. Когда же они заперли для него рѣшительно всѣ входы, усилили стѣны всякаго рода оружіемъ и метательными орудіями, а сами, показываясь на верху, точили, словно змѣи, языки, не только съ рукъ пуская стрѣлы смертоносныя, но изъ-за ограды зубовъ бросая стрѣлы позорныхъ рѣчей, смазанныя ядомъ аспидовъ: тогда и

Римляне стали не съ пустыми руками подходить къ нимъ, но, отбросивъ ругательства, какъ оружіе женское и неблагородное, преимущественно вредили имъ мечемъ. Императоръ, чтобы возбудить въ подчиненныхъ ревность къ подражанію, первый направилъ коня своего къ городскимъ воротамъ, и вонзилъ въ средину ихъ копье. Потомъ, наполнивъ ровъ, по недостатку камней, мусоромъ и поставивъ кругомъ камнеметныя машины (ихъ было четыре), велѣлъ разрушать стѣны. Машины всѣ дѣйствовали успѣшно, и бросаемые изъ нихъ огромные камни ослабляли связи стѣнъ. Преимущественно же одна изъ нихъ, устроенная Андроникомъ, который самъ прикрѣпилъ къ ней ремень, и рукоятку, и винтъ, съ особенною силою потрясала стѣны, такъ что средина стѣны, между двумя башнями, на которую упали тяжелые камни, и подъ которую притомъ подведенъ былъ подкопъ, уже колебалась и склонилась на сторону. При этомъ-то случаѣ нѣкоторые изъ Пэонійскихъ вельможъ однажды-ночью вошли въ одну изъ прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ и выходящихъ наружу башенъ, которыя на простомъ народномъ языкѣ обыкновенно называются арклами, — обнажили мечи и потрясая ими, съ величайшимъ хвастовствомъ грозили Римлянамъ, а пока, за неимѣніемъ возможности обогреть мечи кровью, примѣрно поражали ими воздухъ и наполняли его восклицаніями, крича во все горло. Но месть гналась уже за ними по пятамъ. Андроникъ, направивъ метательное орудіе противъ поддерживавшей ихъ башни, выстрѣлилъ изъ него такъ удач-

но, что эта деревянная постройка, снаружи прикрѣпленная къ стѣнѣ, тотчасъ же отдѣлилась отъ ней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и они полетѣли съ ней въ адское отверстіе, опрокинувшись головою внизъ, жалко кувыркаясь и бѣдственно переплывая Ахеронъ. А спустя немного времени пала и самая стѣна. Римляне взошли на нее по лѣстницамъ и проникли въ городъ. Тогда многіе пали и погибли отъ меча; не малое впрочемъ число и спаслось, покорясь побѣдителямъ, — а были и такіе, которые нашли спасеніе въ бѣгствѣ. У одного изъ жителей этого города—человѣка, принадлежавшаго не къ толпѣ и черни, но къ числу людей знаменитыхъ богатствомъ и знатностію рода, была миловидная и весьма красивая жена—предметъ его гордости. Видя, что ее насильно тянетъ одинъ Римлянинъ на поруганіе и не имѣя возможности защитить ее отъ насилія, или отразить силу силою и остановить безчестнаго любовника, онъ рѣшается на дѣло, столько же благородное и сообразное съ обстоятельствами, сколько незаконное и дерзкое, именно — пронзаетъ сердце своей возлюбленной бывшею при немъ короткою саблею. Такимъ образомъ преступный любовникъ, увлекаемый безумною страстію, погасилъ свое страстное желаніе, — потому что уже не стало предмета страсти, а истинно несчастная любовница не видала уже болѣе дней веселія. О роковое сплетеніе дѣлъ человѣческихъ! О какія трагедіи разыгрываются на многолюдномъ театрѣ міра коварнымъ и завистливымъ Телхиномъ! Вотъ двѣ противоположныя любви, спорящія изъ-за одной награды: любовь

безчестная и цѣломудренная. Одна хочетъ спасти ради преступныхъ наслажденій, другая предупреждаетъ позоръ насильственной смертію и искореняетъ страсть страстію. А покорить Зевгминъ не мало помогли Римлянамъ и нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей, благопріятствовавшіе Римлянамъ и, по возможности, ободрявшіе ихъ. Они привязывали записочки къ стрѣламъ, необложеннымъ желѣзомъ, бросали ночью эти стрѣлы въ римскій лагерь и такимъ образомъ извѣщали о силѣ ихъ войска. Въ это же время шелъ однажды плѣнный пэоніецъ, имѣя еще на головѣ туземную шляпу и вообще одѣтый въ свое отечественное платье. Съ нимъ встрѣчается одинъ Римлянинъ, поражаетъ его мечемъ и убиваетъ. Затѣмъ, надѣвъ себѣ на голову его шляпу, Римлянинъ продолжалъ путь. Но мщеніе незамѣтно слѣдовало за нимъ по пятамъ, и то же самое зло, которое онъ причинилъ другому, постигаетъ и его самого. На него нападаетъ сзади другой Римлянинъ, вооруженный еще болѣе острымъ мечемъ, наноситъ ему, какъ бы плѣнному Пэонійцу, смертельный ударъ въ шею и тутъ же лишаетъ жизни.

Такимъ-то образомъ—сколько я могу сказать вкратцѣ, не пускаясь въ подробности повѣствованія—взять былъ Зевгминъ. Царь, выступивъ оттуда, отправился въ предѣлы римскіе, а своего дядю Константина Ангела Филадельфійскаго и съ нимъ Василія Трипсиха оставилъ на мѣстѣ для возобновленія и укрѣпленія Зевгмина. Эти, исполняя данное имъ порученіе, не только возоб-

новили Зевгминъ, исправивъ упавшія его башни, и снабдили его вообще всѣмъ, что нужно для охраны, но съ особеннымъ стараніемъ позаботились и о городахъ Велеградскихъ. Они и самый Нисъ обнесли стѣною и Враницову заселили и, устроивъ вообще все надлежащимъ образомъ, возвратились къ царю.

4. Царь, между тѣмъ, намѣреваясь отомстить Десѣ, который къ своимъ прежнимъ дѣламъ присоединилъ еще худшія, спѣшилъ отправиться въ Сербію. Но Десѣ, издали внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ и, въ особенности, справедливо опасаясь, чтобы не потерпѣть ему, въ случаѣ вторженія царя въ его страну, какого нибудь вреда и непріятностей, чрезъ пословъ усильно просить царя о позволеніи безбоязненно явиться къ нему. Получивъ это позволеніе, онъ дѣйствительно пріѣзжаетъ, окруженный свитою сатраповъ, и является къ царю; но царь осыпаетъ его упреками за его коварство и высылаетъ отъ себя, отказавъ въ мирѣ. Онъ даже подвергался опасности быть задержаннымъ, однакожъ ему позволили возвратиться домой, послѣ того какъ онъ обязался страшными клятвами—перемѣнить свое поведеніе и впередъ не дѣлать ничего противнаго царю. Но невозможно было, чтобы хамелеонъ измѣнилъ свой цвѣтъ на бѣлый цвѣтъ истины, хотя онъ и легко принимаетъ на себя всякій другой цвѣтъ. Когда Десѣ вышелъ отъ царя,—душу его въ одно и тоже время волновали разныя страсти. Онъ стыдился, что приходилъ къ царю, сердился, что съ нимъ такъ дурно обо-

шлись, жалѣль, что оградю клятвѣ стѣснилъ себя въ выборѣ рѣшеній. Наконецъ, пренебрегши всѣмъ, что обѣщаль и въ чемъ клялся царю противъ собственнаго убѣжденія, этотъ варваръ снова облекается въ обычную кожу барса,—явно одобливъ слова трагика и сказавъ: «языкъ клялся, но душа не связана клятвою.»

Такъ происходило это. Между тѣмъ у Мануила не было еще сына, и преемство рода держалось на дочери Маріи, которую родила ему жена изъ рода Алеманновъ. Поэтому онъ обязалъ всѣхъ клятвою признавать, послѣ его кончины, эту самую Марію и жениха ея Алексѣя, происходившаго, какъ мы сказали, изъ Венгріи,—наслѣдниками его власти, повиноваться имъ и чтить ихъ, какъ римскихъ императоровъ. Всѣ подчинились этому приказанію и дали клятву, какъ приказывалъ царь; не покорился одинъ Андроникъ. Онъ говорилъ: такъ какъ царь вступилъ во второй бракъ, то очень можетъ статься, что у него будутъ дѣти мужескаго пола, и если мы должны будемъ впослѣдствіи предоставить царство и присягнуть этому будущему рожденію царя, то очевидно, давая теперь клятву дочери, мы будемъ клясться несправедливо. Да притомъ, что за сумасбродство у царя, что онъ всякаго Римлянина считаетъ недостойнымъ женихомъ для своей дочери, а избралъ этого иноземца и человѣка приписнаго, и, къ поношенію Римлянъ, ему предоставляетъ царство надъ Римлянами и ставитъ его надъ всѣми господиномъ! Но эти дѣльные слова не убѣдили царя, который не обращалъ

вниманія на слова Андроника, какъ на пустыя рѣчи человѣка несогласнаго съ нимъ въ мнѣніи и упрямаго. Нѣкоторые, впрочемъ, и послѣ того какъ дали клятву, одобрили мысли Андроника, и одни тотчасъ же объявили свое мнѣніе, а другіе хотя его и не высказали, но упорно стояли на томъ, что рѣшительно нѣтъ никакой выгоды ни для царской дочери, ни для римскаго государства—къ плодovitой маслинѣ прививать вѣтвь отъ иноплеменнаго дерева и чужеземца предпочтительно предъ всѣми облекать властію.

Теперь мы расскажемъ въ своей исторіи и еще нѣчто такое, о чемъ несправедливо было бы умолчать. Мануиль какъ-то особенно много заботился о городахъ и крѣпостяхъ киликійскихъ, между которыми главное мѣсто, какъ столица, занимаетъ славный и знаменитый городъ Тарсъ. Поэтому, послѣ многихъ славныхъ и благородныхъ мужей, бывшихъ тамъ правителями, туда наконецъ назначенъ былъ Андроникъ Комнинъ, какъ человѣкъ и знаменитый родомъ и замѣчательно-храбрый. А чтобы ему было чѣмъ покрывать тамошніе расходы, ему предоставлено было собирать подати и съ острова Кипра. Прибывъ на мѣсто и питая вражду къ Торусу, а равно и имъ ненавидимый, онъ часто вступалъ съ нимъ въ борьбу и объявлялъ ему войну, но никогда не совершилъ ничего славнаго и даже не сдѣлалъ ничего достойнаго той многообразной военной опытности и того искусства, которыми славился. Наконецъ, когда Торусъ постыдно разбилъ его и восторжествовалъ надъ нимъ, онъ рѣшается на

отчаянно-дерзкое дѣло, о которомъ мы сейчасъ расскажемъ. Въ то время, какъ оба они вывели другъ противъ друга свои войска, Андроникъ расположилъ свое войско такъ, что оно походило на животное и имѣло голову и хвостъ и всѣ прочія части, а Торусъ напротивъ раздѣлилъ свою армію на нѣсколько отдѣльных частей, на небольшіе отряды и партіи, засѣвъ въ засадѣ. Когда войска сошлись и вступили въ бой, побѣда и притомъ блистательная опять досталась Торусу: фаланги Андроника не устояли противъ Армянъ, постоянно получавшихъ свѣжія подкрѣпленія и мало по малу выходившихъ изъ засадъ, и обратились въ постыдное бѣгство. Это крайне опечалило Андроника, и онъ, не зная, какъ вознаградить себя за пораженіе, и желая хоть чѣмъ нибудь теперь же отомстить торжествующимъ уже побѣду непріятелямъ, рѣшается на дѣло почти совершенно невозможное. Увидѣвъ, что Торусъ, окруженный свитою тѣлохранителей, сидитъ еще на лошади, ожидая возвращенія своихъ воиновъ, отпавшихъ для преслѣдованія непріятелей, Андроникъ, пустивъ во всю прыть своего коня, бросаетъ въ него коньѣ и, ударивъ его въ щитъ, сбрасываетъ съ лошади, и за тѣмъ, пробившись сквозь толпу окружавшихъ его отборныхъ воиновъ, ускользаетъ изъ рукъ всѣхъ, какъ крылатый всадникъ или какъ скользяій угорь. Но въ этомъ только и состояло все достоинство поступка Андроника: отъ дальнѣйшаго вреда предохранили Торуса желѣзные латы, которыя онъ имѣлъ на себѣ и длинный щитъ по-

крывавшій его съ боку, по одну сторону лошади.

5. Но прошло не много времени послѣ этого случая, и уже для Андроника становятся дѣломъ второстепеннымъ и постороннимъ и убійства, и сраженія, и войны, и звукъ бранной трубы, и страхъ, и ужасъ, и Арей-губитель людей: отбросивъ занятія военныя, онъ посвящаетъ себя служенію Афродиты. А она не подставляетъ ему Елену и не выставляетъ на глаза живущую въ Елладѣ и среди Аргоса, чтобы разнѣжить его красотою и свести съ ума отъ любви,—не строитъ судна и не ввѣряетъ управленія имъ Фереклу, но описываетъ наружныя прелести живущей по сосѣдству Филиппы и какъ сводня сватаетъ ее страстно влюбленному Андронику. Влюбившись по слуху, Андроникъ кидаетъ щитъ, отвергаетъ шлемъ, сбрасываетъ съ себя всѣ воинскія принадлежности,—и уходитъ къ возлюбленной, жившей въ городѣ Антиохіи. Прибывъ сюда и перемѣнивъ доспѣхи Марса на украшенія Эротовъ, онъ только-что не ткалъ и не прялъ, служа Филиппѣ, какъ нѣкогда Геркулесъ служилъ Омфалѣ. А Филиппа была родная сестра той дочери Петевина, на которой не такъ давно женился двоюродный братъ Андроника, царь Мануиль. Итакъ прибывъ, говорю, въ Антиохію, Андроникъ съ увлеченіемъ предался роскоши, доходилъ до безумія въ нарядахъ, съ торжествомъ ходилъ по улицамъ со свитою тѣлохранителей, вооруженныхъ серебряными луками, отличавшихся высокимъ ростомъ, едва покрытыхъ первымъ пухомъ на бородѣ и блиставшихъ свѣтлорусыми воло-

сами. Этимъ онъ старался плѣнить ту, которая его плѣнила, и, точно, успѣлъ очаровать ее и завлечь въ любовную связь, возбудивъ въ ней страсть еще сильнѣе той, какою самъ страдалъ. Къ-тому же онъ и самъ былъ дивно-хорошъ собою, высокъ и строенъ какъ пальма, страстно любилъ иноземныя одежды, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя, опускаясь до чреслъ, раздвояются и такъ плотно обнимаютъ тѣло, что какъ будто пристають къ нему, и которыя онъ первый ввелъ въ употребленіе. А свой суровый и всегда пасмурный видъ этотъ дикій звѣрь постарался развеселить, свой тяжелый и безпокойный характеръ смягчилъ, и свою гордость отложилъ. И такъ какъ онъ рѣшительно очаровалъ Филиппу, то она склонилась на брачное ложе, забыла и домъ и отечество, и послѣдовала за своимъ любовникомъ. Когда царь услышалъ объ этомъ, онъ словно пораженный громомъ едва не онѣмѣлъ, и имъ овладѣли два чувства: и ненависть къ Андронику за его незаконную и преступную любовь, и желаніе схватить и наказать его за то, что онъ обманулъ его надежды на Арменію. Поэтому онъ отправляетъ Севаста⁽¹⁾, Константина Каламана, человека, исполненнаго и разумной отваги и твердаго мужества, — съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ начальство надъ дѣлами въ Арменіи и попытался

(1) Титулъ Севаста (σεβαστης) принадлежалъ прежде однимъ императорамъ. Никифоръ Вотаніатъ въ первый разъ украсилъ этимъ титуломъ и не-императора Алексѣя Комнина. Въ чемъ состояло достоинство Севаста — неизвѣстно. Алексѣй Комнинъ, сдѣлавшись императоромъ, къ достоинству Севастовъ присоединилъ еще Пансевастовъ, Паниперсевастовъ и проч. Vid. Ducang, Glossar. p. p. 1339-1341.

вступить въ бракъ съ Филиппою. Каламанъ сначала наряжается женихомъ и разодѣвшись, какъ слѣдовало и какъ находилъ нужнымъ, чтобы привлечь къ себѣ возлюбленную, приходитъ въ Антиохію. Но Филиппа не только не обратила на него вниманія и не измѣнила своей прежней любви, но даже не взглянула на него и не удостоила его привѣтствія. Напротивъ она еще посмѣялась надъ нимъ за его небольшой ростъ, и издѣвалась надъ самымъ самодержцемъ Мануиломъ за то, что онъ могъ считать ее столько простою и глупою, что она оставитъ славнаго и знаменитаго родомъ героя Андроника и отдастся человѣку, который происходитъ отъ незнатнаго рода и если сталъ извѣстенъ, то развѣ вчера или третьяго дня. Тогда Константинъ, увидѣвъ, что Эроты Филиппы пренебрегаютъ имъ и направляютъ свой полетъ къ другому, бросаютъ яблоки и предносятъ факелы Андронику, — удаляется оттуда. Прибывъ въ Тарсъ, онъ вступилъ въ войну съ враждебными Римлянамъ Армянами; но когда непріатели напали на него всею массою, — онъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ оковы. Царь освободилъ его, давъ значительный выкупъ. Между тѣмъ Андроникъ, страшась угрозъ Мануила и опасаясь, какъ бы его не задержали и какъ бы изъ объятій Филиппы не попасть ему въ прежнюю тюрьму и не подвергнуться долговременному страданію, ушелъ изъ Антиохіи и отправился въ Іерусалимъ, вспомнивъ, какъ кошка о мясѣ, о прежнихъ своихъ побѣгахъ и занявшись прежними продѣлками. А какъ онъ на все

въ жизни смотрѣлъ безразлично и, до безумія любя женщинъ, безъ разбора, какъ конь, удовлетворялъ своей похоти, то и здѣсь вступаетъ въ преступную плотскую связь съ Θεодорою. Это была дочь его старшаго двоюроднаго брата, т. е. Севастократора Исаака—роднаго брата царя Мануила, которая недавно лишилась своего мужа, незадолго предъ тѣмъ управлявшаго Палестиною, — славнаго Балдуина, родомъ Итальянца. Царь Мануиль, получивъ этотъ новый ударъ, изобрѣталъ и употреблялъ всевозможныя средства, какъ бы поймать Андроника въ свои сѣти. Съ этою цѣлю онъ послалъ къ правителямъ Келе-Сиріи написанную красными чернилами грамоту, поручая имъ задержать Андроника, какъ злоумышленника и кровосмѣсника, и лишить его зрѣнія. И вѣрно глаза Андроника обагрились бы кровію и щеки его покрылись бы блѣдностію въ узахъ и заключеніи, или даже онъ крестился бы кровавою смертію, если бы та грамота, писанная царскою краскою, попала въ руки другихъ. Но, видно, Богъ хранилъ его на день гнѣва и берегъ для тѣхъ будущихъ золъ, которыя онъ и несправедливо причинилъ своимъ подданнымъ, когда тиранствовалъ надъ Римлянами, и которымъ самъ впоследствии безжалостно подвергся:—та грамота отдана была въ руки Θεодоры. Θεодора, прочитавъ ее и узнавъ, что готовится Андронику, тотчасъ же передаетъ ему эту хартію. Андроникъ понялъ, что ему нельзя долѣе оставаться здѣсь, но надобно поспѣшно уходить; имъ овладѣлъ страхъ и онъ сталъ готовиться къ побѣгу. Но какъ человѣкъ

хитрый и лукавый, онъ къ тому же совращаетъ и Θεодору; и какъ нѣкогда Зевесъ, отвлекши Европу отъ круга дѣвушекъ, унесъ ее на своемъ хребтѣ, преобразившись въ прекраснорогаго быка, такъ и онъ, отдаливъ эту женщину отъ ея домашнихъ и упросивъ недалеко пройти съ нимъ, чтобы проводить его и проститься съ нимъ предъ отъѣздомъ, волею—неволею увелъ ее и заставилъ вмѣстѣ съ собою странствовать. Переходя изъ страны въ страну, онъ, въ своемъ продолжительномъ странствованіи, перебивалъ у разныхъ правителей и властителей и вездѣ, гдѣ останавливался, принималъ былъ съ почетомъ и уваженіемъ, находилъ самое роскошное угощеніе и получалъ богатые подарки. Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, онъ останавливается у Салтуха, который владѣлъ Колонією (¹) и пограничными съ ней мѣстами и собиралъ дань съ областей смежныхъ и сопредѣльныхъ съ Халдеею. Здѣсь-то, живя вмѣстѣ съ Θεодорою и съ двумя прижитыми отъ ней дѣтьми,—Алексѣемъ и Приною, и еще съ сыномъ Іоанномъ, который у него родился отъ прежняго законнаго брака и котораго онъ увезъ съ собою изъ Византіи, — оставался онъ до самаго возвращенія своего къ императору Мануилу: событіе, о которомъ мы скажемъ въ исторіи въ свое время и въ приличномъ мѣстѣ, для того, чтобы представить и послѣдующія дѣянія Андроника и свой рассказъ о нихъ въ связи и совокупности. Много разъ и часто Мануиль покушался поймать Андроника и старался погу-

(¹) Городъ въ Каппадокии, на границахъ Малой Арменіи.

бить его, но всѣ его попытки оставались безуспѣшными. Долго странствовавшій и много перенесшій Андроникъ безъ труда отклонялъ отъ себя всѣ удары и, легко избѣгая сѣтей, которыя часто ему разставлялись и передъ нимъ раскидывались, оставался неуловимымъ.

6. Теперь нельзя пройти молчаніемъ слѣдующаго обстоятельства. Большая часть государей бываютъ крайне боязливы и чрезвычайно подозрительны, и, подобно смерти, хаосу и эреву, находятъ удовольствіе въ умерщвленіи людей благородныхъ и въ гибели всякаго человѣка высокаго и великаго. Они совершенно походятъ на высокія сосны, вверху покрытыя зеленью. Какъ эти сосны и при небольшомъ вѣяніи вѣтра колеблютъ и шелестятъ иглами вѣтвей своихъ, такъ точно и они и человѣка, знаменитаго богатствомъ, подозрѣваютъ, и отличнаго мужествомъ боятся. Будетъ ли кто красивъ собою какъ статуя, прославится ли кто столько краснорѣчіемъ, что достоинъ быть предводителемъ музъ, явится ли кто съ любезнымъ и милымъ характеромъ — все это не дастъ Вѣнценосцамъ спать и покоиться, но отнимаетъ у нихъ сонъ, отравляетъ ихъ удовольствія, лишаетъ ихъ радостей и не позволяетъ ни о чемъ думать. Они и самую природу — создательницу порицаютъ за то, что она образовала и другихъ людей способными царствовать, а не ихъ первыхъ и послѣднихъ создала прекраснѣйшими людьми. Такимъ образомъ они часто идутъ вопреки волѣ Провидѣнія и часто возстаютъ противъ Бога, истребляя изъ среды людей и закаляя,

какъ жертву, всякаго человѣка отличнаго. И все это для того, чтобы имъ можно было спокойно тратить и, какъ отцовское наслѣдство, расточать государственные доходы единственно на свои прихоти, — чтобы съ людьми свободными можно было поступать, какъ съ рабами, и съ тѣми, которые иногда достойнѣе ихъ царствовать, обращаться какъ съ невольниками. Облеченные властію, они совершенно теряютъ здравый разумъ и глупо забываютъ то, что было за три дня. Такъ было и съ Мануиломъ. Онъ ни въ чемъ не могъ обвинять Протостратора Алексѣя, такъ какъ Алексѣй ни чѣмъ рѣшительно не огорчилъ и не обезпокоилъ его, ни насколько не измѣнилъ должной вѣрности и расположенности, и вполне заслужилъ полученныя отъ него благодѣянія. Тѣмъ не менѣе, увлекшись, какъ человѣкъ, наговорами нѣсколькихъ негодныхъ людей, онъ по одному лишь подозрѣнію, — оттого, что видѣлъ, что Алексѣя любятъ и военачальники и солдаты, что онъ ко всѣмъ щедръ и великодушенъ, а можетъ быть и потому, что втайнѣ сгаралъ желаніемъ воспользоваться его богатствомъ, — во время пребыванія своего въ Сардикѣ, захватываетъ Алексѣя, еще прежде наступленія разсвѣта, когда тотъ еще почивалъ на ложѣ вмѣстѣ съ своею супругою, и не только лишаетъ его всего имущества, но и постригаетъ въ монахи и заключаетъ въ одномъ изъ монастырей на горѣ Папикіѣ ⁽¹⁾. А чтобы этотъ поступокъ царя не оставался съ его стороны безъ всякаго

⁽¹⁾ Эта гора близъ рѣки Стримона, какъ видно изъ описанія Киннама (цар. Мавуила кн. 6. 6), и слѣд. въ Македоніи.

предлога, не казался явною и гнусною несправедливостію, — наготовѣ были доносчики—клеветники, послушные тѣмъ, отъ кого были подставлены. Они обвиняли Алексѣя въ колдовствѣ противъ царя, ужъ конечно столько сильнымъ и дѣйствительномъ, что оно дѣлало человека летающимъ и совершенно невидимымъ для того, на кого онъ вздумалъ бы напасть съ мечемъ въ рукахъ, — и въ другихъ пошлыхъ и для здравыхъ ушей несносныхъ нелѣпостяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя нѣкогда выдумали и взвели на Персея Эллины. Главнымъ между клеветниками былъ, какъ говорили, нѣкто Ааронъ Исаакъ, родомъ Коринѳянинъ, отлично изучившій латинскій языкъ въ то время, какъ вмѣстѣ съ другими соотечественниками отведенъ былъ плѣнникомъ въ Сицилію, и состоявшій теперь при царѣ толмачемъ этого языка. Жена Алексѣя — дочь Порфиророднаго Алексѣя, первороднаго между братьями Мануила, любившая своего мужа и цѣнившая цѣломудріе, какъ ни одна изъ женщинъ, — красавица и свѣтлое украшеніе женщинъ въ своемъ царскомъ родѣ, любимый предметъ разговора у всѣхъ, — порывалась было лишить себя жизни. Но когда это ей не удалось, она припала къ ногамъ дяди и царя и, рыдая сильнѣе и жалостнѣе орла, печальнѣе змѣи и болѣзненнѣе алкіона, умоляла его возвратить ей мужа, свидѣтельствуясь Богомъ и всѣмъ, что есть страшнаго и святаго у людей благочестивыхъ, — что ея мужъ вѣрный слуга царю и совершенно невиненъ. Но она не могла перемѣнить мыслей императора и уничто-

жить того, что у него было уже опредѣлено и рѣшено, хотя и до слезъ тронула его своимъ печальнымъ видомъ, умоляющими тѣлодвиженіями и жалобными словами. Съ тѣхъ поръ, проводя жизнь въ слезахъ, она, подобно цѣломудренной горлицѣ, ворковала по своей прежней долѣ и, поднимая жалобный крикъ, оплакивала свое одиночество. Отъ этого-то, поглощенная чрезмѣрною скорбію, она сошла съ ума, и, иставая мало по малу, наконецъ совсѣмъ увяла, оставивъ по себѣ двухъ сыновей. А Алексѣй, облекшись въ черную мантию, находилъ для себя утѣшеніе въ Божественной любви, стремясь къ высочайшему благу и, подобно орлу, парящему подъ облаками, презирая все земное. Когда онъ былъ окруженъ большимъ богатствомъ и наслаждался мірскими удовольствіями, онъ былъ большой охотникъ до мясной пищи, любилъ лакомыя блюда и роскошные пирры, такъ что даже въ постные дни, т. е. въ среду и пятницу, ему подавали мясную пищу, если въ эти дни случался праздникъ—господскій, или совершалась память славнаго мученика или какого-нибудь слуги Христова. А теперь онъ употреблялъ пищу изъ зелени, питался плодами, съ наслажденіемъ ѣлъ кушанья самыя простыя, любилъ и совсѣмъ ничего не ѣсть, и только изрѣдка, въ дни праздничные, съ особымъ удовольствіемъ употреблялъ пищу рыбную. При этомъ, вспоминая о прежнихъ изысканныхъ кушаньяхъ и искусственномъ приготовленіи мяса, онъ все, что говорятъ люди прожорливые и любящіе ѣсть мясо, ссылаясь на то, что они не могутъ воздержи-

ваться, — называлъ притворствомъ чрева и обманомъ сластолюбія. Всякаго рода пища, говорилъ онъ, можетъ поддерживать наше тѣло и способствовать къ его благосостоянію.

Что же любезная богиня правосудія? Уже ли она, многоногая и многорукая, остроглазая и всевидящая, надѣленная ушами чуть не до пятъ, ужели или не замѣчаетъ или не обращаетъ вниманія, или и совсѣмъ оставляетъ безъ наказанія безстыдныя клеветы и обвиненія, вносимыя на честныхъ людей? О, нѣтъ! Она и теперь показала, что видитъ все, что совершается въ самомъ отдаленномъ уголкѣ земли, и слышитъ все, что говорится шопотомъ. Разгнѣвалась ли она и на царя, за его незаконный поступокъ, объ этомъ теперь не время говорить. Во всякомъ случаѣ Мануилу, какъ человѣку умному и образованному, а не безграмотному, не слѣдовало слишкомъ много беспокоиться буквою—А и заключать по ней, что Алексѣй будетъ его преемникомъ, и отыметъ у него власть. Напротивъ, ему надлежало предоставить бразды правленія Тому, Который говоритъ о себѣ, что Онъ есть А и Ѡ и —начало и конецъ, какъ объ этомъ учитъ Евангелистъ Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ; ибо у Бога нѣтъ недостатка въ А. (7). Что же касается клеветниковъ,—они не избѣжали мщенія правосудія: каждому изъ нихъ оно назначило своего рода наказаніе; а Аарона подвергло особенно тяжелой казни, опутавъ его собственными его сѣтьми. Спустя не много времени, дознано было, что онъ занимается волшебствомъ; у него было открыто изображеніе

черепахи, вмѣщавшей въ себѣ человѣческую фигуру, у которой обѣ ноги были въ кандалахъ, а грудь насквозь пронзена гвоздемъ. Кромѣ того онъ уличенъ въ перелистываніи книги Соломоновой, а раскрытіе и чтеніе этой книги вызываетъ и собираетъ легіоны демоновъ, которые безпрестанно спрашиваютъ, за чѣмъ они призваны, быстро приводятъ къ концу данныя имъ порученія и усердно исполняютъ приказанія. Но не за одно это Ааронъ былъ задержанъ: была и другая причина. Однажды онъ передавалъ царю вѣсти, принесенныя послами, прибывшими отъ народовъ западныхъ. Замѣтивъ, что эти вѣсти не противны волѣ царя, онъ при одномъ изъ вопросовъ сталъ укорять пословъ за то, что они легко и скоро на все соглашаются и подучалъ ихъ воспротивиться предложенному теперь требованію и не такъ легко и не тотчасъ на него соглашаться, представляя, что чрезъ это они и у царя приобретутъ большую дружбу и у своихъ соотечественниковъ получатъ больше чести. Когда разговоръ кончился, эти наставленія и противозаконные совѣты Аарона, прикрытые незнакомымъ для царя языкомъ, оставались ему неизвѣстными. Но царица, будучи родомъ латинянка, и вполне понимавшая латинскую рѣчь, оставшись наединѣ, стала перебирать въ своемъ умѣ предложенные вопросы и открыла все императору. Царь, услышавъ объ этомъ, сильно разгнѣвался на Аарона, приказалъ ослѣпить его и лишить всего имущества. Этотъ Ааронъ, какъ человѣкъ злой и отъ самой природы получившій несчастную наклон-

ность къ злодѣяніямъ, въ послѣдствіи совѣтоваль Андронику, когда тотъ насильно овладѣлъ властію,—чтобы онъ не довольствовался ослѣпленіемъ своихъ противниковъ, но или осуждалъ всѣхъ на смерть, или подвергалъ болѣе тяжкимъ наказаніямъ. И для подтвержденія своихъ словъ указывалъ на свой собственный примѣръ, говоря, что вотъ онъ и живетъ, и движется, и дышетъ, и говоритъ, и можетъ быть хорошимъ совѣтникомъ, и что не только руками, но и однимъ языкомъ, точно также, какъ и острымъ мечемъ, можетъ отсѣчь голову врагу. Подавалъ онъ Андронику еще и другіе глупые и безчеловѣчные совѣты и чрезъ то побуждалъ этого крайне раздражительнаго и капризнаго старикашку болѣе и болѣе находить наслажденіе въ убійствахъ. Но эти совѣты и наставленія принесли горькій плодъ виновнику ихъ Аарону: въ награду за нихъ Исаакъ Ангелъ, тотъ самый, который въ послѣдствіи лишилъ власти Андроника, отрѣзалъ у него языкъ, спѣша истребить и уничтожить изливавшійся изъ него ядъ.

А царь Мануиль гнѣвно взглянулъ и справедливо вознегодовалъ на Сиеа Склира и на Михаила Сикидита, и въ слѣдствіе того приказалъ выколоть имъ глаза раскаленнымъ желѣзомъ за то, что эти два человѣка, подъ предлогомъ занятія Астрономіею, занимались на самомъ дѣлѣ магіей и другими дьявольскими обманами. Такъ Склиръ влюбился въ одну взрослую дѣвушку и явно соблазнялъ ее; но, встрѣчая съ ея стороны пренебреженіе и презрѣніе, онъ чрезъ одну свод-

ню посылаетъ ей персикъ. Дѣвица, положивъ персикъ за пазуху, начинаетъ съ ума сходить отъ любви, разгарается неистовымъ страстнымъ пожеланіемъ и наконецъ растлѣвается Склиромъ. Тогда родственники дѣвушки, негодуя на такое ея униженіе, стали громко кричать противъ Склира, какъ человѣка, который вооружаетъ противъ дѣвицъ демоновъ и, подобно змѣю—первому виновнику зла, обольщаетъ ихъ плодомъ дерева и, какъ изъ Эдема, удаляетъ отъ жизни цѣломудренной. Въ слѣдствіе этого Склиръ поневолѣ сдѣлался несчастнымъ супругомъ, и съ тѣхъ поръ совѣтъ уже не видѣлъ ту, на которую преступно взглянулъ. А Сикидитъ какими-то таинственными средствами омрачалъ и зрячихъ людей, не давая имъ видѣть предметовъ дѣйствительныхъ, и вводилъ въ обманъ глаза зрителей, насылая цѣлыя фаланги демоновъ на тѣхъ, кого хотѣлъ утратить. Такъ однажды случилось ему смотрѣть съ высокаго во дворцѣ мѣста на море въ то время, какъ проходила лодка, нагруженная глиняными блюдами и чашками. Обратясь къ бывшимъ съ нимъ зрителямъ, Сикидитъ спросилъ, какую бы они дали ему награду, если бы онъ сдѣлалъ, что лодочникъ вдругъ сойдетъ съ ума, встанетъ со скамейки, броситъ греблю и перебеѣтъ въ беззги свою посуду? Когда тѣ изъявили согласіе на все, чего онъ отъ нихъ просилъ, хозяинъ лодки, спустя не много времени, дѣйствительно всталъ съ своего мѣста и, взявши въ руки весло, началъ колотить посуду и не прекратилъ этого занятія до тѣхъ поръ, пока не обратилъ ее въ прахъ.

Смотрѣвшіе на это сверху надрывались отъ смѣха и считали случившееся за чудо; а лодочникъ, вскорѣ послѣ того, взявшись обѣими руками за бороду, горько зарыдалъ и, очнувшись отъ омраченія, сталъ еще болѣе оплакивать себя, какъ человѣка сумасшедшаго. Когда же у него спрашивали, отъ чего онъ такъ поступилъ съ своимъ товаромъ, онъ съ горестію рассказывалъ, что въ то время, какъ все его вниманіе было обращено на весла, онъ вдругъ увидѣлъ страшнаго, кроваваго цвѣта и съ огненнымъ гребнемъ змѣя, который, растянувшись надъ сосудами, пристально устремилъ на него глаза, на подобіе неумолимыхъ драконовъ, и собирался проглотить его; и что этотъ змѣй не прежде пересталъ извиваться, какъ когда уничтожена была вся посуда, а потомъ вдругъ исчезъ изъ виду и какъ будто вылетѣлъ у него изъ глазъ. Таковъ этотъ случай, а вотъ еще и другой. Однажды Сикидитъ, мывшись въ банѣ, поссорился съ бывшими тамъ вмѣстѣ съ нимъ другими людьми и вышелъ въ передбанникъ. Спустя не много времени, въ сильномъ испугѣ и сбивая другъ друга съ ногъ, выбѣжали оттуда и всѣ прочіе, и, едва переводя духъ, рассказывали, что изъ крана, чрезъ который проходитъ горячая вода, выскочили какіе-то люди чернаго смола и пинками по заднимъ частямъ тѣла вытолкали ихъ изъ бани. За эти-то и за другія болѣе преступныя дѣла оба они были лишены зрѣнія, но сами оставались въ живыхъ. Изъ нихъ Сноъ опять обратился къ прежнимъ занятіямъ, а другой, постригшись въ монахи, написалъ вно-

слѣдствіи сочиненіе о святыхъ таинствахъ, въ которомъ изbleвалъ, какъ человѣкъ недостойный Божественныхъ даровъ, всѣ свои мерзости.

Славнымъ также дѣломъ этого царя было и слѣдующее. Азіатскіе города, Хліара, Пергамъ и Атрамитій много страдали отъ Персовъ, такъ какъ пограничныя области прежде мало были заселены, обитаемы были лишь по деревнямъ, и оттого легко подвергались грабежу непріятелей. Императоръ и эти города укрѣпилъ стѣнами, и открытыя сосѣднія равнины оградилъ крѣпостями. Оттого теперь эти маленькіе города такъ славятся многочисленностію жителей и всѣми удобствами къ покойной жизни, что даже превосходятъ многіе цвѣтушіе города. Воздѣланныя поля стали приносить теперь обильные плоды и рука вертоградаря вездѣ насадила всякаго рода плодосныхъ деревья, такъ что пустыня, скажемъ вмѣстѣ съ Давидомъ, преобразилась въ пристанище водъ и земля, прежде необитаемая, сдѣлалась мѣстомъ многолуднымъ. Если есть между дѣлами, задуманными и совершенными Мануиломъ во все время его царствованія надъ Римлянами, если есть дѣла особенно великія и для государей выгодныя, то конечно это его дѣло нужно признать самымъ славнымъ и самымъ общепользнымъ. Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, проходя тѣми мѣстами, и зная, какъ дика была эта страна, и какихъ людей укрывала она, — людей болѣе безпощадныхъ, чѣмъ вооруженный дубиною Перифитъ, болѣе жестокихъ, чѣмъ сгибавшій сосны Синнисъ и Ски-

ронъ ('), которыхъ нѣкогда умертвилъ Тезей, — кто не воздѣнетъ къ небу рукъ за этого императора и не пожелаетъ ему вѣчнаго наслѣдія въ Эдемѣ и мѣста злачнаго и покойнаго?—Эти крѣпости получили и свое, приличное имъ, названіе—онѣ называются *Νεοκίστρα*—новыя крѣпости,—имѣютъ своего правителя, посылаемаго изъ Византіи и доставляютъ царскому казнохранилищу ежегодный доходъ.

ЦАРСТВОВАНИЕ ПАПУИЛА КОШИИНА.

КНИГА ПЯТАЯ.

1. Такъ какъ Пэонійцы снова нарушили свою клятву, то противъ нихъ опять начинается война; и теперь эта война, на время прекратившаяся и, казалось, совсѣмъ погасшая, разрослась какъ плодоносная нива счастливца-богача, требующая особенно сильныхъ жнецовъ. Лишь только наступило время, удобное для похода, царь отправляется въ Сардику, куда приказано было собраться и войскамъ, назначеннымъ въ походъ противъ Пэонійцевъ. Войска собирались, а между тѣмъ царь слышитъ, что надъ аркою, устроенной въ западной части Константиновой площади, издавна стояли двѣ мѣдныхъ статуи, изображающія женщинъ, изъ которыхъ одна называлась Римлянкою, а другая Венгеркою, — но что теперь отъ все-измѣняющаго времени, статуя, получившая свое названіе отъ имени Римлянъ, упала съ своего основанія, а другая стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Подивившись этому разсказу, императоръ тотчасъ приказалъ первую статую возстановить, а другую свергнуть и опрокинуть, полагая, что такимъ измѣненіемъ въ положеніи статуй онъ

(') Перифитъ, Синнисъ и Скиронъ—это имена прославленныхъ въ древности разбойниковъ.

имѣнить и преобразуетъ и самый ходъ дѣлъ, именно дѣла Римлянъ возвыситъ, а дѣла Пэонійцевъ приведетъ въ упадокъ. Когда войска собрались, царь предложилъ на обсужденіе, — слѣдуетъ ли ему самому участвовать въ походъ противъ Пэонійцевъ, или лучше поручить начальство надъ войсками какому-нибудь вождю, и такимъ образомъ отмстить непріятелю. Всѣ подали мнѣніе, чтобы царь оставался въ Сардиѣ, предоставивъ главное начальство на войнѣ вождямъ изъ своихъ родственниковъ, для того, чтобы, при неизвѣстномъ исходѣ дѣлъ, и стыдъ пораженія былъ менѣе чувствителенъ и побѣда была тѣмъ славнѣе и блистательнѣе, такъ какъ и то и другое случится въ отсутствіе императора. Въ слѣдствіе этого предводителемъ всего войска назначается начальникъ флота Андроникъ Контостефанъ. Когда же войска готовились выступить изъ Сардики, царь, ставъ на такомъ мѣстѣ, откуда его легко могли слышать, произнесъ прекрасную, сильную и убѣдительную рѣчь. Самого Контостефана онъ ободрялъ на предлежащій ему подвигъ военачальника и съ этою цѣлію не только изложилъ правила тактики, но указалъ и время на паденія, и роды вооруженія, и виды боевого порядка. А второстепенныхъ по немъ начальниковъ, пларховъ и все вообще войско воодушевлялъ къ бою, приводя на память ихъ прежніе подвиги и убѣждая примѣрами — спѣшить и мужественно идти на предстоящія опасности, положить всему, при помощи Божіей, счастливый конецъ и возвратиться съ блистательными трофеями. А за то, что они такъ про-

славятъ его и, не смотря на его отсутствіе, доставятъ ему побѣду надъ варварами, обѣщалъ и съ своей стороны щедро наградить ихъ. Войско и тогда, какъ еще говорилъ императоръ, своимъ вниманіемъ и молчаніемъ показывало уже, что оно охотно слушаетъ и съ удовольствіемъ принимаетъ его слова. А когда онъ пересталъ говорить, оно еще яснѣе обнаружило свое сердечное расположеніе и душевный восторгъ, и очарованное сладостію его рѣчей, казалось, совершенно забыло о всѣхъ тягостяхъ, которыя оставались на памяти отъ прежнихъ войнъ. Оно привѣтствовало императора восторженными восклицаніями, высказывало готовность подвизаться до послѣднихъ силъ, и громко кричало, чтобы предводитель, нисколько не медля, велъ его противъ враговъ. Во время этого восторженного состоянія войскъ, вдругъ поднимается въ лагерь неясный шумъ: кто-то изъ Пэонійцевъ, гнавши изъ всѣхъ силъ лошадь и несшись во всю прыть, упалъ вмѣстѣ съ лошадью и повергся лицомъ на землю. Узнавши объ этомъ, царь и самъ обрадовался и всѣмъ другимъ внушалъ бодрость, принимая этотъ случай за благоприятное предзнаменованіе и побуждая всѣхъ радоваться, какъ бы о счастливомъ уже окончаніи войны. Такимъ образомъ царь остался на мѣстѣ и молилъ Бога Спасителя, чтобы Онъ былъ вождемъ его войскъ, а Андроникъ, принявъ начальство надъ войскомъ, выступилъ оттуда со всѣми силами и, спустя нѣсколько дней, переправившись чрезъ Саву и Дунай, вступилъ въ Зевгминъ. Пэонійцы однако

не испугались этого. Созвавъ свои отряды, набравъ не мало и вспомогательнаго войска у сосѣдственныхъ народовъ и даже, какъ слышно было, у самихъ Алемановъ, они назначили полновластнымъ вождемъ надъ войскомъ Діонисія, человека храбраго и неоднократно уже разбивавшаго неприятельскія фаланги, и затѣмъ съ гордою самонадѣянностію и хвастовствомъ двинулись въ походъ. А Діонисій, надменный прежними побѣдами, одержанными надъ Римлянами, лишь только услышалъ, что римское войско перешло Дунай, велерѣчиво говорилъ, что онъ опять навалитъ холмъ изъ костей падшихъ на войнѣ Римлянъ и, какъ прежде, изъ нихъ воздвигнетъ себѣ трофей,—такъ какъ и дѣйствительно онъ, какъ варваръ, сдѣлалъ нѣчто подобное, когда побѣдилъ Гавру и Врану, о чемъ мною уже сказано.

2. Когда наступилъ праздникъ мученика Прокопія ⁽¹⁾, Контостефанъ выводитъ войска на сраженіе. Самъ надѣвши панцырь и полное вооруженіе, онъ приказываетъ и всѣмъ другимъ сдѣлать тоже. Тогда каждый вывелъ свой отрядъ и построилъ его въ боевой порядокъ. Чело фаланги предводитель предоставилъ самому себѣ, правое крыло занялъ Андроникъ Лапарда, а лѣвое — другіе таксіархи, которыхъ предводитель взялъ съ собою на войну. Въ небольшомъ разстояніи отъ того и другаго крыла онъ расположилъ въ боевомъ порядкѣ и другіе фаланги, для того, чтобы онѣ могли во время поспѣть на помощь утомленнымъ легіонамъ. Но между тѣмъ какъ Андроникъ располагалъ такимъ образомъ войско и

(1) Память Великомученика Прокопія празднуется 8-го Іюля.

приготавливалъ его къ бою, вдругъ является посланный отъ царя съ грамотою, въ которой предписывалось отложить сраженіе въ этотъ день, какъ несчастный для дѣлъ воинскихъ, и перенести его на другой, который и былъ назначенъ въ той же грамотѣ. Взявъ грамоту, предводитель положилъ ее къ себѣ за пазуху, не обратилъ вниманія на то, что въ ней писалось, и не открылъ бывшимъ съ нимъ военачальникамъ полученныхъ приказаній, но искусно ввелъ ихъ въ обманъ, заведя разговоръ о предметахъ постороннихъ. Отмѣнялся же назначенный день, какъ предзнаменующій несчаствіе и рѣшительно невыгодный для сраженія — потому, что Мануилъ всѣ важнѣйшія и величайшія дѣла, въ которыхъ счастливый и несчастный исходъ зависѣлъ отъ Бога, — не знаю почему, — поставлялъ въ зависимость отъ взаимнаго соотношенія звѣздъ, отъ извѣстнаго ихъ положенія и движенія, и слова астрологовъ принималъ за изреченія оракуловъ. Но Андроникъ нисколько не обратилъ вниманія на это предписаніе, и зная, какъ много пользы не разъ приносило борцу и небольшое ободреніе со стороны того, кто натираетъ его масломъ, обратился къ войску, чтобы одушевить его къ наступающей битвѣ, съ слѣдующею рѣчью: «Римляне! помните о воинской доблести, помните и не допускайте ни одной мысли недостойной славы и настоящаго случая. Вы хорошо знаете, что и дикіе звѣри боятся нападать и въ испугѣ бѣгутъ, когда кто отважно наступаетъ на нихъ; а кто боится смѣло стать противъ нихъ, тѣхъ легко и заживо пожираютъ,

какъ лакомую пищу. Такъ и съ этими звѣроподобными варварами нужно быть неустрашимымъ, чтобы въ противномъ случаѣ, заболѣвъ безславнымъ недугомъ трусости,—не подвергнуться ихъ игу: трусость не спасаетъ, а губить,—это обыкновенное слѣдствіе пороковъ, которые противоположны добродѣтелямъ, хотя близки къ нимъ и какъ бы смежны съ ними. Ктому же не мы одни подвержены ранамъ и смерти,—и враги наши сдѣланы не изъ мѣди. Не они только покрыты желѣзными бронями и сидятъ на быстроногихъ коняхъ,—и у насъ все тоже, и мы сражаемся не съ обнаженными тѣлами. Пусть непріатели опытны въ войнѣ, но и мы не потеряли способности сражаться. У нихъ и у насъ одно и тоже устройство тѣла, одна и таже опытность въ войнѣ и одинаковое вооруженіе; — я не хочу теперь говорить о томъ, что на сколько мы превосходимъ варваровъ краснорѣчіемъ и образованностію, какъ люди искусные въ словѣ и немѣющіе недостатка въ умственныхъ способностяхъ, на столько же выше ихъ и по военному искусству и по воинской дисциплинѣ. Да мы уже и состязались въ бою съ Пэонійцами, нападали на ихъ землю и опустошали ее. Сразимся же и теперь съ ними, какъ уже привыкшіе къ побѣдамъ, и тогда,—вѣрьте, мужи, вѣрьте, соратники, вы увидите вашихъ женъ и дѣтей. Тогда этотъ глубокій Дунай воздвигнетъ гласы гибнущихъ варваровъ и поглотитъ ихъ въ своихъ пучинахъ, а кровавыя волны его, катясь далѣе по странамъ, чрезъ которыя онъ протекаетъ, изумивъ жителей своею необы-

чайностію, громко расскажутъ о пораженіи Пэонійцевъ и возвѣстятъ о побѣдѣ Римлянъ. Но надобно также имѣть въ виду и то, что пославшій насъ на эту брань, совершенно положился на насъ, и ласкаясь пріятными надеждами, которыя мы внушили ему, давъ обѣщаніе подвизаться до послѣднихъ силъ, едва ли уже не считаетъ плѣнныхъ и не мечтаетъ о величій побѣды. Не посраимъ же и его, да не сдѣлаемъ зла и самимъ себѣ, упавъ духомъ предъ лицомъ опасности, которая не можетъ кончиться ничѣмъ, хуже смерти! Великія бѣдствія не любятъ отступать назадъ: здѣсь и немного уступить значитъ все погубить».

5. Сказавъ такую рѣчь, Андроникъ повелъ войска въ открытое поле. Противъ него выступаетъ съ своимъ войскомъ и Діонисій, съ веселымъ лицомъ, съ рукоплесканіями и радостію, какъ будто бы шелъ на игры. Отъ этого онъ даже не зналъ, что ему слѣдуетъ теперь дѣлать, не раздѣлилъ своей арміи на правое и лѣвое крыло и не распредѣлилъ ее на отряды и фаланги, но, стянувъ въ одну сплошную массу, сомкнутую твердою стѣною, наступалъ, какъ черное облако, полный дерзкаго высокомерія. Его знамя, прикрѣпленное къ толстому и высокому бревну, которое возили на колесахъ четыре пары воловъ, высоко развѣвалось въ воздухѣ. Эта сплошная масса враговъ, вся конная и вооруженная копьями, поистинѣ представляла страшное, ужасающее зрѣлище; и не только въ ней люди съ ногъ до головы были превосходно вооружены, но и на самыхъ лошадяхъ

видны были діадимы на головѣ, кожаные ремни на плечахъ, налобники и нагрудники, защищавшіе ихъ отъ стрѣлъ. Когда войска стали сближаться, ржаніе коней и блескъ сіявшаго на солнцѣ оружія производили еще болѣе поразительное впечатлѣніе, возбуждая страхъ и удивленіе въ томъ и другомъ войскѣ. Около полудня войска сошлись почти на средину. Время казалось благопріятнымъ для сраженія, и Контостефанъ далъ знакъ ближайшимъ отрядамъ изъ праваго и лѣваго крыла ударить на задніе ряды непріятелей, въ особенности же приказывалъ коннымъ лучникамъ непрерывно бросать стрѣлы. Этимъ онъ думалъ поколебать и разстроить сплошныя фаланги Пэонійцевъ; потому что и теперь, какъ въ Гомеровомъ строю, «щитъ смыкался со щитомъ, шлемъ со шлемомъ, мужъ съ мужемъ,»—и лошади несли ровно свои головы. Тогда поднялось убійственное сраженіе на дротикахъ и войска стали волноваться, подобно движущемуся и воздымающему чешую дракону. Но Діонисій, какъ несокрушимая стѣна, шелъ впередъ, метая дротики и въ самага Контостефана и въ ближайшее къ нему войско. Когда же Римляне встрѣтили его, то сначала нѣсколько времени бой продолжался на копьяхъ, съ той и другой стороны производили нападенія, и давали отпоры. Потомъ, когда копья были поломаны и на промежуткѣ между войсками изъ груды сломанныхъ рукоятей вдругъ образовалась какъ бы изгородь, съ обѣихъ сторонъ обнажили длинные мечи и, снова устремившись въ бой, продолжали сражаться. Когда же и это оружіе при-

тупилось, потому что и тѣ и другія войска закованы были въ мѣдь и желѣзо, Пэонійцы, оставшись безъ всякихъ средствъ къ защитѣ, никакъ не воображали, что Римляне выдержатъ ихъ новое нападеніе. Но Римляне, схвативши желѣзныя булавы, которыя они обыкновенно всякій разъ брали съ собою на войну, стали поражать ими Пэонійцевъ. И эти удары, наносимые въ голову и лице, были очень удачны. Многіе, отуманенные ими, падали съ лошадей, а другіе истекали кровію отъ ранъ. Такимъ образомъ этотъ несокрушимый строй былъ наконецъ разорванъ, и тогда не было ни одного Римлянина, который бы не поражалъ и не повергалъ Пэонійца, или не обиралъ бы поверженнаго, или не надѣвалъ бы на себя другаго вооруженія, или не садился бы на коня, убивъ всадника. Когда же день склонился къ вечеру, послышались громкіе звуки трубы, подававшей условный знакъ къ отступленію; высоко развѣвавшееся на воздухѣ знамя Діонисія было уничтожено, въ Дунай введены были транспортныя суда и войско стало переправляться на другую сторону. Причиною была молва, разнесшаяся въ римскомъ лагерѣ и встревожившая военачальника, что Пэонійцы на другой день ожидаютъ къ себѣ значительное вспомогательное войско. Вслѣдствіе этого-то слуха, возникшаго не совсѣмъ безъ основанія, Андроникъ, послѣ счастливаго окончанія сраженія, тотчасъ же выступилъ оттуда.

Такъ побѣждены были Пэонійцы. Царь, услышавъ объ этой блистательной побѣдѣ, въ радости и восторгѣ приносить благодареніе Богу и, желая

извѣстить жителей царственного города о столь радостномъ событіи, тотчасъ же посылаетъ грамоты, громко провозглашающія побѣду. А чрезъ нѣсколько дней и самъ съ торжествомъ вступаетъ въ столицу, идя въ триумфъ отъ восточныхъ воротъ, которыми входили въ Акрополь. Предположивъ совершить по этому случаю блистательный триумфъ, какъ по случаю величайшаго торжества и рѣшительной побѣды, онъ приказалъ заготовить все для триумфальнаго шествія, въ самомъ великолѣпномъ видѣ. И точно, всюду развѣшены были дорогія ткани, обшитыя порфиною и испещренныя золотомъ, и граждане, словно ниспадающій съ высоты потокъ, со всѣхъ сторонъ стеклись на эту церемонію, покинувъ площади, дома, храмы, фабрики и все вообще мѣста обширнаго города. Не было недостатка при этомъ торжествѣ и въ отрядѣ плѣнныхъ: многіе изъ нихъ проходили въ триумфѣ, занимая собою зрителей и возвышая великолѣпнѣ процессіи. Общее удивленіе возбуждали и самые подмостки, устроенныя вдоль—по обѣимъ сторонамъ улицы, по которой долженъ былъ проходить триумфъ, и возвышавшіяся въ два и три этажа, равно какъ и крыши, наполненныя чрезвычайнымъ множествомъ свѣсившихся зрителей. Когда наступило время проходить и самому императору,—впереди его ѣхала серебряная, вызолоченная колесница, запряженная конями, бѣлыми какъ хлопья снѣга, а на ней стояла икона Богоматери, непобѣдимой защитницы и неодолимой соратницы царя. И не трещала ось подъ этою колесницею, потому что

она везла не мнимую дѣвственницу богиню Минерву⁽¹⁾, но истинную Дѣву, паче слова Слово по слову родшую. За тѣмъ слѣдовали знаменитые царскіе родственники, сенаторы, занимавшіе государственныя должности, и лица славныя своими достоинствами и почтенныя особеннымъ царскимъ благоволеніемъ. Наконецъ ѣхалъ самъ императоръ, сидя на гордомъ конѣ, во всей славѣ и величіи, облеченный во все царскія украшенія. А подлѣ него ѣхалъ и виновникъ триумфа Контестефанъ, котораго прославляли за побѣду, ублажали за счастливый бой. Вступивъ въ великій храмъ, и предъ всемъ народомъ воздавъ хвалу Господу, царь отсюда направилъ шествіе во дворецъ и затѣмъ, чтобы дать себѣ отдыхъ послѣ чрезмѣрнаго напряженія, сталъ забавляться конскими скачками.

4. И слѣдующую весну царь посвятилъ также отдохновенію. Когда же солнце миновало созвѣздіе рака и прошло созвѣздіе льва, когда Сиріусъ сталъ мало по малу сбавлять жаръ и уже печально проглядывала зима:—онъ выступаетъ въ западныя провинціи и поселяется въ городѣ Филиппа. До него дошелъ слухъ, что Сербскій сатрапъ,—то былъ Стефанъ Нееманъ,—сдѣлался черезчуръ дерзкимъ, что, какъ человѣкъ безпокойный, онъ съ излишнею заботливостію занимается тѣмъ, что до него вовсе не касается, что, питая ненасытимое честолюбіе и желая прибрать въ тѣхъ

⁽¹⁾ Указаніе на Илиаду (V, 833.), гдѣ говорится, что, когда Минерва вступила на Діомедову колесницу,—громко затрещала ось подъ ея тяжестью.

краяхъ все къ рукамъ своимъ, онъ тѣснить своихъ соплеменниковъ и мечемъ истребляетъ свой родъ и даже, не зная себѣ мѣры, старается захватить Хорватію и присвоить себѣ власть надъ Каттарами. По этому, желая на самомъ дѣлѣ удовольствоваться въ намѣреніяхъ Неемана, императоръ посылаетъ съ войскомъ Θεодора Падіата. Но у Топарха Неемана столько было вражды и гордости, что онъ тотчасъ же началъ войну и, не объявляя о ней, напалъ на Римлянъ. Когда же царь положилъ наказъ его, онъ, показавшись не надолго на полѣ битвы, скрылся и снова искалъ себѣ убѣжища въ горахъ и спасенія на утесахъ. Затѣмъ мало по малу смирятся и уменьшая прежнюю гордость, онъ наконецъ преклонилъ свою голову къ ногамъ императора, растянувшись во всю длину своего огромнаго роста, и молилъ о помилованіи. Онъ опасался, какъ бы ему не лишиться владычества надъ Сербами, и какъ бы его власть не перешла къ другимъ, которые болѣе его достойны начальствовать и которыхъ онъ низвергъ, послѣ того какъ самъ сдѣлался верховнымъ правителемъ. Вообще императоръ такъ легко управлялся съ этимъ человѣкомъ и такъ легко заставлялъ его обратиться къ прежней покорности, когда замѣчалъ, что онъ уклоняется отъ прямого пути и смотритъ человѣкомъ независимымъ или предается на сторону короля Алемановъ, или пристаетъ къ Гуннамъ и вмѣстѣ съ ними выходитъ на добычу,—какъ не управляется и пастухъ съ небольшимъ стадомъ. А Нееманъ такъ боялся его, какъ не бояться и дикіе звѣри

своего царя—льва. Часто императоръ съ одною даже конницею и съ своею охранною стражею оставялъ римскіе предѣлы и, лишь только устремлялся противъ него, тотчасъ же измѣнялъ положеніе тамошнихъ дѣлъ, согласно съ своимъ желаніемъ.

Что же потомъ? Полюбился Мануилу дальній походъ. Услышавъ о необыкновенномъ плодородіи Египта и о всемъ, что производитъ Ниль, этотъ податель плодовъ и обильной жатвы, локтями измѣряющій благополучіе (¹), онъ рѣшилъ положить на морѣ руку свою и на рѣкахъ десницу свою, чтобы увидѣть собственными глазами и осязать руками тѣ блага египетскія, въ которыя влюбился по слуху. И это замыслилъ онъ, не обращая вниманія на то, что все по сосѣдству съ нимъ было еще въ волненіи, и, хотя эти волненія подавлялись и погашались, но не уничтожались и не прекращались, а, подобно гидрѣ, вновь возникали. А побудило его къ тому неумѣстное славолубіе и желаніе сравняться съ знаменитыми царями, которыхъ владѣнія нѣкогда простирались не отъ моря только и до моря, но отъ предѣловъ восточныхъ до столповъ западныхъ. Сообщивъ о своемъ намѣреніи іерусалимскому королю Америгу и не встрѣтивъ съ его стороны неодобренія своему замыслу, а напротивъ получивъ даже обѣщаніе, что онъ будетъ помогать ему въ этомъ

(¹) Очевидное указаніе на разлитіе Нила, которое измѣряется локтями и отъ котораго зависитъ урожай, или неурожай въ Египтѣ. По словамъ Плинія, самая лучшая мѣра возвышенія воды въ Нилѣ—16 локтей. При 12 локтяхъ бываетъ голодъ, при 13—недостатокъ, 14-ть развеселяютъ, 15-ть обезпечиваютъ, а 16-ть производятъ общую радость. Hofm. Lex. Univers. Tom. 3 p. 326.

предпріятіи, царь снаряжаетъ противъ Таміаѳа (¹) огромный флотъ, болѣе, чѣмъ въ двѣсти длинныхъ кораблей, въ числѣ которыхъ десять пришли изъ Египта, а шесть, и все быстрыхъ на ходу, поставлены были Евбейцами. Назначивъ главнымъ начальникомъ надъ всѣми кораблями Великаго вождя Андроника Контостефана, онъ шестьдесятъ триіръ поручилъ Феодору Маврозуму и выслалъ его къ королю, съ тѣмъ, чтобы предупредить его о скоромъ прибытіи остальнаго флота и самаго Контостефана, побудить его къ скорѣйшему заготовленію всего нужнаго для похода, а вмѣстѣ съ тѣмъ препроводить къ нему и жалованье іерусалимскимъ всадникамъ, которые предполагали вмѣстѣ съ королемъ идти въ походъ на Египтянъ, противъ которыхъ собранъ былъ и римскій флотъ. А спустя не много времени, именно въ осьмый день мѣсяца іюля, выступаетъ и самъ Контостефанъ. Приплывъ къ Меливоту и здѣсь получивъ отъ царя, прибывшаго осмотрѣть флотъ, нужныя относительно своего дѣла наставленія, онъ спустя два дня выходитъ въ море, прибѣгаетъ въ Килы, находящіяся около Сиса и Авиды, и сажаетъ на триіры назначенное ему войско, составленное изъ римскихъ и иноземныхъ отрядовъ. А отсюда, когда подулъ благоприятный и попутный вѣтеръ, онъ, отвязавъ причалы и распустивъ паруса, направилъ путь къ Кипру. На этомъ пути встрѣтивъ шесть кораблей, высланныхъ египетскимъ эмиромъ для наблюденія, онъ два изъ нихъ взялъ, а остальные,

(¹) Это городъ Даміетта на западномъ берегу Нила.

которые и плыли не близко отъ него, ускоривъ бѣгъ, ушли.

5. Приставъ къ Кипру, Контостефанъ доноситъ о своемъ прибытіи королю и спрашиваетъ у него, угодно ли будетъ ему самому прибыть въ Кипръ, или онъ долженъ отправиться въ Іерусалимъ. Между тѣмъ король, подобно Епиметею (¹), который, говорятъ, думалъ о дѣлѣ не прежде, но послѣ дѣла, крайне жалѣлъ, что далъ согласіе непременно помогать царю, и даже подстрекнулъ его, когда онъ замышлялъ походъ противъ Египтянъ. Поэтому онъ медлил и не разъ обдумывалъ, что ему дѣлать. Наконецъ онъ приглашаетъ Андроника прибыть въ Іерусалимъ, чтобы здѣсь вмѣстѣ разсмотрѣть, какъ имъ дѣйствовать общими силами. Контостефанъ прибылъ въ Палестину, но Америкъ опять сталъ медлить, и овладѣвшее имъ сильное раскаяніе смущало его душу. Онъ представлялъ много и другихъ пустыхъ извиненій, но, между прочимъ, ссылался также и на сборъ своего войска. Андроникъ огорчался этимъ уже и потому, что такимъ образомъ напрасно проходило благоприятное время, котораго ничѣмъ нельзя было воротить. Но особенно его беспокоила напрасная трата продовольствія на морскій экипажъ, такъ какъ царь назначилъ флоту содержаніе на три мѣсяца, начиная съ мѣсяца августа, — а тогда былъ на исходѣ сентябрь. Когда же рѣшено было выступить въ путь, король предпочелъ сухопутную дорогу морской и совѣтовалъ также поступить и Андронику. Онъ говорилъ,

(¹) Епиметей братъ Прометей.

что эта дорога гораздо удобнѣе и безопаснѣе, и что въ тоже время, идя этимъ путемъ, они легко и мимоходомъ овладѣютъ Туниемъ и Тенесіемъ—небольшими крѣпостями, признающими надъ собою власть египетскаго эмира. Это крѣпости легко доступныя и въ нихъ не трудно проникнуть; онѣ лежатъ на плоской равнинѣ и ихъ жители большею частію исповѣдуютъ имя Христово. Андроникъ согласился съ благоразумными представленіями короля и отправился тою дорогою, которую онъ избралъ. Благополучно совершивъ промежуточный путь, они напали на крѣпости, о которыхъ мы сказали, и, овладѣвъ ими безъ боя,—такъ какъ въ нихъ не было ни значительнаго гарнизона, ни войска, достаточнаго для вступленія въ борьбу съ непріятелями,—продолжали путь далѣе. Соединившись съ флотомъ, который уже сложилъ весла и стоялъ у Таміаоа на якорѣ, они имѣли здѣсь стычку съ Сарацинами, которые тотчасъ же высыпали изъ города и явились предъ ними съ оружіемъ. Но Римляне своимъ неустрашимымъ сопротивленіемъ привели ихъ въ такой ужасъ и смятеніе, что они съ крикомъ и шумомъ въ безпорядкѣ убѣжали въ ворота и не могли даже прямо взглянуть на Римлянъ. Это было въ тотъ самый день, когда и тріеры вошли въ Ниль, и король прибылъ сухимъ путемъ. На слѣдующій день Сарацины опять собрались, въ намѣреніи сразиться съ Римлянами на неровномъ и нѣсколько покатою къ стѣнѣ полѣ, которое находилось передъ городомъ. Но и теперь они не устояли противъ Римлянъ. Они обыкновенно держались

отъ воротъ на разстояніи, сколько можно близкомъ, никогда не удаляясь отъ передовыхъ укрѣпленій, и тутъ сражались. А какъ только Римляне нападали на нихъ, они, чтобы не потерпѣть урона, предавались бѣгству и уходили въ ворота, не осмѣливаясь прямо вести на враговъ свою фалангу. Такой образъ войны, очевидно, направленъ былъ единственно къ тому, чтобы Римляне вдалились въ обманъ и, обольщаясь несбыточными надеждами, напрасно потратили время. Поэтому, спустя нѣсколько времени, Андроникъ придвинулъ осадныя машины и сталъ ими разбивать стѣну. Это было не безъ труда и опасности, потому что варвары поражали сверху и недопускали до работы тѣхъ, которые пытались привести машины въ дѣйствіе, сыпали на нихъ стрѣлы гуще снѣга и изобрѣтали разныя средства къ спасенію стѣны. При всемъ томъ, онъ успѣлъ разрушить верхнюю часть стѣны, на которой сооруженъ былъ знаменитый храмъ, посвященный Богоматери. Жители города рассказывали, что тутъ остановилась и жила Матерь-Дѣва съ Іосифомъ обручникомъ въ то время, какъ они бѣжали въ Египетъ, укрываясь отъ дѣтоубійцы Ирода. Поэтому Сарацины смѣялись надъ Римлянами, и осыпали ругательствами Андроника за то, что онъ не пощадилъ храма, въ которомъ Христіане, собираясь, совершаютъ свои таинства, возносятъ молитвы и воспѣваютъ благодарственные пѣсни. Но такъ какъ и при этомъ Андроникъ не достигалъ того, что имѣлъ въ виду, то рѣшился испытать заключившихся внутри города сильнѣйшимъ приступомъ.

Пришедши къ королю для совѣщанія, онъ настоятельно убѣждалъ и его вывести войско, обложить всю стѣну и, если дѣло пойдетъ удачно, воспользоваться лѣсницами, и взлестъ на верхъ. Король одобрялъ слова Андроника и боготворилъ его за мудрые планы, но, клянясь гробомъ Христовымъ, утверждалъ и увѣрялъ, что приступить къ дѣлу только тогда, когда будутъ построены и придвинуты къ стѣнамъ деревянныя башни. И объявивъ это, онъ приказалъ рубить пальмы, росшія около города, и выравнивать ихъ въ вышину башенъ. И точно, повалились высокія, покрытыя вверху листьями, пальмы, опустошались рощи деревъ и весь лѣсъ истреблялся; но ни отдѣлка брусевъ для башенъ, ни ихъ связь и полное устройство нигдѣ не приходили къ концу. Король тянулъ дѣломъ, постоянно откладывая его назавтра, и неисполняя того, что было рѣшено. Видя это, Андроникъ скорбѣлъ, что ему только и оставалось, и сожалѣлъ о войскѣ. Оно уже терпѣло недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ и подвергалось опасности умереть съ голоду. У однихъ не было и овода на покупку необходимаго для жизни, а другіе негодовали на то, что, не имѣя собственнаго рынка, они за большія деньги, платимыя королевскимъ поставщикамъ, получали мало сѣстныхъ припасовъ. Ктому же войско жаловалось и роптало оттого, что условленное время похода давно прошло. Но больше всего оно тяготилось напрасною и бесполезною осадой, продолжавшеюся болѣе пятидесяти дней.

6. Андроникъ, не имѣя возможности пред-

принять что либо, такъ какъ царскія грамоты рѣшительно ничего не позволяли ему начинать безъ одобренія короля, оставался въ бездѣйствіи и ожидалъ приказаній отъ короля. Но съ теченіемъ времени онъ понялъ изъ его дѣйствій, что этотъ человѣкъ не замышляетъ ничего добраго и хорошаго, что онъ отнюдь не помогаетъ и не содѣйствуетъ ему. Онъ увидѣлъ, что войско находится въ опасности испытать тяжкія и безвыходныя бѣдствія, потому что голодъ усиливается и страшно свирѣпствуетъ, такъ что нѣкоторые принялись за негодную къ употребленію пищу, а всѣ вообще ѣли корни, срывали съ пальмъ листья и, сваривъ ихъ, приготавливали для себя столъ. Не добрыя къ тому же присоединялись и вѣсти, именно, что къ осаждаемымъ скоро придетъ вспомогательное войско отъ египетскаго султана и отъ восточныхъ арабовъ, и что близка уже огромная ассирійская конница, нанятая за большую цѣну. Вслѣдствіе всего этого Андроникъ не сталъ болѣе говорить на ухо мертвому, пренебрегъ латинскою спѣсью и рѣшился одинъ выступить на состязаніе и испытать жребій войны. Собравъ войско, онъ сказалъ: «и здѣсь долго оставаться невыносимо тяжело и возвращаться отсюда съ пустыми руками—крайне стыдно, не нанеши никакого пораженія тѣмъ, противъ которыхъ мы пришли. Но хуже того и другаго и дѣло явно безумное—повиноваться человѣку, который не только ни въ чемъ не сочувствуетъ Римлянамъ, но и расположенъ къ нимъ не лучше враговъ. Не видите ли, что король, нашъ сорат-

никъ и союзникъ, поставивъ свой лагерь вдали отъ нашего, отнюдь не выходить оттуда, какъ будто бы онъ былъ приглашенъ нами на праздничное отдохновеніе и въ зрители, а не для того, чтобы сражаться? Не такъ ли поступаютъ и наши враги, когда избѣгаютъ битвы и не выходятъ изъ-за-воротъ для сраженія? Поэтому я начинаю теперь бояться не того, что мы уйдемъ отсюда, не сдѣлавъ ничего хорошаго, но того, какъ бы не лишиться возможности спасти наши души. И не о томъ дума и забота теперь у меня, чтобы съ нами сражался король, но о томъ, какъ бы избѣжать его козней, потому что онъ уже не таитъ и не скрываетъ своихъ тайныхъ замысловъ, какъ бы отвратить угрожающую опасность и уйти отсюда, не испытавъ несчастія. Быть можетъ, у Египтянъ изобрѣтены теперь и новые составы, которые сильнѣе прежнихъ и могутъ не только утишать печали и врачевать раны души неожиданными восторгами, каковъ былъ нѣкогда составъ, прогоняющій печаль и наводящій забвеніе всѣхъ золъ, который дала Елена жена Оона, но и людей воинственныхъ могутъ дѣлать женоподобными и непомнящими мужества. И, можетъ быть, съ такимъ-то составомъ чашу Египтяне предложили Америку, и онъ, очарованный, какъ нужно полагать, напиткомъ и упившись имъ до опьяненія, погрузился въ глубокій и долгій сонъ. И вотъ щитъ у него на гвоздѣ, мечъ спитъ въ ножнахъ, копье воткнуто остриемъ въ землю. Или если не это, такъ онъ отравленъ серебромъ и оттого перемѣнилъ свои

мысли; уши у него заложены золотомъ и онъ, ласкаемый пріятнымъ его щекотаніемъ, превратился въ глухаго. Пропалъ теперь договоръ о вспоможеніи Римлянамъ, который онъ заключилъ съ царемъ, чья его одними лишь устами, а сердцемъ будучи далекъ отъ него. А мы окружены столькими бѣдствіями и умираемъ отъ войны и отъ голода; слава Римлянъ въ насъ погибаетъ и блистательные подвиги померкли. Лучше бы намъ было не войти въ здѣшнія пристани, переплывъ безбрежныя и безпредѣльныя моря, чѣмъ уходить отсюда, ничего не сдѣлавъ. Вѣдь теперь придется намъ окрылить корабли не бѣлыми парусами, съ какими мы приплыли изъ Византіи, а совсѣмъ черными, ради мрачности нашего позора. Но, соплеменники и соратники, и вы всѣ, присутствующіе здѣсь иноземцы, отдѣлимся отъ палестинскихъ всадниковъ, этихъ гордыхъ и высокомерныхъ людей, оказавшихся невѣрными Римлянамъ, и нападѣмъ на варваровъ: сдѣлаемъ приступъ къ стѣнамъ, будемъ сражаться такъ, какъ будто-бы мы состязались другъ съ другомъ изъ-за-овладѣнія этимъ городомъ и употребимъ всѣ усилія, какъ будто-бы уже въ рукахъ у насъ было его богатство. Если стѣна служитъ варварамъ оплотомъ, и они сверху бросаютъ все, чѣмъ можно оборониться; то и у насъ есть щиты, которые не легко поднимаются мужами, — они больше знаменитаго щита Аякова, сдѣланнаго изъ семи бычачьихъ кожъ, и выставляются впередъ, какъ башни-щиты, которыхъ не только не прорвешь стрѣлами и не разсѣчешь мечами, но

несокрушишь и всеми снарядами, какіе только бросаются изъ машинъ. Противопоставивъ ихъ, какъ крѣпкую ограду, мы немного будемъ думать о стѣнѣ и о тѣхъ, которые съ высоты ея сражаются. Итакъ, если хотите исполнить долгъ, то слѣдуйте теперь за мною, потому что и самъ я, вмѣстѣ съ вами, охотно подвергнусь всему, что ни будетъ. Я не поущу, чтобы могъ кто-нибудь сказать, что Андроникъ — большой мастеръ увлекать словами и возбуждать мужество, но вождь робкій и неунывающий отразить врага. Нѣтъ, впереди васъ враги увидятъ чело моего шлема. И сражаясь, какъ и слѣдуетъ, впереди, я буду вашимъ вождемъ и назади, если и этого потребуютъ обстоятельства. Богъ же да совершитъ наши намѣренія, и да обратитъ все бѣды на главу тѣхъ, которыхъ страну мы опустошаемъ».

7. Сказавъ это, онъ и самъ вооружился, и все прочіе, оставивъ собраніе, облеклись во всеоружіе. Около третьяго часа дня, полки стали выступать, и Андроникъ, поднявшись съ мѣста, въ стройномъ порядкѣ повелъ ихъ впередъ, идя самъ отдѣльно впереди всего войска. А сарацины, обложивъ ворота замками и запорами, и выставивъ для защиты ихъ какія-то машины, стоя на стѣнахъ, всякаго рода оружіемъ отбивали нападающихъ, такъ что по всему пространству, на полетъ стрѣлы, не было проходу отъ снарядовъ, бросаемыхъ изъ-за стѣнныхъ брустверовъ, и отъ стрѣлъ, пускаемыхъ изъ луковъ. Не смотря, однакожъ, на такую оборону со стороны бывшихъ въ городѣ, и самъ Андроникъ, понудивъ коня, напра-

влялъ коня на ворота, и стрѣльцы, да и все вообще выказывали мужество. Трубы непрестанно звучали, призывая къ бою, кимвалы гремѣли, такъ что находившіеся на стѣнахъ и башняхъ были приведены въ ужасъ общимъ нападеніемъ и приступомъ Римлянъ, и дѣйствіемъ разнородныхъ орудій. Но между тѣмъ, какъ уже придвигались во многихъ мѣстахъ и приставлялись къ стѣнѣ лѣстницы, вѣсть объ этомъ событіи доходитъ до короля и жестоко поражаетъ его. Словно самъ потерпѣвъ какое либо тяжкое и неознаградимое несчастіе, или какъ пораженный молніею, онъ довольно долго оставался нѣмъ. Наконецъ, едва оправившись отъ потрясенія, онъ потребовалъ коня, вскочилъ на него, явился предъ римскимъ войскомъ съ своими отборными полками и, оставивъ всехъ нападающихъ, убѣждалъ ихъ не сражаться съ людьми, которые давно объявили ему, что безъ кровопролитія сдадутъ и себя и городъ царю. Это слово, подобно рыбѣ гнюсу, связало руки у Римлянъ и остановило ихъ, когда они уже были близки къ тому, чтобы овладѣть городомъ. Самъ же король, вступивъ въ переговоры, заключилъ миръ, болѣе выгодный для потомковъ Агари, чѣмъ славный для Римлянъ. Но солдаты не обратили нисколько вниманія на то, каковы условія этого мира, но при одномъ слухѣ о немъ, вспомнивъ о возвращеніи на родину, самымъ дѣломъ показали, что необузданность моряковъ хуже огня, и тотчасъ уничтожили въ лагеряхъ всякій порядокъ. Безъ приказанія полководца они сожгли осадныя машины, сложили съ

себя большую часть оружія, взялись за весла, устремили взоры на неизмѣримое море, съ какимъ-то неистовствомъ бросались на корабли и не помышляли о зимнемъ и неудобномъ для плаванія времени, тогда былъ четвертый день декабря. Теперь можно было видѣть, какъ этотъ многокорабельный флотъ заразъ входилъ въ пристань и какъ опять изъ ней выходилъ, раздѣлившись на тысячи частей, потому что одни хотѣли плыть въ одну сторону, другіе-въ другую, и все направляли корабли къ своей родинѣ, такъ что въ пристани едва еще осталось шесть тріиръ, которыя должны были перевести Андроника. Но онъ отправился вмѣстѣ съ королемъ въ Іерусалимъ, взявъ здѣсь надлежащій конвой и чрезъ Иконію прибылъ въ Византію. А изъ того множества кораблей, одни, встрѣтивъ противные вѣтры, потонули вмѣстѣ съ людьми, а другіе, разбѣянные морскимъ волненіемъ, лишь съ наступленіемъ весны были введены въ городскія гавани. Не мало кораблей и совсѣмъ были покинуты своими пассажирами, — какъ скоро они достигли суши, и, подобно хароновымъ ладьямъ, предоставлены произволу непостоянныхъ волнъ. Вообще, не многіе изъ нихъ уцѣлѣли, спасшись и отъ волненія морскаго и отъ нерадѣнія мореплавателей. Что же касается Сарацинъ, они, какъ оказалось, устремились нашествію на нихъ Римлянъ, и, желая на будущее время отвратить ихъ плаванія, отправили къ царю пословъ, послали высоко цѣнимые у нихъ дары и утвердили миръ.

8. Когда царица уже страдала и была близка

къ родамъ, для ней убрали покои и тщательно приготовили все, что нужно для рожденія младенца и принятія матери; а когда Иліоиды приступили къ родильницѣ, — ее помѣстили въ порфировой комнатѣ. Тутъ находился и царь; беспокоясь о своей супругѣ, онъ своимъ присутствіемъ облегчалъ ея страданія, но болѣе всего обращалъ взоры на того, кто наблюдалъ звѣзды и смотрѣлъ на небо. Когда же младенецъ вышелъ изъ утробы, и то былъ мальчикъ, а наука объявила, что онъ будетъ счастливъ, благополученъ и наслѣдуетъ отцовскую власть, тогда принесены были Богу благодарственные молитвы, и весь народъ рукоплескалъ и ликовалъ. Чтобы возвысить торжественность дня рожденія и нареченія младенца, Мануиль, по обыкновенію римскихъ царей, позвалъ на пиршество почетнѣйшихъ гражданъ съ масличными вѣтвями, и наименовалъ младенца Алексѣемъ. Онъ избралъ это имя не просто, и не по желанію почтить дитя именемъ прадѣда, но имѣя въ виду предсказаніе, сдѣланное по поводу вопроса о томъ, сколько продолжится рядъ царей изъ фамиліи Алексѣя Комнина. Предсказаніе же состояло въ словѣ *αἰμα*, которое, когда его раздѣляли на части и читали по буквамъ, ясно обозначало буквою Α—Алексѣя, буквою Ι—Іоанна, двумя же послѣдующими—Мануила, и того, кто приметъ власть послѣ него. Когда дитя стало подрастать и, подобно цвѣтущему и сочному растенію, подниматься, царь перемѣнилъ свое прежнее намѣреніе, и присягу, которая прежде дана была дочери Маріи и ея жениху, Пэонійцу Алек-

сѣю, перенесъ на сына. По этому поводу и самъ царь, и тотъ, кому присягали, и всѣ дававшіе присягу собирались въ великомъ и славномъ храмѣ Богоматери во Влахернахъ. Передавъ, какъ полагалъ, чрезъ совершеніе присяги скипетръ сыну, царь, спустя не много времени, разлучаетъ дочь свою съ ея женихомъ Алексѣемъ, и обручаетъ его на родной сестрѣ жены своей, не за-долго предъ тѣмъ прибывшей изъ Антиохіи съ братомъ Балдуиномъ. Между тѣмъ около этого времени венгерскій король умеръ. Мануиль, считая его смерть счастливымъ случаемъ, тотчасъ же посылаетъ Алексѣя съ блистательною свитою и огромнымъ царскимъ багажемъ—принять власть надъ Пэонією и царствовать надъ своими едино-племенниками. И Алексѣй безъ труда надѣлъ на себя королевскую корону, и безъ всякаго сопротивленія сталъ господствовать надъ всѣмъ народомъ. А царь началъ опять ревностно отыскивать мужа своей дочери. Не обращая нисколько вниманія на знаменитыхъ по роду Римлянъ, онъ старался узнать о владѣтеляхъ другихъ народовъ, кто изъ нихъ не женатъ и у кого есть сыновья, которые по смерти родителей наследуютъ отцовскую власть. Преимущество предъ всѣми оказалось на сторонѣ Вильгельма, владѣтеля Сициліи. Поэтому царь сталъ посылать къ нему одного за другимъ пословъ, на что и тотъ, желая этого брака, отвѣчалъ съ своей стороны непрерывными посольствами, такъ что довольно долго шли пустые переговоры объ условіяхъ брака. Но расположеніе царя къ этому супружеству и съ са-

мага начала было нерѣшительное, мысли его колебались и подвергались многимъ переменамъ и превращеніямъ; а наконецъ онъ и совсѣмъ отступилъ отъ своего намѣренія, признавъ супружество съ Сицилійскимъ королемъ невыгоднымъ для Римлянъ. Такимъ образомъ дѣвица-царевна, хотя была сватана многими женихами, но, подобно Агамемновой Илектрѣ, долго грустила въ одиночествѣ среди царскихъ чертоговъ и, высокая ростомъ, какъ водяная тополь, тосковала по брачномъ ложѣ. Однакожъ послѣ долгихъ размышленій со стороны царя, она, наконецъ, вышла за-мужъ за одного изъ сыновей Маркиза Монферратскаго, юношу красиваго съ лица и очень миловиднаго, съ прекрасными свѣтлорусыми волосами и еще безбородаго, тогда какъ ей самой было уже за тридцать лѣтъ и она владѣла мужскою силою.

9. Достигши этого мѣста исторіи, я присоединю къ сказанному и слѣдующее. Есть на западѣ одинъ морской заливъ, называемый Адриатическимъ; находясь вдали отъ моря Сицилійскаго и составляя какъ бы рукавъ Іонійскаго, онъ лежитъ отдѣльно и сильно волнуется при сѣверномъ вѣтрѣ. Въ самомъ дальнемъ его углубленіи живутъ Енеты, которыхъ иные, по свойству языка, называютъ и Венетиками,—люди взросшіе на морѣ, скитальцы — промышленники, подобно Финикіянамъ, одаренные хитрымъ умомъ. Принятые нѣкогда Римлянами по нуждѣ въ людяхъ, способныхъ къ морской войнѣ, они цѣлыми толпами и семьями промѣняли свой отечественный городъ на Константинополь, а отсюда разсѣялись

и по всѣмъ римскимъ областямъ. Удерживая за собою только свое родовое имя, а во всемъ прочемъ породнившись съ Римлянами и сдѣлавшись для нихъ своими, они размножились и усилились, приобрѣли огромное богатство и стали выказывать гордость и дерзость, такъ что не только враждовали съ Римлянами, но не обращали вниманія и на царскія угрозы и повелѣнія. Поэтому царь перемѣнилъ свое къ нимъ расположеніе и, частью вспоминая о Керкирскомъ оскорбленіи, частью вновь узнавая то о томъ ихъ наглomъ поступкѣ, то о другомъ еще худшемъ преступленіи, раздражавшимъ его душу, взволновался гнѣвомъ, какъ бурное и неукротимое море, когда дуетъ сѣверовосточный или сѣверный вѣтеръ. И какъ ихъ наглости, по его мнѣнію, превзошли всякое терпѣніе, то разосланы были по всей римской имперіи грамоты, въ которыхъ повелѣвалось задержать Венеціанъ и назначался день, въ который должно было сдѣлать это, а равно и конфисковать ихъ имущество. Въ назначенный день, дѣйствительно, всѣ они были схвачены, а ихъ имущество частью отовсюду было внесено въ царскую сокровищехранительницу, большею же частью присвоено себѣ мѣстными начальниками. Между тѣмъ Венеціане, жившіе въ столицѣ и преимущественно не женатые, задумали бѣжать, и такъ какъ въ городской пристани стоялъ трехпарусный корабль, вмѣстительнѣе и болѣе котораго, говорятъ, не было никогда въ пристани, то они ночью взошли на него, подняли якорь, и, распустивъ паруса, ушли. За ними погнались су-

да, снабженные горючими веществами, и царскія тріеры, наполненные людьми, носящими на плечахъ заостренныя съ одной стороны сѣкиры. Хотя эти суда и приблизились къ кораблю, но не могли ничего сдѣлать уже и потому, что вѣтеръ несъ корабль такъ, что онъ, казалось, летѣлъ, а не плылъ; главнымъ же образомъ они должны были отказаться отъ своего предпріятія по причинѣ огромной высоты корабля и отчаянной рѣшимости пловцевъ. Тогда Венеціане поплыли прямо въ свое отечество Венецію; на слѣдующій же годъ, снарядивъ большой флотъ, стали нападать на острова. Приплывъ къ Евбеѣ, они осадили Евринъ, и, успѣвъ овладѣть одною его частью, подожгли зданія, а съ наступленіемъ весны, ушли отсюда и пристали къ острову Хиосу. Узнавъ объ этомъ, царь Мануилъ высылаетъ великаго вождя Андроника Контостефана съ тріерами, числомъ около ста пятидесяти; потому что и Венеціанскій флотъ былъ не слабѣе числомъ, да и въ другихъ отношеніяхъ снаряженъ былъ съ особенною заботливостію и весьма тщательно. Приготовившись къ великой борьбѣ и имѣя противниками Римлянъ, Венеціане во всѣхъ отношеніяхъ хорошо вооружились и привели съ собою не мало союзныхъ кораблей, прибывшихъ къ нимъ изъ Славянской земли. Но при первомъ слухѣ объ отплытіи римскихъ кораблей, они оробѣли, взялись всѣ за весла и стали думать о бѣгствѣ. Оставивъ Хиосъ, они переходили къ другимъ островамъ, потомъ уходили и отсюда и, всегда убѣгая, приплывали къ третьимъ, такъ что и сами

они утруждались этою перемѣною острововъ, и Римляне досадовали, что имъ не удавался ихъ походъ, и что они не могли сразиться съ Венеціанами. Дошедши до самой Мален, Андроникъ увидѣлъ, что онъ преслѣдуетъ то, чего очевидно никакъ нельзя достигнуть, что онъ гонится за кораблемъ Аргонавтовъ, и потому, повернувъ корму, прибылъ въ городскую гавань. А Венеціане, видя, что силою оружія они не могутъ съ успѣхомъ защищать себя, заключили договоръ съ Сицилійскимъ королемъ, чтобы чрезъ то увеличить свои средства къ оборонѣ и имѣть себѣ помощника, въ случаѣ, если Римляне нападутъ на нихъ. Царь не оставилъ безъ вниманія слуховъ объ этомъ. Онъ зналъ, что и ничтожное обстоятельство, случайно встрѣтившись, часто производило перемѣну во многихъ дѣлахъ и порождало неизмѣримыя бѣдствія, и потому рѣшился возобновить прежній союзъ съ Венеціанами. Онъ старался было, сколько могъ, уничтожить ихъ договоръ съ королемъ Сицилійскимъ, но какъ они несоглашались на это, то и безъ этого принялъ ихъ и, когда они обратились къ нему съ просьбою, даровалъ имъ прощеніе и дружбу. Возстановивъ всѣ права, которыми они пользовались прежде, какъ граждане во всемъ равные съ Римлянами, онъ не отказался отдать имъ и ту часть ихъ имущества, которая внесена была въ царское казнохранилище. Но они, какъ купцы, имѣя въ виду выгоду и удобство, какъ для себя, такъ и для царя, придумали нѣчто умное и дѣльное: отказавшись отъ

обратнаго полученія своего имущества, они единодушно согласились взять, за все утраченное ими имущество, пятнадцать центенаріевъ золота. Эта сумма и была имъ уплачена, но не вдругъ, а въ нѣсколько разновременныхъ выдачъ.

ЦАРСТВОВАНИЕ МАНУИЛА РОМШУША

КНИГА ШЕСТАЯ.

1. Такимъ образомъ и это дѣло у царя Мануила кончилось. Наше же повѣствованіе пусть идетъ далѣе, и рассказываетъ о послѣдующихъ событіяхъ, сообразно съ временемъ и значеніемъ каждаго изъ нихъ. Такъ какъ Султанъ нехотѣлъ остаться въ покоѣ, признавъ разъ навсегда постоянные набѣги на римскіе предѣлы дѣломъ, полезнымъ для себя и вполне выгоднымъ для Турковъ. то царь и еще разъ выступалъ противъ него, Очень часто, впрочемъ, царь и самъ не давалъ покоя персидскому государю, но дразнилъ и сердилъ его, словно спящаго дикаго звѣря, поднималъ его съ ложа и вызывалъ на бой. И ни условныя прекращенія военныхъ дѣйствій, ни перемирія во время битвъ, ни союзы и договоры, ни переговоры и отправленія пословъ не задерживали и не останавливали ихъ нападеній другъ на друга. Оба они были горячи и падки на войну, а потому иногда и по незначительной причинѣ нападали другъ на друга. Для нихъ было дѣломъ особенно любезнымъ—надѣвать всеоружіе, собирать полки, водить ихъ

въ бой и сражаться. Отличались же они другъ отъ друга тѣмъ, что Султанъ всегда былъ какъ-то предусмотрителенъ и разсудителенъ, дѣйствовалъ обдуманно и давалъ битвы осторожно, посредствомъ своихъ военачальниковъ,—его никогда не видѣли стоящимъ въ главѣ фаланги, или раздѣляющимъ труды съ воинами; а царь, какъ человекъ съ душою благородною, былъ пылокъ въ сраженіяхъ, любилъ выказывать дѣла личной храбрости и часто, при разнесшемся слухѣ о вторженіи гдѣ нибудь непріятеля и о страданіи его подданныхъ, первый садился на коня и смѣло выступалъ въ походъ. Такъ какъ теперь царь вознамѣрился возстановить Дорилей, то тѣмъ еще болѣе раздражилъ и возбудилъ варвара къ войнѣ. Султанъ, показывая видъ, будто доселѣ не зналъ о прибытіи царя въ Дорилей, черезъ пословъ спрашивалъ его о причинѣ появленія въ тѣхъ мѣстахъ и просилъ удалиться. А царь, замѣчая нѣчто колкое и насмѣшливое въ письмѣ Султана, съ своей стороны признавалъ не малымъ чудомъ, что Султанъ не зналъ о его походѣ до самаго прибытія его въ Дорилей, и что будто бы доселѣ онъ не знаетъ причины этого похода. Приступивъ къ возобновленію города, царь самъ началъ носить камни на своихъ плечахъ, и этимъ такъ воодушевилъ другихъ, что чрезвычайно скоро была воздвигнута стѣна и снаружи обнесена валомъ, а внутри, во многихъ мѣстахъ, вырыты были колодцы для того, чтобы можно было черпать воду. Персы считали для себя несчастіемъ, если они принуждены будутъ оставить дорилей-

скія поля, на которыхъ проводили лѣто принадлежащія имъ стада козъ и быковъ, гуляя по луговымъ пастбищамъ,—если будетъ построенъ городъ, и въ немъ для стражи поставлена римская фаланга. Поэтому они на всѣхъ удилахъ неслись противъ Римлянъ, и, подстерегая, когда тѣ выходили за съѣстными припасами, препятствовали фуражировкѣ, и убивали всѣхъ, кто попадался имъ въ руки. Но царь скоро уврачевалъ это зло. Назначивъ определенное время для выходовъ изъ лагеря на фуражировку, онъ самъ подавалъ трубою знакъ, первый выходилъ изъ лагеря, и, предводительствуя вышедшимъ отрядомъ, ни на минуту не оставлялъ тѣхъ, которые отыскивали съѣстные припасы, и возвращался въ лагерь иногда въ сумерки, а иногда и поздно вечеромъ. Персы съ своей стороны, чтобы противодействовать этому, частію употребляли и силу оружія и производили частыя нападенія на Римлянъ, а частію сожигали плоды и предавали огню жилища, чтобы лишить Римлянъ достаточныхъ средствъ къ пропитанію. Однажды, когда царь собирался кушать и очищалъ ножомъ персикъ, ему сказали, что Персы сдѣлали нападеніе на собирающихъ съѣстные припасы. Бросивъ плодъ, онъ тотчасъ же опоясался саблею, надѣлъ панцырь и, вскочивъ на коня, выступилъ противъ враговъ. Варвары стояли, построившись въ фаланги; но, спустя не много послѣ того, какъ явился царь, они оставили этотъ строй и притворно обратившись въ бѣгство, поражали нападающихъ, частію снова поворачиваясь назадъ, частію во время самага

бѣгства бросая стрѣлы и повергая тѣхъ, кто ихъ преслѣдовалъ. Обыкновенно, Персы непрестанно прищиприваютъ коня, и между тѣмъ, какъ конь часто бьетъ копытами по землѣ и быстро несется, Персъ, имѣя въ рукахъ стрѣлу, пускаетъ ее назадъ, и такимъ образомъ напередъ убиваетъ того, кто торопился самъ убить его и, внезапно обратившись изъ преслѣдуемаго въ преслѣдующаго, беретъ въ плѣнъ того, кто собирался уже самъ взять его. Возобновивъ Дорилей и тщательно снабдивъ его всѣмъ нужнымъ для его охраненія, царь выступилъ изъ тамошнихъ странъ и прибылъ въ Сувлей, возстановилъ и этотъ городъ и поставилъ въ немъ гарнизонъ. Затѣмъ устроивъ и все прочее, по своему убѣжденію, наилучшимъ образомъ, возвратился въ царственный городъ.

Но прошло не много времени, какъ между царемъ и султаномъ опять возгорѣлась вражда. Они оба обвиняли и упрекали другъ друга:—царь приписывалъ султану неблагодарность къ благодѣтелю и забвеніе прежде оказанныхъ ему благодѣяній и всевозможной помощи для полученія власти надъ единоплеменниками. А султанъ упрекалъ царя въ легкомысленномъ пренебреженіи договорами, въ готовности всегда расторгнуть дружбу, въ нарушеніи только что заключенныхъ условій мира, а равно и въ томъ, что онъ много разъ обольщалъ его обѣщаніемъ щедрыхъ даровъ, высказывая это въ царскихъ красныхъ грамотахъ, а давалъ мало. Поэтому царь сталъ собирать и бывшія у него прежде войска и набирать новыя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нанялъ немало и иноземнаго

войска, преимущественно изъ Латинянъ и изъ Скиѳовъ, обитающихъ около Дуная. Доведя свое войско до огромнаго числа, онъ готовился къ войнѣ такъ, что, казалось, хотѣлъ истребить персидскій народъ, уничтожить Иконію съ самыми ея стѣнами, подчинить себѣ султана и наступить ему на шею, подложивъ ее подъ свои ноги вмѣсто скамьи. И когда все было готово къ походу, онъ входитъ въ великій храмъ, носящій названіе отъ имени Божественной и неизреченной Премудрости, призываетъ Божественную помощь и проситъ свыше побѣды, но, какъ показалъ исходъ войны, не получаетъ ея;—по неизслѣдованнымъ судьбамъ Божиимъ, она дарована была врагу. Затѣмъ выступивъ изъ царственнаго города и пройдя Фригію и Лаодикію, онъ прибылъ въ Хоны, древніе Колассы, городъ богатый и обширный, гдѣ родился я—сочинитель сей исторіи. Посѣтивъ здѣсь храмъ Архангела, по обширности величайшій и по красотѣ прекраснѣйшій, гдѣ все было дѣломъ чудной руки, онъ, вышедши отсюда, прибылъ въ Лампу и городъ Келены, гдѣ находится истокъ Меандра и протекаетъ рѣка Марсіасъ, впадающая въ Меандръ. Здѣсь, разсказываютъ, Аполлонъ содралъ кожу съ Марсіаса, который въ безумной ярости, какъ сильно ужаленный оводомъ, началъ состязаться съ Аполлономъ въ искусствѣ пѣнія. Отсюда царь отправился въ Хомы и остановился у Миріокефала. Это—древняя и необитаемая крѣпость, получившая, какъ думаю, свое названіе отъ того, что при ней происходило, или оправдавшая тѣмъ свое названіе; ибо около ней смерть

часто повергала на землю тысячи римскихъ головъ (¹), какъ объ этомъ я скоро скажу. На походъ царь всегда сохранялъ стройный боевой порядокъ, во время остановокъ укрѣплялъ лагерь валомъ, и выступалъ въ путь осторожно, согласно съ стратегическими правилами. Шелъ онъ, впрочемъ, довольно медленно, чему причиною были животныя, которыя везли машины и множество приставленныхъ къ нимъ людей, неспособныхъ къ бою. Да и Персы, появляясь тамъ и сямъ, постоянно тревожили его небольшими схватками и, заѣзжая впередъ, истребляли по дорогѣ траву, чтобы у римскихъ коней не было корма, и портили воду, чтобы Римляне не пили чистой воды. А сами Римляне жестоко страдали отъ болѣзни желудка, и эта болѣзнь сильно губила войско.

2. Между тѣмъ султанъ, хотя и принялъ мѣры къ войнѣ и нашелъ себѣ довольно союзниковъ въ Месопотаміи и между другими соплеменными варварами, однакожъ, отправивъ къ царю пословъ, просилъ мира и соглашался на исполненіе всѣхъ его желаній, каковы бы они ни были. Поэтому всѣ, кто только не былъ неопытенъ въ войнѣ и особенно въ войнѣ съ Персами, и кто былъ постарше возрастомъ, умоляли Мануила съ радостію принять посольство Перса, и не вѣрять всѣ надежды жребію войны. Они обращали его вниманіе на чрезвычайную трудность борьбы

(¹) Греческое названіе крѣпости Миріокефала—*Μυριοκέφαλος* — означаетъ того, кто имѣетъ десять тысячъ, или вообще множество головъ.

и на неудобопроходимыя мѣстности, въ которыхъ враги напередъ устроить засады, выставляли также на видъ и самое цвѣтущее состояніе всей турецкой конницы, указывали и на болѣзнь, терзающую греческое войско. Но царь ни сколько не обратилъ вниманія на слова почтенныхъ старцевъ и, открывъ весь свой слухъ своимъ родственникамъ, и особенно тѣмъ, которые никогда не слышали военной трубы,—людямъ съ прекрасными волосами и съ веселыми лицами, носившимъ на шеяхъ золотыя цѣпи и сіяющія ожерелья изъ блестящихъ камней и драгоценныхъ перловъ, отпустилъ пословъ ни съ чѣмъ. Султанъ, однакожъ, и послѣ того не пересталъ говорить о мирѣ. Когда же увидѣлъ, что его мирныя предложенія не имѣютъ успѣха, и что царь даже хвалится тѣмъ, что будетъ отвѣчать ему въ Иконіи, то поспѣшилъ занять тѣнины, которыя называются Иврицкими дефилеями и чрезъ которыя должны были проходить Римляне по выходѣ изъ Миріокефала, и скрытно поставилъ здѣсь свои фаланги съ тѣмъ, чтобы онѣ напали на Римлянъ, какъ скоро тѣ будутъ проходить. Это мѣсто есть продолговатая долина, идущая между высокихъ горъ, которая на сѣверной сторонѣ мало по малу понижается въ видѣ холмовъ и перерѣзана широкими ущельями, а на другой сторонѣ замыкается обрывистыми скалами и вся усеяна отдѣльными крутыми возвышеніями. Намѣреваясь идти такою дорогою, царь заранѣе не позаботился ни о чемъ, что могло бы облегчить для войска трудность пути; не освободился отъ большаго обоза,

не оставилъ востронѣ повозокъ, на которыхъ везлись стѣнбитныя машины, и не попытался съ легкимъ отрядомъ выгнать напередъ Персовъ изъ этихъ обширныхъ горныхъ тѣнинъ, и такимъ образомъ очистить для войска проходъ. Напротивъ, какъ шелъ онъ по равнинамъ, такъ вздумалъ пройти и этими тѣнинами, хотя предъ этимъ слышалъ, а спустя не много и собственными глазами удостовѣрился, что варвары, занявъ вершины горъ, рѣшились опорожнить все колчаны, выпустить все стрѣлы и употребить все средства, чтобы остановить Римлянъ и не дозволить имъ идти впередъ. А велъ царь фаланги, — то было въ мѣсяцъ сентябрѣ, — въ такомъ порядкѣ. Впереди войска шли съ своими отрядами два сына Константина Ангела, Іоаннъ и Андроникъ, а за ними слѣдовали Константинъ Мавродука и Андроникъ Лапарда. Затѣмъ правое крыло занималъ братъ царской жены Валдуинъ, а лѣвое Ѳеодоръ Маврозоми. Далѣе слѣдовали—обозъ, войсковая прислуга, повозки съ осадными машинами, потомъ самъ царь съ своимъ отборнымъ отрядомъ, а позади всехъ начальникъ аріергарда Андроникъ Контостефанъ. Когда войска вступили на трудную дорогу,—полки сыновей Ангела, Мавродуки и Лапарды прошли благополучно; потому что пѣхота, бросившись впередъ, опрокинула варваровъ, которые сражались, стоя на холмахъ, идущихъ отъ горы, и, обративъ ихъ въ бѣгство, отбросила назадъ въ гору. Быть можетъ, и слѣдующія за ними войска прошли бы невредимо мимо персидскихъ засадъ, если бы Римляне, тѣсно сомкнувшись,

тотчасъ же послѣдовали за идущими впереди войсками, нисколько не отдѣляясь отъ нихъ, и посредствомъ стрѣльцовъ отражая нападенія налегающихъ на нихъ Персовъ. Но они не позаботились о неразрывной, взаимной связи, а между тѣмъ Персы, спустившись съ высотъ на низъ и съ холмовъ въ долины, большою массою напали на нихъ, отважно вступили съ ними въ бой и, разорвавъ ихъ ряды, обратили въ бѣгство войско Валдуина, многихъ ранили, и не мало убили. Тогда Валдуинъ, видя, что его дѣла дурны, и что его войска не въ силахъ пробиться сквозь ряды враговъ, тѣснимый отсюду, взявъ нѣсколько всадниковъ, врывается въ персидскія фаланги; но, окруженный врагами, онъ и самъ былъ убитъ и всѣ бывшіе съ нимъ пали, совершивъ дѣла мужества и показавъ примѣръ храбрости. Это еще болѣе ободрило варваровъ, и они, заградивъ для Римлянъ всѣ пути и ставъ въ тѣсный строй, не давали имъ прохода. А Римляне, захваченные въ тѣсномъ мѣстѣ и перемѣшавшись между собою, не только не могли нанести врагамъ никакого вреда, но, загоразживая собою дорогу приходившимъ вновь, отнимали и у нихъ возможность оказать имъ помощь. Поэтому враги легко умерщвляли ихъ, а они не могли ни получить какое либо вспоможеніе отъ заднихъ полковъ и отъ самаго царя, ни отступить, ни уклониться въ сторону. Повозки, ѣхавшія по срединѣ, отнимали всякую возможность возвратиться назадъ и перестроиться болѣе выгоднымъ образомъ, а войскамъ Самодержца заграждали путь впередъ, стоя

противъ нихъ, какъ стѣна. И вотъ падалъ воль отъ персидской стрѣлы, а подлѣ него испускалъ духъ и погонщикъ. Конь и всадникъ вмѣстѣ низвергались на землю. Лощины загроздились трунами и рощи наполнились тѣлами падшихъ. Съ шумомъ текли ручьи крови. Кровь мѣшалась съ кровью, кровь людей—съ кровью животныхъ. Ужасны и выше всякаго описанія бѣдствія, постигшія здѣсь Римлянъ. Нельзя было ни идти впередъ, ни возвратиться назадъ, потому что Персы были и назади, и заграждали путь спереди. Оттого Римляне, какъ стада овецъ въ стойлахъ, были убиваемы въ этихъ тѣснинахъ. И если въ нихъ было еще сколько нибудь мужества, если осталась искра храбрости противъ враговъ, то и она погасла и исчезла, и мужество совершенно оставило ихъ, когда враги представили ихъ взорамъ новый эпизодъ бѣдствія, воткнутую на копье голову Андроника Ватацы. То былъ племянникъ царю Мануилу, отправленный съ войскомъ, собраннымъ въ Пафлагоніи и Понтійской Иракліи, противъ Амасійскихъ Турковъ. Такія печальныя вѣсти и эти ужасныя зрѣлища привели царя въ смятеніе; видя выставленную напоказъ голову племянника и чувствуя великость опасности, въ которой находился, онъ былъ унылъ, и, прикрывая печаль молчаніемъ и изливая скорбь въ глухихъ, какъ говорятъ, слезахъ, ожидалъ будущаго и не зналъ на что рѣшиться. А шедшіе впереди римскіе полки, пройдя невредимо эту опасную дорогу, остановились и окопались валомъ, за

нявъ холмъ, на которомъ представлялось нѣсколь-
ко безопасности.

5. Между тѣмъ Персы всячески старались одержать верхъ надъ полками, бывшими подъ начальствомъ царя, рассчитывая легко разбить и остальные войска, когда будетъ побѣждено войско главное и самое сильное. Такъ обыкновенно бываетъ и съ змѣею, у которой коль скоро разбита голова, то вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ жизнь и остальная часть тѣла, и—съ городомъ, потому что, когда покоренъ акрополь, то и остальной городъ, какъ будто бы весь былъ взятъ, испытываетъ самую жалкую участь. Царь нѣсколько разъ пытался выбить варваровъ изъ тамошнихъ тѣсинъ, и употреблялъ много усилий, чтобы очистить проходъ своимъ войскамъ. Но видя, что его старанія остаются безъ успѣха, и что онъ все равно погибнетъ, если останется и на мѣстѣ, такъ какъ Персы, сражаясь съ верху, постоянно оставались побѣдителями, — онъ бросается прямо на враговъ съ немногими, бывшими при немъ войсками, а всѣмъ прочимъ предоставляетъ спасать себя, какъ кто можетъ, потому что не ожидалъ ничего хорошаго отъ того, что видѣлъ. Варварская фаланга со всѣхъ сторонъ обхватила его, но онъ успѣлъ вырваться изъ ней, какъ изъ западни, покрытый многими ранами и шрамами, которые нанесли ему окружившіе его Персы, поражая его мечами и желѣзными палицами. И до того онъ былъ израненъ, по всему тѣлу, что въ его шитъ вонзилось около тридцати стрѣлъ, жаждущихъ крови, а самъ онъ не могъ даже поправить спавшаго съ

головы шлема. При всемъ томъ, самъ онъ сверхъ чаянія избѣжалъ варварскихъ рукъ, сохраненный Богомъ, который и древле въ день битвы прикрывалъ голову Давида, какъ говоритъ самъ псалмолюбецъ. Прочіе же римскіе полки страдали все болѣе и болѣе; они со всѣхъ сторонъ были поражаемы копьями съ желѣзными остріями, насквозь пронзаемы стрѣлами на близкомъ разстояніи и, при паденіи, сами давили другъ друга. Если нѣкоторые и прошли невредимо это ущелье и разогнали стоявшихъ тутъ Персовъ, — за то на дальнѣйшемъ пути, вступивъ въ слѣдующій оврагъ, они погибли отъ находившихся здѣсь враговъ. Этотъ проходъ перерѣзанъ семью смежными ущельями, которыя всѣ похожи на рвы, и то немного расширяется, то опять суживается. И всѣ эти ущелья тщательно охраняемы были приставленными къ нимъ Турками. Да и остальное пространство не было свободно отъ враговъ, но все было наполнено ими. Тутъ же случилось, что во время сраженія подулъ вѣтеръ, и, поднявъ съ здѣшней песчаной почвы множество песка, съ яростію бросалъ его на сражающихся. Устремляясь другъ противъ друга, войска сражались какъ бы въ ночной битвѣ и въ совершенной темнотѣ, и наряду съ врагами убивали и друзей. Нельзя было различить единоплеменника отъ иноплеменника. И какъ Персы, такъ и Римляне, въ этой свалкѣ обнажали мечи и противъ единокровныхъ, и убивали, какъ врага, всякаго встрѣчнаго, такъ что ущелья сдѣлались одною могилою, смѣшаннымъ кладбищемъ, и общею послѣднею

обителю и Римлянъ, и варваровъ, и лошадей, и быковъ, и ословъ, носящихъ тяжести. Римлянъ, впрочемъ, пало болѣе, чѣмъ враговъ; особенно много погибло царскихъ родственниковъ и притомъ знаменитѣйшихъ. Когда пыль улеглась, и мгла и тьма разсѣялась,—увидѣли людей (какое ужасное событіе и зрѣлище!), которые до пояса и шеи были завалены трупами, простирали съ мольбами руки, и жалобными тѣлодвиженіями и плачевными голосами звали проходящихъ на помощь, но не находили никого, кто бы помогъ имъ и спасъ ихъ. Всѣ, измѣряя ихъ страданіями свое собственное бѣдствіе, бѣжали, какъ въ опасности жизни, — поневолѣ были безжалостны и старались, сколько можно скорѣе, спасать себя.

Между тѣмъ царь Мануиль, подошедши подъ тѣнь грушеваго дерева, отдыхалъ отъ утомленія и собирался съ силами, не имѣя при себѣ ни щитоносца, ни копьеносца, ни тѣлохранителя. Его увидѣлъ одинъ воинъ изъ коннаго отряда и изъ незнатныхъ и простыхъ Римлянъ, и жалившись, добровольно, по своему усердію, подошелъ къ нему, предложилъ, какія могъ, услуги и надѣлъ ему, какъ слѣдуетъ, на голову шлемъ, склонившійся на сторону. Когда царь стоялъ, какъ мы сказали, подъ деревомъ, прибѣжалъ одинъ Персъ и потащилъ его за собою, взявъ за узду коня, такъ какъ не было никого, кто бы могъ ему препятствовать. Но царь, ударивъ его по головѣ осколкомъ копья, который оставался еще у него въ рукахъ, повергъ его на землю. Спустя не много на него нападаютъ другіе Персы, желая взять

его живымъ, но и ихъ царь легко обратилъ въ бѣгство. Взявъ у находившагося подлѣ него всадника коня, онъ пронзилъ имъ одного изъ нападающихъ такъ, что тотъ лишился жизни, а самъ всадникъ, обнаживъ мечъ, отрубилъ голову другому. Затѣмъ около царя собралось десять другихъ вооруженныхъ Римлянъ, и онъ удалился отсюда, желая соединиться съ полками, которые ушли впередъ. Но когда онъ прошелъ небольшое пространство, Турки опять стали заграждать ему дальнѣйшій путь, а неменѣе того мѣшали идти и трупы падшихъ, которые лежали подъ открытымъ небомъ горами и заграждали собою дорогу.

4. Съ трудомъ пробравшись, наконецъ, сквозь неудобопроходимыя мѣста, и переправившись черезъ протекающую вблизи рѣку, причемъ въ иныхъ мѣстахъ приходилось шагать и ѣхать по трупамъ, царь собралъ и еще отрядъ сбѣжавшихся при видѣ его Римлянъ. Въ это-то время онъ своими глазами видѣлъ, какъ мужъ его племянницы, Іоаннъ Кантакузинъ, одинъ бился со многими и мужественно нападалъ на нихъ, какъ онъ кругомъ осматривался, не придетъ ли кто ему на помощь, и какъ, спустя немного, онъ палъ и былъ ограбленъ, потому что никто не явился пособить ему. А убившіе его Персы, лишь только увидѣли проходящаго Самодержца, — такъ какъ онъ не могъ скрыться,—соединившись въ когорту, погнались за нимъ, какъ за богатою добычею, надѣясь тотчасъ же или взять его въ плѣнъ, или убить. Всѣ они сидѣли на арабскихъ коняхъ, и по виду были не изъ простыхъ людей; у нихъ было от-

личное оружіе, и ихъ лошади, кромѣ разной блестящей сбруи, имѣли на шеяхъ уборы, сплетенные изъ конскихъ волосъ, которые опускались довольно низко и были обвѣшаны звѣнящими колокольчиками. Царь, одушевивъ сердца окружавшихъ его, легко отразилъ нападеніе враговъ и затѣмъ продолжалъ по немногу подвигаться впередъ, то пролагая себѣ дорогу по закону войны, то проѣзжая и безъ пролитія крови мимо Персовъ, которые непрерывно появлялись одни за другими, и все старались схватить его. Наконецъ онъ прибылъ къ полкамъ, которые прошли впередъ и были приняты съ величайшею радостію и удовольствіемъ, такъ какъ они болѣе беспокоились о томъ, что не является онъ, чѣмъ печалились о себѣ. Но прежде, чѣмъ онъ соединился съ ними, и когда былъ еще тамъ, гдѣ, какъ я сказалъ, протекаетъ рѣка, онъ почувствовалъ жажду, и приказалъ одному изъ бывшихъ при немъ, взявъ сосудъ, почерпнуть воды и принести пить. Хлебнувъ воды столько, что едва смочилъ небо во рту, онъ остальное вылилъ, потому что горланъ неохотно принимала ее. Разсмотрѣвъ эту воду и замѣтивъ, что она смѣшана съ кровью, царь заплакалъ и сказалъ, что, по несчастію, отвѣдалъ христіанской крови. При этомъ одинъ изъ бывшихъ тутъ, человѣкъ, очевидно, дерзкій и наглый, превосходившій своею жестокостію самое тогдашнее время, безстыдно замѣтилъ: «ну, нѣтъ, царь, это не правда. Не теперь только и не въ первый разъ, но давно, и часто, и до опьяненія, и безъ примѣси ты пьешь чашу съ христіанскою

кровію, обирая и ощиная подданныхъ, какъ обираютъ поле или ощинаяютъ виноградную лозу». Царь снесъ хулу и оскорбленіе этого человѣка такъ равнодушно, какъ будто ничего не слышалъ, и какъ будто не былъ оскорбленъ. Увидѣвъ, что Персы разрываютъ мѣшки съ деньгами, и что золото и серебро, перечеканное въ монету, разсыпается по землѣ и расхищается, царь сталъ убѣждать бывшихъ съ нимъ Римлянъ напасть на варваровъ и взять себѣ деньги, на которые они имѣютъ больше права, чѣмъ Персы. Тогда тотъ же безумный пустомеля опять началъ безстыдно поносить царя за такое приказаніе. «Слѣдовало бы, говорилъ онъ, добровольно и раньше отдать эти деньги Римлянамъ, а отнюдь не теперь, когда пріобрѣтеніе ихъ трудно и сопряжено съ кровопролитіемъ. Если царь человѣкъ храбрый, какъ онъ хвалится, или, по крайней мѣрѣ, если онъ носитъ шаровары, то пусть самъ сразится съ грабителями Персами и, мужественно разбивъ ихъ, отыметъ награбленное золото и возвратитъ его Римлянамъ». Царь молчалъ и при этихъ словахъ, и не ворчалъ ни сквозь зубы, ни подъ носъ, перенося дерзость обидчика, какъ нѣкогда Давидъ сносилъ наглость Семея. Наконецъ прибылъ невредимымъ и Андроникъ Контостефанъ, командовавшій задними полками, и собралось нѣсколько другихъ человѣкъ, особенно сильныхъ у Мануила, которые также уцѣлѣли отъ ранъ.

Когда наступила ночь, и тьма, пресмница дня, прекратила битву, все печально сидѣли, склонивъ голову на ладонь руки и, представляя

настоящую опасность, не считали себя въ числѣ живыхъ. Особенно пугало Римлянъ то, что варвары, объѣзжая кругомъ лагерь, громко кричали своимъ единоплебникамъ, которые ради выгоды или вслѣдствіе перемѣны вѣры, давно уже перешли къ Римлянамъ,—убѣждая ихъ въ туже ночь выйти изъ лагерь, такъ какъ всѣ, находящіеся въ немъ, съ разсвѣтомъ непременно погибнутъ. Поэтому Римляне провели ночь собравшись въ дружескіе кружки, одноплебники съ одноплебниками, блѣднѣя отъ страха, подобно тому, какъ блѣднѣютъ листья деревъ въ то время, когда опадаютъ. 5. Самъ же державный задумалъ самое неблагородное дѣло; именно онъ замыслилъ тайно убѣждать и предать плѣну и смерти столько душъ. Высказавъ свой замыселъ бывшимъ съ нимъ, онъ привелъ въ ужасъ слушателей, и особенно Контостефана, какъ чело-вѣкъ, говорящій слова, приличныя только безумному и явно помѣшанному. И не только люди, собравшіеся на совѣщаніе о томъ, что должно дѣлать, были огорчены его словами, но и одинъ, неизвѣстный и простой воинъ, стоявшій внѣ палатки, какъ скоро услышалъ царскую мысль, возвысивъ голосъ и громко вздохнувъ, сказалъ: «увы, какая мысль пришла на умъ римскому царю.» Потомъ, съ горячностію обратившись къ нему, продолжалъ: «не ты ли толкнулъ насъ на этотъ пустынный и узкій путь и довелъ до гибели, или лучше истолокъ насъ, какъ бы въ какой ступѣ, въ этихъ сталкивающихся между собою скалахъ и горахъ, явно готовыхъ задавить насъ? Какое было намъ дѣло до этой долины плача и

истинно адекаго жерла, и для чего намъ было идти по этимъ неровнымъ и утесистымъ тропамъ? И въ чемъ особенномъ мы можемъ обвинять варваровъ, если они, занявъ эти тѣсныя, трудныя и извилистыя мѣста, поймали насъ въ сѣть? И какъ же ты теперь предаешь насъ врагамъ, какъ овецъ, назначенныхъ на закланіе? Смягченный или, лучше, уязвленный этими словами до глубины души, царь измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился идти тѣмъ путемъ, который указывали настоящія обстоятельства.

Но Тотъ, Кто нѣкогда оставилъ сѣмя Израилю, чтобы въ концѣ не уничтожилось Его наслѣдіе, подобно Содому и Гоморрѣ, Кто наказуетъ и опять исцѣляетъ, поражаетъ и даетъ жизнь, не дозволяетъ жезлу грѣшниковъ до конца тяготѣть надъ частию праведныхъ, — Тотъ и теперь умилился надъ святымъ народомъ и, невосхотѣвъ совершенно отвергнуть его, склонилъ сердце Султана къ необыкновенной и несродной ему милости, такъ что Султанъ, который прежде чтить доблесть царя, теперь былъ тронутъ и его несчастіемъ. Или лучше, Кто чрезъ Хусіа разрушилъ совѣтъ Ахитовела, и измѣнилъ мысли Авессалома такъ, что онъ послѣдовалъ гибельнымъ для него самого совѣтамъ, Тотъ и теперь отклонилъ государя Персовъ отъ надлежащаго образа дѣйствій. Склонившись на убѣжденія своихъ вельможъ, которые во время мира черпали у царя деньги обѣими руками, Султанъ, отправивъ посольство, предлагаетъ царю миръ, и опять, какъ прежде, просить о заключеніи договора. Онъ

предупреждаетъ царя, по необходимости старавшагося о примиреніи, — какъ бы по своей волѣ, между тѣмъ какъ побуждалъ его къ тому Сильнѣйшій. А такъ какъ Персамъ не были еще извѣстны намѣренія Султана, то они вмѣстѣ съ зарею поскакали къ римскому лагерю съ тѣмъ, чтобы окружить Римлянъ, и заразъ, подобно звѣрямъ, пожрать ихъ, какъ лакомую пищу, или расхитить, какъ покинутыя яйца и пустое гнѣздо. Окруживъ лагерь, они поражали стрѣлами находящихся въ немъ, скакали кругомъ и кричали по варварски. Царь приказываетъ Іоанну, сыну Исаака Ангела, съ бывшимъ у него легіономъ напасть на Персовъ: тотъ, по царскому приказанію, пытается прогнать Турковъ, но, не сдѣлавъ ничего славнаго, возвращается назадъ. Послѣ него Константинъ Мавродука выводитъ свое войско, составленное изъ восточныхъ легіоновъ; но и онъ, показавшись не надолго, возвратился въ лагерь. Между тѣмъ Султанъ посылаетъ къ царю Гавру, перваго и особенно почтеннаго между своими сатрапами. Тогда Турки, по его приказанію, прекратили свое нападеніе на лагерь, а Римляне перестали по тихоньку уходить изъ него. Представляясь царю, Гавра воздалъ ему, по варварскому обычаю, глубокую честь и поклоненіе, и въ тоже время представилъ въ даръ нисейскаго (') серебро-

(') Нисейскія лошади славились въ древности огромнымъ ростомъ и отличными качествами, и обыкновенно употреблялись царями. По замѣчанію Геродота, онѣ получили свое названіе отъ нисейской равнины, на которой паслись, — въ предѣлахъ Мидіи, Hofman Lex. univers. t. 3 p. 331.

уздаго коня изъ разряда тѣхъ, которыхъ откармливаютъ для торжественныхъ церемоній, и длинный обоюдоострый мечъ. Затѣмъ началъ рѣчь о заключеніи мира, смягчивъ напередъ льстивыми словами скорбь царя, видимо опечаленнаго понесеннымъ пораженіемъ, и облегчивъ жестокость страданія, какъ бы какими заклинаніями, — словами, которыя прошепталь ему на ухо. Увидѣвъ, что на царѣ поверхъ панцыря была одежда золотистаго цвѣта, онъ сказалъ: этотъ цвѣтъ, царь, служить не добрымъ знакомъ, а во время войны онъ даже много противодѣйствуетъ счастью. Царь, слегка и насильно засмѣявшись при этихъ словахъ, снялъ надпанцырную одежду, вышитую пурпуромъ и золотомъ и отдалъ ее Гаврѣ. Принявъ мечъ и коня, онъ повелѣлъ написать условія мира, и приложилъ къ нимъ руку. Въ договорѣ, между прочими условіями, которыя время не дозволило тщательно обслѣдовать, находилось и то, чтобы крѣпости Дорилей и Сувлей были разрушены.

Удостоверясь такимъ образомъ, что варваръ искренно говорилъ о мирѣ, и что онъ не замышляетъ по злобѣ обмана, царь рѣшился идти домой другимъ путемъ, а не тѣмъ, которымъ шелъ прежде, чтобы не видѣть павшихъ. Но путеводители по этому-то самому особенно и старались вести его прежнимъ путемъ, чтобы онъ своими глазами увидѣлъ тамъ печальную картину. Ибо истинно достойно было слезъ представлявшееся здѣсь зрѣлище или, справедливѣе сказать, великость зла превосходила всякій плачъ. Глубокія лощины отъ

множества павшихъ сдѣлались равнинами, долины поднимались холмами и рощи были покрыты трупами. У всѣхъ, которые лежали здѣсь, содрана была съ головы кожа, а у многихъ отрѣзаны и дѣтородные уды. Персы сдѣлали это, говорятъ, для того, чтобы необрѣзанный не отличался отъ обрѣзаннаго, и чтобы такимъ образомъ побѣда не была сомнительною и спорною, такъ какъ изъ обоихъ войскъ пали многіе. Оттого никто не прошелъ здѣсь безъ слезъ и стenanій, но всѣ громко рыдали, называя по именамъ погибшихъ друзей и товарищей.

Здѣсь я могу кстати замѣтить, что намъ людямъ трудно предохранить себя отъ будущаго, и что не легко человѣку избѣжать угрожающаго бѣдствія, если само Божество, умиловивленное неотступными мольбами, не устранить отъ него золь, или не измѣнить и не ослабить ихъ, по своему человѣколюбію. Когда царь рѣшился выступить въ походъ противъ Персовъ, ему снилось, что онъ, взошедши на адмиральскій корабль, со многими приближенными, плылъ по Пропонтидѣ, но что вдругъ горы Азіи и Европы опрокинулись, такъ что корабль разрушился и всѣ, бывшіе на немъ, погибли, самъ же онъ едва спасся, приплывъ на рукахъ къ берегу. А въ тотъ день, когда онъ вступалъ въ опасный проходъ, одинъ человѣкъ, владѣвшій двумя языками, родомъ Римлянинъ, по прозванію Мавропулъ, пришелъ къ нему и объявилъ, что онъ видѣлъ во снѣ, будто вошелъ въ храмъ, называемый Кировымъ, и, молясь иконѣ Богоматери, услышалъ исходящій отъ

нея голосъ, который говорилъ: теперь царь въ величайшей опасности; кто пойдетъ къ нему на помощь? Чей-то невидимый голосъ сказалъ: пусть пойдетъ Георгій; но Богоматерь отвѣчала: онъ не скоро рѣшится идти. Тогда опять тотъ же голосъ произнесъ: пусть идетъ Феодоръ; но Богоматерь отказалась и отъ него и наконецъ съ великою скорбію сказала, что никто не предохранить царя отъ угрожающаго ему бѣдствія. Такъ это было.

6. Когда же Римляне прошли тѣнины, Персы, появившись сзади, снова стали нападать на нихъ. Персомъ овладѣло, говорятъ, раскаяніе, что упустилъ бывшую въ рукахъ добычу, и потому онъ дозволилъ своимъ преслѣдовать Римлянъ и дѣлать съ ними все, что можно было дѣлать и до заключенія мира. Впрочемъ Турки преслѣдовали Римлянъ не всею массою, какъ было тогда, когда Римляне проходили трудныя мѣста, но отдѣльными отрядами. Ибо очень многіе и лучшіе изъ нихъ, обремененные добычею, отправились домой. Но и тѣ, которые преслѣдовали, убили многихъ, особенно же раненыхъ и неспособныхъ къ войнѣ, хотя царь и назначилъ въ аріергардъ воинственныхъ и храбрыхъ вождей. Прибывъ въ Хоны, Римляне съ радостію здѣсь остановились, въ надеждѣ, что уже неувидятъ болѣе враговъ. А царь позаботился и о томъ, чтобы дать каждому больному по серебряному статіру на излеченіе болѣзни. Отправившись отсюда въ Филадельфію, онъ провелъ здѣсь нѣсколько дней, для поправленія здоровья, разстроеннаго военными трудами и ра-

нами, и, пославъ напередъ вѣстниковъ, извѣстилъ Константинопольцевъ о всемъ случившемся. То говорилъ онъ, что съ нимъ случилось тоже, что и съ Романомъ Діогеномъ, — такъ какъ и этотъ царь, вступивъ въ войну съ Турками, потерялъ много войска и самъ былъ взятъ и отведенъ въ плѣнь, то превозносилъ договоръ съ султаномъ и хвалился тѣмъ, что, несмотря на свою неудачу, успѣлъ заключить его, такъ какъ его войско безстрашно смотрѣло въ лице враговъ и наводило на нихъ страхъ и трепетъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, проходя мимо Сувлея, онъ разрушилъ его по волѣ Султана, а Дорилей оставилъ совершенно цѣлымъ. Поэтому султанъ, отправивъ посольство, напоминалъ ему объ условіяхъ мира, и говорилъ, что удивляется, почему доселѣ неразрушенъ Дорилей. Но царь отвѣчалъ, что онъ мало обращаетъ вниманія на сдѣланное по необходимости, и рѣшительно не хотѣлъ и слышать о разрушеніи Дорилея. Онъ явно одобрилъ только слѣдующія слова изъ изреченія Пиюи, сказаннаго Эпикидиду: «клянись, потому что смерть ожидаетъ и человѣка, соблюдающаго клятвы»; но не обратилъ вниманія на слова дальнѣйшія, которыя говорятъ вотъ что: «но у клятвы есть безымянное дитя; нѣтъ у него ни рукъ, ни ногъ, но оно быстро и неумолимо преслѣдуетъ, доколѣ не погубитъ всего рода и всего дома. Родъ же человѣка, соблюдающаго клятвы, благоденствуетъ поелѣ него еще болѣе». Тогда Персъ, отдѣливъ лучшую часть изъ всего своего войска, числомъ въ двадцать четыре тысячи человѣкъ, и поставивъ

надъ ней начальникомъ Атапака, послалъ его опустошать города и села до самаго моря, съ тѣмъ, чтобы онъ никому не давалъ никакой пощады и принесъ ему морской воды, весло и песокъ. Тотъ, исполняя данное ему повелѣніе, внезапно и неожиданно началъ на Меандрскіе города и ужасно опустошилъ ихъ. Кромѣ того онъ взялъ на капицулюцію городъ Траллы и Фригійскую Антіохію, а Лумы, Пентахиръ и нѣкоторыя другія крѣпости взялъ съ бою и ограбилъ. Затѣмъ, идя далѣе, опустошилъ и приморскія страны.

7. Царь, услышавъ объ этомъ, употребилъ много и другихъ средствъ къ обузданію Персовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вышелъ изъ палатки безъ трубъ и роговъ. «Теперь, говоритъ онъ, нужны не эти вещи, а луки и копья, чтобы изъ римскихъ областей выгнать ненавидящихъ насъ, которые, — говоря съ Давидомъ, — возшумѣли и воздвигли главы». Самъ онъ, впрочемъ, не заблаговременно иди противъ враговъ, но послалъ племянника Іоанна Ватацу, человѣка отважнаго и вмѣстѣ осторожнаго, и Константина Дуку, юношу, у котораго недавно начала расти борода, но который, подобно плодовитому растенію, обѣщалъ до срока принести хорошіе плоды, — да еще Михаила Аспіэта. Царь много убѣждалъ ихъ дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ благоразумно и какъ должно, но больше всего, — отнюдь не нападать на варваровъ, точно не узнавъ напередъ объ ихъ численности и не увѣрившись, что, въ случаѣ битвы, будутъ побѣдителями. Между тѣмъ Персы, положивъ море предѣломъ своего похода, съ

огромною добычею возвращались назадъ и опустошали на пути то, чего не тронули прежде. А Ватаца и бывшіе при немъ вожди со всеѣми силами, какія далъ имъ царь и какія они собрали на пути, пошли прямо къ небольшимъ городамъ Гіэлію и Лиммохиру, гдѣ нѣкогда черезъ рѣку Меандръ проходилъ мостъ. Когда соглядатаи, которыхъ Ватаца поставилъ на всехъ рѣшительно дорогахъ, дали ему знать, что Турки идутъ назадъ и находятся не вдалекѣ, онъ, раздѣливъ войско на двѣ части, большую часть посадилъ въ засады около дорогъ, по которымъ должны были проходить враги, а остальной приказалъ, разсѣявшись по другому берегу рѣки около стараго моста, ожидать, когда будетъ переправляться какая либо часть Турковъ съ плѣнниками, и тогда безъ всякой робости и со всею смѣлостію напасть на нее. Такъ онъ распорядился своимъ войскомъ, считая такое распоряженіе самымъ лучшимъ. Турки начали переправляться. Но такъ какъ, поражаемые сверху стрѣлами, они безпорядочною толпою тѣснились въ рѣку и утопали, то Атапакъ, поставивъ въ густой боевой строй бывшихъ при немъ, отлично вооруженныхъ воиновъ, мужественно вступить въ битву съ Римлянами. Онъ хотѣлъ такимъ образомъ и нанести уронъ врагамъ, и дать единоплеменникамъ время спокойно переправиться черезъ рѣку для того, чтобы, при стараніи cadaго опередить другаго, переходъ не замедлялся, и чтобы сбившіеся съ брода не подвергались ужасной гибели. Довольно долго онъ отважно сражался и совершалъ подвиги, свидѣтель-

ствовавшіе о мужествѣ его сердца и твердости руки. Но, узнавъ, что Римляне стоятъ и на другомъ берегу рѣки и умерщвляютъ всякаго переходящаго персидскаго воина, онъ теряетъ бодрость духа и, утративъ прежнюю отвагу, начинаетъ думать о своемъ спасеніи, оставляетъ избранный прежде путь и идетъ вверхъ по рѣкѣ, отыскивая другой переправы. А какъ на рѣкѣ нигдѣ не было мѣста, удобнаго для перехода, то онъ, опасаясь преслѣдованія, положилъ на воду щитъ и употребилъ его вмѣсто лодки, мужественно противуставъ суровости судьбы. Лѣвою рукою онъ придерживалъ коня, плившаго около него, а въ правой держалъ обнаженный мечъ, обративъ его на этотъ случай въ руль, и такимъ образомъ подвигаясь по немногу впередъ, переплывалъ глубину рѣки. Но все же наконецъ онъ не избѣжалъ смерти. Когда онъ былъ уже на другомъ берегу и, взоидя на холмъ, громко и съ величайшимъ хвастовствомъ провозглашалъ, кто онъ, чтобы собрать около себя и другихъ Турковъ, — его убилъ обоюдоострымъ мечемъ не кто либо изъ знатныхъ и знавшихъ его Римлянъ, а одинъ наемный Аланъ, прибѣжавшій къ тому мѣсту, гдѣ онъ рассчитывалъ прекратить свою необыкновенную греблю. Послѣ этого все Персы предались безпорядочному бѣгству, и многихъ изъ нихъ принялъ въ себя Меандръ, такъ что изъ столькихъ тысячъ спаслись очень немногіе. Это событіе какъ нельзя болѣе поправило дѣла Римлянъ, и унизило гордость Персовъ, такъ какъ они съ торжествомъ шли на Римлянъ, полагая, что Рим-

ляне не выдержать ихъ нападенія и надѣясь опустошить и разрушить чуть не всю Фригію, по которой проходитъ излучистый Меандръ до своего впаденія въ море. Въ этомъ сраженіи палъ Аспіэть слѣдующимъ образомъ. Одинъ Персъ, вступившій съ нимъ въ бой, не имѣя возможности поразить его самого,—такъ какъ у него былъ крѣпкій панцырь и щитъ, простиравшійся до ногъ,—стремительно бросился на коня, на которомъ сидѣлъ Аспіэть. Получивъ жестокой ударъ въ голову, конь отпрянулъ назадъ, и, ставъ на дыбы, опрокинулъ всадника въ рѣку.

8. Предположивъ послѣ этого удачнаго дѣла совершить и другое, царь дважды выступалъ противъ Персовъ, кочевавшихъ около Лакерія и Панасія. Сначала онъ разогналъ Панасійскихъ Персовъ, а потомъ напалъ на Лакерійскихъ. Но прежде чѣмъ вступилъ въ мѣста, на которыхъ кочевали враги, онъ послалъ къ нимъ Лаодикійца Катиды для того, чтобы тотъ осмотрѣлъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла Турковъ, и немедленно извѣстилъ его о томъ, что увидитъ. Катиды, желая устрашить Персовъ именемъ царя, объявилъ имъ о его присутствіи въ войскѣ и чрезъ то разогналъ Персовъ, на которыхъ царь шелъ, какъ на готовую и весьма легкую добычу. Разсердившись и сильно разгнѣвавшись, царь въ наказаніе обрѣзалъ у него носъ; а самъ нисколько не медля и со всею поспѣшностію погналъ впередъ, но и при этомъ не настигъ враговъ. Былъ и еще случай, когда онъ напалъ на Турковъ, выславъ противъ нихъ Андроника Ангела, хотя и въ этотъ

разъ война у него кончилась не со всею удачно. Ввѣривъ этому человѣку лучшую часть восточныхъ легіоновъ и давъ ему въ товарищи Мануила Контакузина, человѣка искуснаго въ дѣлахъ и храбраго и другихъ знатныхъ Римлянъ, царь послалъ его противъ Турковъ, обитающихъ въ Хараксѣ. Этотъ Хараксъ лежитъ между Ламною и Граосгалою. Андроникъ, принявъ войска, сначала вступилъ въ Граосгалу, а потомъ, оставивъ здѣсь выюнныхъ животныхъ и весь прочій обозъ, пошелъ къ Хараксу съ легковооруженнымъ войскомъ. Но не сдѣлавъ ничего славнаго и достойнаго того множества войска, которое тогда было при немъ, а ограничивъ свои подвиги угономъ скота и взятіемъ въ плѣнъ немногихъ турецкихъ пастуховъ, онъ въ великомъ страхѣ возвратился назадъ. Когда варвары ночью появились назади и начали кричать, онъ не подумалъ развѣдать, какъ многочисленны нападающіе, и не поставилъ своихъ воиновъ въ боевой порядокъ, а пустилъ во всю прыть своего быстрого коня и, побуждая его и руками, и ногами, и голосомъ—нестись скорѣе, направилъ путь не въ лагерь, но прямо въ городъ Хоны. Увидѣвъ же, что конь можетъ бѣжать и далѣе, не остановился и здѣсь, но со всею поспѣшностію понесся въ Фригійскую Лаодицію. Тогда войско, испуганное внезапнымъ исчезновеніемъ вожда, оставило строй и обратилось въ безпорядочное бѣгство, бросивъ животныхъ и плѣнниковъ. Быть можетъ даже Римляне схватились бы и стали бы сражаться другъ съ другомъ, такъ какъ была еще ночь, если бы Мануиль Контакузинъ, высту-

пивъ противъ нихъ и обнаживъ мечъ, не началъ бить бѣглецовъ плоскою его стороною, говоря: «стойте; куда вы несетесь, когда васъ никто не преслѣдуетъ». Такимъ образомъ онъ мало по малу остановилъ это безмысленное отступленіе и стремительное бѣгство по горамъ и доламъ и холмамъ. Царь, тяжело прогнѣвавшись на Андроника за это безславное бѣгство, чуть было не приказалъ съ позоромъ провести его по улицамъ города въ женской одеждѣ; но, изъ любви къ своимъ и по всегдашней снисходительности къ роднымъ, оставилъ свой гнѣвъ, тѣмъ болѣе, что въ эту войну, какъ онъ узналъ, пало весьма немного Римлянъ. Вообще въ этотъ походъ не было сдѣлано ничего хорошаго: выступленіе противъ варваровъ было поспѣшное, а возвращеніе назадъ еще скорѣе. Въ это время одинъ Персъ, занявъ высокое мѣсто и засѣвъ въ немъ, убивалъ много проходящихъ Римлянъ. Всѣ пускаемая имъ стрѣлы были смертельны и низводили въ преисподнюю; онъ проходили сквозь щитъ и панцырь, и были страшнымъ зломъ. Многіе, слывшіе за людей доблестныхъ, выступали противъ него и, подойдя на весьма близкое разстояніе, съ большою отвагою бросали въ него стрѣлы и направляли коня. Но онъ, ловко мѣняя мѣсто, точно въ военной пляскѣ, избѣгалъ всѣхъ, направляемыхъ на него ударовъ, и, увернувшись, убивалъ нападающихъ. Наконецъ соскочилъ съ коня Мануилъ Кеиръ и, выставивъ напередъ щитъ, съ мечемъ въ рукахъ напалъ на Перса; принявъ на щитъ всѣ стрѣлы, онъ нанесъ ему рѣшительный ударъ въ голову и умертвилъ его.

Персъ просилъ Кеира не убивать его, но тотъ былъ до того далекъ отъ мысли о пощадѣ и, не смотря на его просьбу, такъ непреклоненъ, твердъ и неумолимъ, что за первымъ ударомъ нанесъ ему и второй. Да напрасно онъ и умолялъ о человѣколюбіи тѣхъ, которымъ самъ причинилъ столько гибельнаго зла.

Тутъ былъ и мой родственникъ, принадлежащій къ клиру города Хонъ, саномъ діаконъ, человѣкъ весьма отважный и мужественный. Отправившись вмѣстѣ съ войскомъ въ Хараксъ въ костюмѣ воина и захвативъ здѣсь, что попало подъ руку въ турецкихъ палаткахъ, онъ и въ самое опасное время не бросилъ награбленной добычи, — а добычу составляли персидскія платья, которыя были у него въ сумѣ, и овца съ густою шерстью, — но вмѣстѣ съ нею шелъ потихоньку, обращая на себя взоры всѣхъ. Одни хвалили его, какъ человѣка неустрашимого въ трудныхъ обстоятельствахъ, и признавали рѣшительно первымъ изъ всѣхъ, кто только сражался въ то время, а другіе смѣялись надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ, подвергающимъ опасности жизнь свою изъ-за какой-нибудь овцы. Но онъ, не смотря и на это, шелъ себѣ, какъ могъ, своею дорогою, осыпая бѣглецовъ бранью за то, что они постыдно бѣжали, тогда какъ ихъ никто не преслѣдовалъ.

Черезъ нѣсколько времени Турки обложили городъ, называемый по имени кесаря Клавдія, и сначала отняли у Римлянъ, которымъ ввѣрено было его охраненіе, всякую возможность къ отступленію, а потомъ приступили и къ осадѣ. Жи-

тели города грозили сдать и самих себя и городъ, если не получатъ помощи со стороны, такъ какъ они не въ состояніи были долго выдерживать голодъ и рѣшительно не имѣли возможности отразить враговъ. Мануиль, получивъ извѣстіе о бѣдственномъ ихъ положеніи, нисколько не медля, на другой же день со всевозможной поспѣшностію двинулся къ Клавдіополю чрезъ Никоидію. Онъ не повезъ съ собою ни царской палатки, ни кровати, ни постели, никакихъ-либо другихъ вещей, служащихъ для царской роскоши, а взялъ только то, что можно везти верхомъ на конѣ, и доспѣхи, сдѣланные изъ желѣзныхъ бляхъ. Поэтому онъ дѣлалъ длинные переходы и такъ сильно желалъ поспѣть прежде, чѣмъ жители города потерпятъ какое-либо зло отъ осаждающихъ, что даже и не изобразить словами. Онъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна, и, проходя Вионнію, пользовался въ своихъ переходахъ искусственнымъ свѣтомъ, — такъ какъ эта страна повсюду усѣяна ущельями и во многихъ мѣстахъ непроходима, по причинѣ густыхъ лѣсовъ. Если же гдѣ по нуждѣ онъ и долженъ былъ останавливаться; въ такомъ случаѣ вмѣсто кресла ему служила земля, а постелью была разостланная солома или подложенное сѣно. И когда, бывало, пойдетъ дождь во время стоянки на болотистой долині, на него и сверху лили дождевыя капли, и снизу подъ постель текли ручьи воды и прерывали его сонъ. И въ этихъ-то случаяхъ къ нему питали больше уваженія и любви, чѣмъ когда онъ украшался діадимомъ, надѣвалъ порфиру и садился на коня въ

золотой сбруѣ. Когда онъ приблизился къ тому мѣсту, куда шель, такъ что его могли видѣть варвары, расположившіеся около Клавдіополя лагерьмъ, они тотчасъ же обратились въ бѣгство, узнавъ о его появленіи по знаменамъ полковъ и по блеску оружія, а онъ ихъ преслѣдовалъ на весьма дальнее разстояніе, пока было возможно продолжать битву. Его приходъ такъ обрадовалъ Римлянъ, которые находились въ этомъ городѣ и уже начали было приходить въ отчаяніе отъ турецкихъ замысловъ, какъ не радуется ни путный вѣтеръ мореплавателей, утомившихся и проливавшихъ много поту надъ веслами, ни пріятнѣйшая весна послѣ зимней скуки, и ничто другое, что составляетъ переходъ къ лучшему послѣ печальнаго начала.

ЦАРСТВОВАНИЕ МАНУИЛА РОМНИНА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Теперь надобно рассказать и о слѣдующихъ событіяхъ. Этотъ царь не имѣлъ возможности идти войною противъ народовъ, которые живутъ около Іонійскаго залива, а напротивъ самъ постоянно боялся ихъ нашествія на Римлянъ, и считалъ его страшнымъ и опаснымъ, такъ какъ зналъ, что Римскія войска не въ силахъ устоять противъ войскъ западныхъ, и тоже въ сравненіи съ ними, что горшки въ сравненіи съ котлами. Ему казалось очень возможнымъ, что всѣ западные народы составятъ союзъ противъ Римлянъ, сговорятся между собою и войдутъ въ одно общее противъ нихъ соглашеніе, а потому онъ всячески старался заблаговременно обезопасить себя. Онъ говаривалъ, что восточныхъ варваровъ онъ можетъ деньгами склонить къ миру и силою оружія принудить не выступать изъ своихъ границъ, но что многочисленныхъ народовъ западныхъ онъ очень боится. Это, говорилъ онъ, люди высокомѣрные, неукротимые и вѣчно кровожадные; они не только обладаютъ огромнымъ богатствомъ и всѣ выходятъ на войну съ желѣзнымъ оружіемъ,

но и питаютъ непримиримую непріязнь къ Римлянамъ, всегда враждебны къ нимъ, смотрятъ на нихъ косо, и сильно противъ нихъ вооружаются. Поэтому жителей Венеціи, Генуи, Пизы и Анконы, а равно и всѣ другіе народы, разсѣянные около моря, онъ располагалъ къ дружбѣ съ Римлянами, заключалъ съ ними клятвенные договоры, старался привлечь ихъ къ себѣ всевозможными знаками дружелюбія и съ предупредительностію давалъ имъ приютъ въ царственномъ городѣ. А чтобы кто нибудь изъ такъ называемыхъ у нихъ королей не усилился и потомъ не напалъ на Римлянъ, онъ тотъ народъ, которому угрожала опасность подпасть подъ владычество государя болѣе сильнаго, поддерживалъ денежными подарками, приучалъ къ войнѣ и возбуждалъ къ сопротивленію. Такъ онъ часто вооружалъ Итальянцевъ противъ алеманскаго короля Фридерика. Этотъ послѣдній считалъ весьма важнымъ для себя, чтобы они подчинились ему и ввѣрили ему управленіе своими дѣлами, а Мануиль чрезъ пословъ поддерживалъ ихъ, совѣтовалъ противиться и убѣждалъ остерегаться коварныхъ замысловъ короля. Точно также онъ помѣшалъ королю, не смотря на многократныя его покушенія, войти въ старый Римъ и здѣсь короноваться. «Не давай славы своей другому, писалъ онъ папѣ, и не предлагай отеческихъ предѣловъ, чтобы впослѣдствіи не испытать на дѣлѣ, что значитъ непредусмотрительность и, за пренебреженіе необходимыхъ мѣръ предосторожности, не терзаться раскаяніемъ тогда, когда зло сдѣлается совершенно не

исцѣльнымъ». Велѣдствіе этого славный Римъ былъ запертъ для него, какъ для человѣка безоружнаго, тогда какъ онъ гордился десятками тысячъ своихъ солдатъ. Было также время, когда стѣны Медіолана были разрушены Алеманами; но жители этого города перехитрили своихъ побѣдителей, которые вынудили было у нихъ клятвенное обѣщаніе никогда не возстановлять стѣнъ: сначала они жили, окруживъ себя глубокимъ рвомъ, ссылаясь на то, что этимъ они вовсе не нарушаютъ клятвы, а потомъ возбновили и стѣну въ прежнемъ видѣ, при содѣйствіи того же царя. Кромѣ того онъ и маркиза монферратскаго, извѣстнаго по своему высокому происхожденію и счастію въ дѣлахъ, и имѣвшаго большую силу, склонилъ къ дружбѣ съ Римлянами, частию посредствомъ богатыхъ даровъ, а частию посредствомъ брака его младшаго сына съ своею дочерью Марією, какъ объ этомъ мы сказали не много прежде,—и чрезъ то еще болѣе противодѣйствовалъ замысламъ государя Алемановъ. Тотъ, выславъ съ огромными силами своего, какъ говорится по латыни, Канцелярія, или, какъ говорятъ Греки, Логовѣта, именно епископа майнцаго, началъ было подчинять подъ свою власть итальянскіе города, отторгая ихъ отъ папы, и съ безграничною самоувѣренностію присвоивъ себѣ. Но царь умѣлъ увлечь маркиза обѣщаніемъ денегъ и убѣдилъ его выслать противъ майнцаго епископа своего сына Конрада, человѣка весьма виднаго и красиваго собою, который отличался необыкновеннымъ мужествомъ и умомъ и былъ въ

самомъ цвѣтѣ тѣлесныхъ силъ. Въ происшедшемъ между ними сраженіи Конрадъ разбилъ Алеманновъ, обративъ ихъ въ бѣгство при помощи своей кавалеріи, и взялъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и майнцаго епископа. Послѣдній, быть можетъ, былъ бы даже отосланъ въ Византію, еслибы царь въ то время не скончался. Вообще между итальянскими и даже болѣе отдаленными городами небыло ни одного, въ которомъ бы этотъ царь не имѣлъ своего приверженца и вполне преданнаго ему человѣка. Поэтому онъ слышалъ и зналъ все, что только задумывали и затѣвали тамошніе недоброжелатели Римлянъ самымъ секретнымъ образомъ, въ уединеніи своихъ кабинетовъ. Разъ какъ-то прибыли въ Анкону нѣсколько человѣкъ, присланные отъ царя по какимъ-то дѣламъ. Они успѣшно достигли своей цѣли и приводили къ концу данное имъ порученіе, было ли то привлеченіе къ дружбѣ съ царемъ такъ называемыхъ Лизіевъ⁽¹⁾, или что другое, выгодное для Римлянъ. Алеманскій король по этому поводу исполнился гнѣва, и послалъ разрушить Анкону, отомстить здѣшнимъ жителямъ и наказъ ихъ за то, что они заключаютъ договоры съ Римлянами и принимаютъ въ свой городъ пословъ, которые, очевидно, дѣйствуютъ во вредъ ему и отвращаютъ здѣшніе города отъ расположенности и вѣрности въ отношеніи къ нему. Посланное королемъ войско напало на Анконцевъ, какъ на враговъ, и, окруживъ

(1) Этимъ именемъ называются ленники, вассалы.

городъ, требовало выдачи римскихъ пословъ. Но Анконцы такъ равнодушно слушали угрозы, такъ мало испугались раскинутого предъ ними вражескаго лагеря, такъ безстрашно смотрѣли на окружавшія ихъ полчища, что не только не выдали тѣхъ, кого настоятельно требовали Алеманны, но и съ пренебреженіемъ отвергли ихъ требованіе и мужественно мереносили постигшую ихъ опасность. Такъ какъ осада продолжалась довольно долго, и враги оставались на мѣстѣ, то они начали употреблять въ пищу то, что обыкновенно въ пищу не употребляется, и что не естественно ѣсть человѣку, привыкшему питаться хлѣбомъ. Царскіе послы, собравъ народъ, спрашивали, нельзя ли достать вспомогательнаго войска. Когда жители отвѣчали, что можно, но что сами они небогаты деньгами, послы, призвавъ въ свидѣтели Бога, увѣряли, что царь заплатитъ за всѣ военныя издержки, убѣждали ихъ не медлить и предсказывали, что въ противномъ случаѣ они испытаютъ со стороны враговъ, окружавшихъ городъ, самыя тяжелыя бѣдствія, такъ какъ дѣти и жены ихъ будутъ уведены въ плѣнъ, а деньги и вещи расхищены. Вслѣдствіе этого Анконцы призываютъ къ себѣ одного графа, по имени Вильгельма, и одну благородную женщину, которая не задолго предъ тѣмъ лишилась мужа, и получила въ наслѣдство родовое его имущество и власть. Предложивъ имъ богатую плату, они безъ всякаго труда, при ихъ помощи, отразили враговъ, спасли свою свободу и поэтому случаются радовались такъ, какъ будтобы извлекли свой

городъ изъ глубины морской. Царь, обрадованный этимъ событіемъ, какъ и слѣдовало ожидать, наградила Анконцевъ за все, совершенное ими, похвалами, присвоилъ имъ права гражданскія наравнѣ съ природными Римлянами, и обѣщалъ имъ все, что только онъ могъ безукоризненно дать, и чего они были въ правѣ просить. А кромѣ того онъ послалъ имъ и гораздо больше золота, чѣмъ сколько они издержали. Такъ окончились Анконскія дѣла. Анконцы, какъ видно, народъ по природѣ вѣрный и не мѣняющій своихъ мыслей съ переменною обстоятельствомъ. Иначе, какъ объяснить, что они отвергли повелѣніе сосѣдняго и весьма достойнаго властителя, каковъ былъ король алеманскій, и предпочли ему римскаго царя, котораго видѣли какъ бы въ тѣни за многими землями и горами, если бы въ нихъ не было врожденнаго сознанія добра и такого стремленія къ нему, которое не страшится опасностей и при всѣхъ обстоятельствахъ всегда остается твердымъ и непоколебимымъ. Но, съ другой стороны, въ укоръ имъ можно сказать то, что они изъ корыстолюбія, по привычкѣ нищенствовать и протягивать руку за подаваніемъ, оставили того, кого вчера и третьяго дня признавали своимъ властителемъ, и послѣдовали за другимъ, кто польстилъ ихъ алчности и удовлетворилъ ихъ корыстолюбію и торгашескимъ расчетамъ.

2. Между тѣмъ какъ царь такъ велъ эти дѣла, Римляне осыпали его насмѣшками за то, что онъ, по самолюбію, питаетъ несбыточныя желанія, простираетъ взоры на края земли, дѣластъ

то, на что может отважиться только горячая, на все готовая, голова, далеко выходить изъ границъ, установленныхъ прежними царями, и безъ всякой пользы тратить деньги, которые собираетъ, изнуряя и истощая своихъ подданныхъ необыкновенными податями и поборами. Такія насмѣшки падали на него совершенно несправедливо, потому что его дѣйствія вовсе не были какою либо безразсудною затѣею. Онъ, какъ я сказалъ, опасался, чтобы латинскія племена, обладающія неодолимою силою, соединившись между собою, не затопили нашего государства, подобно потоку, который, изъ малаго сдѣлавшись великимъ, опустошаетъ нивы земледѣльцевъ. Онъ видѣлъ, что и малая искра бываетъ причиною огня, а иногда переходитъ и въ величайшее пламя и пожаръ, если ей попадетъ удобосгарасмое вещество; а потому, и при появленіи одного только подозрѣнія, принималъ мѣры къ устраниенію опасности въ самомъ ея началѣ, подражая лучшимъ земледѣльцамъ, которые вырываютъ негодныя, портящія ниву, растенія, пока они еще молоды, и истребляютъ только что разцвѣтающіе побѣги дико растущихъ деревьевъ. И это ясно доказали послѣдующія событія, когда онъ оставилъ здѣшнюю жизнь, и ладья царства, лишившись мудраго кормчаго, едва не потонула. Я и самъ не скрою, что онъ любилъ увеличивать подати; не умолчу, что начальственные должности у него отдавались откупщикамъ, что онъ любилъ вновь распаханную землю на поляхъ и самъ своимъ плугомъ прорѣзывалъ борозды, изъ которыхъ вы-

ходили у него колоса въ ростъ человѣка. Но собираемыя деньги не столько слагались въ казнохранилища или зарывались въ пѣдра земли, сколько были разсыпаны обѣими руками: ихъ щедро раздавали монастырямъ, церквамъ и недостаточнымъ Римлянамъ, большею же частію онъ переходилъ къ разнымъ племенамъ другихъ народовъ, а по преимуществу текли къ латинскимъ толпамъ. Стараясь прославиться щедростью, царь безъ всякой мѣры раздавалъ и расточалъ то, что собиралъ обѣими руками, назначая попечителями своихъ доходовъ людей чрезвычайно строгихъ. Важную статью въ расходѣ составляли и издержки на людей, соединенныхъ съ царемъ узами крови и близкихъ къ нему по другимъ отношеніямъ. Такъ, прежде всего, племянница царя Феодора, съ которою, какъ мы сказали, онъ былъ въ связяхъ, имѣла совершенно царскую свиту, хотя и не носила діадимы; женщина, по характеру, гордая, надменная и высокомерная, она не хотѣла и входить во дворецъ, если то не былъ дворецъ великолѣпный. И родившійся отъ ней царю сынъ, а потомъ и другія дѣти также переводили на себя цѣлыя моря денегъ. А какъ царь былъ человѣкъ добродушный и легко отдавался въ руки постельничимъ и евнухамъ, находившимся при женскихъ покояхъ, а равно и слугамъ изъ иноземныхъ народовъ, полуварваровъ, у которыхъ сначала является слона, а потомъ ужъ слова, то и этихъ людей онъ дѣлалъ богачами, большею частію безъ труда склоняясь на ихъ желанія и безотказно исполняя ихъ просьбы. Нѣкоторые изъ

нихъ владѣли такимъ богатствомъ, что у нихъ были кучи денегъ и множество всякаго рода блестящихъ украшеній, все равно какъ у вельможъ самыхъ большихъ народовъ. И это были люди, не имѣвшіе никакого образованія, и произносившіе греческія слова точно такъ же, какъ горы и скалы повторяютъ послѣдній звукъ пастушескихъ пѣсень. Совершенно полагаясь на нихъ, какъ на своихъ вѣрнѣйшихъ и преданныхъ слугъ, царь не только поручалъ имъ важнѣйшія должности, но и ввѣрялъ судебныя изслѣдованія, къ которымъ не вдругъ бываютъ способны и опытные законовѣды. Если нужно было въ какихъ нибудь провинціяхъ произвести перепись,—а это бывало часто,—такого рода люди предпочитались людямъ почтеннымъ. Если же когда и присоединяли къ нимъ какого-нибудь благороднаго Римлянина, который обладалъ обширнымъ умомъ и благоразуміемъ, то его посылали только для того, чтобы онъ сдѣлалъ перепись и указалъ предметы, съ которыхъ должно было собирать подати, а варваръ былъ главнымъ распорядителемъ сбора и прикладывалъ свою печать къ мѣшкамъ, которые слѣдовало доставить царю. Но на дѣлѣ большею частию выходило со всѣмъ не то, чего ожидалъ царь, и его намѣренія не исполнялись. Подозрѣвая и удаляя отъ себя Римлянъ, какъ воровъ, онъ, самъ того не замѣчая, осчастливливалъ корыстолюбивыхъ варваровъ и благодѣтельствовалъ жалкимъ и презрѣннымъ людямъ, а въ туземцахъ, вмѣсто честности и вѣрности, полученныхъ отъ природы и воспитанія, возбуждалъ противополож-

ныя расположенія. Римляне понимали, что царь не довѣряетъ имъ, что они прикомандировываются къ иностранцамъ и посылаются въ провинціи подвое, скорѣе какъ слуги и споспѣшники при поборахъ, чѣмъ какъ люди, на вѣрность которыхъ вполне можно положиться, что во всякомъ случаѣ ихъ считаютъ только за пристяжныхъ въ колесницѣ правительства. Поэтому они дѣлали только то, что имъ было приказано, только жали, какъ колосья, деньги, вязали ихъ въ снопы, и сносили, какъ на токъ, къ варвару, который начальствовалъ надъ многими и одинъ считался стоящимъ весьма многихъ Римлянъ, а на все другое не обращали никакого вниманія. Нечего и говорить, что царю они доставляли самую малую часть сбора и какбы остатки послѣ другихъ, а большую часть присвоивали себѣ, потому что добрый и вѣрный рабъ у царя изъ муки, хотя бы то и золотой, сперва замѣшиваетъ хлѣбъ себѣ, а потомъ еще дѣлится и съ товарищемъ.

3. Дѣломъ этого царя была и та башня, которая стоитъ не вдалекѣ отъ берега среди моря, омывающаго сушу, извѣстную прежде подъ именемъ Дамалиса, а нынѣ называемую Арклою, — а равно и башня, построенная на берегу насупротивъ первой, близъ Манганскаго монастыря. Императоръ соорудилъ ихъ съ тою цѣлію, чтобы во время нападенія варварскихъ кораблей протягивать изъ каждой башни желѣзную цѣпь, и такимъ образомъ сдѣлать недоступными тѣ части города, которыя лежатъ около Акрополиса и вдаются внутрь залива до самаго влахернскаго дворца. О

любви этого царя къ изящному свидѣтельству ютъ огромные андроны съ колоннами, которые онъ устроилъ въ обоихъ дворцахъ: они горятъ золотою мозаикою и въ нихъ разноцвѣтными красками съ удивительнымъ искусствомъ изображены всѣ его подвиги противъ варваровъ, а равно и другія дѣянія, совершенныя имъ ко благу Римлянъ. Онъ же воздвигъ и отлично украсилъ большую часть и тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыя стоятъ по берегамъ Пропонтиды, и въ которыхъ римскіе цари ищутъ отдохновенія, проводя здѣсь лѣто, какъ древніе персидскіе властители въ Сузахъ и Экватанѣ. Когда время вызывало на трудъ, онъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выносилъ и труды, терпѣлъ холодъ, выдерживалъ зной, отказывалъ себѣ въ снѣ; а когда былъ свободенъ отъ войны, любилъ пожить въ свое удовольствіе и съ наслажденіемъ предавался отдыху. Если бы кто съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на него въ свободное время и увидѣлъ, какое наслажденіе доставляютъ ему вкусыя блюда, какъ онъ радъ послушать и игроковъ на лирѣ или цитрѣ, и стройное пѣніе, тотъ сказалъ бы, что онъ всю свою молодость провелъ въ однихъ этихъ удовольствіяхъ и что наслажденіе онъ считаетъ цѣлю жизни. А если бы, напротивъ, увидѣлъ, какъ онъ чуждается въ трудныя времена всякаго наслажденія и презираетъ житейскія удовольствія, то подивился бы его равнодушію къ тому и другому. Онъ предполагалъ возстановить на берегу моря храмъ св. Прины, который нѣкогда былъ построенъ знаменитымъ Маркіаномъ

и представлялъ собою зданіе, огромнѣйшее по величинѣ и превосходнѣйшее по красотѣ, въ послѣдствіи истребленное огнемъ. Нѣкоторыя части этого храма были уже выведены, начиная съ основанія, но потомъ работы были прекращены. Онъ устроилъ также священную обитель около устьевъ Понта, на мѣстѣ, называемомъ Катаскепою, во имя Архистратига Миканла. Собралъ сюда самыхъ знаменитыхъ и самыхъ лучшихъ того времени монаховъ, онъ позаботился устроить для нихъ жизнь совершенно уединенную. Зная, что владѣніе имуществомъ и соединенныя съ нимъ разныя хлопоты отнимаютъ у людей, избравшихъ для себя пустынную жизнь, много покоя и отклоняютъ ихъ отъ жизни для Бога, а между тѣмъ въ этомъ и состоитъ ихъ обѣтъ. — онъ не удѣлилъ имъ никакого имущества, не назначилъ монастырю ни полей, ни виноградниковъ, а положилъ производить монахамъ изъ царской казны столько жалованья, сколько нужно для полного ихъ содержанія. Это онъ сдѣлалъ, по моему мнѣнію, для того, чтобы пресѣчь непомѣрную страсть къ построенію монастырей, которою одержимы были очень многіе, и подать потомкамъ примѣръ того, какъ должно созидать храмы, и какую нужно готовить трапезу пустынникамъ, людямъ бѣднымъ и отрѣшившимся отъ земнаго. Онъ былъ очень далекъ отъ мысли одобрять нынѣшній порядокъ вещей, когда люди даютъ обѣтъ монашества, а между тѣмъ бываютъ и богаче и больше развлечены хлопотами, чѣмъ даже тѣ, которые любятъ удовольствія здѣшней жизни. Поэтому

онъ возобновилъ законъ, который данъ былъ истинно-достойнѣйшимъ царемъ Никифоромъ Фокою, человекомъ съ богатырскою силою и съ большимъ умомъ, — законъ, которымъ запрещалось увеличивать монастырское имущество. Этотъ законъ отъ времени превратился было въ мертвую букву и потерялъ силу, но онъ воскресилъ его, согрѣвъ, какъ бы кровью, красными царскими чернилами. Онъ не переставалъ упрекать и отца, и дѣда, и прочихъ своихъ родственниковъ, которые, построивъ монастыри, приписали къ нимъ цѣлыя десятины плодородной земли и зеленые луга; онъ осуждалъ этихъ людей и изливалъ на нихъ колкія насмѣшки не за то, что они часть своего имущества удѣлили Богу, а за то, что хорошее дѣло сдѣлали не хорошо. Имъ бы слѣдовало назначить жилище для монашествующихъ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ и пустынныхъ странахъ, въ углубленіи пещеръ и на возвышенностяхъ горъ, а отъ этого красиваго города близъ Гелеспонта бѣжать, какъ бѣжалъ Одиссей отъ обольстительныхъ звуковъ и пѣсенъ сиренъ. Но они, добиваясь похвалы отъ людей, стараясь выставить на показъ входящимъ въ храмы свои выбѣленные и разукрашенные разноцвѣтными камнями гробы, желая и по смерти являться въ вѣнцахъ, съ свѣтлыми и блистающими лицами, воздвигли священныя обители на площадяхъ и перекресткахъ и въ нихъ заперли не доблестныхъ подвижниковъ, но людей, которые только потому и монахи, что остригли волосы, перемѣнили платье и отпустили себѣ бороду. Велѣдствіе этого, по желанію ли поддержать погибавшую и падавшую

честь монашества, или изъ опасенія быть обличеннымъ въ сочувствіи къ тому, что самъ же въ другихъ порицалъ, Мануиль избралъ для себя другой путь, а не тотъ, которымъ шли его родственники.

4. У Римлянъ принято за правило, — да я думаю, что это правило имѣетъ силу и у самыхъ варваровъ, — давать на содержаніе солдатамъ жалованье и дѣлать имъ частые смотры, чтобы видѣть, хорошо ли они вооружены и заботятся ли надлежащимъ образомъ о лошадяхъ, а людей вновь вступающихъ въ военную службу напередъ испытывать, здоровы ли и сильны ли они тѣломъ, умѣютъ ли стрѣлять, знаютъ ли владѣть копьемъ, и потомъ уже вносить въ списки. Но этотъ царь всѣ деньги, какія должны были идти на содержаніе солдатъ, собиралъ къ себѣ въ казнохранилище, какъ воду въ прудъ, а жажду войскъ утолялъ такъ называемыми даровыми приношеніями обывателей, воспользовавшись дѣломъ, придуманнымъ прежними царями и только изрѣдка допускавшимся для такихъ солдатъ, которые часто разбивали враговъ. Черезъ это онъ, и самъ того не замѣчая, и ослабилъ войско, и перевелъ бездну денегъ въ праздная утробы, и привелъ въ дурное положеніе римскія провинціи. При такомъ порядкѣ вещей лучшіе воины утратили соревнованіе въ опасностяхъ, такъ какъ то, что побуждало ихъ выказывать воинскую доблесть, не было уже, какъ прежде, чѣмъ-то особеннымъ, что предоставляется только имъ однимъ, а сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ. И жители провинцій, которые

прежде имѣли дѣло съ однимъ лишь государственнымъ казначействомъ, терпѣли величайшія притѣсненія отъ несытной жадности солдатъ, которые не только отнимали у нихъ серебро и оwoлы, но и снимали съ нихъ послѣднюю рубашку, а иногда и разлучали ихъ съ самыми дорогими для нихъ предметами. Отъ того всякому хотѣлось попасть въ число солдатъ, и одни, протискиваясь съ иголкою, потому что она съ трудомъ доставляла скудные средства къ содержанію, другіе, бросивши ходить за лошадьми, иные, отмывъ кирпичную грязь, а иные, очистивъ съ себя кузнечную сажу, являлись къ вербовщикамъ, и, подаривъ имъ персидскаго коня или нѣсколько золотыхъ монетъ, зачислялись безъ всякаго испытанія въ полки, тотчасъ же снабжались царскою грамотою и получали въ удѣлъ десятины хорошо орошенной земли, плодородныя нивы и податныхъ Римлянъ, которые должны были служить имъ въ качествѣ рабовъ. Случалось даже, что Римлянинъ платилъ подать презрѣнному полуварвару, который никогда не видѣлъ боеваго строя, между тѣмъ какъ самъ онъ былъ человѣкъ почтенной наружности, такъ хорошо зналъ военное дѣло и имѣлъ такія преимущества предъ тѣмъ, кто бралъ съ него подать, что казался предъ нимъ Ахиллесомъ, или былъ по отношенію къ нему тоже, что человѣкъ, у котораго вооружены обѣ руки, въ сравненіи съ человѣкомъ, который отъ болѣзни не можетъ протянуть и одной. Положеніе римскихъ провинцій естественно было вполне достойно такихъ безпорядковъ въ войскахъ; од-

нѣ изъ нихъ страдали отъ ин оплеменниковъ, которые на нашихъ глазахъ грабили ихъ и покоряли своей власти, а другія были опустошаемы и разоряемы своими, словно чужія. О Господи! Доколы Ты будешь забывать Твое наслѣдіе, и, отвращая отъ насъ лице Свое, доколы будешь открывать стезю гнѣву Твоему! Когда Ты, прирѣвъ изъ святаго жилища Твоего, видѣніемъ увидишь нашу тѣсноту и озлобленіе и, освободивъ насъ отъ золъ окружающихъ, пошлешь избавленіе и отъ болѣе тяжкихъ золъ, которыя угрожаютъ намъ?!

5. Къ сказанному нужно присовокупить еще и вотъ что. Для большей части римскихъ царей рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ, какъ своимъ, раздавать его, какъ и кому угодно, и обращаться съ людьми свободными, какъ съ рабами. Они считаютъ для себя крайнюю обиду, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ — непогрѣшимыми судіями дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ. Поэтому-то, вмѣсто того, чтобы обличать, какъ бы слѣдовало, людей неразумныхъ и дерзкихъ, вводящихъ новое и неизвѣстное Церкви ученіе, или даже предоставить это тѣмъ, кто по своему призванію долженъ знать и проповѣдывать о Богѣ, они, отнюдь не желая и въ этомъ случаѣ занимать второе мѣсто, сами бываютъ въ одно и то-

же время и провозвѣстниками догматовъ, и ихъ судіями и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается. Такимъ образомъ и этотъ царь, владѣвшій краснорѣчіемъ и богато надѣленный отъ природы пріятнымъ даромъ слова, не только писалъ краснорѣчивыя посланія, но и сочинялъ огласительныя слова, которыя называютъ селенціями (σελέντια ⁽¹⁾), и читалъ ихъ въ слухъ всѣмъ. А въ послѣдствіи, продолжая идти этимъ путемъ, онъ, мало по малу, дошелъ и до божественныхъ догматовъ и началъ разсуждать о Богѣ. Часто, прикрываясь недоумѣніемъ, онъ предлагалъ вопросы изъ Писанія, доискивался ихъ рѣшенія, собирая и спрашивая всѣхъ, кто отличался ученостію. Но и за это его еще можно было бы похвалить, если бы, простирая такъ далеко свою пытливость, онъ вовсе не касался непостижимыхъ догматовъ, или, даже и касаясь ихъ, не былъ упоренъ въ своихъ мысляхъ и не перетолковывалъ во многихъ случаяхъ смысла Писаній примѣнительно къ своимъ цѣлямъ, постановляя и привнося свои толкованія тамъ, гдѣ правильное разумѣніе опредѣлено уже отцами, — какъ будто бы онъ всецѣло обнялъ своимъ умомъ Самаго Христа и отъ Него Самаго и ясное и совершеннѣе наставленъ во всемъ, что до Него касается. Такъ, когда возникъ вопросъ объ изрече-

(¹) Σελέντια отъ латинскаго silentium — молчаніе. У латинскихъ и греческихъ писателей среднихъ вѣковъ этимъ именемъ называются и частныя собранія для разсужденія о гражданскихъ и, особенно, о церковныхъ дѣлахъ, и самыя эти разсужденія, и рѣчь, которую говорилъ императоръ въ этихъ собраніяхъ Ducang. Glossar. Graecit. p. 1370. et latinitat. vol. VI p. 236.

ніи Писанія, въ которомъ говорится, что воплотившійся Богъ и приносить и вмѣстѣ приносится, и ученые того времени раздѣлились на противныя стороны, — изслѣдованія продолжались довольно долго и съ обѣихъ сторонъ сыпались положенія и возраженія. Но когда вопросъ былъ рѣшенъ надлежащимъ образомъ, и царь присталъ къ тому мнѣнію, которое было богоугоднымъ и лучшимъ, — за разномысліе подверглись низложенію Сатирхъ Пантевгенъ, нареченный епископъ града Божія великой Антиохіи, Евстаѣій диррахійскій, Михаилъ оессалоникійскій, который украшалъ собою каедру Ритора ⁽¹⁾, а также всходилъ и на амвонъ для евангельской проповѣди, Никифоръ Василакъ, толковавшій посланія Павла къ церквамъ и блескомъ своего краснорѣчія проливавшій свѣтъ на тѣ апостольскія изреченія, которыя затемнены неясностью и пренебреженіемъ духовной глубины. Говорятъ, что, когда разсуждали объ этомъ догматѣ и положено было предложить его на общее разсмотрѣніе, вдругъ въ необычное время раздался страшный ударъ грома и до того оглушилъ всѣхъ бывшихъ съ царемъ, который жилъ тогда въ Пелагоніи, что многіе отъ этого удара попадали на землю; а одинъ изъ питомцевъ наукъ, по имени Илія, Стратофилаксъ ⁽²⁾,

(¹) У Кодица, въ спискѣ чиновъ и должностей Великой Церкви, Риторъ, Учитель Евангелія и Учитель Апостола занимаютъ мѣсто въ четвертомъ пяткѣ. Обязанностію ритора было вообще объяснять св. Писаніе. Учитель Евангелія объяснялъ въ частности Евангеліе, а Учитель Апостола — Апостолъ. Codin. de offic. pag. 3.

(²) Стратофилаксъ — хранитель, стражъ войска и лагеря. По Кодицу, на немъ лежала обязанность выбирать мѣсто для лагеря во время похода. Codin. de offic. p. 83 et 193.

человѣкъ, превосходившій счастьемъ многихъ, раскрывъ книгу, въ которой разсуждалось о громахъ и землетрясеніяхъ, и прочитавъ, что говорилось въ ней относительно того времени, когда прогремѣлъ громъ, встрѣтилъ эти слова: «паденіе мудрыхъ». И точно, тогда не только упомянутые мужи, умнѣйшіе того времени люди, были извержены изъ Церкви и подпали подъ запрещеніе совершать какое то бы ни было богослуженіе, но вмѣстѣ съ ними были исключены и изгнаны изъ священной и божественной ограды и другія лица. А спустя нѣсколько лѣтъ, царь предложилъ на обсужденіе слова Богочеловѣка: «Отецъ Мой болій Мене есть». Не обративъ должнаго вниманія на толкованія Отцевъ, хотя они и были разнообразны и достаточно опредѣляли и разъясняли смыслъ этихъ словъ, онъ представилъ собственное объясненіе и упорно держался однажды принятаго мнѣнія, истолковывая сообразно съ своимъ желаніемъ и съ тѣмъ мнѣніемъ, которое предположилъ утвердить, изреченія блаженныхъ учителей вселенной, нисколько не вредящія истинѣ, но сказанныя богомудро. Такъ одни изъ отцевъ говорятъ, что «болій» сказано объ Отцѣ, какъ виновникъ Сына, другіе понимаютъ эти слова въ отношеніи къ человѣчеству, относя ихъ къ воспринятой плоти, а не къ Слову, какъ и слова о томъ, что Онъ идетъ къ Отцу, и о томъ, что грядетъ князь міра, но рѣшительно ничего не можетъ найти въ Немъ; нѣкоторые же принимали слово: «болій» и о Словѣ, но не просто, и не по существу, а по отношенію къ крайнему истощанію и

уничженію въ вочеловѣченіи, а иные объясняли и инымъ, но всегда благочестивымъ образомъ. Но царь, не зная почему, не удовольствовался этими объясненіями, какъ будто въ нихъ недостаточно сказано о предметѣ, а потому предложилъ и свое особенное истолкованіе. Составивъ соборъ и созвавъ всѣхъ, кто любилъ заниматься божественными догматами, онъ убѣдилъ постановить и подписать такое опредѣленіе: «принимаю и изреченія богоносныхъ отцевъ касательно словъ: Отецъ Мой болій Мене есть, но утверждаю, что это сказано и по отношенію къ созданной и подлежащей страданію Его плоти». Это опредѣленіе, не зная какъ, приписываетъ умаленіе предъ Отцемъ воплотившемуся Сыну, какъ будто бы онъ чрезъ воспріятіе человѣческаго естества и явленіе къ намъ потерялъ равенство съ Отцемъ и не сохранилъ въ этомъ состояніи принадлежащей Ему славы, но остался въ предѣлахъ униженія, и не обожилъ и не возвысилъ униженнаго человѣческаго естества, и не сдѣлалъ его соучастникомъ въ собственной славѣ чрезъ самое соединеніе съ нимъ, а напротивъ Самъ былъ униженъ имъ, — что нелѣпо. Утвердивъ это опредѣленіе, какъ пламеннымъ мечемъ, красною грамотою, угрожавшею смертію и отлученіемъ отъ вѣры тому, кто осмѣлится даже самъ про себя вникнуть въ этотъ предметъ и только подумать о немъ, — не говорю уже о томъ, кто сталъ бы явно противорѣчить и роптать, царь, вслѣдъ за тѣмъ, по совѣту нѣкоторыхъ своихъ приверженцевъ и льстецовъ, вырѣзалъ его на каменныхъ доскахъ и

поставилъ ихъ въ Великой церкви. Эти люди опасались, чтобы не отмѣнили ихъ опредѣленія, такъ какъ оно переноситъ умаленіе, чрезъ посредство плоти, на самое Слово, особенно потому, что они опустили изъ вниманія состояніе уничтоженія и все мыслимое по человѣчеству.

6. Нѣчто въ такомъ же родѣ сдѣлалъ этотъ человѣкъ и при концѣ своей жизни. Въ чинѣ оглашенія, между другими опредѣленіями, находится и анаѣма Богу Магомета, о которомъ послѣдній говоритъ, что онъ «и не родилъ и нерожденъ», и что онъ есть олосфирось⁽¹⁾. Царь предположилъ уничтожить эту анаѣму во всѣхъ книгахъ, въ которыхъ содержится чинъ оглашенія, начиная съ книжки, находящейся въ Великой церкви. Поводъ къ этому былъ весьма благовиденъ. Царь говорилъ, что всякая вообще хула противъ Бога служить соблазномъ для Агарянъ, обращающихся въ нашу богоугодную вѣру. Поэтому, пригласивъ къ себѣ великаго Феодосія, который въ то время занималъ и украшалъ самый первый престолъ, и тѣхъ изъ бывшихъ въ городѣ архіереевъ, которые отличались умомъ и добродѣтельною жизнію, онъ послѣ напыщеннаго вступленія, сообщилъ имъ свое намѣреніе. Но они всѣ не согласились съ нимъ и не хотѣли даже и слышать о его предложеніи, какъ не ведущемъ ни къ чему

(1) Олосфирось собственно значитъ — весь скованный молоткомъ или, какъ переведено у насъ въ чинѣ оглашенія магометанъ, *всегован-ный*. Сильбургій замѣчаетъ, что Магометъ этимъ названіемъ хотѣлъ, кажется, выразить единоличность Бога, въ противоположность ученію христіанъ о св. Троицѣ. Ducang. Glossar.. Graecit. p. 1039.

доброму и удаляющемъ отъ истиннаго понятія о Богѣ. Они истолковывали богоугодно слова, которыя будто бы служатъ къ соблазну и претыканію, и объясняли, что подвергается анаѣмѣ не Богъ вообще, Творецъ неба и земли, а измышленный безумными бреднями Магомета богъ-олосфирось, который и нерожденъ и неродилъ, такъ какъ христіане прославляютъ Бога Отца, а тѣ презрѣнныя бредни Магомета совсѣмъ это отвергаютъ. Да притомъ, говорили они, мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ, что значить слово «*ολοσφυρος*». Тогда царь, упорно оставаясь при своемъ мнѣніи, предоставилъ имъ сокрушаться въ глубинѣ своихъ сердецъ, и воспользовавшись услугами придворныхъ, которые были извѣстны ему ученостію и угодицествомъ, издалъ самъ отъ себя опредѣленіе, которымъ защищалось буселовіе — не могу же я сказать богословіе — Магомета, и явно осуждались прежніе цари и лица изъ священнаго списка, какъ люди, по невѣжеству и неосмотрительности позволявшіе подвергать анаѣмѣ истиннаго Бога. Это опредѣленіе онъ отдалъ для публичнаго прочтенія въ царскихъ палатахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ туда главнѣйшихъ членовъ сената и совѣта и своихъ родственниковъ, отличавшихся образованіемъ, чтобы они, такъ сказать, подготовили путь этому опредѣленію и рукописали тому, что было написано. И хотя это сочиненіе не было богато поучительными словами Св. Духа, но, приправленное краснорѣчивыми доводами человѣческой мудрости, имѣло такую силу убѣжденія, что едва могли оторвать свой слухъ

отъ него не только люди, обращающіе вниманіе на его изящную внѣшность и пріятную оболочку, но даже и тѣ, которые вникали въ смыслъ написаннаго. И, быть можетъ, стали бы славить, какъ истиннаго Бога, какого-то бога-олосфирось, котораго придумалъ Магометъ, если бы этому рѣшительно не воспротивился патріархъ. Онъ не только самъ не согласился съ этимъ сочиненіемъ, какъ опаснымъ и вводящимъ новыя догматы, но и другихъ убѣждалъ остерегаться его, какъ яда. Царь оскорбился этимъ, какъ будтобы получилъ жестокую обиду, осыпалъ архіереевъ бранью и называлъ ихъ всесвѣтными дураками. Онъ былъ тогда особенно раздражителенъ, потому что боролся съ страшною болѣзнію, отъ которой и скончался. За тѣмъ, изложивъ сокращеніе то, о чемъ въ прежнемъ опредѣленіи говорилось пространно, со всѣмъ искусствомъ краснорѣчія и съ ораторскими украшеніями, и снова представивъ свой догматъ въ обольстительныхъ чертахъ, онъ издалъ другое опредѣленіе. И такъ какъ теперь онъ жилъ въ дворцѣ, находящемся въ Дамалисѣ и называемомъ Скутари, желая воспользоваться благораствореннымъ воздухомъ и избѣгая многолудья, и былъ совершенно занятъ врачеваніемъ своей болѣзни, то туда же по царскому повелѣнію отправляются и сонмъ архіереевъ и всѣ, отличавшіеся ученостію. Но не успѣли они еще совсѣмъ выйти изъ лодокъ, какъ къ нимъ является секретарь, который былъ особенно близокъ къ царю и имѣлъ весьма большую силу. Это былъ Θεодоръ Мацукъ. Обратившись съ рѣчью къ патріарху и собранію

архіереевъ, онъ сказалъ, что доступъ къ царю теперь невозможенъ вельдствіе встрѣтившагося отъ болѣзни пренятствія, но что они должны выслушать то, что онъ будетъ читать; тутъ онъ показалъ имъ бумаги, которыя держалъ въ рукахъ. Въ одной изъ нихъ разсуждалось объ упомянутомъ догматѣ, который, какъ мы сказали, самодержцу очень хотѣлось утвердить подписью собравшихся архіереевъ, а въ другой, написанной отъ царскаго лица къ архипастырю Θεодосію и собору, не только не было никакой скромности и не содержалось ничего пріятнаго, а напротивъ въ ней царь порицалъ настойчивость патріарха и бывшихъ съ нимъ архіереевъ, какъ безразсудное упорство, грозилъ созвать большій соборъ и увѣрялъ съ клятвою, что пригласить для разсужденія о предложенномъ вопросѣ самаго папу стараго Рима. «Я былъ бы, говорилъ царь, неблагодаренъ и безразсуденъ, если бы не воздалъ моему Владыкѣ и Царю всяческихъ—Богу, хоть самую малую часть за всѣ тѣ благодѣянія, которыя я отъ Него получилъ, — употребивъ съ своей стороны все стараніе для того, чтобы Его—истиннаго Бога не подвергали анаѳемѣ». Но слушатели такъ мало были испуганы этимъ напыщеннымъ велерѣчіемъ, что предстоятель вессалоникійскій Евстацій, человекъ съ обширною ученостію и съ большимъ даромъ краснорѣчія, исполнившись ревностію противъ того, что было прочитано, не потерпѣлъ, чтобы прославлялся, какъ истинный Богъ, какой то олосфирось—вымыселъ жалкаго ума. «Мозгъ въ моей головѣ, сказалъ онъ, былъ бы поправъ но-

гами, и я былъ бы вовсе недостойнъ этой одежды—тутъ онъ указалъ на мантию, которая была у него на плечахъ,—если бы призналъ истиннымъ Богомъ скотоподобнаго дѣторастлителя, учителя и наставника на всѣ гнусныя дѣла». Слушатели едва не оцѣпенѣли при этихъ словахъ; потому что онъ сказалъ ихъ громко и ясно показавъ, что горитъ ревностію по благочестію. А тотъ, кто читалъ грамоту, не много постоявъ въ онѣмѣніи и съ сжатыми губами, отправился назадъ къ самодержцу. Царь, услышавъ эти слова и какъ: бы оглушенный ими, началъ представлять различныя оправданія и выказалъ долготерпѣніе, какого никогда въ немъ не было. Чтобы избѣжать упрековъ и насмѣшекъ, онъ и причислялъ себя къ православнѣйшимъ христіанамъ, и говорилъ, что произошелъ отъ самыхъ благочестивыхъ родителей, и настоятельно требовалъ себѣ суда съ архіепископомъ ессалоникійскимъ. «Или я оправдаюсь, говорилъ онъ, и докажу, что не вѣрую въ бога-дѣторастлителя и не ввожу извращенія въ вѣру, и тогда подвергну заслуженному наказанію того, кто изрыгаетъ хулу на помазанника Господня, или я буду обвиненъ въ томъ, что прославляю иного Бога, а не того, котораго чтутъ носящіе имя христіанъ, и тогда я узнаю наконецъ истину и принесу немалую благодарность тому, кто отвратилъ меня отъ ложнаго мнѣнія и научилъ истинѣ». Когда же, спустя не много времени, патріархъ явился къ нему на лицо и уговорилъ его, объяснивъ, что было нужно, онъ смягчилъ свой гнѣвъ, дозволилъ Евстаѳію

оправдываться, сколько угодно, и наконецъ простилъ ему сказанныя имъ слова, присовокупивъ: «тебѣ, какъ человѣку умному, не должно вдаваться въ срамословіе и дерзко говорить то, что совершенно неумѣстно». Послѣ этого опредѣленіе догматъ было прочитано вслухъ всѣхъ, всѣ его одобрили, какъ опредѣленіе благочестивое, обѣщали съ удовольствіемъ подписаться подъ нимъ, и собраніе было распущено. Собранные удалились, восхищаясь тѣмъ, что своей настойчивостію побѣдили царя, а царь радовался, что склонилъ ихъ на свое желаніе и посредствомъ немногихъ словъ достигъ того, чего прежде никакъ не могъ добиться при помощи длиннаго сочиненія. На слѣдующій день они собрались въ домъ патріарха, чтобы поступить такъ, какъ согласились, потому что еще на зарѣ явились къ нимъ посланные отъ царя, чтобы собрать ихъ въ одно мѣсто. Но они были уже не тѣмъ, чѣмъ были вчера, а напротивъ всѣ опять отказывались и отступались отъ своего обѣщанія на томъ основаніи, что въ прочитанной грамотѣ все еще есть нѣкоторыя слова, которыя слѣдовало бы выпустить; они хотѣли, чтобы и эти слова были изглажены и замѣнены другими, нисколько непротивными правому ученію. Государь опять разсердился и жестоко поносилъ ихъ, какъ чистыхъ дураковъ, за непостоянство и измѣнчивость ихъ мнѣній. Наконецъ кое-какъ согласились изгладить въ огласительныхъ чинахъ анаѳемѣ Богу магометову и написать анаѳемѣ Магомету и всему его ученію и всѣмъ его послѣдователямъ. Постановивъ и утвер-

дивъ это опредѣленіе, они окончили свои многочисленные собранія и совѣщанія.

7. Достигши этого мѣста повѣствованія, не умолчу и о другомъ событіи, достойномъ замѣчанія. Былъ одинъ свнухъ, архіерействовавшій въ городъ Хонахъ, по имени Никита, украшенный всѣми добродѣтелями. Онъ въ такой мѣрѣ обладалъ даромъ пророчества и прозрѣнія въ будущее, что его причисляли къ величайшимъ прозорливцамъ, и всѣ, знавшіе этого человѣка, дивились, какимъ образомъ нашъ нечестивый и развращенный вѣкъ сподобился имѣть такое благо. Когда Мануиль, только что получивъ вѣнецъ, и сдѣлавшись преемникомъ отцовской власти, проходилъ изъ Арменіи чрезъ Хоны, онъ вошелъ здѣсь въ храмъ Архангела и принялъ благословеніе отъ руки этого архіерея, какъ отъ человѣка, который своими добродѣтелями приобрѣлъ извѣстность и о которомъ всѣ говорили. Нѣкоторые изъ питающихся отъ алтаря, и притомъ люди очень умные, недоумѣвали, будетъ ли Мануиль, бывшій въ это время молодымъ человѣкомъ и имѣвшій на бородѣ только пухъ, въ состояніи управлять всѣмъ царствомъ, которое нуждается въ мужѣ, посѣдѣвшемъ въ думахъ и обросшемъ бородою, и одержить ли онъ еще верхъ надъ братомъ Исаакомъ, который имѣетъ больше правъ на власть и засѣдаетъ въ столицѣ. Чтобы разрѣшить ихъ недоумѣніе и открыть имъ то, о чемъ они сомнѣвались, этотъ великій мужъ и, по истинѣ, Божій человѣкъ сказалъ: «повѣрьте, этотъ юноша и царствомъ управитъ и братъ ему покорится, потому что такъ опредѣлено и пре-

дустановлено Богомъ. А чтобы вы знали и то, о чемъ вовсе меня не спрашивали, я скажу, что онъ проживетъ нѣсколько больше, чѣмъ его дѣдъ, разумѣю его прародителя, римскаго императора Алексѣя,—но при концѣ своей жизни впадетъ въ безуміе». Это предсказаніе было извѣстно какъ многимъ другимъ, такъ и мнѣ историку Никитѣ, потому что предсказатель былъ моимъ воспріемникомъ отъ божественнаго крещенія. А какое будетъ безуміе, и въ чемъ будетъ состоять, этого никто изъ знавшихъ пророчество не могъ точно отгадать. Одни относили предсказаніе къ помѣшательству на деньгахъ, а другіе привязывали къ какой либо другой тѣлесной слабости. Когда же былъ поднятъ споръ о только что упомянутомъ догматѣ, и царь сначала безразсудно настаивалъ на томъ, чтобы былъ признанъ истиннымъ Богомъ магометовъ богъ-олосфирось, и нерожденный и не родившій, всѣ начали говорить, что предсказаніе исполнилось, потому что это мнѣніе, какъ совершенно противоположное истинѣ, безспорно есть настоящее и самое худшее безуміе.

Припадки болѣзни начались у царя предъ мѣсяцемъ мартомъ, въ 1-й индиктіонъ, когда происходили споры относительно догмата. Эти споры прекратились въ мѣсяцѣ маѣ, а императоръ скончался въ сентябрѣ, не устроивъ ничего, какъ слѣдуетъ, относительно царства. Онъ медлилъ распоряженіемъ и указаніемъ того, что должно быть послѣ его смерти, потому что никакъ не хотѣлъ вѣрить близости кончины, и утверждалъ, будто хорошо знаетъ, что ему остается прожить

еще четырнадцать лѣтъ. Это онъ сказалъ даже самому патріарху, мудрому и блаженнѣйшему Θεодосію, когда тотъ совѣтовалъ ему отечески позаботиться о дѣлахъ царства, пока еще есть время и силы подумать о томъ, и избрать человѣка, который бы имѣлъ усердное попеченіе о наслѣдникѣ власти, мальчикѣ, еще не пришедшемъ въ возрастъ, вѣрно охранялъ царицу и заботился о ней, какъ о матери. Но зловреднѣйшіе обманщики звѣздочеты не боялись увѣрять, что царь скоро отъ болѣзни оправится и займется, говоря ихъ языкомъ, любовными дѣлами, и безстыдно утверждали, что онъ обратитъ въ развалины иноплеменные города. Что еще страннѣе, эти люди, любящіе болтать и привыкшіе лгать, скорѣе чревоушнатели, чѣмъ звѣздонаблюдатели, предсказывали еще сотрясеніе вселенной, сближеніе и столкновеніе величайшихъ звѣздъ, порывы страшныхъ вѣтровъ и почти всеобщее измѣненіе стихій. И не только они нечисляли годы и мѣсяцы, высчитывали недѣли, въ которыя это будетъ, и опредѣлительно объявляли о томъ царю, но точно опредѣляли самые дни и, не стыдясь, указывали часъ и минуту, какъ будто-бы ясно знали то, что Отецъ положилъ въ своей власти и о чемъ Спаситель запретилъ спрашивать ученикамъ. Поэтому не только самъ царь отыскивалъ и приготовлялъ для житія пещеры и убѣжища, недоступныя для вѣтровъ, и приказывалъ вынуть стекла въ царскихъ дворцахъ, чтобы предохранить ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія вѣтровъ, но и всѣ тѣ, которые принад-

лежали къ числу его слугъ и родственниковъ и старались польстить ему, ревностно занимались тѣмъ же; одни, подобно муравьямъ, рыли землю, другіе приготовляли палатки, натягивали втрое скрученныя веревки и заостряли колья длиною въ локоть, чтобы непоколебимо утвердить палатки. Между тѣмъ болѣзнь царя, какъ я сказалъ, усиливалась, и онъ, неблагоразумно употребивъ ванну, еще болѣе послѣ этого удостовѣрился, что его надежды на продолженіе жизни исчезаютъ, словно буквы на водѣ, и что приближается неизбежный предѣлъ жизни. Тогда онъ поговорилъ не много съ окружавшими его о сынѣ Алексѣѣ, прерывая слова рыданіями, потому что предвидѣлъ, что случится послѣ его смерти. За тѣмъ, по предложенію патріарха, подписалъ краткую грамоту, въ которой свидѣтельствовалъ, что онъ совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе касательно звѣздочетства. Наконецъ, приложивъ руку къ артеріи и испытавъ бѣеніе пульса, онъ глубоко вздохнулъ и, ударивъ себя рукою по лядвѣ, потребовалъ монашескаго платья. При этомъ словѣ, поднялась, какъ обыкновенно бываетъ, суматоха; и такъ какъ готовой духовной одежды не было, то окружавшіе царя, отыскавъ гдѣ-то черную ветхую мантию, снимаютъ съ самодержца роскошныя царскія одежды, одѣваютъ его въ грубое платье подвижниковъ Божіихъ и, надѣвъ на него безжественный шлемъ и честныя латы, преобразуютъ въ духовнаго воина и сопричисляютъ къ воинству небеснаго вождя. Мантия, не достигая до ногъ и непокрывая всего его богатырскаго тѣ-

ла, оставляла открытыми голени, такъ что никто изъ зрителей не могъ удержаться отъ слезъ, помышляя о человѣческой немощи и о ничтожествѣ при концѣ жизни нашего тѣла, которое у насъ, какъ раковина, обнимаетъ душу и сростается съ нею. Такъ онъ оставилъ жизнь и царство, процарствовавъ тридцать восемь лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ. На это продолженіе его царствованія, я думаю, намекало одно древнѣйшее предсказаніе, которое читается такъ: «но попадешь ты въ ловушку, которая поставлена на самомъ концѣ слова»; потому что послѣдній слогъ имени Мануила (ηλ) означаетъ число тридцать восемь. Царь былъ погребенъ съ боку при входѣ въ храмъ монастыря Пантократора, не въ самомъ храмѣ, но въ Ироѣ¹⁾ около него. Стѣна храма здѣсь выведена аркою, и около гробницы открывается широкой входъ. Гробница сдѣлана изъ камня, который отливать чернымъ цвѣтомъ и представляетъ собою что-то унылое; камень раздѣляется на семь возвышеній. Недалеко отъ гробницы лежитъ на пьедесталѣ и принимаетъ поклоненіе красный камень, величиною въ ростъ человѣческой, прежде находившійся въ храмѣ города Ефеса. Говорятъ, что это тотъ самый камень, на которомъ Христосъ, по снятіи со креста, былъ повить плащаницею и умащенъ смирною. Царь перевезъ его оттуда и, возложивъ на свой хребетъ, — такъ какъ

(¹) *Ἰρῶν* собственно значить храмъ, памятникъ въ честь героя. У Византійскихъ писателей этимъ именемъ называются мѣста погребенія царей. Обыкновенно это были особыя придѣлы при церк-вахъ.

то былъ камень, на которомъ лежало божественное тѣло, содѣлавшееся тѣмъ же, чѣмъ былъ помазавшій, — перенесъ его отъ Вуколсоновой пристани до самаго храма, находящагося въ башнѣ большого дворца. Но потомъ, спустя не много времени послѣ кончины царя, и этотъ камень былъ взятъ изъ дворца и перенесенъ сюда, думаю, для того, чтобы громко и ясно провозглашалъ, сколько дѣяній совершилъ и какъ трудился тотъ, кто лежитъ теперь безмолвно въ могилѣ.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ ПОРОФИРОДНАГО,

сына царя Мануила.

1. Такъ-то кончилась жизнь царя Мануила Комнина. Послѣ него начинаетъ царствовать сынъ его Алексѣй, еще не вполне достигшій юношескаго возраста, но имѣвшій еще нужду въ дядькахъ и нянѣхъ. Поэтому дѣла Римлянъ шли дурно и не такъ какъ должно, даже хуже, чѣмъ когда Фаэтонъ, взошедши на отцовскую, обложенную золотомъ, колесницу, взялся пройти между небесными звѣздами. Самъ государь, по незрѣлости возраста и по недостатку благоразумія, не обращалъ никакого вниманія на свои обязанности; занятый единственно пустыми удовольствіями и не совѣмъ еще умѣвшій отличать горе отъ радости, онъ забавлялся только травлями и конскими скачками, проводя время съ молодыми товарищами своихъ игръ и развивая въ себѣ самыя дурныя привычки. А тѣ, которые по отцѣ были ему друзьями или находились въ какомъ нибудь родствѣ съ нимъ, занятые другими дѣлами, ни сколько не заботились о томъ, чтобы дать ему возможно лучшее воспитаніе и образованіе, и не обращали никакого вниманія на разстройство общественныхъ дѣлъ. Одни изъ нихъ были влюбле-

ны въ царицу и очень явно ухаживали за ней; добиваясь взаимной любви отъ ней, они съ искусствомъ Венеры завивали себѣ волосы, ребячески намащались благовоніями, подобно женщинамъ украшались ожерельями изъ дорогихъ камней, и смотрѣли на нее во все глаза. Другіе, люди жадные до денегъ и народныя грабители, обкрадывали казну; они безъ всякой бережливости тратили назначенныя въ расходъ суммы, и придумывали новые расходы, чтобы чрезъ то мѣшокъ, вчера пустой и тощій, сегодня наполнить и биткомъ набить. А иные, имѣя виды на царство, все направляли къ этой своей цѣли. Какъ бы въ отсутствіе бдительнаго и строгаго наставника,—все пришло въ безпорядокъ, потому что каждый преслѣдовалъ свою цѣль и все другъ другу противодѣйствовали; или, какъ бы по отнятіи прочнаго и твердаго столпа,—все пошатнулось въ противоположную сторону. Люди, которые имѣли тогда особенно большую силу и находились въ родственныхъ связяхъ съ царемъ, не признавали равенства правъ на должности и почести, и потому заботы объ общественныхъ дѣлахъ были покинуты, собранія и совѣты прекратились. Между тѣмъ Протосеvastъ и Протовестіарій Алексѣй Комнинъ, который, по отцѣ, былъ племянникомъ царя Мануила, совершенно овладѣлъ матерью царя-отрока, часто проводилъ съ нею время и усилился больше всѣхъ другихъ. Все это возбуждало крайнюю досаду въ людяхъ, которые принадлежали къ тому же дому, пользовались при царѣ Мануилѣ одинаковою съ Алексѣемъ властію и были

украшены величайшими почестями. Нѣкоторые же изъ нихъ видѣли уже и зарожденіе тиранніи и смотрѣли съ подозрѣніемъ на Протосеаста, опасаясь не столько того, чтобы не потерпѣлъ чего нибудь непріятнаго царь Алексѣй, сколько того, чтобы ихъ самихъ не схватили. Потому, выжидая, что будетъ, они заботились лишь о своей безопасности, не думая о другихъ. Дѣйствительно, молва уже ходила и громко говорила, что Алексѣй, сдѣлавшись почти неразлучнымъ и согласившись съ матерью царя, привлекаетъ къ себѣ многихъ дружбою и деньгами, замышляетъ свергнуть царя съ престола и рассчитываетъ самъ сдѣлаться обладателемъ какъ его царства, такъ и родительницы. А когда, такимъ образомъ, все въ царскомъ дворцѣ было исполнено смуть и всякаго рода тревогъ, то и въ самыхъ государственныхъ дѣлахъ можно было видѣть то, что говорится въ сказкѣ о драконѣ, который бѣдствовалъ отъ того, что управлялся въ своихъ движеніяхъ глухою и слѣпою частью — хвостомъ. Теперь исполнялось и предзнаменованіе, которое случилось при концѣ жизни самодержца Мануила. Одна женщина, жившая близъ Пропонтиды, родила дитя мужескаго пола, у котораго всѣ члены были чрезвычайно малы, а голова на плечахъ необыкновенно велика и огромна. Полагали, что это было предзнаменованіе многоначалія, отъ котораго рождаются безначаліе.

2. Между тѣмъ Андроникъ Комнинъ, двоюродный братъ царя Мануила, о которомъ приходилось весьма часто говорить въ исторіи этого

царя, и который жилъ тогда въ Энеѣ⁽¹⁾, услышавъ о смерти Мануила и узнавъ о придворныхъ смутахъ, возымѣлъ прежнюю страсть къ тиранніи. Но мы пока не будемъ говорить объ этомъ, а, слѣдуя порядку, начнемъ исторію этого человека съ того, съ чего приличнѣе ее начать по связи событій, чтобы не опустить ничего, достойнаго вниманія. Этотъ Андроникъ, чтобы не попасть въ руки Мануила, обрекъ себя на постоянное бѣгство, и, побывавъ во многихъ городахъ и увидѣвъ много иноземныхъ крѣпостей, остановился наконецъ, какъ мы сказали, у Салтуха: это былъ Топархъ, владѣвшій сосѣднею съ Халдеею страной, которая въ старину платила дань Римлянамъ, а тогда находилась во власти у Турковъ и усвоила себѣ ихъ нравы. Занявъ съ согласія Салтуха одну крѣпость и присоединивъ къ тѣмъ средствамъ защиты, которыя даны ей отъ природы, и искусственныя укрѣпленія, онъ жилъ здѣсь вмѣстѣ съ Θεодорою Комниною, которая сопутствовала ему въ странствованіяхъ и въ изгнаніи, и незаконно раздѣляла съ нимъ ложе. Она была дочерью севастократора Исаака, а Исаакъ и Андроникъ — оба родились отъ родныхъ братьевъ. Такъ какъ самодержецъ Мануиль не могъ схватить Андроника, который постоянно ускользалъ отъ него, какъ Юнона отъ Иксіона, то онъ сталъ стараться захватить, какъ Облако⁽²⁾, по крайней

(1) Городъ въ Малой Азіи, близъ Пафлагоніи.

(2) Указаніе на рассказъ, по которому Юпитеръ, по жалобѣ Юноны на преслѣдованія Иксіона, подставилъ ему, въ видѣ Юноны, Нечелу — что значитъ облако.

мѣръ, племянницу Θεодору. А достигши этой цѣли, при помощи тогдашняго владѣтеля надъ Трапезунтомъ, Никифора Палеолога, онъ, спустя не много времени, привлекаетъ къ себѣ и самого Андроника, котораго, какъ приманка, притягивала Θεодора. Увлекаемый страстною любовію къ ней и не мало также снѣдаемый пламенною привязанностію къ дѣтямъ, рожденнымъ отъ Θεодоры, Андроникъ, отправивъ къ царю пословъ, просить прощенія во всѣхъ своихъ дурныхъ поступкахъ и удостовѣренія, что, по своемъ прибытіи, не потерпитъ никакой несправедливости. Царь согласился на то и другое безъ всякой коварной мысли, — и чрезъ нѣсколько времени Андроникъ является. Какъ человекъ ловкій и способный на все плутовскія продѣлки, онъ надѣлъ себѣ на шею тяжелую желѣзную цѣпь, которая опускалась до самыхъ пятъ, и скрылъ ее подъ одеждою, чтобы до времени не замѣтили ее ни царь, ни окружавшіе престолъ его. Получивъ дозволеніе войти и представиться самодержцу, онъ, какъ только показался ему на глаза, тотчасъ же растянулся на полу во всю длину своего огромнаго роста, выставилъ на показъ цѣпь и, со слезами на глазахъ, пламенно и трогательно просилъ прощенія во всемъ, чѣмъ оскорбилъ царя. Царь, изумленный этимъ зрѣлищемъ, прослезился самъ и приказалъ поднять Андроника: но онъ увѣрялъ, что не встанетъ съ полу, пока кто нибудь изъ предстоящихъ, по приказанію царя, не протащитъ его за цѣпь по ступенямъ престола и не повергнетъ

предъ царскимъ сѣдалищемъ. Какъ просилъ Андроникъ, такъ и было сдѣлано. А исполнилъ это дѣло Исаакъ Ангелъ, который, въ послѣдствіи, лишилъ Андроника власти, — событіе, которому нельзя не удивляться, и которое едва ли можно объяснить безсмысленнымъ стеченіемъ обстоятельствъ или простымъ случаемъ. Вслѣдствіе этого Андроникъ былъ тогда принятъ блистательнѣйшимъ образомъ и удостоился великолѣпнаго угощенія, какое прилично такому человеку, возвратившемуся послѣ долговременнаго отсутствія. Потомъ его препроводили въ Эней съ тѣмъ, чтобы онъ, поселившись тамъ на жительство, успокоился отъ долговременнаго странствованія и отдохнулъ послѣ многолѣтней бродячей жизни. И Мануиль и Андроникъ знали, что пребываніе въ одномъ и томъ же мѣстѣ снова приведетъ ихъ къ прежнимъ столкновеніямъ; потому что никогда не утихнетъ зависть и не успокоятся люди, у которыхъ вся забота состоитъ въ томъ, чтобы доносами заискивать милости у властителей и клеветами на другихъ увеличивать свою собственную силу и достигать бѣльшихъ почестей.

3. Такимъ образомъ Андроникъ находился вдали отъ Зевса и его громовъ и только въ томъ отношеніи влачилъ не прежнюю бѣдственную жизнь, что не скитался за римскими границами и обильно пользовался царскими дарами. Здѣсь-то проживая, услышалъ онъ, что царь Алексѣй забавляется конскими скачками и исключительно занятъ дѣтскими играми, а его знатные воспита-

тели—одни, подобно пчеламъ, часто летаютъ въ провинціи и, какъ медъ, собираютъ деньги; другіе, подобно козламъ — охотникамъ до молодыхъ вѣтвей, скрытно желаютъ царскаго скипетра и непрерывно его домогаются, а иные, подобно свиньямъ, тучи́ютъ отъ самыхъ грязныхъ доходовъ, о славѣ и пользѣ общаго отечества не хотятъ и подумать, но валяются въ грязи нечистыхъ дѣлъ и, какъ свиньи, склоняются ко всякой гадости. Поэтому онъ сталъ придумывать и тщательно изыскивать средства, какъ бы подъ благовиднымъ предлогомъ захватить себѣ царство. Перебравъ множество плановъ и обдумавъ все способы, онъ наконецъ хватается за присяжный листъ, по которому онъ клялся Мануилу и сыну его Алексѣю. Здѣсь онъ нашелъ, между прочимъ, и слѣдующія слова, которыя нужно привести буквально—такъ, какъ они читались, безъ всякой перемѣны,—именно: «и если я увижу, или узнаю, или услышу что либо такое, что клонится къ вашему безчестию и ко вреду для вашего вѣнца, то и вамъ дамъ о томъ знать, и самъ, сколько мнѣ возможно, буду тому противодѣйствовать». Эти слова вполне годились для присвоенія власти, которой онъ давно сильно домогался, какъ чело-вѣкъ съ гордымъ характеромъ и съ душою властолюбивою. Поэтому онъ привязался къ нимъ, какъ мухи привязываются къ ранамъ, и сталъ посылать письма за письмами и къ племяннику и царю Алексѣю, и къ Θεодосію, который украшалъ собою самую высокую святительскую каѳедру, и ко всемъ другимъ лицамъ, въ которыхъ

оставалась еще искра любви къ умершему царю Мануилу. Въ своихъ письмахъ онъ преувеличивалъ дурные слухи, распространяемые молвою и выказывалъ притворное негодованіе на то, что Протосевасть не лишень власти и не поставленъ въ болѣе скромное положеніе, какъ по той причинѣ, что отсюда возникаетъ и уже явно грозить царю Алексѣю очевидная гибель, такъ и по причинѣ крайне непристойныхъ и непріятныхъ слуховъ, которые разглашаются уже со стѣнъ, рассказываются при дверяхъ народныхъ властителей и распространяются по всему міру. И обо всемъ этомъ онъ говорилъ и писалъ съ необыкновенною убѣдительностію и увлекательностію: онъ былъ, какъ едва ли кто другой, опытенъ въ словесныхъ наукахъ, и посланія духовнаго витія—Павла были у него постоянно на устахъ. Оттого все соглашалось съ его мыслями и склонялось на его сторону, считая его единственнымъ чело-вѣкомъ, который преданъ интересамъ Римлянъ и, вслѣдствіе долговременной и многолѣтней опытности, соединяетъ въ себѣ лучшія качества. Самъ онъ, между тѣмъ, оставивъ Эней, направляется къ столицѣ, разглашая всюду, куда ни приходилъ, о своей присягѣ и рассказывая все, кто ни спрашивалъ, о причинѣ своего движенія. Около него стали собираться и безъ умолку кричали, какъ галки около парящаго въ облакахъ орла съ кривыми когтями: все, желавшіе новаго порядка вещей, и охотно вѣрили давнишней молвѣ, которая предвѣщала, что Андроникъ будетъ нѣкогда царствовать. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ

предѣлы Пафлагоніи, и всюду былъ принимаемъ съ величайшими почестями, какъ спаситель, идущій по внушенію Божію.

4. Что же касается Протосеаста Алексѣя, — онъ, гордясь своею силою и злоупотребляя властію государыни, распространялъ свое вліяніе, подобно ядовитому и страшному дракону, на всѣ вообще дѣла. Безъ него не дѣлалось ничего. Если же кому и случалось сдѣлать что-нибудь тайно отъ него, или упросивъ царицу, или испросивъ что либо, при благопріятномъ случаѣ, у царя, когда тотъ игралъ въ орѣхи или забавлялся бросаніемъ камешковъ, то и это не проходило мимо его глазъ. Онъ нашелъ средство достигъ того, что и все, сдѣланное другими, приходило къ нему же, подобно волнамъ въ водоротѣ, — испросивъ у царя повелѣніе, чтобы грамоты, подписанныя царскою рукою, не иначе считались имѣющими силу, какъ только въ томъ случаѣ, если напередъ онъ будутъ представлены Алексѣю, и онъ своею рукою сдѣлаетъ на нихъ надпись темнозелеными чернилами: «смотрѣно». Поэтому онъ всѣмъ управлялъ и распоряжался по своему произволу, и тѣ деньги, которыя собрали прежніе цари изъ рода Комниныхъ и собрали съ большимъ трудомъ и, даже можно сказать, отнимая послѣднее у нищихъ, эти деньги достались на расточеніе протосеасту и царицѣ. Теперь явно сбывалось изреченіе Архилоха, который говоритъ, что въ утробу развратной женщины часто течетъ то, что собрано долговременнымъ и тяжкимъ трудомъ. Поэтому весь городъ обращалъ взоры къ Андронику, и

его прибытія ожидали, какъ свѣтильника во мракѣ и какъ лучезарной звѣзды. Тогдашніе вельможи, чрезъ тайно посылаемыя письма, убѣждали его поспѣшить прибытіемъ, увѣряя, что никто не будетъ противодѣйствовать ему, никто не станетъ противиться даже тѣни его, но всѣ примутъ его съ распростертыми объятіями и радостно раскроютъ предъ нимъ свои сердца. Особенно же его ободряли и побуждали смѣло идти къ нимъ порфирородная Марія, сестра царя Алексѣя по отцу, но отъ другой матери, и-ея мужъ, Кесарь, происходившій изъ Италіи. Она крайне досадовала, что отцовское царство присвоитъ себѣ Протосеастъ; къ тому же она была женщина смѣлая и мужественная, питавшая естественную ненависть къ мачихѣ и не терпѣвшая, чтобы ктонибудь былъ выше ея и чтобы ее считали за соперницу. Поэтому она письмами, словно шпорами, раздражала Андроника, какъ коня, который стоитъ за оградой и рвется на ристалище, хотя чрезъ это дѣлала зло себѣ и ускоряла собственную гибель. Въ тоже время, не имѣя силъ скрыть свою ненависть къ Протосеасту, она явно ему противодѣйствовала и не опускала ничего, что клонилось къ его гибели. Склонивъ на свою сторону тѣхъ изъ своихъ родственниковъ, о которыхъ вѣрно знала, что они расположены къ Андронику и питаютъ непріязнь къ Протосеасту, именно: Алексѣя Комнина — незаконнорожденного сына царя Мануила, Андроника Лопарду, двухъ сыновей Андроника — Іоанна и Мануила, городека-

го Епарха (¹) Іоанна Каматира и многихъ другихъ, она составила заговоръ и, утвердивъ клятвою вѣрность къ царю и брату, опредѣлила смерть Протосеасту и только выжидала благопріятнаго случая умертвить его. Полагая, что задуманное дѣло удобно исполнить во время выхода Протосеаста вмѣстѣ съ царемъ въ Ваопріаксъ для празднованія памяти мученика Θεодора въ субботу на первой недѣлѣ Великаго поста, она подготовила все для исполненія своего замысла и подговорила убійцъ, которые должны были обнажить смертоносное оружіе противъ врага; но по какому-то случаю не успѣла въ своемъ намѣреніи. И замыселъ и заговоръ, спустя немного времени, были открыты. Тогда все заговорщики были представлены предъ царское судилище, сдѣлано изслѣдованіе ихъ преступленія,—впрочемъ только для вида, но не на дѣлѣ, потому что тотчасъ же послѣдовало осужденіе, — и они, какъ безгласныя рыбы, отведены были въ тюрьму, не получивъ даже позволенія защитить свои намѣренія.

3. А сама порфирородная съ мужемъ Кесаремъ прибѣгаетъ въ Великую церковь и объявляетъ, что ищетъ убѣжища отъ мачихи, которая питаетъ къ ней непримиримую вражду, и отъ ея жестокаго любовника. Этимъ она не только возбуждала жалость въ патріархѣ и во всѣхъ, служавшихъ внутри священной ограды, но и многихъ изъ собравшагося народа и черни такъ расположила къ себѣ и тронула, что они чуть не пла-

(¹) Именемъ городского Епарха назывался начальникъ города Константинополя.

кали о ней. Ободренная участіемъ народа, а частью и сама возбудивъ къ возстанію бѣдную толпу раздачею мѣдныхъ статировъ, она пренебрегла тѣмъ, что обыкновенно даруется ищущимъ спасенія въ убѣжищахъ, и когда ей предлагали прощеніе въ преступленіяхъ, въ которыхъ она была уличена,—не только не хотѣла ничего слушать, но требовала, чтобы ея соумышленники были подвергнуты вторичному суду и освобождены изъ заключенія. Не соглашаясь ни подъ какимъ видомъ на то, чтобы Протосеастъ управлялъ общественными дѣлами, она всячески унижала его и говорила, что онъ заходитъ за предѣлы дозволеннаго, отваживается на дѣла, совершенно незаконныя, и тѣмъ кладетъ пятно на ея родъ. За тѣмъ, мало по малу увеличивая свои требованія, она стала настаивать, чтобы Алексѣй былъ выгнанъ и изъ дворца, и какъ терніе, выросшее около благороднаго растенія, былъ исторгнутъ съ корнемъ и истребленъ, потому что это терніе, выросшій, задушить, какъ пшеницу, самодержца. Очевидно, она желала того, что не могло исполниться: Алексѣй, однажды приросши къ царскимъ чертогамъ, какъ полипъ къ камнямъ, и распустивъ кругомъ свои цѣпкія волокна, отнюдь не думалъ отсюда выходить. Между тѣмъ царь и братъ—говоря о царѣ, я разумѣю приказанія Протосеаста и царицы матери—грозили сестрѣ Кесариссѣ, что, если она добровольно не оставитъ святилища, ее возьмутъ и выведутъ изъ храма насильно. Но она отвѣчала, что никогда не выйдетъ по доброй волѣ, и, опасаясь, что бы ея не

схватили, приставила къ храму стражей, заняла все входы часовыми и обратила домъ молитвы въ пещеру разбойниковъ или въ сильную, неприступную и неодолимую крѣпость. За тѣмъ, простираясь все далѣе и далѣе по своему дурному и предосудительному пути, она собираетъ себѣ на помощь и войско, и обращаетъ божественную ограду въ лагерь. Именно она созвала тяжело-вооруженныхъ Итальянцевъ, вооружила мужественныхъ восточныхъ Ивировъ, прибывшихъ въ городъ по дѣламъ торговымъ, и привлекла на свою сторону вооруженную римскую фалангу. Она не слушала никого, кто склонялъ ее къ миру, не уваживъ и самого патріарха, который съ жаромъ на томъ настаивалъ и предлагалъ весьма дѣльные совѣты, какъ ей поступить, и часто даже съ гнѣвомъ бранилъ ее. И во всехъ другихъ городахъ народная толпа бываетъ неразумна и чрезвычайно необузданна въ своихъ стремленіяхъ; но въ Константинополѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь, эта толпа склонна къ возмущеніямъ, отличается дерзостію и любовію къ кривымъ путямъ, и это потому, что она состоитъ изъ разноплеменныхъ народовъ и отъ занятія разнаго рода ремеслами теряетъ, можно сказать, здравый смыслъ. И такъ какъ худшее обыкновенно и всегда беретъ перевѣсъ, и между многими незрѣлыми ягодами съ трудомъ можно найти и одну спѣлую, то эта толпа и не по разумному убѣжденію домогается чего либо, и не охотно отступаетъ отъ своихъ незаконныхъ требованій. Иногда возбужденная къ возстанію однимъ лишь слухомъ, она бываетъ

яростнѣе огня, съ радостію идетъ на мечи, и упорно противится, подобно скаламъ и утесамъ; а иногда бываетъ крайне боязлива, трепещетъ при всякомъ шумѣ и позволяетъ всякому желающему попирать себя ногами, такъ что справедливо упрекаютъ ее въ непостоянствѣ и крайней переменчивости. Оттого-то сбродъ людей, населяющихъ городъ Константина, ни самъ для себя никогда не придумалъ и не сдѣлалъ ничего хорошаго, ни другихъ не слушалъ, когда кто и хотѣлъ ввести какую нибудь общепользую и благотворную мѣру. Всегда дѣйствуя противоположно тѣмъ городамъ, которые наслаждаются благоденствіемъ, эти люди все, что приносятъ имъ земля и море, безъ всякой пользы для себя передаютъ и пересылаютъ въ другіе, иноплеменные города. А неуваженіе ко властямъ они удержали за собою, какъ врожденное имъ зло; ибо, кого сегодня превозносятъ, какъ законнаго властителя, того на другой день поносятъ, какъ злодѣя, въ томъ и другомъ случаѣ, очевидно, дѣйствуя не по разумному убѣжденію, а по глупости и легкомыслію.

6. Поэтому-то и теперь начались у нихъ сходки и стали составляться собранія. Первоначально они позволяли себѣ только свободныя рѣчи, именно жалѣли о порфирородной Маріи, говоря, что она страдаетъ незаслуженно, кричали противъ Протосеаста, какъ противъ человѣка, который благоденствуетъ не по достоинству и злоупотребляетъ своимъ счастіемъ, и негодовали на мать царя. Но потомъ, мало по малу увлекаясь

далѣе, они дошли до явнаго возмущенія, и когда одинъ священникъ вынесъ на площадь изображеніе Христа Спасителя, другой явился съ крестомъ, носимымъ на плечахъ, еще одинъ съ развѣвающимся священнымъ знаменемъ,—къ нимъ, какъ къ молоку мухи, налетѣли мятежники. Всѣ, какбы условившись заранѣе, выражали шумныя благожеланія царю, и въ тоже время,—какъ это обыкновенно бываетъ у мятежниковъ, которые начинаютъ всегда прекрасно, но оканчиваютъ бунтомъ,—Протосеваста и государыню осыпали проклятіями. И это дѣлали они, собираясь не въ одномъ только Миліонѣ; (¹) но они приходили и въ самый циркъ, и здѣсь, занявъ полукружіе и ставъ въ виду императорскаго дворца, позволяли себѣ тѣже мерзости. Все это, продолжаясь нѣсколько дней, волновало народъ и побуждало его къ мятежу. Наконецъ чернь взбунтовалась и бросилась грабить и разрушать прекраснѣйшіе дома, принадлежавшіе людямъ, къ которымъ особенно расположены были Протосевасть и государыня. Въ томъ числѣ былъ и чрезвычайно красивый домъ Θεοδωρα Παντεχνα, городского Епарха и начальника надъ царскимъ казнохранилищемъ, облеченнаго высшаго судебною властію. Самъ онъ только бѣгствомъ спасъ свою жизнь, а все его имѣніе было разграблено. Мятежники не пощадили даже публичныхъ актовъ,

(¹) Миліономъ или Миліемъ—Μιλίων—называлось обширное зданіе со сводами и арками, украшенное статуями и разными фигурами. Оно было устроено и названо по примѣру римскаго Милліаріа (Milliare), отъ котораго начинались всѣ римскія дороги. Bandur. Antiqu. Constant. tom. 2. p. 366.

въ которыхъ изложены были права гражданъ, утвержденныя прежними царями, и которые въ обществѣ были полезны для всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, для весьма многихъ, между тѣмъ какъ прибыль отъ присвоенія ихъ была ничтожна и не простиралась даже и на столько, чтобы эта пьяная чернь могла за нихъ напиться. Протосевасть и его приверженцы, видя, что зло постоянно увеличивается, собрали совѣтъ и разсуждали о мѣрахъ къ прекращенію мятежа. И такъ какъ они видѣли, что Кесарисса Марія ни въ какомъ случаѣ не думаетъ отказаться отъ своихъ намѣреній и нисколько не уменьшаетъ своихъ чрезмѣрныхъ притязаній; то рѣшились идти противъ нея войною и выгнать ее изъ божественнаго храма, какбы изъ какойнибудь крѣпости. Созвавъ, поэтому, не малое количество войска изъ восточныхъ и западныхъ легіоновъ и собравъ его въ большой дворецъ, какбы въ одинъ лагерь, они стали выбирать мѣсто, съ котораго удобнѣе можно было бы напасть на находившихся въ храмѣ. Ибо и Кесарисса приготовилась уже къ отпору, желая борьбою рѣшить свою участь. Защитники ея разрушили съ этою цѣлію всѣ зданія, которыя по Августеону (¹) примыкали къ великому храму, и

(¹) Августеонъ—Αυγουδαίον—называлась обширная площадь между Софійскимъ храмомъ и большимъ или главнымъ Дворцомъ. Ее устроилъ и назвалъ Константинъ Великій въ честь своей матери Елены, которую провозгласилъ Августою и которой статую поставилъ на этой площади. Она со всѣхъ четырехъ сторонъ обнесена была портиками и обставлена великолѣпными зданіями. Входъ въ нее былъ съ разныхъ сторонъ—сквозь ворота. Bandur. libr. cit. pag. 359—360. conf. Ducang. Descript. S. Sophiae. p. 81—82. edit. Bonn.

взошли на большую арку, находившуюся въ Миліонѣ, чтобы отсюда отражать царскія войска. Равнымъ образомъ они заняли и охраняли и храмъ, посвященный Алексію и соединенный съ площадью Августеона. А царскія войска, поспѣшно выступивъ изъ большаго дворца на развѣтъ въ субботу, втораго числа мѣсяца Мая, 15-го индиктіона, сначала вступили въ храмъ Іоанна Богослова, такъ называемый—Діппіевъ⁽¹⁾, подѣ начальствомъ нѣкоего Армянина Савватія; потомъ взошли на крышу храма и подняли шумныя восклицанія. Когда наступило время сраженія,—было около третьяго часа дня, и Августеонская площадь была чрезвычайно набита народомъ,—эти воины, сражаясь съ высоты и бросая стрѣлы сверху внизъ, какбы молніи, наносили не малой вредъ защитникамъ Кесариссы, которые сражались съ высоты Миліонской арки и изъ храма Алексія. Когда же вышли изъ дворца еще другіе отряды хорошо вооруженнаго войска и заняли дороги и все узкіе проходы, ведущіе къ великому храму; то и народъ не могъ уже болѣе стекаться на помощь Кесариссъ, такъ какъ для всѣхъ доступъ прегражденъ былъ оружіемъ, и тѣ изъ ея защитниковъ, которые вышли изъ храма и, пройдя площадь Августеона, вступили въ бой съ царскими войсками на улицахъ, принужденные сражаться противъ превосходнаго числа, явно стали утомляться и мало по малу теряли отвагу. Такимъ—

(1) Такое названіе получилъ этотъ храмъ отъ того, что находился близъ мѣста, на которомъ стояли статуи двухъ лошадей (δύο и ὑππός), воздвигнутыя императоромъ Фокою. Bandur. l. cit. p. 367.

то образомъ началось открытое сраженіе и завязался жестокой бой: то бросали стрѣлы, то начиналась рукопашная схватка, и съ обѣихъ сторонъ слышны были и стоны падающихъ, и восклицанія поражающихъ. До самаго полдня сраженіе было нерѣшительно и побѣда оставалась сомнительною, колебля всѣмъ счастію равномѣрно на стороны обѣихъ войскъ и то склоняя перевѣсъ на одну сторону, то опять на другую. Но послѣ полудня побѣда, очевидно, склонилась на сторону царскихъ войскъ. Отразивъ своихъ противниковъ, вышедшихъ изъ храма, и вытѣснивъ изъ улицъ, они заперли ихъ внутри Августеона. Когда же эти были такимъ образомъ стѣснены, тогда обратились въ бѣгство и стоявшіе на аркахъ Миліона, а равно и тѣ, которые сражались изъ храма Алексія. Занявъ эти мѣста, царское войско водрузило на верху арокъ знамена съ изображеніемъ царей, а ворота Августеона разрушило сѣкирами и молотками. Теперь защитники Кесариссы не могли уже сопротивляться: поражаемые сверху тѣми, которые взошли на арки, они въ тоже время жестоко страдали и въ рукопашныхъ схваткахъ съ солдатами, которые ворвались на площадь. Они стали мало по малу уходить, пользуясь небольшимъ прикрытіемъ со стороны Римлянъ, которые, занявъ, выходящій на Августеонъ, андронъ, называемый Макрономъ, и смѣжный съ Августеономъ домъ Фомаита, бросали въ защиту ихъ сверху камни и пускали стрѣлы. Наконецъ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, они оставляютъ Августеонскую площадь и входятъ въ преддверіе храма св. Софій, гдѣ ис-

кусною мозаическою работою изображенъ во весь ростъ первѣйшій и славнѣйшій изъ предстоящихъ Богу Архангеловъ Михаилъ, съ обнаженнымъ мечемъ, какбы приставленный стражъ святилища. Послѣ сего ни царскія войска не могли идти далѣе, опасаясь тѣсныхъ проходовъ храма, ни усердные защитники Кесариссы не выходили оттуда на сраженіе.

7. Между тѣмъ Кесарь и самъ патріархъ были въ тревогѣ: одинъ боялся за себя и за свою супругу, чтобы не попасть безславно въ руки непріятелей,—другой опасался, какъ бы враги не ворвались внутрь самаго святилища, какъ бы скверными ногами не попрали священнаго помоста и нечистыми руками, съ которыхъ каплетъ еще незастывшая кровь, не разграбили всесвятыхъ приношеній. Облачившись въ святительскую одежду и взявъ въ руки евангеліе, патріархъ сошелъ въ притворъ храма, въ который собрались бѣжавшіе защитники Кесариссы и который называется протекдикіемъ. А Кесарь, созвавъ тяжело вооруженныхъ воиновъ, которые охраняли церковные входы, и всѣхъ, окружавшихъ его и бывшихъ еще съ свѣжими силами латинскихъ копьеносцевъ, а равно и домашнихъ слугъ своей жены, всего числомъ до полутора ста человѣкъ, сталъ на одномъ возвышенномъ подножіи, какое отыскалось въ Макронѣ, и, окруживъ себя этими, готовыми къ битвѣ, людьми, сказалъ слѣдующую рѣчь. «Не противъ единоплеменниковъ и единовѣрныхъ, а противъ враговъ креста, слѣдовало бы снаряжаться въ эти воинскіе доспѣхи и вооружать руки ме-

чами. Но такъ какъ люди, дурно управляющіе римскимъ царствомъ, отняли у насъ къ этому возможность и заставили насъ невольно, противъ нашего желанія, изощрить наши копья противъ нихъ; то выступимъ безъ страха противъ нападающихъ на насъ, не будемъ думать, что они единовѣрцы намъ и наши соотечественники, но отнесимъ имъ, во-первыхъ, какъ врагамъ Бога, во святилище котораго они безстыдно врываются, а потомъ, и какъ нашимъ собственнымъ непріятелямъ. Это мщеніе совершенно безукоризненно. Ибо мы рѣшительно ничего не сдѣлали противъ нихъ и отнюдь не поднимали противъ нихъ оружія, а они безсовѣстно преслѣдуютъ насъ, какъ какихъ нибудь уголовныхъ преступниковъ и негодяевъ, безчестно нападаютъ на лежащихъ и, между тѣмъ какъ мы ищемъ защиты у Бога, хотятъ исторгнуть насъ изъ этого храма. Не такъ слѣдовало поступать имъ, какъ потому, что они не могутъ упрекнуть насъ ни въ чемъ недостойномъ, такъ и потому, что крайнее безуміе—рѣшительно осуждать или преслѣдовать съ оружіемъ въ рукахъ, словно злодѣевъ, тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ Богу, призывая его въ посредники и рѣшители споровъ. Итакъ, не должно считать дѣломъ незаконнымъ, когда кто сражается, чтобы защитить самого себя, и наносимый ударъ старается обратить на того, кто поражаетъ его; не должно щадить и единоплеменника, когда онъ нападаетъ съ мечемъ въ рукахъ и покушается на жизнь; нѣтъ, всякій враждующій долженъ считаться врагомъ и всякій, предпринимающій убійство, долженъ пасть. Притомъ,

мы угодимъ и Богу, если отразимъ скверноубійць отъ сего святилища, если противостанемъ этимъ алчнымъ, какъ видите, грабителямъ святыни, готовымъ расхитить ее. Если бы это было не такъ, если бы они полагали различіе между обыкновеннымъ и священнымъ; то, конечно, давно уже, какъ побѣдители, оставили бы желаніе ворваться во внутреннѣйшую часть храма. Но они до того безстыдны, что не только задумали ограбить наше имущество, но, какъ безумные, хотятъ присвоить и Божіе. Но, клянусь Распятымъ на крестѣ и этимъ копьемъ, не удастся имъ довести до конца своихъ замысловъ, — и Божіе достояніе будетъ сохранено неприкосновеннымъ отъ ихъ скверныхъ рукъ, и мы сами не будемъ ограблены». Сказавъ эти и подобныя слова, онъ сошелъ въ преддверіе храма, гдѣ, какъ я сказалъ, стоитъ съ обнаженнымъ мечемъ начальникъ вышнихъ и божественныхъ чиновъ Михаилъ, а за нимъ, какъ за своимъ вождемъ, послѣдовали всѣ другіе, вооруженные щитами, съ обоюдоострыми мечами въ рукахъ, точъ въ точъ мѣдныя статуи. Поставивъ тамъ всѣхъ въ боевой порядокъ и оградившись крестнымъ знаменіемъ, Кесарь первый выступилъ впередъ. Занимавшіе Августеонскую площадь испугались при самомъ первомъ натискѣ Кесаря, и бросились изъ ея выходовъ, давя другъ друга, при чемъ многіе изъ царскаго отряда были ранены, а одинъ и убитъ, бывъ пронзенъ мечемъ. Послѣ этого Кесарь опять возвратился туда же, откуда вышелъ, а царскія войска не осмѣливались уже войти на площадь, но ограничились

только тѣмъ, что издали бросали стрѣлы. Когда же день сталъ склоняться уже къ вечеру, сражающіеся, утомившись, прекратили дѣйствіе. Между тѣмъ и патріархъ послалъ къ государынѣ своего чиновника, который отъ того, что ходитъ во дворецъ, передаетъ царямъ желанія патріарха и приносить оттуда отвѣты, — получилъ названіе Палатина. Прежде всего патріархъ грозилъ царю гнѣвомъ Божіимъ, отъ котораго ничто не можетъ укрыться и который въ одно мгновеніе усматриваетъ всякое беззаконіе, гдѣ бы оно ни совершалось, — а потомъ передалъ слова Кесариссы касательно заключенія мира. Вслѣдствіе этого, для разрѣшенія непріятностей между обѣими сторонами, являются — великій Вождь Андроникъ Контостефанъ, великій Этеріархъ ⁽¹⁾ Іоаннъ Дука и многіе другіе сановники знатнаго происхожденія, облеченные высшими достоинствами. Но на этотъ разъ враждующіе прекратили сраженіе, скорѣе вслѣдствіе наступленія ночи, чѣмъ въ надеждѣ на примиреніе. На слѣдующій день они опять готовы были начать бой. Но такъ какъ снова

¹⁾ У Кодина, въ спискѣ придворныхъ должностей, великій Этеріархъ занимаетъ 15-е мѣсто. Въ кругъ его обязанностей, кромѣ распоряженій при выходѣ императора, входило — принимать приходящихъ изгнанниковъ, отчего, по Кодину, онъ получилъ и названіе этеріарха, какъ принимающій этеровъ (*ἐταίρους*) или друзей. Въ отличіе отъ подчиненныхъ ему этеріарховъ, онъ назывался великимъ. По другому мнѣнію, этеріархъ получилъ свое названіе отъ *ἐταίρεα*: а этеріей называлась когорта охраннаго при особѣ царя войска, составленнаго изъ однихъ иностранцевъ. Этерія была большая и малая: отсюда различіе этеріарховъ. Главная ихъ обязанность состояла въ охраненіи особы царя отъ подозрительныхъ лицъ. Codin. de off. pp. 36 et 190. Conf. Reisk. comment. ad Const. Porph. de cerem. pp. 55—56.

явились тѣ же лица и не только общались Кесариссѣ и ея мужу, подтвердивъ свое обѣщаніе клятвою, — что они не потеряютъ ничего неприятнаго ни отъ брата и царя, ни отъ мачихи-государыни, ни отъ Протосеваста Алексѣя, и не лишатся принадлежащаго имъ достоинства, но въ то же время объявили амнистію и тѣмъ, которые передались на ихъ сторону и были въ числѣ ихъ поборниковъ; то другаго сраженія уже не было. Всѣ разошлись тотчасъ же по окончаніи клятвенныхъ обѣщаній и по заключеніи мирнаго договора; а по наступленіи ночи, и Кесарь съ своею супругою вышли изъ храма и отправились въ большой дворецъ, въ которомъ тогда жили царственные особы.

8. Таковъ-то былъ исходъ этого дѣла Кесаря, и отъ такихъ-то причинъ возгорѣлась эта постыдная война, навлекшая на насъ прещеніе Божіе за оскорбленіе святыни. Я не оправдываю и некавшую въ храмѣ убѣжища Кесариссу, потому что она покусилась на преступныя дѣла и возмутила общественное спокойствіе. Но, конечно, никто не назоветъ невинными и тѣхъ, которые, оставивъ безъ всякаго вниманія ея просьбу, завели недобрую ссору и, вслѣдствіе того, домъ молитвы наполнили кровавымъ убійствомъ. Если римскій полководецъ Титъ, нѣкогда обложившій Иерусалимъ лагеремъ, такъ щадилъ Соломоновъ храмъ и столько заботился о его сохраненіи, что лучше рѣшился подвергаться нападенію и терпѣть уронъ въ собственномъ войскѣ со стороны іудейскаго ополченія, которое производило вылазки изъ храма, — чѣмъ предпринять что-либо богопротив-

ное въ отношеніи къ этому великолѣпному и чудному зданію, если такъ, говорю, поступилъ человѣкъ, не знавшій того Бога, храмъ котораго онъ уважалъ, но неразумно воздававшій почтеніе богамъ, не сотворившимъ неба; то какой чести не должны были бы оказать богобоязненные христіане этому прекраснѣйшему, этому божественному храму, по истинѣ созданію рукъ Божіихъ, дѣлу неподражаемому, и первому и послѣднему по красотѣ, представляющему собою на землѣ точно сводъ небесный!

Протосевасть питалъ непримиримую злобу на патріарха Феодосія за то, что тотъ явно противился его замысламъ и мѣшалъ его намѣреніямъ. Поэтому онъ еще и прежде вооружилъ противъ него многихъ епископовъ, подкупивъ ихъ золотомъ и угощеніями, и, не смотря на его отсутствіе, присудилъ его къ низложенію за то, будто бы онъ принялъ сторону Кесариссы во время ея возстанія противъ царя, и дозволилъ ей изъ храма, какъ бы изъ какого укрѣпленія, бунтовать съ оружіемъ въ рукахъ, возбуждать безумный и безразсудный мятежъ. Можетъ быть даже, онъ успѣлъ бы съ безчестіемъ и низложить его съ патріаршаго престола, если бы всеми мѣрами не противодѣйствовала этому Кесарисса. Съ одной стороны она не давала Протосевасту времени заняться низведеніемъ этого патріарха и возведеніемъ на его мѣсто новаго, а съ другой тщательно стерегла и самаго святѣйшаго отца, чтобы онъ, отказавшись отъ дѣлъ, тайно не удалился на покой въ построенный имъ монастырь на

островъ Теревинѣ, — и чрезъ то не сдѣлался виновникомъ ея гибели, такъ какъ ее тотчасъ же исторгли бы изъ храма и подвергли бы жестокой казни. Точно также и теперь, воспользовавшись благопріятнымъ временемъ для удовлетворенія своего гнѣва, Протосеастъ выгналъ преподобнаго отца изъ его священныхъ палатъ и послалъ въ заточеніе въ Пантепоптовъ монастырь. И много придумывалъ онъ средствъ, много составлялъ плановъ, совѣщался съ самыми негодными людьми между тогдашними членами сената, совѣтовался съ тѣми изъ служителей алтаря, которые не боялись ни кары Божіей, ни суда человѣческаго, — чтобы подъ благовиднымъ и приличнымъ предлогомъ свергнуть сего святителя. Но онъ не могъ достигнуть своей цѣли, сколько потому, что въ патріархѣ не нашлось рѣшительно ничего, что дало бы основательный поводъ къ низложенію, столько же и потому, что государыня и очень многіе, или даже почти все царскіе родственники чрезвычайно уважали этого мужа. Тогда этотъ коварный змѣй поневолѣ пересталъ извиваться и, проглотивъ назадъ ядъ, который приготовилъ изрыгнуть на святаго мужа, согласился и самъ возвратить патріарха на прежній престолъ. Когда наступилъ день, назначенный для возвращенія, все государственные сановники, все къ добру расположенные служители алтаря и все городское народонаселеніе, стекшись къ святой обители, составили для патріарха блистательную процессію, окропляя улицы духами и наполняя воздухъ благовоніемъ индійскихъ растений и ду-

шистыхъ ароматовъ. Процессія была до того многолюдна, что тотъ, для кого она была устроена, едва только глубокимъ вечеромъ вступилъ въ великій храмъ Премудрости Божіей, тогда какъ изъ Пантепоптова монастыря вышелъ на разсвѣтъ. И такой стыдъ покрылъ лица архіереевъ, признавшихъ его виновнымъ, что они не только избѣгали многолюдныхъ дорогъ, сознавая свою несправедливость къ архипастырю и, вслѣдствіе того, свое крайне смѣшное положеніе, но даже рады были бы и смерти. Такъ это было.

9. Между тѣмъ Андроникъ, которому такъ пламенно хотѣлось власти и котораго надежды поддерживались частыми письмами, издалика прилетавшими къ нему, какъ уже мною сказано, отъ знаменитыхъ особъ, получилъ наконецъ самыя вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается во дворцѣ, отъ дочери своей Маріи, которая бѣжала къ нему, гордясь быть дочерью такого отца. Пріятныя вѣсти, которыя онъ услышалъ отъ ней, подстрекнули его, какъ подстрекають шпоры бѣговаго коня. Оставивъ предѣлы паолагенскіе, онъ приходитъ въ понтійскую Ираклію, а оттуда отправляется далѣе и всюду разнаго рода хитростями, притворствомъ и изворотливымъ умомъ склоняетъ на свою сторону и привлекаетъ всехъ, встрѣчающихся на пути. Да и кто могъ родиться такимъ твердо-каменнымъ, или заковать свое сердце, какъ желѣзную наковальню, чтобы не тронуться ручьями слезъ Андроника, чтобы не очароваться вкрадчивостію рѣчей, которыя лились у него, какъ мутный потокъ, и которыя онъ рас-

точаль съ такою же хитростию, какъ и увлека-
тельностью, выставляя на видъ ревность свою ко
благу и притворно вступаясь за свободу царя?
Впрочемъ и Протосевасть съ своей стороны не
оставлялъ этого совершенно безъ вниманія, хотя
и былъ человѣкъ крайне женоподобный. Онъ не
только утро проводилъ въ безпробудномъ снѣ, но
и большую часть дня употреблялъ на то же, и
чтобы вождельный для другихъ свѣтъ солнца
не заставилъ его открыть свои глаза, завѣшивалъ
спальню плотными занавѣсами и скрывался во
тмѣ. Если надобно сказать всю правду, онъ лю-
билъ ночныя пирушки и разгонялъ ночной мракъ
искусственнымъ свѣтомъ, а когда солнце появля-
лось на востокъ горизонта, — подобно дикимъ
звѣрямъ, ложился въ постель и укрывался отъ
свѣта коврами и покрывалами. Онъ занимался
чищеніемъ гнилыхъ своихъ зубовъ, замазывалъ
смолою тѣ изъ нихъ, которые искрошились отъ
времени, былъ изнѣженъ и лѣнивъ, и при всемъ
томъ умѣлъ привязать къ себѣ большую часть
тогдашнихъ благороднѣйшихъ мужей. Въ этомъ
случаѣ помогло ему и покровительство, или, вѣр-
нѣе сказать, непобѣдимое посредничество матери
царя, которая своими свѣтлыми взглядами, жем-
чужною бѣлизною своего лица, любезнымъ харак-
теромъ, открытою душою и очаровательною пре-
лестію въ рѣчахъ привлекала къ себѣ всѣхъ,
точно цѣпью. Но большею частію онъ обольстилъ
деньгами и усыпилъ дарами тѣхъ, которые счи-
тали для себя обидою занимать второе по немъ
мѣсто. Вотъ почему ни одинъ изъ тѣхъ, кому

поручено было противостоять Андронику, не пере-
шелъ на его сторону, не смотря на то, что Андро-
никъ явно уже достигалъ власти, — никто не
измѣнилъ Протосевасту и не обольстился Андро-
никовою маскою тиранноненавистника. Такъ Ни-
кея, главный и обширнѣйшій городъ Вионинъ,
рѣшительно не приняла Андроника, и Іоаннъ Ду-
ка, на котораго была возложена ся охрана, остал-
ся непреклоннымъ, не смотря на письма Андро-
ника, въ которыхъ онъ громилъ доводами убѣди-
тельнѣе осадныхъ орудій и сильнѣе всякой сте-
нобитной машины. Равнымъ образомъ и великій
Доместикъ Іоаннъ Комнинъ, управлявшій обла-
стію Фракісійцевъ, не только заткнулъ уши отъ
обольщеній Андроника, но и посрамилъ его, какъ
тиранна, приникнувъ къ его словамъ, какъ бы
къ чистому и блестящему зеркалу, и замѣтивъ,
что въ нихъ отражается Андроникъ, какъ много-
личный Протей и тираннъ. Когда же Андроникъ
приблизился къ Тарсею и большая часть Никоми-
дійцевъ передалась на его сторону, противъ него
высланъ былъ съ достаточными силами Андро-
никъ — Ангелъ, котораго сыновья Исаакъ и Алексѣй
въ послѣдствіи заняли престолъ, послѣ Андрони-
ка. Ангелъ, вступивъ въ бой съ непріателемъ
около небольшой крѣпости Харакса, былъ блиста-
тельно разбитъ, хотя и имѣлъ дѣло не съ равно-
сильнымъ войскомъ и встрѣтился не съ воин-
ственнымъ противникомъ, а сражался съ какимъ-
то скопцомъ, который набралъ въ свои ряды
дрянныхъ поселанъ и кромѣ того привелъ съ со-
бою часть пафлагонскихъ воиновъ. Такъ какъ

вслѣдъ за этимъ пораженіемъ онъ тотчасъ же безславно возвратился въ Константинополь, то отъ него потребовали возврата денегъ, которыя были ему отпущены для военныхъ издержекъ. Видя, что его подвергаютъ отчету за то, что онъ, будто бы по дружбѣ къ Андронику, не только не исправилъ дѣлъ, какъ надѣялись, но привелъ ихъ еще въ худшее положеніе, Ангелъ по внушенію сыновей, которыхъ у него было шесть и всѣ — люди съ воинственнымъ духомъ и съ сильными мышцами, вздумалъ-было укрѣпить и привести въ оборонительное положеніе свой домъ, находившійся въ Екзокіонѣ ⁽¹⁾, и привлечь къ себѣ на помощь нѣсколько гражданъ. Но такъ какъ сознавалъ, что онъ не въ силахъ бороться съ превосходнымъ по числу царскимъ войскомъ и не въ состояніи одолѣть противниковъ, то измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился бѣжать. Выведя изъ дому и взявъ съ собою шестерыхъ сыновей и жену, онъ сѣлъ на корабль и отправился къ Андронику, который, увидѣвъ Ангела, говоритъ, сказалъ, при его приближеніи: «се Азъ посылаю Ангела моего предъ лицомъ твоимъ, иже уготовить путь твой предъ тобою». Ободрившись прибытіемъ двоюроднаго брата и видя успѣхъ въ своемъ предпріятіи, Андроникъ покинулъ окольные дороги, оставилъ безъ вниманія города Никею и Никомидію, не сталъ сворачивать туда

¹⁾ Такъ называлась мѣстность въ Константинополѣ за земляною стѣною, построенною Константиномъ, и называлась потому, что здѣсь стояла статуя (κονιον) Константина. Bandur. Antiquit. Constan. t. 2. p. 863 ed. Venet.

или сюда, но пошелъ прямо и неуклонно по дорогѣ, ведущей къ Константинополю. Остановившись на ночлегъ въ Певкіяхъ, — такъ называется одно мѣсто, лежащее выше Халкидона, — и поддерживая въ продолженіе цѣлой той ночи множество сторожевыхъ огней, не по нуждѣ для бывшаго съ нимъ войска, а для того, чтобы представить его въ преувеличенномъ видѣ, онъ дотогу увлекъ и привязалъ къ себѣ Византійцевъ, что они, оставивъ обычные дѣла, бросились смотрѣть на противоположный берегъ и, бродя по побережью и холмамъ города, знаками какъ-бы тянули къ себѣ еще вдали бывшаго Андроника. Такъ-то шли дѣла у плѣшиваго и сѣдаго Андроника!

10. Между тѣмъ Протосевасть Алексѣй, не имѣя возможности отразить наступающаго непріяеля сухопутными силами, — такъ какъ одни, для кого не совсѣмъ еще безопасно было явно переходить къ Андронику, тайно въ своихъ мысляхъ склонялись уже на его сторону, а другіе думали, что для вѣрности императору довольно оставаться дома и не приставать ни къ той, ни къ другой сторонѣ, какъ привыкъ народъ думать и говорить объ этомъ, частію по корыстному расчету, а частію и потому, что большая часть римскихъ государей всегда достигала власти убійствомъ и кровопролитіемъ, — пытался отвлечь угрожающую опасность битвою на морѣ. Съ этою цѣлію тріеры покрыли Пропонтиду. На однихъ изъ нихъ были гребцами и должны были сражаться съ палубъ Римляне, а на другихъ — быв-

шіе въ городѣ различныхъ націй латиняне, — самая лучшая и воинственная часть войска, которой деньги лились рѣкою, потому что Протосевасть, въ случаѣ нападенія, гораздо болѣе надѣялся на ея защиту, чѣмъ на самыхъ Римлянъ. Ему очень хотѣлось сдѣлать начальниками трииръ людей, особенно ему преданныхъ, и ввѣрить управленіе флотомъ своимъ родственникамъ. Но такъ какъ великій Вождь Контостефанъ воспротивился этому и никакъ не хотѣлъ отказаться отъ начальства надъ флотомъ, какъ по всѣмъ правамъ принадлежащаго ему, а не кому-либо другому, то Протосевасть, по необходимости долженъ былъ переимѣнить свое намѣреніе. Такимъ образомъ начальникомъ надъ всѣмъ флотомъ назначенъ былъ Андроникъ Контостефанъ, хотя при немъ и состояло нѣсколько родственниковъ и друзей Протосеваста, — и всякая переправа съ восточнаго берега была прервана. Спустя немного времени, со стороны царя отправляется посломъ къ Андронику одинъ изъ служителей алтаря, именно Георгій Кефилинъ. Представъ предъ лице тиранна, онъ вручилъ ему письмо и сказалъ все, что было наказано; а ему наказано было обѣщать Андронику множество даровъ, возведеніе на высшую степень почестей и милость отъ миролюбиваго Бога, если онъ оставитъ свой замыселъ, отъ котораго должны произойти междоусобныя войны, и возвратится къ прежнему мѣсту жительства. Андроникъ отвергъ это предложеніе, потому что посолъ Кефилинъ, какъ говорятъ, измѣнилъ своему долгу и убѣждалъ его отнюдь не соглашаться и не

дѣлать ни малѣйшей уступки. Обратившись съ надменною рѣчью къ посламъ, онъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ, что, если хотятъ, чтобы Андроникъ возвратился туда, откуда пришелъ, то пусть Протосевасть будетъ свергнутъ съ своего мѣста и дастъ отчетъ въ своихъ незаконныхъ дѣлахъ, пусть мать царя удалится въ уединеніе, навсегда остригши свои мірекіе волосы, а царь править по отеческому завѣщанію и не будетъ стѣсняемъ соправителями, какъ колосъ, заглушаемый плеведами. Между тѣмъ прошло еще нѣсколько дней, и великій Вождь Андроникъ также переходитъ на сторону Андроника и уводитъ съ собою всѣ длинные корабли, на которыхъ было войско, состоявшее изъ Римлянъ. Это обстоятельство болѣе всего другаго одушевило мятежнаго Андроника и совершенно сокрушило Протосеваста, такъ что онъ потерялъ всякую надежду и упалъ духомъ. Теперь уже не тайно собирались приверженцы Андроника; напротивъ люди, радующіеся общественнымъ переворотамъ, теперь явно издѣвались надъ Протосевастомъ и переплывали въ Халкидонъ. Являясь толпами къ Андронику, они удивлялись его росту, величественной красотѣ и почтенной старости, упивались медоточивостію его рѣчей, принимали все, что онъ обѣщалъ имъ, какъ полевая трава принимаетъ — дождь, или горы Сіонскія — росу Ермонскую, и возвращались въ величайшемъ восторгѣ, какъ будто-бы отыскали воспѣваемый золотой вѣкъ и упились сокомъ прелестныхъ плодовъ, или насытились такъ называемой трапезы Солнца. Иные впрочемъ съ пер-

ваго же взгляда тотчасъ узнали въ немъ волка, покрывшагося овечьей кожей, и змѣю, которая, какъ скоро отогрѣется, немедленно уязвить того, кто носитъ ее на своей груди.

11. Вслѣдъ за тѣмъ освобождаются изъ тюрьмы дѣти Андроника—Іоаннъ и Мануиль, а равно и всѣ другіе заключенные Протосевастомъ; на мѣсто же ихъ заключаются люди, къ которымъ онъ благоволилъ, и вообще всѣ его приверженцы и родственники. Да и самъ Протосевастъ, захваченный въ царскихъ чертогахъ, окруженъ былъ стражею изъ Германцевъ, съ заостренными съ одной стороны сѣкирами на плечахъ, и не имѣлъ свободы выхода. А въ полночь его тайно вывели изъ царскихъ палатъ и отвели въ темницу при патріаршемъ дворцѣ, построенную патріархомъ Михаиломъ, подъ надзоромъ той же или еще болѣе сильной стражи. О, какъ превратны дѣла человѣческія и какъ иногда измѣняются они быстрѣе слова! Тотъ, кто вчера шелъ непримиримою войною противъ Церкви, какъ человѣкъ знатный родомъ и крайне надменный счастіемъ, кто противозаконно исторгалъ изъ храма искавшихъ въ немъ убѣжища, вокругъ кого раздавались голоса тысячей народа, тотъ сегодня въ узахъ и безпріютенъ, не имѣетъ ни спутника, ни помощника, ни спасителя, ни избавителя. Протосевасту крайне тяжело было и это, но онъ еще болѣе сердился на то, что сторожа не давали ему спать, нападая на него всякій разъ, какъ только онъ обращался ко сну, и заставляя его держать глаза напряженными, какъ лукъ, или стрѣлу. Патрі-

архъ, съ своей стороны, не помня зла и соболѣзнуя о такой переменѣ судьбы, прилагалъ о немъ не малое попеченіе, облегчалъ его печаль своимъ присутствіемъ и увѣщавалъ сторожей обращаться съ нимъ кротче и не увеличивать своею жестокостію настоящаго его несчастія. Но едва прошло нѣсколько дней, какъ въ одно раннее утро выводятъ его изъ храма, сажаютъ на крошечнаго коня, несутъ впереди его привѣщенное къ трости знамя и съ такимъ посмѣяніемъ отвозятъ къ морю. Здѣсь бросаютъ его въ рыбацью лодку и отправляютъ на другой берегъ къ Андронику; а наконецъ, согласно съ общимъ приговоромъ высшихъ сановниковъ, по приказанію Андроника, выкалываютъ ему глаза. Таковъ былъ конецъ соцарствованія, или, лучше, еще неполнѣ утвердившейся тиранніи Протосеваста и его управленія общественными дѣлами. У него были руки способныя къ бою и персты его были научены на брань. Если бы онъ лучше приготовился къ борьбѣ и произвелъ болѣе стремительное нападеніе, онъ, можетъ быть, заградилъ бы Андронику доступъ къ городу и предохранилъ бы себя отъ постигшаго несчастія: потому что онъ могъ распоряжаться царскими сокровищами, какъ хотѣлъ, и для отраженія противника могъ воспользоваться тѣми тріирами, на которыхъ было войско изъ Латинянъ, лучшее во всемъ римскомъ флотѣ, все залитое мѣдью и закаленное въ кровавыхъ бояхъ. Но подъ вліяніемъ, какъ кажется, враждебной ему судьбы, онъ не выказалъ всей энергіи и ослабилъ свою дѣятельность, а Андроникъ напрягъ

всѣ силы и потому, напавъ на своего противника, опрокинулъ его и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду. Находясь еще по ту сторону пролива, Андроникъ объявилъ войну находившимся въ Константинополѣ Латинянамъ, выславъ противъ нихъ тріеры, которыя перешли къ нему вмѣстѣ съ великимъ Вождемъ, а равно и отборнѣйшую часть воинскихъ отрядовъ, которые присоединились къ нему на пути. А такъ какъ и жители города поднялись противъ нихъ, согласившись между собою произвести дружное нападеніе, то въ одно время началась битва и на морѣ и на сушѣ. Латиняне, будучи не въ состояніи противиться окружившей и опоясавшей ихъ отъ всюду двойной толпѣ враговъ, бросались, кто какъ могъ, спасать себя, оставивъ на произволъ грабителей свои дома, полные всякаго богатства и многоразличныхъ благъ, какихъ обыкновенно ищутъ люди. Они не смѣли ни оставаться на мѣстѣ, ни напасть на Римлянъ, ни сколько нибудь противиться ихъ нападенію. Поэтому одни разсѣялись, какъ случилось, по городу, другіе укрылись въ знатныхъ домахъ, иные же, добравшись до длинныхъ кораблей, которые заняты были ихъ единоплеменниками, кое-какъ избѣгли опасности погибнуть отъ меча. А кто былъ пойманъ, тѣ всѣ были осуждены на смерть, и всѣ безъ исключенія лишились имущества. Что же касается наполненныхъ бѣглецами тріеръ, онѣ, оставивъ городскія пристани, направились къ Геллеспонту и, приставъ къ островамъ, которые находятся не вдали отъ царственного города и недалеко вдают-

ся въ море,—говорю объ Островѣ Принцовомъ, Протѣ и другихъ смежныхъ съ ними островахъ,—тамъ провели остатокъ этого дня. На слѣдующій день, сжегши на этихъ островахъ нѣсколько святыхъ обителей, Латиняне поспѣшно выступили оттуда на всѣхъ веслахъ и съ распущенными парусами. Такъ какъ никто не преслѣдовалъ ихъ, то они, гдѣ хотѣли, высаживались на берегъ и дѣлали Римлянамъ все зло, какое только могли.

12. Въ это время явилась на небѣ комета, которая предвѣщала будущія бѣдствія, и явно изображала собою самаго Андроника. Представляя виѣшнимъ своимъ видомъ образъ и изгибы змѣи, явившееся свѣтило то вытягивалось, то спустя немного свивалось въ кольца, а иногда представлялось какъ бы съ отверстіемъ пасти и приводило въ ужасъ боязливыхъ зрителей, словно хотѣло сверху проглотить находившихся внизу и упиться человѣческою кровью. Съ вечера дня явленіе это продолжалось всю слѣдующую ночь и потомъ уже исчезло. Равнымъ образомъ, и приученный къ охотѣ ястребъ, бѣлый, съ ремennыми путами на ногахъ, много разъ терявшій перья на гнѣздѣ и опять вновь оперявшійся, направивъ полетъ съ востока къ знаменитому храму Слова Божія и влетѣвъ въ домъ Омаитовъ, привлекъ на себя вниманіе множества собравшихся по слуху зрителей. Были охотники, ухитрившіеся поймать его. Но онъ, поднявшись оттуда, прилетѣлъ къ большому дворцу и, посидѣвъ надъ тою комнатою, въ которой обыкновенно привѣтствуются

отъ всего народа только что получившіе верховную власть вѣнценосцы, спустя не много, воротился опять къ храму. Три раза онъ сдѣлалъ такой кругъ, и тогда уже наконецъ его поймали и представили царю. Многіе видѣли въ этомъ предзнаменованіе, что Андроникъ скоро будетъ схваченъ и подвергнется тяжкому наказанію; да и естественно, говорили они, относить къ нему это предзнаменованіе, потому что онъ много разъ уже подвергался темничнымъ узамъ, да и волосы у него бѣлые, какъ снѣгъ. Но другіе, лучше прозиравшіе въ будущее и одаренные умомъ болѣе проницательнымъ, утверждали, что этотъ троекратный полетъ въ одномъ и томъ же кругѣ предзнаменуетъ троекратное кругообращеніе временъ года, въ теченіе котораго Андроникъ будетъ царствовать надъ Римлянами, и затѣмъ опять попадетъ въ темницу и будетъ заключенъ въ кандалы.

Такъ какъ всѣ ѣздили черезъ проливъ къ Андронику, то наконецъ послѣ всѣхъ отправляется къ нему и патріархъ Феодосій съ знатнѣйшимъ духовенствомъ. Андроникъ, услышавъ, что первосвященникъ приближается къ его палаткѣ, тотчасъ выходитъ къ нему на встрѣчу, облекшись въ разрывную фіолетоваго цвѣта одежду изъ иверской ткани, спускающуюся до коленъ и заднихъ частей тѣла и закрывающую руки по локоть, и надѣвши на голову пирамидальную темнаго цвѣта шапку. Встрѣтившись съ патріархомъ, онъ повергся на землю къ копытамъ патріаршаго коня и лежалъ, растянувшись во всю величину свое-

го большаго роста. Потомъ, спустя не много, онъ встаетъ и начинаетъ лобызать подошвы ногъ патріарха, называя его спасителемъ царя, ревнителемъ добра, поборникомъ истины, вторымъ Іоанномъ Златоустымъ и прилагая къ нему всякаго рода почетныя названія. Патріархъ, видѣвшій тогда Андроника въ первый разъ, внимательно посмотрѣлъ на него и, замѣтивъ его грозный взглядъ, скрытый умъ, хитрый и пронырливый характеръ, величину роста, простирающагося почти до десяти футовъ, надменную походку, высокомерно нахмуренныя брови, всегдашнюю озабоченность и задумчивость, пожалѣлъ о тѣхъ, которые неразумно призвали къ себѣ такого человѣка на свою погибель, и сказалъ: «слухомъ я слышалъ о тебѣ прежде, а теперь привелось тебя и увидѣть и прямо узнать». Затѣмъ, продолжая говорить словами Давида, сказалъ: «якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ». Этимъ онъ тонко упрекалъ Андроника за притворное смиреніе, съ которымъ тотъ встрѣтилъ его, повергшись на землю и ласкаясь около него, какъ собака, и въ то же время выражалъ сравненіе видѣннаго съ тѣмъ, что рассказывалъ ему царь Мануиль, описывая Андроника такъ живо, что незнавшій его патріархъ представлялъ его какъ бы предъ глазами. Но обоюдность словъ его не укрылась отъ проницательнаго Андроника. Уязвленный въ душѣ двусмысленностію этихъ словъ, какъ бы обоюдоострымъ мечемъ, и принявъ густыя и словно нахмуренныя брови патріарха за выраженіе внутреннихъ, душевныхъ его движеній, онъ сказалъ

«вотъ скрытый Армянинъ», такъ какъ патріархъ съ отцовской стороны происходилъ, говорятъ, изъ Армянъ. Такимъ же образомъ издѣвался надъ патріархомъ Андроникъ и въ другой разъ, когда, бесѣдуя съ нимъ, съ притворною грустію говорилъ, что онъ одинъ остался попечителемъ царя Алексѣя, что нѣтъ у него ни сотрудника, ни помощника, что даже самъ его святѣйшество не помогаетъ ему, хотя царь Мануиль, отецъ царя Алексѣя, возложилъ на патріарха попеченіе о сынѣ и, преимущественно предъ всѣми близкими по родству, ввѣрилъ ему управленіе государствомъ. Патріархъ отвѣтилъ на это, что онъ давно уже отложилъ попеченіе о царѣ, то есть, считаетъ его въ числѣ умершихъ съ тѣхъ поръ, какъ Андроникъ вошелъ въ царственный городъ и управляетъ общественными дѣлами. Отъ этого отвѣта патріарха Андроникъ покраснѣлъ и спросилъ, что значитъ выраженіе: «отложилъ попеченіе» и въ какомъ смыслѣ оно сказано, притворяясь, будто не понималъ его, хотя вполне зналъ, что слова, сказанныя симъ святымъ мужемъ, намекали на смерть, грозящую строку-царю. Патріархъ, не желая еще болѣе раздражать противъ себя звѣря, и безъ того уже разъяреннаго, или возбуждать верблюда къ обычной ему блевотинѣ, истолковалъ сказанныя слова не въ истинномъ смыслѣ и не въ томъ значеніи, съ какимъ они были произнесены, но сказалъ, что онъ пересталъ заботиться о царѣ и давно уже оставилъ о немъ попеченіе какъ потому, что церковныя правила, да и преклонность лѣтъ, не дозволяютъ ему вмѣни-

ваться въ мірскія дѣла, такъ въ особенности потому, что Андроникъ самъ вполне сѣмьбеть, и безъ всякой посторонней помощи, воспитать отрока—царя.

15. Когда придворныя дѣла устроились такъ, какъ хотѣлось Андронику, который дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ чрезъ своихъ сыновей, друзей и тѣхъ изъ близкихъ къ царю по крови людей, которые безотвѣтственно предъ царемъ и совершенно свободно могли приходить къ Андронику, и соображаться съ его желаніями, то наконецъ и самъ Андроникъ садится въ тріиру и отправляется изъ Дамалиса. Переплывая чрезъ проливъ въ царственный городъ, онъ пѣвалъ изъ псалма Давидова и въ упоеніи приговаривалъ: «возвратись, душа моя, въ покой твой, ибо Господь благодѣтель твой. Онъ избавилъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и ноги мои отъ преткновенія.» Между тѣмъ царь Алексѣй и мать его Ксесія, по желанію Андроника, оставили большой дворецъ и переселились въ Филонатій, въ царскіе чертоги, называвшіеся Манганскими. Прибывъ сюда, Андроникъ царю отдастъ глубокій поклонъ, упавши предъ нимъ на колѣна, обнимаетъ его ноги, зарыдавъ по своему обычаю и залившись слезами; что же касается его матери Ксесіи, то онъ холодно поклонился ей и, по поводу ея присутствія тутъ, сдѣлалъ ей лишь мимоходомъ привѣтствіе, и то исполненное пренебреженія и изобличавшее ненависть, которую онъ съ давнихъ поръ таилъ противъ нея въ душѣ своей. Затѣмъ, пробывъ здѣсь не долго, онъ вышелъ и отпра-

вился въ приготовленную для него въ тѣхъ мѣстахъ палатку, вокругъ которой собрались, какъ птенцы собираются подъ крылья птицъ, и расположились въ своихъ шатрахъ всѣ благородные и знатные люди. Въ это-то время былъ захваченъ какой-то человѣкъ за то, что онъ въ неурочное почное время бродилъ около Андрониковой палатки, прося себѣ милостыни; это былъ второй Гомеровъ Ирѣ, человѣкъ нищій и бездомный, обитающій пороги богачей, чтобы кускомъ хлѣба удовлетворить своему желудку, оборванный и кесой. Слуги Андрониковы сначала обвинили его въ занятіи волшебствомъ, а потомъ безъ всякаго права отдали его въ жертву городской черни. Народъ, смотря на Андроника, какъ на лице божественное, безъ всякаго изслѣдованія вины, отвелъ бѣдняка на театръ и здѣсь, въ угодность Андронику, сжегъ его на кострѣ, приготовленномъ изъ сухихъ дровъ и вязанокъ хвороста.

Проживъ довольно долго съ царемъ въ Филопатіѣ, Андроникъ возымѣлъ желаніе войти въ многолюдный городъ и посѣтить гробъ своего двоюроднаго брата, царя Мануила. Прибывши съ этою цѣлю въ обитель Пантекратора, онъ спросилъ, гдѣ погребенъ почившій, и, ставъ предъ гробницею, въ которой заключено было его тѣло, горько заплакалъ и жалобно зарыдалъ, такъ что многіе изъ присутствовавшихъ, не вполнѣ знакомые съ хитрымъ Андроникомъ, чрезвычайно удивились и сказали: «вотъ чудо! Какъ онъ любилъ своего царственного родственника, хотя тотъ былъ жаркимъ его гонителемъ и не обращался

съ нимъ человѣколюбиво!»! Когда нѣкоторые изъ его родственниковъ хотѣли отвести его отъ могилы и говорили, что онъ уже довольно поплакалъ, онъ нисколько не послушалъ ихъ убѣжденій, но упросилъ, чтобы ему позволили еще на нѣсколько времени остаться у гробницы, потому что онъ имѣетъ нѣчто наединѣ пересказать почившему. Сложивши руки какбы для молитвы, съ распростертыми ладонями, Андроникъ возвелъ глаза къ каменной гробницѣ и, шевеля губами, но отнюдь не издавая звуковъ, которые доходили бы до слуха присутствовавшихъ, что-то тайно проговорилъ. Большинство приняло этотъ шопоть за какое-нибудь варварское заклинаніе. Но были и такіе, и это—въ особенности люди, гонящіеся за острымъ словомъ,—которые говорили, что Андроникъ издѣвается надъ царемъ Мануиломъ и явно ругается надъ почившимъ, говоря: «теперь въ моей ты власти, мой гонитель и виновникъ моего долгаго скитальничества, изъ-за котораго я сдѣлался почти всемірнымъ посмѣшищемъ и въ нищетѣ обошелъ всѣ страны, какія обтекаетъ солнце на своей колесницѣ. Ты, заключенный, какъ въ безвыходной тюрьмѣ, въ этомъ камнѣ съ семью вершинами, будешь спать непробуднымъ сномъ, пока не раздастся звукъ послѣдней трубы; а я, какъ левъ, напавшій на богатую добычу, вступивъ въ этотъ семихолмный и великолѣпный городъ, буду мстить твоему роду и заплачу ему жестокимъ возмездіемъ за все зло, какое перенесъ отъ тебя».

14. Послѣ этого Андроникъ, занявъ всѣ зна-

менитые и великолѣпные дома и проживая въ нихъ подобно странникамъ, сталъ распоряжаться общественными дѣлами по своему усмотрѣнію. Царю Алексѣю онъ предоставилъ заниматься несовой охотой и проводить время въ другихъ забавахъ съ тѣлохранителями, которыхъ приставилъ къ нему для того, чтобы они не только наблюдали за всѣми его входами и выходами зорче баснословнаго стоглазаго Аргуса, но и рѣшительно никого не допускали быть съ нимъ наединѣ и говорить о какомъ бы то ни было дѣлѣ. А самаго себя онъ всецѣло посвятилъ заботамъ не о томъ, чтобы благоустроить дѣла Римлянъ, но чтобы изгнать изъ дворца всякаго добраго совѣтника, всякаго человѣка мужественнаго и воинственнаго, подозрительнаго ему и способнаго къ управленію. Чтобы наградить за расположенность къ себѣ Пафлагонцевъ, равно какъ и всѣхъ другихъ, кто содѣйствовалъ ему въ мятежѣ, онъ удостоилъ ихъ почестей и осыпалъ щедрыми подарками. Распоряжаясь по своему произволу высшими почетными мѣстами и знатнѣйшими должностями, онъ на нѣкоторые изъ нихъ возвелъ собственныхъ дѣтей, а на другія избралъ людей постороннихъ, именно тѣхъ, которые послѣдовали за нимъ, какъ нѣкогда отступившіе отъ Бога живаго послѣдовали за Вааломъ, и славу отъ него предпочли прежней чести, благородной и доставшейся въ награду за заслуги. А изъ людей знатныхъ, одни были имъ изгнаны изъ дома и отечества и разлучены со всѣмъ дорогимъ сердцу, другіе заключены въ темницы и желѣзные оковы,

иные лишены зрѣнія, и притомъ такъ, что не знали сами никакой, явно возводимой на нихъ, вины. Тайно же ихъ обвиняли, — кого за то, что былъ знатнаго происхожденія, кого по тому, что часто отличался на войнѣ, или обладалъ прекрасною осанкою тѣла и замѣчательно красивою наружностію, или наконецъ представлялъ въ себѣ что нибудь другое хорошее, что язвило Андроника и внушало ему недобрый надежды, или раздувало искру прежнихъ мелкихъ оскорбленій и мало по малу воспламеняло доселѣ сокрытый и тлѣвшій подъ золою жаръ гнѣва. Вообще невыносимо было положеніе того времени, и взаимное недовѣріе, даже между ближайшими родственниками, было несноснымъ зломъ. Мало того, что братъ не смотрѣлъ на брата и отецъ бросалъ сына, если такъ угодно было Андроннику: они неумолимо содѣйствовали предателямъ и вмѣстѣ съ ними устроили гибель своего рода. Было и такъ, что иные сами доносили на своихъ домашнихъ, обвиняя ихъ или въ томъ, что они издѣваются надъ дѣйствіями Андроника, или даже въ томъ, что они расположены къ наслѣдовавшему отцовскую власть Алексѣю и не признаютъ надъ собою власти Андроника. Многіе были обвиняемы въ то самое время, какъ обвиняли, и, уличая другихъ въ злоумышленіяхъ противъ Андроника, сами были обличаемы или тѣми же, кого они обвиняли, или другими присутствовавшими, такъ что и тѣхъ и другихъ вели потомъ въ одну тюрьму. Въ подтвержденіе своихъ словъ я укажу на Іоанна Кантакузина, который въ ту

самую минуту, какъ жестоко избилъ кулаками какого-то еконца, по прозванію Циту, вышибъ ему зубы и разбилъ губы въ кровь за то, что тотъ, какъ было доказано, говорилъ съ царемъ Алексѣемъ объ общественныхъ бѣдствіяхъ, самъ былъ вдругъ схваченъ, ослѣпленъ и брошенъ въ мрачную тюрьму за то, что черезъ темничнаго сторожа послалъ поклонъ одному изъ братьевъ своей жены, бывшему въ заключеніи, Константину Ангелу. При такомъ порядкѣ дѣлъ всякой головѣ было о чемъ кручиниться, и теперь больше, чѣмъ когда нибудь, оправдывались и подтверждались самымъ дѣломъ все чудовищные рассказы Емпедокла о враждѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не только въ противной Андроннику сторонѣ всякій отличный и знаменитый человекъ подвергался жесточайшимъ страданіямъ, но и усерднѣйшіе его слуги не могли быть въ немъ увѣрены. Кому вчера подносилъ онъ лучший кусокъ хлѣба, кому предлагалъ откормленнаго тельца, кого поилъ благовоннымъ цѣльнымъ виномъ и включалъ въ кружокъ своихъ приближенныхъ, съ тѣмъ сегодня поступалъ злѣйшимъ образомъ. Не разъ случалось и такъ, что одинъ и тотъ же человекъ, въ одинъ и тотъ же день, подобно Ксерксову начальнику кораблей, былъ и вѣнчаемъ и обезглавляемъ, и благословляемъ и проклинаемъ. Оттого то многіе изъ приближенныхъ Андроника, люди съ умомъ проникательнымъ, принимали одобреніе его за начало опалы, награду какимъ нибудь человѣческимъ добромъ считали предвѣстницей потери имущества и благосклонность—знакомъ по-

гибели. Прежде, пока онъ не достигъ власти, не замѣчали, чтобы онъ былъ самый злой отравитель. Но потомъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней, все стали говорить—справедливо ли, не могу сказать—что онъ большой мастеръ растворять смертельные чаши, и что такой плачевный переходъ въ могилу прежде другихъ испытала отъ него Кесарисса Марія, дочь царя Мануила, которая и прежде всехъ и больше всехъ желала возвращенія Андроника въ отечество. Говорили, что одинъ ея слуга—евнухъ, доставшійся ей отъ отца, по прозванію Итеригіонитъ, подкупленный лестными обѣщаніями, подлил ей гибельнаго яда, и что эта отравка была не изъ тѣхъ, которая тотчасъ убиваютъ, но приближала къ смерти мало по малу и медленно прекращала жизнь. Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти своей супруги, вслѣдъ за нею отправился и мужъ ея, Кесарь. Говорили впрочемъ, что и онъ умеръ не естественною смертію, но и въ этомъ подозревали Андроника и полагали, что одна смертоносная чаша прекратила жизнь обоихъ знатныхъ особъ.

15. Вознамѣрившись выдать замужъ дочь свою Прину, прижитую имъ отъ двоюродной племянницы своей Θεодоры, за Алексѣя сына царя Мануила отъ Θεодоры Комниной ⁽¹⁾, онъ составилъ лаконическую записку къ священному собору и, чернилами подписавъ внизу свое имя,

⁽¹⁾ Та и другая Θεодора были двоюродныя сестры. Первая была дочь брата Мануилова, севастократора Псаака, бывшая въ замужествѣ за Балдуиномъ; а вторая—дочь другаго брата Мануилова, севастократора Андроника.

предложилъ ее для прочтенія и обсужденія въ общемъ собраніи. Сущность написаннаго состояла въ томъ, можно ли допустить брачный союзъ, въ которомъ представляется не много или даже не представляется ничего непристойнаго, по которому, между тѣмъ, можетъ повести за собою соглашеніе Востока съ Западомъ и освобожденіе плѣнныхъ, и доставить множество другихъ выгодъ государству. Эта коротенькая записка, какъ какой-нибудь большой ковшъ, или трезубецъ Нептуна, или, даже, какъ вполне созрѣвшее яблоко раздора, произвела смущеніе между членами собора и раздѣленіе между сенаторами, которые должны были судить объ этомъ, или, вѣрнѣе сказать, вооружила ихъ другъ противъ друга и раздѣлила на противныя стороны. Изъ нихъ большая часть, подкупленные деньгами и преклоненные обѣщаніями повышенія въ почестяхъ, одобряли—чего никакъ не слѣдовало бы—этотъ бракъ, какъ не запрещенный законами. Наглѣйшіе же изъ судей, люди, привыкшіе извлекать для себя пользу изъ подачи своихъ голосовъ и нищенствующіе по знатымъ домамъ, равно какъ сребролюбцы и святопродавцы изъ членовъ собора, утверждали, что нѣтъ даже родства между лицами, о бракосочетаніи которыхъ идетъ дѣло; потому что оба они были плодомъ незаконныхъ связей, а такого рода рожденія законами не признаются въ родствѣ между собою, а напротивъ считаются совершенно чуждыми другъ другу. Они говорили, что это дѣло ясное солнце и называли невѣжествомъ даже и мысль о томъ, буд-

то оно требуетъ какого нибудь изслѣдованія. Но другіе отнюдь не соглашались съ ихъ словами и, вооружившись законами, какъ равносильнымъ оружіемъ, отражали ихъ доводы, не допускали этого брака, какъ совершенно противозаконнаго и сильно ему противились. Предлагали это прекрасное рѣшеніе и держались правой стороны въ борьбѣ лишь не многіе изъ архіереевъ и служителей алтаря и нѣкоторые добросовѣстные изъ сенаторовъ. Да и тѣхъ соединила и поддерживала ревность патріарха, не допускавшая ихъ склониться на другую сторону, хотя сами по себѣ они дѣйствовали бы иначе. Патріарха же ни величіе Андроника не поколебало, ни сила его словъ не потрясла, ни угрозы не устрашили; онъ былъ непоколебимъ, какъ та скала, около которой вѣчно воздымаются огромныя волны и бушуетъ море, и которая, разбивая волны въ пѣну и преисполняя ревомъ шумящаго моря, твердо стоитъ на томъ же самомъ основаніи. Видя, однакожъ, что все бесполезно, что зло явно наступаетъ и несправедливость побѣждаетъ, онъ оставляетъ святительскія палаты и удаляется на островъ Теревиню, гдѣ приготовилъ для себя убѣжище и мѣсто погребенія. Тогда Андроникъ, принявъ удаленіе патріарха за прекраснѣйшій подарокъ судьбы,—такъ какъ оно случилось для него неожиданно и вмѣстѣ было согласно съ его видами,—заключилъ брачный союзъ, поручивъ благословить его архипастырю болгарскому, находившемуся въ то время въ столицѣ, и приступилъ къ выбору на патріаршій престолъ преем-

ника, который был бы готовъ исполнять все по его желанію. Выборъ Андрониковъ во вселенскіе предстоятели палъ на Василя Каматира, или, лучше, Василій, какъ говорили, самъ склонилъ на такой выборъ Андроника тѣмъ, что одинъ изъ всѣхъ письменно обѣщалъ Андронику исполнять, во время своего архіерейства, все, что будетъ угодно Андронику, хотя бы это было и совершенно незаконно, и наоборотъ—отвергать все, что Андронику не понравится.

16. Не только въ столицѣ такъ страдали, но и внѣ ея терпѣли еще большія бѣдствія,—какъ будто демонъ какой обошелъ Римлянъ и насылалъ на нихъ все напасти. Такъ султанъ иконійскій, узнавъ, что тотъ, кого онъ страшился, подобно Танталу, какъ камня, постоянно угрожающаго его головѣ, т. е. императоръ Мануилъ, сошелъ въ могилу,—силою оружія покорилъ Созополь и, ограбивъ окрестныя богатые селенія, утвердилъ ихъ за собою, продолжительною осадю причинилъ много вреда знаменитому городу Аттала, совершенно разрушилъ Котіай⁽¹⁾ и овладѣлъ другими областями. Съ другой стороны великій Доместикъ, изъ рода Комниныхъ, по прозванію Ватаца, мужъ искусный въ воинскомъ дѣлѣ, много разъ одерживавшій неоднократно побѣды надъ Персами, живя въ Филадельфій, мужественно противился Андронику. Пренебрегая его приказаніями, онъ на страшныя его угрозы

отвѣчалъ еще страшнѣйшими и, обвиняемый въ домогательствахъ власти, самъ обвинялъ того, кто уже открыто владѣлъ ею и поносилъ его, какъ враждебнаго демона, истребляющаго царскій родъ. Велѣдствіе этого азіатскіе города кипѣли смутами и междоусобными войнами, и оттого страдали гораздо болѣе, чѣмъ отъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ, такъ что, можно сказать, чего не коснулась рука иноплеменниковъ, то разрушено было рукою соотечественниковъ, и единоплеменники, забывъ законы родства, воевали другъ съ другомъ совершенно — по варварски. Андроникъ рѣшилъ послать противъ Ватацы Андроника Лапарду, человека невиднаго по наружности, но съ большими талантами, поручивъ ему довольно значительное войско. А Іоаннъ Комнинъ, одержимый въ то время болѣзнію и стоявшій лагеремъ въ окрестностяхъ Филадельфій, противопоставилъ Лапардѣ двухъ сыновей своихъ, Мануила и Алексѣя. Такъ какъ война шла съ перемѣннымъ счастьемъ и съ обѣихъ сторонъ гибло много людей въ междоусобныхъ ошибкахъ, то Ватаца глубоко скорбѣлъ и горько жалѣлъ, что поразившая его болѣзнь не давала ему дѣйствовать и безвременно приковала его къ одру, тогда какъ ему слѣдовало бы предъ всѣми обнаружить и выказать свою воинскую доблесть, слышать отъ восточныхъ городовъ обычные клики побѣды, и самымъ дѣломъ показать, противъ какого вождя воюетъ дряхлый Андроникъ. Тѣмъ не менѣе онъ выказалъ на дѣлѣ, что ревность воскрешаетъ и мертвыхъ и что нѣтъ ничего сильнѣе чувстви-

⁽¹⁾ Созополь и Атталія—города въ Памфиліи; а Котіай или Котіэй—во Фригіи.

тельнаго сердца. Именно онъ приказываетъ положить себя на простыя носилки и вынести на холмъ, откуда можно было обозрѣвать поле сраженія. Когда это было исполнено, онъ приказалъ сыновьямъ своимъ разставить войско въ извѣстномъ порядкѣ, и въ слѣдствіе того побѣда блистательно перешла на сторону его войскъ, а войско Лапарды обратило тыль и очень долго было преслѣдуемо и поражаемо. Спустя не много дней Ватаца скончался. Филадельфійцы, горько и искренно оплакавъ его, рѣшились, все безъ исключенія, передаться Андронику. Нѣкоторые же, въ порывѣ усердія, направили свой полетъ даже въ самый царствующій городъ и, раболѣпствуя предъ Андроникомъ, каркали на орла — Ватацу и его молодыхъ птенцовъ, какъ крикливыя вороны, или, какъ трутни, жужжали на улицахъ и въ царскихъ дворцахъ, занявшись дѣломъ празднолюбцевъ и людей злоязычныхъ. Между тѣмъ сыновья великаго Доместика, боясь быть схваченными и выданными Андронику, скрылись изъ Филадельфій и ушли къ Иконійскому султану. Но своими послѣдующими бѣдствіями они ясно показали, что никому нельзя уйти изъ западни, или избѣжать сѣтей, если уже такъ опредѣлено небеснымъ Промысломъ. Будучи недовольны продолжительнымъ пребываніемъ у султана, который не хотѣлъ подать имъ помощи противъ ихъ враговъ, они рѣшились удалиться въ Сицилію, сѣли на корабль и, пользуясь сначала попутнымъ вѣтромъ, переплыли критское море. Но тутъ настала противный вѣтеръ; они, по необходимости, приста-

ли къ Криту и, будучи узнаны тамъ однимъ стражемъ, — то былъ съкироносецъ, родомъ кельтъ, — были схвачены и представлены критскому сборщику податей. Этотъ хотѣлъ было спасти ихъ и выпроводить невредимыми съ острова, заготовилъ имъ хлѣба, нагрузилъ вина и приготовилъ все нужное для плаванія; но, не имѣя возможности исполнить свое намѣреніе, потому что о нихъ узнали уже все, — долженъ былъ послать донесеніе Андронику объ этихъ несчастныхъ Комниныхъ. А этотъ свѣтоненавистникъ и непримиримый врагъ людскихъ глазъ приказалъ ослѣпить ихъ.

Принявъ смерть Ватацы за знакъ божественнаго смотрѣнія, Андроникъ къ прежнимъ своимъ обманамъ присоединилъ теперь еще новую хитрость, чтобы скрыть свои замыслы. Онъ предложилъ царю Алексію короноваться самодержцемъ, и при этомъ, поднявъ его на плечи, съ горячими слезами принесъ его на амвонъ великой Церкви, въ виду многихъ тысячъ народа константинопольскаго и иногороднаго, и опять такимъ же образомъ вынесъ его оттуда. Казалось, онъ любилъ его больше отца и былъ правою рукою для юной царственной отрасли, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ явно приводилъ въ исполненіе слова Давида: *вознесъ низвергъ мя еси* (Пс. 101, 11), объ этомъ думалъ и къ этому велъ дѣло.

17. Съ этою именно цѣлію онъ постарался устранить всѣхъ и, сдѣлавшись во всемъ господиномъ, распоряжался государственными дѣлами, какъ хотѣлъ. Такъ, желая прежде всего удалить

мать царя отъ ея сына и царя, онъ не переставалъ обвинять ее и постоянно показывалъ видъ, будто самъ намѣренъ удалиться, ссылаясь на то, что она самымъ очевиднымъ образомъ идетъ на перекоръ ему и противодѣйствуетъ всѣмъ его мѣрамъ и распоряженіямъ, предпринимаемымъ для блага общества и царя. Въ тоже время онъ возбуждалъ противъ нея негодованіе народа и своими происками достигъ того, что народъ не разъ собирался шумными толпами къ святительскимъ палатамъ и не только заставилъ знаменитаго патріарха Θεодосіа противъ воли согласиться на слѣдствіе и приговоръ противъ государыни, но принудилъ и его самого одобрить своимъ мнѣніемъ удаленіе ея и изгнаніе изъ дворца. Буйная и наглая чернь, ни во что ставя подобающее патріарху благоговѣніе, можетъ быть, схватила бы его и за бороду, если бы онъ не согласился на требованіе Андроника, чтобы такимъ образомъ отвратить отъ себя грозившую опасность. Едва также не подверглись смерти и нѣкоторые изъ Вило-судей, (¹) именно: Димитрій Торникъ, Левъ Монастиріотъ и Константинъ Патрипъ, которые еще не включили себя въ списокъ приверженцевъ Андроника, не рабодѣйствовали очевиднымъ образомъ предъ каждою его прихотью

(¹) У Кодица, въ списокъ придворныхъ должностей, нѣтъ должности Вило-судей— *ὁ κριτὴς τοῦ βήλου*; но въ другихъ спискахъ она занимаетъ пятьдесятъ четвертое мѣсто. Изъ словъ Вальсамона (*Meditat. de Chartophylace*): *δωδεκὰς τοῦ βήλου καὶ τοῦ ὑποβήλου κριτῶν* видно, что такихъ судей было нѣсколько. Чѣмъ они отличались отъ другихъ судей—неизвѣстно.

и не ползали предъ нимъ на колѣнахъ. Когда отъ нихъ потребовали сказать свое мнѣніе по взводимымъ на государыню обвиненіямъ, они объявили, что желали бы напередъ знать, съ согласія ли и опредѣленія самодержца состоялось это совѣщаніе, собраніе и разсужденіе о подлежащемъ дѣлѣ. Эти слова, какъ рожонъ, укололи Андроника, и онъ сказалъ: «вотъ люди, которые наводятъ Протосебаста на незаконныя дѣла; схватите ихъ!» И въ ту же минуту тѣлохранители взяли ихъ за носимые на плечахъ, заостренные съ одной стороны мечи, съ намѣреніемъ поразить ихъ, а народъ, схвативъ ихъ за плащи, съ безчестіемъ таскалъ туда и сюда этихъ мужей, такъ что они едва избѣжали смерти.

Достигнувъ удаленія государыни изъ дворца, Андроникъ велѣлъ за тѣмъ принялся за вельможъ. Считая невыносимыми подобныя дѣйствія Андроника и явно имѣя предъ глазами циклопскій пиръ, они, согласившись между собою, заключили союзъ и, скрѣпивъ страшными клятвами свое единодушіе, положили не давать очамъ сна, ни головамъ, сколько это возможно, покоя, пока Андроникъ не будетъ лишенъ жизни и не окрасится собственною своею кровію вмѣсто багряной краски, которою домогается окрасить свою одежду, и для того съ корнемъ истребляетъ весь царскій родъ и терзаетъ его, какъ дикій вепрь. Такъ сговорились между собою Андроникъ, сынъ Константина Ангела, Великій Вождь Андроникъ Контостефанъ и шестнадцать ихъ сыновей, всѣ—въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и обнажавшіе мечъ на

войнѣ, Дромо-логоветъ Василій Каматиръ и многіе другіе, близкіе къ нимъ по происхожденію, да и сами по себѣ люди знаменитые. Но этотъ заговоръ не до конца остался тайнымъ; о немъ стали говорить и онъ сдѣлался извѣстнымъ Андронику. Поэтому Андроникъ тотчасъ же напалъ на сына Ангелова, жившаго тогда не подалеку отъ земляныхъ воротъ города; но тотъ счастливо избѣжалъ сѣтей, разставленныхъ ему оруженосцами Андроника, и успѣлъ, вмѣстѣ съ своими сыновьями, спастись бѣгствомъ. Случайно напавши на небольшую лодку, наполненную пустыми кувшинами, онъ выбросилъ ихъ въ море, какъ негодныя вещи, а самъ съ дѣтьми вошелъ въ нее и кое-какъ уплылъ отъ опасности. Что же касается Контостефана, четырехъ его сыновей и Василія Каматира,—они всѣ были схвачены и ослѣплены, равно какъ и всѣ другіе, о комъ узналъ Андроникъ не по явной уликѣ, но по простому слуху, и то нерѣшительному, что они участвовали въ заговорѣ вмѣстѣ съ упомянутыми лицами. Такъ заклалъ и стубилъ Андроникъ тѣхъ, кого давно уже пламенно желалъ захватить въ свои руки, но до времени отлагалъ свое намѣреніе. А нѣкоторыхъ онъ заключилъ въ темницу, иныхъ осудилъ на изгнаніе изъ отечества, а другихъ погубилъ другими способами. Когда же увидѣлъ, что уже не много осталось людей, которые еще недавно отваживались идти наперекоръ большинству, и что эти немногіе, измѣнивъ, подобно блуждающимъ звѣздамъ, свое направленіе, дозволяютъ ему попираť свою шею

и движутся вмѣстѣ съ нимъ по его оси, то рѣшили ускорить гибель государыни. Послѣ различныхъ, выдуманныхъ противъ ней, обвиненій, онъ наконецъ обвиняетъ ее и въ измѣнѣ, собравъ съ этою цѣлю совѣтъ изъ своихъ друзей и выбравъ судей, которые имѣли намѣреніе не судить, а осудить эту несчастнѣйшую изъ женщинъ. И точно, она была осуждена въ томъ, будто бы вошла въ переговоры съ зятемъ своимъ по сестрѣ, венгерскимъ королемъ Велою, и побуждала его письмами и щедрыми обѣщаніями разрушить Враницову и Велеградъ,—и за то съ безславіемъ отведена въ монастырь св. Діомиды и заключена въ самую тѣсную тюрьму. Здѣсь она терпѣла наглыя оскорбленія отъ сторожей, осыпавшихъ ее насмѣшками, томилась голодомъ и жаждою и непрестанно воображала себѣ жестокаго убійцу, стоящаго съ ножомъ подлѣ нея. Андроникъ, между тѣмъ, нисколько не смягчилъ своего свирѣпства, но, по выраженію Давида, помышляя трудъ и болѣзнь, горѣлъ желаніемъ предать царницу смерти. Чрезъ нѣсколько времени, негодуя, что она находится еще въ живыхъ, онъ снова собралъ несправедливыхъ судей, которыхъ десница—десница неправды, и предложилъ имъ вопросъ, какое наказаніе полагается законами предателямъ городовъ и областей. Получивъ письменное рѣшеніе, что такимъ людямъ опредѣляется смерть, онъ съ этой минуты неудержимо устремился на гибель императрицы. И такъ какъ тѣ незаконные судьи возвысили голосъ и громко завопили, что должно лишить жизни эту злополуч-

нѣйшую изъ царицъ, то немедленно скрѣпляется царемъ—сыномъ бумага, написанная въ прямомъ смыслѣ брызгами материнской крови, осуждавшая ее на смерть. Для исполненія этого преступнаго и нечестиваго дѣла избраны были первородный сынъ Андроника Мануилъ и Севастъ Георгій, братъ жены Андроника. Но они оба съ негодованіемъ отказались отъ такого назначенія и пренебрегли указомъ царскимъ, сказавъ, что они и прежде отнюдь не согласились на умерщвленіе царицы и что руки ихъ чисты отъ этого чернаго дѣла, а теперь тѣмъ болѣе не могутъ согласиться, чтобы на ихъ глазахъ было растерзано невинное тѣло. Андроникъ, пораженный какъ громомъ этими, совершенно неожиданными для него, словами, сталъ крѣпко крутить своими пальцами волосы своей бороды; глаза его горѣли огнемъ и онъ, то склоняя голову, то поднимая ее, горько оплакивалъ свою несчастную судьбу и много разъ громко жаловался, что въ его самыхъ близкихъ друзьяхъ нѣтъ кровожадности и готовности, по одному мановенію, броситься на убійство. Сдержавъ свой порывъ, какъ ретивый и неукротимый конь, и погасивъ свой скрытный гнѣвъ, какъ гаснетъ пламя подъ окружившимъ его дымомъ, Андроникъ на этотъ разъ отложилъ убійство. Но спустя не много дней, онъ присуждаетъ несчастную къ страшной участи быть задушенной, при чемъ исполнителями его воли были Константинъ Трипсихъ, носившій поясъ Этеріарха, и скопецъ Птеригіонитъ, о которомъ все говорили, что онъ былъ убійцею и порфир-

рородной Маріи, отравивъ ее ядомъ. Такъ погибла эта красавица, радость очей и утѣшеніе для глазъ человѣческихъ, и была засыпана пескомъ на тамошнемъ морскомъ берегу. О солнце! Какое черное преступленіе! О безначальное Слово Божіе! Какъ непостижимо Твое долготерпѣніе!

18. А въ какомъ восторгѣ былъ отъ этого Андроникъ,—невозможно и выразить. Онъ таялъ въ душѣ своей отъ удовольствія, видя, какъ уничтожается родъ Мануила и посякаются деревья царственнаго разсадника, и представляя, что онъ одинъ останется въ римской имперіи и будетъ безбоязненно владѣть ея скипетромъ. Въ началѣ Сентября мѣсяца втораго индиктіона шесть тысячъ шестисотата года, онъ рѣшается провозгласить себя императоромъ. Нѣкоторые изъ подлой толпы его приверженцевъ, безъ сомнѣнія съ его согласія, хотя онъ и скрывалъ свое желаніе, внесли въ совѣтъ предложеніе о возникшемъ вновь между Виоинцами возстаніи и о принятіи городомъ Никеею Исаака Ангела и Θεодора Контакузина, равно какъ о злоумышленныхъ дѣйствіяхъ Прузейцевъ, которые водворили у себя Θεодора Ангела и затѣяли тоже, что Никейцы. И не иначе, сказали они, можно усмирить мятежниковъ, какъ развѣ когда будетъ царемъ Андроникъ, который, по своимъ осеребреннымъ отъ времени волосамъ, несравненно мудрѣе юношей,—развѣ когда онъ, возсѣвши на украшенный драгоцѣнными камнями престолъ и возложивъ на себя царскую діадиму, будетъ самодержавствовать вмѣстѣ съ несовершеннолѣтнимъ царемъ, вникая въ потребности и

выполняя назначенія съ большею силою и полномочіѣйшею властію. При этомъ всѣ, стоявшіе около, равно какъ и тѣ, которые, по знатности рода и высотѣ достоинствъ, возсѣдали вмѣстѣ съ Андроникомъ, тотчасъ же единогласно закричали, что это предложеніе предметъ давнишняго ихъ желанія, что теперь не время долѣе откладывать, и что они готовы употребить даже силу, если ихъ убѣжденія не будутъ имѣть успѣха. И точно, они начали возгласять благожеланія и во все горло, чуть не надрываясь отъ крика, заплѣли такое провозглашеніе: «Алексѣю и Андронику, великимъ царямъ и самодержцамъ римскимъ, Комнинымъ, многая лѣта». Когда слухъ объ этомъ знаменитомъ дѣлѣ разнесся между городескими дураками, — константинопольскій народъ стоитъ такого названія, — толпы людей всякаго рода, всякаго ремесла и всякаго возраста, подобно несмѣтному рою пчелъ, высыпали и стеклись къ мѣсту собранія. Въ это же время одинъ изъ Вилло-судей, — я охотно умолчу о его имени, — введенный за усерднѣйшую службу Андронику въ должность сановника, завѣдывающаго прошеніями (¹), и еще одинъ продажный крикунъ и подлѣйшій слуга тиранніи, почтенный званіемъ Прото-нотарія, когда молва о провозглашеніи Андроника разнеслась повсюду и достигла ушей и этихъ гнусныхъ ласкателей, — какъ бы однимъ духомъ

(¹) У Кодина, въ каталогъ придворныхъ должностей, этотъ чиновникъ — *ὁ ἐπὶ τοῦ δεξιῶν* — занимаетъ сорокъ-четвертое мѣсто. На его обязанности было принимать просьбы, подаваемые царю во время его выѣздовъ. Codin. de offic. pp. 11 et 39.

прилетѣли къ тираннову дому, такъ называемому дому Михайлица, гдѣ совершались эти незаконныя дѣла. Сбросивъ съ себя сенаторскіе головные покровы и взявшись за висѣвшіе на спинѣ бѣлоснѣжные плащи, они распустили ихъ на подобіе шаровъ, составили изъ простонародья хороводъ и, принявъ надъ нимъ начальство, стали пѣть на пріятный и мѣрный напѣвъ, выпрыгивали впередъ и сводя руки какъ бы для рукоплесканій, слегка потрясали ногами, кружились по срединѣ и, сопровождая свою пляску пѣніемъ и кликами, колотили землю. Какое безстыдство! Какая глупость и легкомысліе! Когда Андроникъ пришелъ изъ дома тираннова во Влахернскій дворецъ и вступилъ въ находящуюся въ немъ высокую комнату, которая называется Политимомъ (¹), является туда и царь Алексѣй, услышавъ во дворцѣ и радостные клики и въ тоже время плачевные стоны, потому что не всѣ увлеклись тогдашними обстоятельствами. Видя, что почти всѣ провозглашаютъ Андроника царемъ, онъ по неволѣ долженъ былъ добровольно уступить силѣ событій, и потому началъ и самъ, вмѣстѣ съ другими, льстить старикашкѣ, упрашивая Андроника царствовать вмѣстѣ съ собою и склоняя къ этому дѣлу того, кто уже давно неудержимо стремился къ нему. Андроникъ жеманился и шутилъ надъ собраніемъ. Тогда болѣе жаркіе изъ приверженцевъ Андроника, схвативъ его обѣими руками, посадили на златотканное ложе, на которомъ возсѣдалъ царь. Другіе сняли съ него дымчатую

(¹) Т. е. многоцѣнною.

пирамидальную шапку и возложили на его голову огненного цвѣта повязку; третьи облекли его въ царскую одежду. На слѣдующій день, когда въ великой церкви началось провозглашеніе царей, порядокъ въ провозглашеніи именъ былъ измѣненъ: имя Андроника возглаголено было прежде, а имя Алексѣя снесено на второе мѣсто. И причина на это нашлась какъ нельзя болѣе прекрасная и благовидная: неприлично, говорили, ребенка, человека, еще недостижнаго совершеннаго возраста и безбородатаго, упоминать прежде Андроника—сѣдовласаго, внушающаго почтеніе своею мудростію и одареннаго отъ природы обширнымъ умомъ. Когда же наконецъ и самъ Андроникъ вступилъ въ священный кровъ, чтобы быть вѣнчаннымъ, онъ въ первый разъ показался предъ людьми веселымъ, оставилъ свой звѣрекій и страшный взглядъ и обѣщалъ многимъ просителямъ перемѣну дѣлъ къ лучшему. Но все это было—явная ложь и пустые обѣщанія обманщика; и веселое выраженіе лица, представлявшее самый тощій видъ человѣколюбія, только на время прикрывало внутреннюю свирѣпость. Вошедши въ храмъ, онъ, послѣ того, какъ надъ нимъ совершено было все, что обыкновенно совершается при вѣнчаніи царей, и когда настало время—приступаетъ къ принятію причистыхъ Таинствъ и причащается небеснаго хлѣба. Затѣмъ подойдя къ чашѣ, онъ поднялъ руки и, притворившись растроганнымъ, велухъ почти всѣхъ, бывшихъ тогда въ св. алтарѣ, поклялся страшными тайнами, что онъ принялъ царскую власть единственно изъ

желанія помочь ему и поддержать его власть, указывая при этомъ на стоявшаго тутъ царя и племянника своего Алексѣя, котораго спустя нѣсколько дней удавилъ и бросилъ въ море. Выйдя изъ храма съ чрезвычайно блистательною свитою копьеносцевъ и множествомъ щитоносцевъ (это потому, что онъ крайне боялся за себя), и миновавъ храмъ Христа Спасителя, что въ Халкѣ, онъ ускорилъ поѣздъ; ѣхалъ не медленнымъ шагомъ и не съ остановками, какъ обыкновенно дѣлаютъ императоры при торжественныхъ шествіяхъ, но пустилъ коня вольнымъ шагомъ. Это подало поводъ къ различнымъ толкамъ; одни говорили, что онъ такъ дѣлалъ отъ страха, а другіе подозревали въ этомъ нѣчто другое. По прибытіи въ большой дворецъ отслуживъ благодарственное молебствіе, по поводу вступленія на царство, онъ сталъ помышлять о новыхъ злодѣяніяхъ. Рѣшившись умертвить царя Алексѣя, онъ снова созываетъ совѣтъ изъ своихъ пріятелей и собираетъ соучастниковъ своихъ гнусныхъ оргій. Они тотчасъ всѣ воскликнули стихъ Гомера: «вредно многоначаліе, да будетъ одинъ повелитель, одинъ царь», старость орла—молодость жаворонка, и опредѣлили царю Алексѣю вести частную жизнь. И уже не упоминали теперь о непонятныхъ для народа причинахъ, не говорили о воспитаніи, о лучшемъ поддержаніи власти, о чемъ вчера и третьяго дня любили толковать въ многочисленныхъ собраніяхъ и чѣмъ защищали свое дѣло, когда кто нибудь живя уединенно въ великолѣпномъ Константинополѣ, не зналъ до того времени этихъ происше-

ствій и, совершенно не понимая, для чего все это дѣлается, спрашивалъ ихъ о причинѣ. Но не успѣли еще вполне узнать въ городѣ о сказанномъ опредѣленіи, какъ это лукавое сборище уже произнесло смертный приговоръ царю. Бывшіе въ этомъ собраніи прямо одобрили и безстыдно повторили слова изъ книги Соломона: «свяжемъ праведника; онъ не нуженъ намъ и даже смотрѣть на него тяжело». Велѣдствіе того, Стефанъ Агіохристоритъ, Константинъ Трипсехъ и нѣкто Θεодоръ Дадивринъ, начальникъ ликторовъ, напали на него ночью и удавили тетивою лука. Когда тѣло покойника принесли къ Андронику, онъ толкнулъ его ногою въ бокъ и обругалъ его родителей, назвавъ отца клятвопреступникомъ и обидчикомъ, а мать безстыдною и всеѣмъ извѣстною кокеткою; потомъ, иглою прокололи ему ухо, продѣли нитку, прилѣпили къ ней воскъ и приложили печать, которая была на перстнѣ Андроника. Затѣмъ, приказано было отрубить голову и тотчасъ принести къ Андронику, а остальное тѣло бросить въ воду. Когда приказаніе было исполнено, голову тайно бросили въ такъ называемый катавъ, а тѣло, закупоренное въ свинцовомъ ящикѣ, опустили на дно моря. Судномъ, на которомъ везли этотъ несчастнѣйшій грузъ, съ пѣнями и плясками управляли два знаменитыхъ человѣка, именно: Каниклій Іоаннъ Каматиръ, бывший впослѣдствіи архиепископомъ главнаго города Болгаріи, и Θεодоръ Хумнъ, занимавшій должность Халтуларія.

ЦАРСТВОВАНИЕ АНДРОНИКА КОМНИНА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1. Такъ скончался царь Алексѣй, проживъ всего неполныхъ пятнадцать лѣтъ, изъ коихъ царствовалъ три года, и то не самъ по себѣ и не одинъ. Сначала онъ находился подъ руководствомъ матери, управлявшей государствомъ, а потомъ—двухъ тиранновъ, захватившихъ себѣ государственныя дѣла. Закрываемый ими, какъ солнце закрывается облаками, — онъ больше походилъ на управляемаго, чѣмъ на правителя, приказывалъ и дѣлалъ только то, чего хотѣли наставники, пока наконецъ петля не прекратила его жизни. По окончаніи этого столько плачевнаго дѣла, Андроникъ вступаетъ въ бракъ съ Анною, женою царя Алексѣя, дочерью франкскаго государя ('). Старикъ, отжившій свой вѣкъ, не постыдился нечестиво раздѣлять ложе съ женою своего племянника, цвѣтущею, нѣжною, еще недостигшею одиннадцати лѣтъ; человѣкъ износившійся, престарѣлый, сгорбившійся отъ лѣтъ и хилый не посовѣстился обнимать дѣвицу, еще не совсѣмъ развив-

(') Анна или Агнесса была повѣнчана съ Алексѣемъ, но, по малолѣтству, не жила еще съ нимъ.

пущуюся, крѣпкогрудую, съ розовыми пальцами, каплющую росу любви.

Воцарившись, Андроникъ обратился съ просьбою къ патріарху Василю и тогдашнему Синоду о разрѣшеніи его отъ клятвы, которую онъ далъ царю Мануилу и несчастному его сыну, а съ нимъ—и всѣхъ прочихъ, также нарушившихъ клятву. Тѣ, какъ будто они получили отъ Бога власть вязать и рѣшить все безъ разбора, немедленно издали опредѣленіе, которымъ давали разрѣшеніе всѣмъ, не сдержавшимъ клятвы. Какую же необыкновенную награду далъ Андроникъ этимъ исполнителямъ своихъ приказаній? Онъ въ скоромъ времени исполнилъ тогдашнія ихъ просьбы, само собою разумѣется, маловажныя и ничтожныя. Вышею же наградою было то, что онъ дозволилъ имъ сидѣть при себѣ въ совѣтѣ, на складныхъ стульяхъ, поставленныхъ около царскаго трона. Но и эта честь обратилась только въ поэмѣніе допустившимъ и принявшимъ ее архіереямъ, потому что чрезъ нѣсколько дней она прошла, какъ призракъ почести и славы, и опять все стало по прежнему, подобно тому, какъ дерево, наклоненное силою, когда отпустятъ его, возвращается въ прежнее положеніе. Да и прежней то чести они много потеряли, потому что Андроникъ, опасаясь показаться крайне переменчивымъ и непостояннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ послѣдствіи не легко допускалъ къ себѣ этихъ архіереевъ въ то время, когда возсѣдалъ на блистательномъ тронѣ. Такимъ образомъ люди, которые недавно гордились засѣданіемъ въ царскомъ совѣтѣ и хвалились, что полу-

эту честь, по словамъ Давида, какъ вѣрные земли, теперь со стыдомъ возвращались назадъ, упрямая себя въ томъ, что они и отъ Бога отступили, разрѣшивъ грѣхъ неразрѣшимый, и услугу насмѣшнику Андронику оказали напрасно.

Когда провозглашеніе Андроника царемъ и умерщвленіе царя Алексѣя сдѣлалось извѣстнымъ Алексѣю Вранѣ и Андронику Лапардѣ, начальникамъ легіоновъ, сражавшихся въ окрестностяхъ Ниса и Враницовы съ венгерскимъ королемъ Велою, который все опустошалъ въ тѣхъ мѣстахъ огнемъ и мечемъ, то одинъ изъ этихъ вождей—Лапарда считалъ свою жизнь въ крайней опасности, того и ждалъ, что всепоглощающій зѣвъ Андроника проглотитъ и его. Но Врана встрѣтилъ переменѣ царствованія съ удовольствіемъ; потому что онъ уже былъ вписанъ въ число людей, которымъ Андроникъ оказывалъ свое благоволеніе. Перебравъ въ умѣ своемъ и прослѣдивъ, подобно лакедемонской собакѣ, разные пути, которыми можно было спастись, Андроникъ Лапарда находилъ только одну спасительную стезю: надобно было бѣжать отъ взора и изъ-подъ-власти Андроника. И, вѣрно, онъ избавился бы отъ бѣдствій, если бы послѣдовалъ этому намѣренію и не затѣялъ другаго дѣла. Но, задумавъ сдѣлать зло Андронику и отмстить ему за его незаконный поступокъ противъ государя и царя, онъ отваживается на возмущеніе. Зная, что на Западѣ онъ не будетъ имѣть успѣха и не найдетъ содѣйствія своимъ замысламъ противъ Андроника, вслѣдствіе присутствія здѣсь товарища его, военачальни-

ка Враны, онъ сталъ помышлять о Востокѣ и къ нему обратилъ свои взоры, потому что короче быть знакомъ съ нимъ. Онъ не однократно занималъ тамъ важныя должности и зналъ, что тамъ не мало людей, очень склонныхъ къ возмущенію. Поговоривъ съ товарищемъ своимъ Враною и убѣдивъ его побыть въ тѣхъ мѣстахъ, пока онъ съѣздитъ къ престарѣлому новому самодержцу, онъ отправился въ путь со всею поспѣшностію, чтобы предупредить молву, которая видитъ и то, что скрыто подъ землею, а не рѣдко и о будущемъ говорить какъ уже о совершившемся. Доѣхавъ до родины своей Орестіи, которую иные называютъ Адрианополемъ, и побывъ въ ней короткое время, сколько нужно было для того, чтобы повидаться съ жившими тамъ сестрами и приготовиться къ дорогѣ, онъ разсудилъ не медлить болѣе, но какъ можно скорѣе отправиться на Востокъ, потому что болтливая молва уже кричала о его бѣгствѣ и на перекресткахъ, и на площадяхъ, съ вершинъ стѣнъ и домовъ, и съ быстротою стрѣлы разсѣвала эту вѣсть во многихъ мѣстахъ. Итакъ, доѣхавъ въ одну ночь до моря, онъ съѣлъ съ спутниками своими на корабли, собственно для этого приготовленные въ Теллокастеллѣ, и переправился на другую сторону. Отдохнувъ тутъ не много, онъ уже думалъ, что избѣжалъ гибели и избавился опасности сдѣлаться готовымъ блюдомъ и подручнымъ лакомствомъ для челюстей Андроника. Но видно и онъ изглаженъ былъ Провидѣніемъ изъ книги живыхъ и приготовленъ на съѣденіе Андронику; чашка, содержащая его жре-

бій на вѣсахъ судьбы, склонилась къ аду. Судьба не поблагопріятствовала ему, и онъ былъ схваченъ и отосланъ къ Андронику руками тѣхъ, у которыхъ надѣялся найти себѣ безопасность, счастье и благоденствіе, и на которыхъ разсчитывалъ, что они и тѣломъ и душой будутъ помогать и содѣйствовать ему въ побѣдѣ надъ Андроникомъ. Все это, какъ оказалось, была мечта несчастной души и сновидѣніе. Когда онъ прибылъ въ Атрамиттій⁽¹⁾, нѣкто Кефала, начальствовавшій тогда въ этой странѣ, человѣкъ сильный и преданный тиранну, какъ доказалъ самымъ дѣломъ, схватилъ его и предалъ въ руки Андроника, какъ жертву готовую и очищенную для закланія. Ему выкололи глаза, и онъ сосланъ былъ въ Пантепоптовъ монастырь оплакивать несправедливость къ нему судьбы. Тогда какъ онъ отважился на возмущеніе изъ прекраснѣйшаго побужденія, она, ни сколько не обративъ вниманія на его доброе намѣреніе, склонилась на противоположную сторону. Такъ Богъ не только скрылъ отъ насъ, гдѣ найдемъ мы жизнь спокойную и безпечальную, но и не далъ намъ ни предчувствія угрожающей бѣды, ни предвѣдѣнія успѣха въ предпріятіяхъ. Вотъ и этотъ мужъ, во многихъ сраженіяхъ показавшій себя отличнымъ полководцемъ, считая постыднымъ служить Андронику послѣ умерщвленія царя Алексѣя и желая избѣжать смерти отъ руки тирана, удалился отъ этого жаднаго къ убійству человѣка, и однакожъ, противъ своего ожиданія,

(1) Городъ въ Мизіи на берегу атрамитскаго залива, въ малой Азіи.

былъ пойманъ тѣмъ, кого избѣгалъ, попалъ въ тѣ руки, отъ которыхъ хотѣлъ уйти. Чьего нападенія ожидалъ сзади, кого считалъ догоняющимъ, того встрѣтилъ лицомъ къ лицу, тотъ спереди напалъ и схватилъ его. Въ скоромъ времени онъ и умеръ. Андроникъ такъ былъ напуганъ возмущеніемъ Лапарды, что во все продолженіе его бѣгства считалъ свою гибель уже наступившею. Онъ боялся Лапарды, какъ храброго вождя и мужественнаго человѣка. Видя, что нѣтъ надежды подавить его возмущеніе преслѣдованіемъ, или оружіемъ, онъ прибѣгнулъ къ письменнымъ хитростямъ и, какъ софистъ, придумалъ небывалый способъ. Онъ сочинилъ и разослалъ къ начальникамъ восточныхъ провинцій царскія грамоты, истинно лукавыя. Въ нихъ Андроникъ увѣрялъ, что онъ послалъ Лапарду въ Азію, и что все, что Лапарда ни сдѣлаетъ, все это, по извѣстнымъ, хотя и непонятнымъ для большинства, причинамъ, будетъ сдѣлано для блага его царства, и обязывалъ всѣхъ принимать его безъ всякаго сомнѣнія. Черезъ это Андроникъ рассчитывалъ остановить возстаніе народа, такъ какъ народъ подозрительно будетъ смотрѣть на то, что самъ Лапарда выдаетъ себя за противника Андронику и какъ бунтовщикъ собираетъ противъ него войско, а Андроникъ называетъ бунтовщика своимъ вѣрнымъ слугою и повелѣваетъ принять бѣглеца, какъ своего посланника. Что бы сдѣлали и какое бы имѣли слѣдствіе эти новоизобрѣтенныя грамоты—это осталось въ неизвѣстности, потому что Лапарда въ скоромъ времени былъ задержанъ.

2. Избавившись сверхъ чаянія отъ этого страха, Андроникъ разцвѣлъ въ мелкой душѣ своей, какъ отъ росы разцвѣтаютъ колосыя, выѣхалъ изъ города и медленно, небольшими переходами, прибылъ въ Кипселлу ⁽¹⁾. Позабавившись здѣсь охотою, онъ отправляется въ отцовскій монастырь, находящійся въ Вирѣ и является у гроба своего отца окруженный копъеносцами, въ царскомъ блескѣ, котораго и отецъ когда-то желалъ, но не получилъ,—такъ что стремленіе къ царствованію перешло къ Андронику отъ отца, какъ наследственное достояніе. Въ эти дни онъ воздержался отъ казней, и потому многіе называли ихъ алкіоновыми, такъ какъ въ то время, когда алкіонъ кладетъ янца на морѣ, море бываетъ очень тихо и спокойно. А спустя не много времени, предъ наступленіемъ праздника Рождества Христова, онъ снова возвращается въ столицу. Потѣшившись конскими скачками и театральными зрѣлищами, съ наступленіемъ весны собралъ онъ всѣ войска, какія на Западъ и на Востокъ оставались ему вѣрными, и самъ пошелъ прямо на Никею, а Алексѣя Врану, возвратившагося изъ окрестностей Вранищовы, съ достаточнымъ войскомъ послалъ противъ Лопадійцевъ; потому что и они, по примѣру сосѣдей своихъ Никейцевъ и Прузейцевъ, тоже отложились отъ него. Врана удачно совершилъ свой походъ и, счастливо окончивъ войну, выступилъ изъ-подъ Лопадія и, прибывъ къ Никее, соединился съ Андроникомъ. Когда оба ополченія составили одно войско, Ан-

⁽¹⁾ Городъ во Фракіи недалеко отъ рѣки Меласа.

дроникъ рѣшился сдѣлать нападеніе на городъ. Жители Никеи, не только не боялись Андроника въ его отсутствіе, но пренебрегали имъ, когда онъ и самъ явился къ нимъ. Показываясь на стѣнахъ, они и отражали его всякимъ оружіемъ и поносили гнусными словами, не щадя ничего—ни ударовъ, ни словъ. Городскія ворота были заперты и плотно задвинуты запорами, а языки, предъ которыми отворены были двери губъ, выскочивъ изъ за ограды зубовъ, бросали въ Андроника стрѣлы сквернословія. Сильно поражаемый этимъ оружіемъ, Андроникъ дышалъ огнемъ гнѣва, выпуская дыханіе подобно Тифону, потому что не могъ скрыть душевнаго волненія. Городъ Никея и по крѣпости своихъ стѣнъ считается непреодолимымъ, или, по крайней мѣрѣ, трудно-одолимымъ, такъ какъ весь онъ выстроенъ изъ жженого кирпича. А тогда осада его тѣмъ менѣе обѣщала успѣха осаждавшимъ, что въ немъ собрались и всѣ тѣ ратники, которые ненавидѣли Андроника, и Исаакъ Ангелъ, который, по низверженіи Андроника, воцарился надъ Римлянами, и Ѳеодоръ Кантакузинъ, и Персы, призванные на помощь. Много дней проѣздилъ Андроникъ около города, но не сдѣлалъ ничего и явно походилъ на человѣка, который нападаетъ на отвѣсныя горы, или безумно сражается съ каменными скалами, или осаждастъ Арбелы и Семирамидины стѣны, или пускаетъ стрѣлы въ небо. Осажденные храбро сражались и оружіемъ отражали нападенія вооруженныя, а посредствомъ машинъ дѣлали совершенно безвредными каменными орудія, ко-

торыя устроивалъ изобрѣтательный Андроникъ. Такъ какъ онъ много хвалился своимъ искусствомъ брать города, то, чтобы отличиться предъ окружающими его, онъ и устанавливалъ стѣнобитныя орудія, и изобрѣталъ каменометныя машины, и дѣлалъ подкопы, и употреблялъ всѣ другія средства для разрушенія городской стѣны. Но онъ сколачивалъ осадныя машины, устраивалъ метательныя орудія, укрѣплялъ винты и рукояти, вооружалъ стѣнобитныя тараны желѣзомъ, а Никейцы или, выйдя изъ города потайными небольшими воротами, сожигали и разламывали руками эти орудія, или во время ихъ дѣйствія разрушали ихъ, какъ паутинную ткань, другими подобными орудіями. Когда Андроникъ увидѣлъ, что всѣ его выдумки оканчиваются ничѣмъ, онъ прибѣгнулъ къ безчеловѣчному средству, которое и въ прежнія времена употреблялось немногими, какъ осаждавшими, такъ и осаждаемыми. Приказавъ привезти изъ Византіи мать Исаака Ангела Евфросинію, онъ то ставилъ ее, вмѣсто прикрытія, предъ осадными машинами, то сажалъ ее на таранъ, какъ на колесницу, и въ такомъ видѣ придвигалъ орудіе къ стѣнѣ. Тогда представилось зрѣлище, которое невольно возбуждало въ одно и тоже время и слезы и удивленіе: слезы—своею необычайностію и свирѣпостію разгнѣваннаго человѣка, который готовъ на все и не отвращается ни отъ какого неслыханнаго и несвойственнаго человѣческой природѣ дѣйствія, а удивленіе—тѣмъ, что не умерла отъ страха женщина, сидя на верху машинъ, придвигаемыхъ

къ стѣнамъ города. Въ первый разъ теперь люди видѣли, что нѣжное женское тѣло было выставлено на защиту желѣза, слабая человѣческая плоть, по измѣненному и незаконно извращенному порядку, поставлена была предъ твердыми машинами, чтобы помѣшать непріятелю оружіемъ отражать оружіе, и желѣзо было прикрываемо человѣческимъ тѣломъ. Но осажденные по прежнему бросали со стѣнъ стрѣлы, только направляли ихъ такъ искусно, что онѣ поражали и устраняли нападавшихъ, а благородной женщины не причиняли никакого вреда, какъ будто она и руками и жестами отклоняла ихъ отъ себя и направляла въ сердца враговъ. Такимъ образомъ эта безчеловѣчная выдумка не принесла Андронику никакой пользы. Мало этого: выйдя ночью изъ города, Никейцы и машины сожгли, и Евфросинію перетащили по веревкѣ въ городъ и, какъ Гарпію, похитили ее у Андроника, оставивъ его самого, какъ новаго Финея, страдать, по немѣннѣю чѣмъ утолить голодъ своего гнѣва. Пріобрѣтя чрезъ это и у самыхъ враговъ большое уваженіе къ своему мужеству, Никейцы еще болѣе одушевились и еще смѣлѣе стали продолжать борьбу. Они не только, показываясь на стѣнахъ, совершали знаменитые подвиги и осыпали Андроника ругательствами, называя его мясникомъ, кровожаднымъ псомъ, гнилымъ старикашкою, безсмертнымъ зломъ, людскою фурією, развратникомъ, Пріапомъ старѣе Тивоона и Сатурна и всякими другими постыднѣйшими именами, но и выходили, какъ уже нами сказано, изъ-за ук-

рѣплений и высыпали изъ воротъ. Андроникъ своимъ блѣднымъ лицомъ, неестественнымъ взглядомъ, частымъ крученіемъ своей длинной и курчавой бороды, ясно показывалъ, что онъ кипитъ гнѣвомъ и замышляетъ новые козни противъ Никейцевъ. Будучи не въ состояніи выносить наглость осажденных и въ тоже время не имѣя возможности удовлетворить голоду своего гнѣва, онъ, какъ голодный песъ, по нѣскольку разъ въ день обходилъ городъ и, какъ разъяренная медвѣдица, переходилъ съ мѣста на мѣсто, жаловался на легіоны и упрекалъ военачальниковъ за то, будто они небрежно ведутъ войну и уклоняются отъ сраженія.

5. Однажды, когда царь Андроникъ обѣзжалъ городъ съ большимъ отрядомъ войска и съ отборными всадниками, его увидѣлъ Оедоръ Контакузинъ, человѣкъ отважный и по молодости лѣтъ кипучій, какъ недавно выдѣланное вино. Увлеченный необыкновеннымъ порывомъ отваги, онъ со всею поспѣшностію выѣзжаетъ изъ города восточными воротами съ немногими спутниками и, пробившись сквозь первые ряды воиновъ, направляетъ копье въ Андроника. Но онъ слишкомъ скоро гналъ своего коня, постоянно его пришпоривалъ, явно заставляя летѣть, а не бѣжать съ такою скоростію, какую природа дала его ногамъ,—и тѣмъ неожиданно погубилъ самъ себя. Лошадь его споткнулась и, пораженная стрѣлой, упала на колѣно, а онъ, выброшенный изъ сѣдла, ударился головою о землю, повредилъ себѣ спинные мускулы и лежалъ полуживой безъ

чувствъ. Меченосцы Андрониковы тотчасъ же подбѣжали къ нему толпою и отрубили ему голову, а нѣкоторые, желая угодить Андронику, изрѣзали въ куски и все тѣло. Спустя немного времени, голова Кантакузина была отправлена въ Константинополь, и здѣсь, поднятая на длинномъ копѣѣ, съ торжествомъ носима была по улицамъ города. Никейцы, лишившись храбраго воина и непобѣдимаго защитника, немало горевали, какъ и слѣдовало ожидать, о своей потерѣ и упали духомъ. Обратились они къ Исааку Ангелу, и хотѣли подчиниться ему и избрать его своимъ вождемъ, но онъ будучи человѣкомъ нерѣшительнымъ и, подобно Энею, уклоняясь отъ войны, можетъ быть и потому, что предвидѣлъ будущее и мечталъ объ ожидавшемъ его царскомъ достоинствѣ, какъ Эней мечталъ о славѣ своего рода,—не слишкомъ дорожилъ званіемъ вождя. Поэтому войско, мало по малу упавъ духомъ, хотѣло вступить въ переговоры; прежнее его благородное мужество и необыкновенное одушевленіе совсѣмъ исчезли. Стали составляться сходки, на которыхъ осажденные, собираясь по племенамъ, рассказывали и со всѣми подробностями изображали бѣдствія, какія они терпятъ, находясь въ осадѣ. Представляя себѣ жестокосердіе Андроника и перебирая въ умѣ своемъ всевозможныя бѣдствія, которымъ они подвергнутся, если городъ будетъ взятъ силою оружія, они тряслись какъ зайцы: съ ними случилось тоже, что съ Кенесомъ, только въ обратномъ видѣ. Кеней, какъ сказано въ баснѣ, изъ женщины превратился въ мужчину, а они изъ мужчинъ

сдѣлались слабыми женщинами. Не было уже между ними человѣка, который бы своею пламенною храбростію одушевлялъ къ подвигамъ мужества. Со смертію Кантакузина всѣ какъбудто умерли для отваги и потеряли охоту къ битвамъ. Подумавъ обо всемъ этомъ, тогдашній никейскій архіерей Николай рѣшился дѣлу необходимости дать видъ почетнаго дѣйствія. Собравъ народъ, предложилъ ему покориться обстоятельствамъ и, пока еще городъ не потонулъ въ волнахъ войны, передать его добровольно Андронику. Онъ видѣлъ, что Андроникъ никогда не отступитъ, какъ говорится, съ пустыми руками, тѣмъ болѣе, что не было ничего такого, что отвлекало бы его отъ осады и отзывало въ другую сторону, а равно и то, что сами Никейцы, мало по малу оставляя защиту города, стали приниматься за домашнія дѣла свои, какъ въ мирное время. Убѣдившись, что всѣ считаютъ предложеніе его хорошимъ и обѣими руками хватаются за благія его послѣдствія, онъ облачился въ священную одежду, взялъ въ руки Евангеліе и приказалъ слѣдовать за собою клиру и всѣмъ жителямъ города, не исключая даже женщинъ и дѣтей. Всѣ шли совершенно безоружными, съ масличными вѣтвями въ рукахъ, съ непокрытыми головами, босые, съ обнаженными отъ платья руками, со всѣми знаками истинной покорности, и печальнымъ видомъ и тихимъ голосомъ умоляли о состраданіи. Когда они вышли въ этомъ видѣ изъ города, царь Андроникъ, пораженный неожиданностію зрѣлища, нѣсколько разъ напрягалъ зрѣніе, чтобы яснѣе раз-

глядѣть представившееся ему явленіе; событіе это рѣшительно казалось ему сновидѣніемъ. Когда же удостовѣрился, что это вовсе не обманъ, а дѣйствительность, онъ не выказалъ приличнаго царю прямодушія и чистосердечія, притворился милостивымъ и на время, пока нельзя было открыть свою львиную шерсть, одѣлся въ лисью шкуру. Онъ не только встрѣтилъ ихъ съ притворною благосклонностію, но даже едва удержался отъ слезъ, которыя у Андроника всегда были покрываломъ истины и завѣсою душевныхъ движеній. Не долго однакоже онъ разыгрывалъ эту комедію. Спустя не много времени отбросивъ, какъ изношенную одежду, нѣжныя и, какъ масло, мягкія слова, онъ ясно показалъ Никейцамъ, и особенно отличавшимся между ними достоинствами и значностію рода, какъ силенъ гнѣвъ старика Андроника и сколько злобы, вражды и злопамятства таилъ онъ въ себѣ, отлагая мщеніе до благопріятнаго времени. Многихъ въ послѣдствіи изгналъ онъ изъ отечества; нѣкоторыхъ предалъ жестокой смерти, приказавъ сбросить со стѣнъ, а Персовъ въ тоже время повѣсилъ вокругъ города. Но Исаака Ангела похвалили и за дѣла и за слова, за то, что онъ не только не обращалъ своихъ зубовъ въ оружіе и стрѣлы, но примѣру Феодора Контакузина, но часто и осуждалъ сего послѣдняго, когда онъ злословилъ помазанника Божія, извлекая изъ устъ своихъ, какъ изъ ноженъ, подобный остроуму мечу, языкъ свой. Наговоривъ ему много пріятныхъ обѣщаній, или, вѣрнѣе сказать, питая по Божественному устроенію своего убійцу и похи-

тителя власти, и сохраняя его до опредѣленнаго Провидѣніемъ времени, онъ отослалъ его назадъ въ Византію, а самъ, съ бывшими при немъ войсками, пошелъ къ городу Прузейцевъ.

4. Ставъ лагеремъ и окопавшись валомъ на южной сторонѣ города,—такъ какъ съ этой стороны, по ровности мѣста, городская стѣна казалась доступною, не то что съ другихъ сторонъ, гдѣ она возвышается на каменистомъ, кругломъ и весьма крутомъ холмѣ, Андроникъ на слѣдующій день началъ осаду. И машины и люди не стояли праздно, но дѣлали, что слѣдуетъ, а самъ Андроникъ писалъ записки и, обернувъ ими нижнюю часть стрѣлъ, бросалъ ихъ въ городъ. Въ этихъ, по воздуху пересылаемыхъ, письмахъ онъ убѣждалъ Прузейцевъ перемѣнить мысли и обѣщалъ всепрощеніе, если они отворятъ ворота и впустятъ его въ городъ, а Феодора Ангела, бродягу Лахану, глунаго Синесія—я употребляю собственныя его выраженія—и ихъ единомышленниковъ схватятъ и предадутъ смерти. Это онъ дѣлалъ довольно долго; потому что война, завязавшаяся подъ стѣнами Прузы, ни сколько не уступала никейской ни по храбрости воиновъ, вступившихъ въ борьбу съ царскими легіонами, ни по ненависти къ Андронику, которая и была причиною войны. Да и самый городъ Пруза укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ хорошими башнями и обнесенъ крѣпкою стѣною, а съ южной стороны даже двойною. Неоднократно днемъ происходили и здѣсь вылазки, войска бросались другъ на друга, и много падало съ обѣихъ сторонъ. Но и этому городу суждено было

покориться Андронику, и очень многимъ, захваченнымъ въ немъ, потерпѣть ужасныя мученія. Подъ непрерывными ударами стѣнобитной машины, стѣна въ одномъ мѣстѣ нѣсколько осыпалась, а за тѣмъ упала въ томъ же мѣстѣ и деревянная пристройка, скрѣплявшая старую стѣну. Находившіеся въ городѣ вообразили, что потрясена и упала вся стѣна, на которую дѣйствовала стѣнобитная машина. Разнесся объ этомъ событіи неясный слухъ, и сердца всѣхъ поражены были страхомъ. Никто не позаботился хорошенько узнать о несчастіи, но при первомъ же шумѣ упавшихъ камней всѣ почти умерли отъ страха. На стѣнахъ не осталось ни одного защитника, и сбѣжавшіе со стѣнъ толпились по улицамъ совершенно растерянные. Тогда враги приставили лѣстницы и чрезъ ворота и стѣны безъ труда проникли въ городъ. Хватая Прузейцевъ, они безпощадно умерщвляли ихъ, расхищали ихъ имущество, рубили скотъ, который весь, и мелкій и крупный, собранъ былъ, чтобы жителямъ было чѣмъ питаться, если осада протянется долго. Такими то ужасами сопровождалось это событіе! Когда же вошелъ въ городъ и остановился въ немъ самъ царь Андроникъ, то и онъ поступилъ съ Прузейцами не какъ царь кроткій, хранящій тѣхъ, которые и прежде были и опять будутъ его подданными, хотя на время и возмущались, — и даже не съ тою снисходительностію, какую каждый человѣкъ оказываетъ своимъ единоплеменникамъ. Напротивъ, какъ голодный царь звѣрей, напавъ на овецъ, не защищенныхъ никакою оградой и не охраняе-

мыхъ пастухомъ, одной ломастъ шею, у другой вырываетъ внутренности, съ иными поступаетъ еще какимъ нибудь жестокимъ образомъ, а остальныхъ разгоняетъ по скаламъ, горамъ и пещерамъ, такъ и Андроникъ въ то время безъ всякой пощады погубилъ и умертвилъ множество людей, изливъ свой дикій гнѣвъ въ различныхъ и разнообразныхъ казняхъ за то, что городъ былъ взятъ военною силою, а не по предварительному соглашенію и договору съ Прузейцами и не по добровольной ихъ сдачѣ. Такъ, Федора Ангела, юношу, у котораго только что стала пробиваться борода, лишилъ очей и, посадивъ на осла, велѣлъ вывести за римскія границы и бросить, предоставивъ ему блуждать тамъ, куда занесетъ бродящее по своему произволу животное. Вѣроятно, онъ сдѣлался бы пищею звѣрей, что и имѣлъ въ виду Андроникъ, назначая ему это наказаніе, если бы попавшіеся на встрѣчу Турки не сжалились надъ его молодостию, не взяли его въ свои палатки и не позаботились о немъ. Льва Синесія, Мануила Лахану и многихъ другихъ, числомъ сорокъ человѣкъ, повѣсилъ на вѣтвяхъ деревъ, растущихъ около Прузы. Но гораздо большее число подвергъ другимъ казнямъ; однимъ отрубилъ руки, другимъ отрѣзалъ пальцы, какъ виноградныя побѣги, а у иныхъ отнялъ ноги. Многие лишились и глазъ и рукъ, а были и такіе, которые потеряли правый глазъ и лѣвую руку, и такіе, которые потерпѣли тоже, только въ обратномъ видѣ. Отнявъ такимъ безчеловѣчнымъ образомъ у своего царства людей, цвѣтушихъ крѣпостию тѣла и отличавшихся воин-

скою опытностію, Андроникъ пошелъ къ Лопадіи. Тамъ онъ поступилъ подобнымъ же образомъ. Одного изъ епископовъ онъ лишилъ глазъ за то, что тотъ не обличалъ бунтовщиковъ изъ своей паствы, но спокойно и равнодушно смотрѣлъ на возстаніе ихъ противъ царя Андроника. Вслѣдъ за тѣмъ онъ возвратился въ столицу, восхищаясь такими побѣдами. Въ Прузѣ онъ не позволилъ похоронить никого изъ повѣшенныхъ, но оставилъ тѣла ихъ, какъ особеннаго рода грозды, висѣть на виноградныхъ лозахъ, которыя поднимались и вились около деревьевъ. Группы высохли на солнцѣ и поворачивались отъ вѣтра, подобно пугаламъ, которыя выставляются сторожами въ смоковничныхъ садахъ.

По возвращеніи въ Константинополь, принятый народомъ съ радостными восклицаніями, привѣтствованный рѣчами льстецовъ, которыхъ всегда воспитываютъ царскіе дворцы, и сдѣлавшись оттого еще надменнѣе, Андроникъ занялся зрѣлищами и конскими скачками, такъ какъ время было лѣтнее. Однажды обрушились нѣкоторыя изъ смежныхъ съ царскимъ сѣдалищемъ перилъ и задавили около шести человѣкъ. Бывшій въ театрѣ народъ пришелъ по этому случаю въ страшное смятеніе. Андроникъ поблѣднѣлъ отъ страха и, созвавъ къ себѣ коньеносцевъ, хотѣлъ было встать съ своего мѣста и уйти во дворецъ; но окружавшіе его приверженцы упростили его оставить это намѣреніе и убѣдили сидѣть спокойно, сказавъ, что онъ, чуть только встанетъ, тотчасъ же погибнетъ, потому что народъ столнится въ кучу

и бросится на него и на его свиту. Поэтому онъ еще не много помедлилъ и дождался окончанія конской скачки и гимнастической борьбы; но рѣшительно отказался отъ дальнѣйшихъ представлений, когда зрителей забавляли удалцы, взбиравшіеся въ верхъ по веревкамъ и плясавшіе на высоко протянутомъ, небольшомъ и тонкомъ канатѣ, а также быстроногіе зайцы и охотничьи собаки—зрѣлица, очень нравящаяся непривычнымъ посѣтителямъ театра. Такъ-то происходило это.

5. Былъ нѣкто, человѣкъ знаменитаго рода, по имени Исаакъ, не Ангелъ Исаакъ, а другой, сынъ дочери Севастократора Исаака, о которомъ мы сказали въ своей исторіи, что онъ былъ родной братъ царя Мануила. Этотъ Исаакъ, получивъ отъ своего дѣда и царя Мануила Комнина власть управлять Арменіей и начальствовать надъ Тарсомъ и надъ сопредѣльными странами, началъ войну съ враждебными Армянами, былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ подъ стражу, что случилось уже по смерти Мануила. Много лѣтъ провелъ онъ въ заключеніи, но наконецъ былъ выкупленъ Іерусалимлянами, которыхъ называютъ Фреріями (¹), и получилъ полную возможность возвратиться въ отечество. Выкупу его содѣйствовалъ и Андроникъ, по просьбѣ Феодоры, съ которою, какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, Андроникъ былъ въ связяхъ,—а этотъ Исаакъ былъ ея пле-

(¹) Фреріями (Фреріосъ, Frater) или Братями византійскіе писатели иногда называютъ Францисканцевъ, но большею частію — Братьевъ или Рыцарей Храма. Du Cang. Gloss. Graecit. p. 1703. Эти послѣдніе разумѣются и здѣсь.

мянникъ. Къ принятію же Исаака и къ состраданію надъ его долговременнымъ пребываніемъ внѣ отечества убѣждали Андроника Константинъ Макродука, женатый на родной теткѣ Исаака, и Андроникъ Дука, родственникъ Исаака и другъ его съ дѣтства. Но этотъ Исаакъ не хотѣлъ подчиниться царю Андронику, свое отечество считалъ какбы на звѣздахъ, родство и любезное сотоварищество ставилъ ни во что. Желая господствовать, питая въ себѣ стремленіе къ власти и во все не имѣя расположенія повиноваться другимъ, онъ воспользовался присланными ему изъ Византіи деньгами, какъ средствомъ и пособіемъ для злокозненнаго достиженія власти. Приплывъ въ Кипръ съ весьма значительнымъ войскомъ, онъ сначала выдавалъ себя за законнаго, присланнаго царемъ начальника, показывалъ кипрянамъ сочиненныя имъ самимъ царскія грамоты, читалъ вымышленные царскіе указы относительно того, что ему слѣдуетъ дѣлать, и вообще велъ дѣла такъ, какъ по необходимости ведутъ ихъ люди, поставленные начальствовать отъ другихъ. Но спустя не много времени, онъ объявилъ себя тиранномъ и, раскрывъ свою врожденную жестокость, началъ безчеловѣчно поступать съ жителями острова. Жестокосердіемъ и свирѣпостію нрава онъ столько превзошелъ Андроника, сколько этотъ послѣдній превзошелъ всѣхъ, когда либо прославившихся жестокостію ко врагамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вообразилъ, что прочно овладѣлъ властію, онъ непрестанно совершалъ надъ жителями Кипра тысячи различныхъ злодѣяній. Каждый

часть онъ осквернялъ себя убійствомъ людей невинныхъ, терзалъ человѣческія тѣла, изобрѣтая, какъ какое нибудь орудіе злосчастной судьбы, — казни и мученія, которыя доводили до смерти. Нечестивый и развратный, онъ безстыдно предавался преступнымъ связямъ съ женщинами и растлѣвалъ дѣвицъ. Семейства, прежде благодеествовавшія, лишилъ всего имущества безъ всякой причины, старожилонъ, которые вчера и третьяго дня обращали на себя общее вниманіе и по богатству могли соперничать съ Ювомъ, пустили по міру голодными и нагими, если только по своей крайней раздражительности не погубилъ мечемъ. Увы! увь! Какъ путь нечестивыхъ благоуспѣшенъ! Прощѣли всѣ дѣлающіе беззаконія. Ты насадилъ ихъ и возрастилъ; они родили дѣтей и принесли плодъ. Такъ на это еще пророкъ жаловался Господу. И точно, тогдашнее поколѣніе произвело людей, которые, какъ цикута, выросли только на смерть ближнимъ и на гибель множеству городовъ, которыми они совершенно беззаконно овладѣли. Когда все это дошло до слуха царя Андроника, онъ отъ неистовства никакъ не могъ прійти въ себя. Но такъ какъ видѣлъ, что ему грозитъ то, чего онъ давно боялся, — а онъ всегда опасался начальной іоты, какъ буквы гибельной для его власти, — то началъ изыскивать средства, какъ бы схватить Исаака и изъять изъ среды людей того, кто угрожаетъ ему гибелью. Онъ боялся, чтобы Исаакъ, приплывши изъ Кипра, не лишилъ его власти, такъ какъ зналъ, что всѣ примутъ его съ радостію; потому

что отдаленное бѣдствіе сноснѣе настоящаго, и ожидаемое зло, даже болѣе тяжкое, легче того, которое уже гнететъ. Мы—люди обыкновенно съ радостію принимаемъ и кратковременное облегченіе своихъ страданій.

6. Но такъ какъ Андроникъ не могъ захватить въ свои руки врага, находившагося вдали, то онъ обратилъ свой гнѣвъ на людей, бывшихъ вблизи, какъ это нерѣдко дѣлають собаки, которыя, находясь вдали отъ человѣка, бросившаго въ нихъ камень, мстятъ ему лаемъ, а брошенный камень грызутъ зубами. Онъ отдалъ подъ судъ дядю Исаакова Константина Макродуку и Андроника Дуку за то, что они увѣрили, что, если Исаакъ получить свободу и возвратится въ отечество, то будетъ полезнымъ и вѣрнымъ слугою Андроннику. Спустя нѣсколько дней эти люди были и осуждены за оскорбленіе царскаго величества, не смотря на то, что принадлежали къ партіи Андроника, были самыми главными ея членами и вѣрнѣйшими его друзьями. Макродука, кромѣ разныхъ услугъ, которыя со всею усердіемъ оказывалъ Андроннику, былъ еще и женатъ на сестрѣ Феодоры, о незаконной связи которой съ Андроникомъ мы уже нѣсколько разъ упоминали въ своей исторіи. А Андроникъ Дука, человѣкъ развратный, скупой, съ безстыднымъ выраженіемъ лица, о дѣлахъ Андроника, казалось заботился больше, чѣмъ самъ Андроникъ. Если Андроникъ хотѣлъ выколѣть комунибудь глаза, то Андроникъ Дука, какъ будто научаемый незаконнымъ челоуѣкоубійцею, радующимся о несчастіи

яхъ людей, опредѣлялъ еще лишить его и рукъ, или присуждалъ къ висѣлицѣ. Весьма часто онъ порицалъ Андроника и безчеловѣчно упрекалъ за то, что онъ налагаетъ наказанія, далеко несоразмѣрныя съ преступленіями. Когда наступилъ пресвѣтлый и благознаменитый день, въ который празднуется Вознесеніе на небо съ плотию Господа и Спасителя нашего,—въ дворцѣ назначается собраніе и приглашаются почти все, принадлежащія къ царскому двору. Поэтому, люди всякаго рода и народа со всехъ сторонъ стремились и спѣшили туда, гдѣ находился царь Андроникъ. Онъ жилъ въ это время въ такъ называемомъ внѣшнемъ Филопатіѣ, а собиравшіеся по ошибкѣ сошлись въ такъ называемый манганскій дворецъ, который находился во внутреннемъ Филопатіѣ и который Андроникомъ въ послѣдствіи разрушенъ. Когда народа собралось много, даже очень много, когда пришли все, кому слѣдовало быть,—вдругъ сверхъ ожиданія собравшихся, выводятъ изъ устроенныхъ тамъ низкихъ темницъ Дуку и Макродуку и, какъ осужденныхъ, ведутъ подъ конвоемъ ко дворцу. Думая, что ихъ ведутъ къ суду и полагая, что они увидятъ царя въ окнахъ верхняго этажа, Дука и Макродука оправляли на себя платье, поднимали глаза вверхъ, почтительно слагали руки. Но тутъ Стефанъ Агіохристоритъ, котораго современники называли Антихристоритомъ, измѣняя имя сообразно съ его дѣлами, потому что онъ дѣйствительно былъ безстыднѣйшимъ изъ слугъ Андроника, преисполненный всякаго беззаконія,—схватилъ камень, ка-

кой только могъ взять рукою, и, бросивъ его въ Макродуку, какъ человѣка болѣе почтеннаго и по родству съ царемъ, и по преклоннымъ лѣтамъ, и по множеству богатствъ, убѣждалъ всѣхъ послѣдовать его примѣру. При этомъ онъ осматривалъ все собраніе, и если замѣчалъ, что кто нибудь не бросаетъ камней, того осмѣивалъ, бранилъ, какъ невѣрнаго царю и увѣрялъ, что онъ скоро подвергнется тому же наказанію. Въ слѣдствіе такихъ угрозъ, всѣ собравшіеся взяли за камни и стали бросать ихъ въ этихъ мужей, — жалкое и невѣроятное зрѣлище, — такъ что изъ камней образовалась большая куча. За тѣмъ, когда они еще дышали, ихъ подняли люди, которымъ поручено было это дѣло и, закрывъ ихъ покрывалами, какими обыкновенно покрываются выюки на мулахъ, отнесли Дуку въ отдаленное мѣсто, отведенное іудеямъ для кладбища, а Макродуку переправили на ту сторону пролива, на противоположный манганскому монастырю высокий берегъ, и повѣсили обонхъ. Тогда-то въ первый разъ жители Константинополя увидѣли то, что прежде и для самаго слуха казалось невѣроятнымъ; о чемъ прежде они и слышать не хотѣли, то теперь было у нихъ предъ глазами и то они оплакивали. Размышляя объ этой казни, они находились въ безвыходномъ положеніи, не знали, что дѣлать и испытывали двойное мученіе. Съ одной стороны они терзались страданіями единоплеменниковъ, — а съ другой, представляя себѣ, что бѣда скоро дойдетъ и до нихъ, они терпѣли болѣе продолжительное мученіе, чѣмъ тѣ, кото-

рые уже подверглись страданіямъ. Эти съ наступленіемъ бѣдствія, о которомъ прежде помышляли, уже избавились отъ тяжкаго ожиданія, а у нихъ постоянное ожиданіе бѣды и представленіе будущаго, какъ будто уже наступившаго, и ночью отнимало сонъ и днемъ больше всякаго бича терзало душу. И, что всего удивительнѣе, такъ страдали не только тѣ, у которыхъ совѣсть не со всѣмъ была покойна, оттого что они желали и замыслили сдѣлать зло Андронику, но и тѣ, къ которымъ онъ былъ расположенъ, которымъ постоянно оказывалъ какія нибудь милости. Зная крайнюю подозрительность его характера и непостоянство въ мысляхъ, и въ тоже время опасаясь его чрезвычайной склонности къ казнямъ, и эти люди не считали себя безопасными отъ смерти.

Нельзя умолчать и о слѣдующихъ обстоятельствахъ. Нѣкоторые изъ приближенныхъ къ Андронику попросили у него позволенія снять тѣла повѣшенныхъ. Выслушавъ просьбу безъ удовольствія, Андроникъ спросилъ: давно ли они умерли, и узнавъ отъ исполнителей казни, что злые злѣ погибли, сказалъ, что онъ жалѣетъ объ участи этихъ людей. Съ этими словами онъ заплакалъ и за тѣмъ прибавилъ, что власть и строгость законовъ сильнѣе собственныхъ его чувствъ и склонностей, и рѣшеніе судей сильнѣе его личнаго расположенія. О слезы, и у предковъ нашихъ и у насъ льющіяся въ душевной скорби изъ сердца, какъ дождь изъ облаковъ! О знакъ сильнѣйшей скорби и несомнѣнное свидѣтельство внутреннихъ мученій, хотя иной разъ и отъ ра-

дости вы струею льетесь изъ глазъ, какъ изъ желоба! У Андроника вы имѣете не то значеніе; у него вы получили другую природу; когда льетесь изъ его глазъ, вы служите предвѣстницами гибели и, можно сказать, открываете путь переправы чрезъ Ахеронтъ къ водамъ Стикса, столько же холоднымъ, сколько страшнымъ, которыя однимъ своимъ именемъ возбуждаютъ отвращеніе. О, сколько очей погасили вы, когда лились обильными струями! Сколько душъ увлекли вы въ глубину ада, когда текли неудержимымъ потокомъ! Какъ много людей потопили вы! Какихъ мужей проводили вы въ могилу, какъ послѣднее омовеніе или какъ надгробное и прощальное возліаніе!

Такъ - то умертвилъ Андроникъ Константи́на Макродуку и Андроника Дуку, и такую - то они получили отъ него награду за свою преданность и услуги. А спустя не много времени онъ повѣсилъ по ту сторону пролива, называемаго Перамой, и двухъ братьевъ Севастіановъ за то, что будтобы они злоумышляли на его жизнь. И вотъ такими-то и другими подобными дѣлами, а часто и еще худшими, постоянно занимался Андроникъ.

7. Между тѣмъ Алексѣй Комнинъ, происшедшій отъ одной крови съ царемъ Мануиломъ, — онъ былъ сынъ его племянника, — и занимавшій при немъ должность виночерпія, былъ сосланъ Андроникомъ въ Скию, бѣжалъ оттуда и, какъ какой нибудь крылатый змѣй, перенесся въ Сицилію. Явившись къ тамашнему тиранну Вильгельму, онъ открылся ему и рассказалъ, кто онъ

такой. Съ нимъ былъ и Маленинъ, родомъ изъ Филиппійской области, человекъ незнатнаго рода, судьбою незамѣчательный и никакими подвидами непрославившійся. Оба они питали и таили въ себѣ злобу, главнымъ образомъ противъ Андроника; первый негодовалъ, можетъ быть и справедливо, а Маленинъ — изъ утѣжденія Комнину, и вмѣстѣ для того, чтобы незнавшимъ его людямъ показаться человекомъ достойнымъ вниманія. Но эта ихъ злоба обратилась ко вреду отечества: они рассказали королю не на ухо, но въ слухъ многихъ, — при чемъ чуть не гладили его пятокъ и, какъ собаки, чуть не лизали ихъ своими языками, — рассказали со всею увлекательностію не то, отъ чего долженъ былъ пострадать Андроникъ, но то, что могло побудить сицилійскаго тирана на завоеваніе римскихъ областей, какъ на легкую добычу. Воспламененный ихъ рѣчами, тѣмъ болѣе, что рассказы ихъ были вполне согласны и сходны съ тѣмъ, что онъ часто слышалъ отъ своихъ единоплеменниковъ Латинянъ, которые служили прежде по найму у Римлянъ и терлись въ императорскомъ дворцѣ, а въ это время разсѣялись въ разныя стороны, вслѣдствіе жестокаго и презрительнаго обращенія съ ними Андроника, — Вильгельмъ собираетъ все бывшія у него войска и нанимаетъ множество иноземной пѣхоты и цѣлыя тысячи конницы, предложивъ щедрое жалованье и обѣщавъ еще большую награду. Переправивъ пѣхоту въ Эпидамнъ и, при первомъ же нападеніи, овладѣвъ этимъ городомъ, а морскія силы направивъ прямо въ Фессалоникскій заливъ,

онъ безъ боя, на извѣстныхъ условіяхъ, занимаетъ всѣ области, лежащія между этими пунктами. Затѣмъ войска его въ одно время окружили и опоясали Марсовымъ поясомъ славный городъ Фессалонику и, чрезъ нѣсколько дней осады, городъ былъ взятъ и занятъ непріателемъ. Это произошло не отъ того, чтобы защитники его были слабы и неопытны въ воинскомъ дѣлѣ, но преимущественно отъ недѣятельности военачальника Давида, изъ рода Комниныхъ. Онъ оказался человѣкомъ, совершенно бесполезнымъ для Фессалоникийцевъ, и былъ большой мастеръ только на то, чтобы вѣчно бояться Андроника и изыскивать средства, какъ избѣжать его страшныхъ рукъ. Ему приличнѣе было бы потонуть въ пучинѣ морской или броситься съ высокой скалы, или укрыться въ горахъ и пещерахъ, или, подобно Пророку, бѣжать и быть проглочену морскимъ китомъ. Но онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ, а, по несчастной судьбѣ Фессалоникийцевъ, управляя ими и безчестно приобрѣтая себѣ званіе вождя, хотя былъ изнѣженнѣе женщины и трусливѣе оленя,—тайно чуть не звалъ къ себѣ враговъ, готовыхъ взять и его и городъ Фессалонику, когда они были еще вдали, и всѣми мѣрами старался добровольно отдаться въ ихъ руки живымъ. Поэтому, когда наступило время битвы, когда всякаго рода оружіе и машины двинуты были противъ города, онъ скорѣе былъ зрителемъ враговъ, чѣмъ противоборцемъ. Во все продолженіе осады, онъ ни самъ ни разу не пошелъ на вылазку, хотя защитники города сильно побуждали его къ тому, ни

имъ не позволялъ этого дѣлать, но подавлялъ отвагу жителей, подобно тому, какъ негодный охотникъ подавляетъ лучшіе порывы собакъ. Никто не видалъ его въ полномъ вооруженіи; шлема, латы, наколѣнниковъ и щита онъ избѣгалъ, подобно изнѣженнымъ женщинамъ, ничего незнающимъ, кромѣ своего гинекея, и только разѣзжалъ по городу, сидя на мулѣ, въ широкихъ шароварахъ, застегнутыхъ назади, и въ великолѣпныхъ сапогахъ, вышитыхъ золотомъ до самыхъ пятокъ. Когда машины били въ стѣны и бросали камни на землю,—свистъ бросаемыхъ камней и гулъ поражаемыхъ стѣнъ возбуждали въ немъ только смѣхъ. Когда начали показываться и осипаться проломы, этакъ человѣкъ, самъ нуждавшийся еще въ нянькѣ, забившись подъ прочную арку стѣны, говорилъ своимъ пріятелямъ, людямъ самымъ негоднымъ: «послушайте, какъ ворчитъ старуха»,—старухою онъ называлъ самую большую стѣнобитную машину, которая много вредила городской стѣнѣ, выбивая изъ ней камни. Имѣя, по несчастію, такого предателя своимъ хранителемъ, такого пирата—кормчимъ, такого отравителя—врачемъ, Фессалоника, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, покорилась врагамъ.

Событія, послѣдовавшія за этимъ составляютъ другую Иліаду бѣдствій, ужасы которой выше трагическихъ. Всѣ дома въ городѣ были покинуты жителями; не было ни жилища, въ которомъ можно было бы снастись, ни переулка, который избавлялъ бы отъ убійцъ, ни подземельевъ, которые скрывали бы на долго. Ни жалобный видъ

не возбуждалъ состраданія, ни просьбы не трога-ли: мечъ гулялъ по вѣмъ, и только ударъ, прекращавшій жизнь, полагалъ предѣлъ неистовству. Напрасно многіе сбѣгались и во святыя храмы, тщетна была надежда и на святыя иконы. Варвары, смѣшавъ Божеское и человѣческое, не уважали Божественныхъ вещей, и подавали пощады прибѣгавшимъ во святыя мѣста. Какова была участь тѣхъ, которые оставались въ простыхъ домахъ, которые, то есть, тотчасъ же умирали отъ меча, или, если и избѣгали смерти, то теряли все имущество,—что грабители считали величайшимъ благодѣяніемъ,—таковъ же былъ конецъ и тѣхъ, которые убѣгали въ храмы, не говоря о другомъ великомъ несчастіи,—объ ужасной смерти, какую терпѣли многіе во святыхъ храмахъ отъ тѣсноты, при стеченіи безчисленнаго множества народа. Враги, съ оружіемъ въ рукахъ, врываясь въ храмы, умерщвляли всѣхъ, кого встрѣчали и, какъ жертвенныхъ животныхъ, безпощадно закалали тѣхъ, кого хватали. И могли ли щадить людей тѣ, которые не уважали святыни и нисколько не боялись Бога? Но еще не столько удивительно то, что они похищали вещи, посвященные Богу, скверными руками касались того, что было неприкосновенно, и песьими глазами разсматривали то, что должно быть недоступно для взора,—сколько нечестиво то, что они повергали на землю святыя иконы Христа и Его учениковъ, попирали ихъ ногами, и, если находили на нихъ какое нибудь дорогое украшеніе, срывали его какъ попало, а самыя иконы выносили на

перекрестки для погнанія прохожимъ, или жгли для варенія пищи. Всего же нечестивѣе и нестерпимѣе для слуха вѣрующихъ то, что нѣкоторые изъ нихъ, взойдя на престолъ, предъ которымъ благоговѣютъ сами Ангелы, плясали на немъ, безобразно прыгали, распѣвая какія-то варварскія, отвратительнѣйшія народныя пѣсни; а потомъ, открывъ студныя части свои, выпускали мочу и сквернили вокругъ священнаго мѣста, совершая возліянія злымъ демонамъ и приготавливая теплыя ванны, въ которыхъ эти губители плаваютъ послѣ трудовъ, подъятыхъ на изобрѣтеніе несчастій для людей и на совершеніе ужасныхъ золъ. Наконецъ показались въ городѣ сицилійскіе вожди и, удержавъ толпу отъ убійствъ, прекратили эти ужасы и положили конецъ рѣзни. Одинъ изъ нихъ, весь въ желѣзныхъ латахъ, сидя на конѣ, въѣхалъ въ храмъ мироточиваго Мученика и только съ трудомъ могъ остановить неистовство солдатъ, однихъ ударяя плоскою стороною меча, а другимъ нанося и дѣйствительные удары.

8. Впрочемъ и послѣ этого положеніе Фессалоникійцевъ было несносно. Хотя убійство жителей, на другой день по взятіи города, прекратилось, но за то наступили другія бѣдствія, которыя многоразличными путями доводили несчастныхъ также до смерти, заставляли даже предпочитать смерть жизни, такъ что, говоря словами многострадальнаго Іова, многіе искали смерти, но не находили. Конечно, и всѣ вообще съ взатыми на войнѣ плѣнниками обращаются дурно, поступаютъ немилосердно и дѣлаютъ все, что внуша-

есть гордость побѣдителя: но Латинянинъ, побѣдившій врага и захватившій его въ свои руки, есть зло самое несносное и неизобразимое словомъ. И если плѣнникомъ его будетъ Римлянинъ и, притомъ, человѣкъ, вовсе не знающій итальянскаго языка и столько чуждающійся иностранныхъ обычаевъ, что даже въ одеждѣ у него нѣтъ ничего общаго съ Латинянами, то его считаютъ существомъ, отверженнымъ отъ Бога и осужденнымъ на то, чтобы принять несмѣшанный сосудъ и испить неразтворенную чашу гнѣва Божія. Какая смертоносная эхидна, какой ядовитый змѣй, блудущій пята, какой левъ, губитель быковъ, пребрегающій вчерашнимъ ловомъ и питающійся только свѣжею добычею, можетъ такъ неистовствовать, какъ неистовствуютъ безчеловѣчные Латиняне надъ своими плѣнниками? Они не трогаются мольбами, не смягчаются слезами, не умиляются ласковыми словами. Если бы кто пріятно зацѣлъ, для нихъ это было бы тоже, что крикъ коршуна или карканье вороны. Если бы чье пѣніе было такъ очаровательно, что, подобно звукамъ Орфея, двигало бы камни, и такой пѣвецъ напрасно касался бы струнъ лиры и тщетно начиналъ бы свою звучную пѣснь. Если же иной разъ варваръ и тронется пѣніемъ, то жестокосердая душа его считаетъ это пѣніе за предсмертную прекрасную пѣснь лебедя и за тѣмъ снова принимается за убійство, по прежнему остается безжалостною и, подобно твердой наковальнѣ, не поддается никакимъ просьбамъ. Люди этого племени умѣютъ удовлетворять только гнѣву, любятъ подчинять-

ся только его внушеніямъ. Какого самаго ужаснаго зла не сдѣлаетъ человѣкъ, ненавидящій Римлянъ, собравшій въ сердцѣ своемъ такую злобу къ Эллинамъ, какой никогда не собиралъ въ себѣ и не порождалъ самъ древній змѣй, врагъ человѣческаго рода? Проклятые латиняне считаютъ чуть не раемъ страну, въ которой намъ досталось жить и собирать плоды; до безумія влюбленные въ наши блага, они вѣчно злоумышляютъ противъ нашего рода и стараются всячески сдѣлать намъ зло. Иногда, соображаясь съ обстоятельствами, они притворяются и нашими друзьями, но ненавидятъ насъ, какъ злѣйшіе враги. Даже и тогда, какъ говорятъ они слова ласковыя, льющіяся тише и нѣжнѣе елѣя, и тогда слова ихъ суть стрѣлы, и острѣе меча обоюдоостраго. Такимъ образомъ, между нами и ими утвердилась величайшая пропасть вражды, мы не можемъ соединиться душами и совершенно расходимся другъ съ другомъ, хотя и бываемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и часто живемъ въ одномъ и томъ же домѣ. Они, привыкшіе ходить большею частию съ поднятою головой и надменно выправляющіе свой станъ, обыкновенно смѣются надъ кротостію нашего характера и надъ нашимъ смиреніемъ, происходящимъ отъ нашего скромнаго о себѣ мнѣнія; а мы, презирая ихъ гордость, хвастливость, спѣсь и надменность, наступаемъ на ихъ поднятую къ верху голову и доселѣ попираемъ ее силою Христа, дающаго власть наступать на змѣй и скорпіоновъ безъ всякаго зла и вреда.

Но будемъ опять продолжать свой рассказъ.

Такъ-то неистовствовало и столько-то богопротивныхъ дѣлъ совершило сицилійское войско, вступивъ въ городъ Фессалонику, послѣ осады, которую оно начало шестаго числа мѣсяца Августа, третьяго индикта шесть тысячъ шесть сотъ девяносто третьяго года, и окончило 13 числа того же мѣсяца рѣшительно безъ всякой съ своей стороны потери. И не въ продолженіе только войны Фессалоникійцы, какъ мы сказали, терпѣли ужаснѣйшія бѣдствія, но, и съ окончаніемъ ея, судьба не склонилась къ милосердію, и побѣдители не сдѣлались къ нимъ снисходительнѣе. Варвары не только выгнали владѣльцевъ изъ ихъ домовъ и присвоили себѣ все, что въ нихъ было собрано, но отняли у нихъ и платье, не исключая послѣдней одежды, покрывающей тѣ части тѣла, которыя сама природа велѣла закрывать, какъ студныя; даже куска хлѣба не давали они домохозяевамъ, трудовымъ имуществомъ которыхъ завладѣли. Сидя въ чужихъ домахъ, они ежедневно пировали и прогуливали все, что было можно, а тѣхъ, которые съ трудомъ нажили это, пустили бродить по перекресткамъ, голодать, спать на голой землѣ, ходить безъ обуви и одежды, такъ что для людей, прежде богатыхъ и знатныхъ, теперь ложемъ была земля, кровлею—небо, а теплою постелью—навозъ. Но,—что хуже всего и что уязвляетъ въ самое сердце,—прежнимъ хозяевамъ нельзя было даже входить въ свои дома. Если же кто входилъ, или только заглядывалъ въ домъ, того находившіеся въ немъ, будто древняя злая Сцилла, тотчасъ же хватали, приводи-

ли къ отвѣту и, послѣ многократныхъ допросовъ, за чѣмъ онъ пришелъ, или заглядывалъ, или подходилъ къ дверямъ прихожей,—жестоко сѣкли и заставляли отдать деньги, полагая, что онѣ спрятаны у него гдѣ нибудь въ домѣ. Они думали, что изъ-за-денегъ онъ и приходилъ осмотрѣть свой домъ, опасаясь, чтобы ихъ не украли и торопясь узнать, уцѣлѣла ли отъ тщательныхъ поисковъ враговъ та часть дома, въ которой онѣ скрыты, или желая спрятать ихъ въ болѣе надежное мѣсто. Не разъ случалось, что иной отдавалъ все, что спряталъ, когда видѣлъ, что надобно бѣжать изъ дома, и однакожь не избавлялся отъ плетей; напротивъ, его еще больше били и подвергали многоразличнымъ пыткамъ для того, чтобы онъ указалъ, гдѣ скрыты другія его сокровища. Иной же ничего не давалъ, а увѣрялъ, что и теперь онъ также бѣденъ, какъ и прежде, и что только любовь къ родительскому, или имъ самимъ съ большими издержками построенному дому заставила его уклониться съ пути и невольно привела сюда, чтобы посмотрѣть на прежнюю свою собственность и поплакать надъ нею. Но и это не возбуждало состраданія и неизбавляло отъ мученій; этихъ людей пытали, сѣкли, вѣшали за ногу, коптели дымомъ, зажигая подложенную подъ нихъ солому, мазали имъ уста нечистотою, кололи ихъ копьями въ бока и подвергали безчисленному множеству другихъ мученій. Они или умирали среди такихъ страданій, или полумертвые были вытаскиваемы изъ дома за ногу, и брошенные, какъ соръ, лежали на улицахъ подъ открытымъ небомъ.

9. Что же? Можетъ быть, съ такимъ радушіемъ Сицилійцы принимали и угощали прежнихъ домохозяевъ, когда они приходили домой, а со всѣми другими, которые бѣжали отъ своихъ домовъ, какъ отъ устья ада, какъ отъ критскаго лабиринта, или лакедемонской Кеады (¹), обращались кротче и оказывали имъ хоть нѣсколько человѣколюбія? Вовсе нѣтъ. Да и какъ ожидать чегонибудь подобнаго отъ людей, которые свирѣпѣе звѣрей, которые вовсе не знаютъ, что такое милость и радуются несчастіямъ людскимъ? И собаки иногда не трогаютъ и не грызутъ зубами тѣхъ, кого настигаютъ; если преслѣдуемые ими падаютъ на колѣна, онѣ перестаютъ лаять и сами собою, никѣмъ непринуждаемыя, закрываютъ зѣвъ. Но Латиняне не оказывали никакого состраданія тѣмъ, кого лишили имущества, чью собственность расточали съ блудницами, которыхъ они очень цѣнили, за которыми гонялись, и которымъ чуть не позволяли бить себя по щекамъ, — они, хвалившіеся, что овладѣютъ всею римской имперіей, какъ пустымъ гнѣздомъ и какъ покинутыми яйцами. Напротивъ, они еще смѣялись надъ наготою многихъ и громко хохотали, когда проходилъ ктонибудь высохшій отъ голода, съ раздутымъ желудкомъ, съ блѣднымъ, какъ у мертвеца, лицомъ, отъ того, что лучшую его пищу составляли овощи, а праздничный обѣдъ — однѣ виноградныя ягоди, которыя онъ со страхомъ собиралъ гдѣнибудь въ виноградникахъ. Такъ же сострадатель-

(¹) Такъ называлась пропасть, въ которую бросали въ Спартѣ государственныхъ преступниковъ.

ны они были и къ людямъ, одѣтымъ въ изорванныя одежды, завѣшивавшимъ рогожами тѣ части тѣла, которыя слѣдуетъ скрывать, и прикрывавшимъ голову плетенками изъ мастиковыхъ вѣтвей. Встрѣтившись съ ними на улицѣ, они, съ улыбкою и насмѣшливымъ видомъ, хватались обѣими руками за ихъ бороду и за волосы на головѣ и, смѣясь надъ включенною и отросшею бородою, говорили, что это не хорошо и что голову нужно стричь, по ихъ примѣру, въ кружокъ. Бывало и то, что, проѣзжая верхомъ по площади съ ясеневыми коньями, они направляли свои конья на несчастныхъ по виду и опрокидывали ихъ на землю. Если гдѣнибудь, близъ большой дороги, была грязь или лужа, они толкали ихъ на эту грязь, или избѣгая и гнушаясь встрѣчи съ ними, какъ не общающей ничего хорошаго, или не желая идти съ ними по тойже дорогѣ. Если они заставляли Римлянъ за столомъ, когда тѣ ѣли полбовый хлѣбъ, или какуюнибудь другую пищу, служащую къ поддержанію человѣческаго тѣла, — въ насмѣшку надъ ними, опрокидывали чаши, толкали ногою столъ и прерывали обѣдъ; не давали ни во время сѣсть кусокъ горькаго хлѣба, ни спокойно выпить чашу прокислаго вина, ни утолить жажду водою, взятою изъ цистерны. При этомъ безтыднѣйшіе изъ нихъ и самые злые насмѣшники, люди, ни сколько не боящіеся Бога, нѣсколько нагнувшись и обнаживъ заднія и другія части тѣла, которыя люди обыкновенно прикрываютъ одеждою, обращались къ обѣдавшимъ задомъ и, находясь въ самомъ близкомъ разстояніи

отъ кушаньевъ, какъ безумные, выпускали изъ себя самые зловонные вѣтры. А иногда даже извергали изъ себя заднимъ проходомъ, какъ изъ насоса, нечистоты чрева и оскверняли пищу, а у иныхъ марали и лица. Они мочились въ колодцы и пили потомъ доставаемую изъ нихъ воду. Одинъ и тотъ же сосудъ служилъ у нихъ и урильникомъ и кувшиномъ для вина; невымытый напередъ, онъ употреблялся и на то и на другое: въ него наливали вино и воду для питья, въ немъ же содержалась и нечистота, извергаемая изъ тѣлеснаго канала. И угодникамъ Божіимъ, вписаннымъ въ число первородныхъ, они не оказывали должнаго уваженія, не обращали вниманія на совершаемыя ими чудеса, не изумлялись великимъ и дивнымъ явленіямъ, которыми Христосъ прославляетъ тѣхъ, кто Его прославилъ въ своихъ членахъ. Такъ, муро, истекающее изъ гроба славнаго чудесами и страданіями, мученика Димитрія, они, черпая кувшинами и кострюлями, вливали въ рыбныя жаровни, смазывали имъ обувь и, безъ всякаго уваженія и нечестиво, употребляли на другія надобности, для которыхъ обыкновенно употребляется елей. Но муро, какъ будто оно вытекало изъ нестощимаго источника, или поднималось изъ бездны, текло еще въ большемъ количествѣ, чудесно изливаясь въ такомъ изобиліи, что сами варвары признавали это явленіе чудомъ и ужасались благодати, полученной мученикомъ Христовымъ отъ Бога. Когда время общественнаго Богослуженія собирало Римлянъ въ храмы, и когда грубые и наглые солдаты не оставляли ихъ

въ покоѣ. Приходя къ нимъ какъ будто для того, чтобы вмѣстѣ помолиться и принести Богу жертву хваленія, они ничего подобнаго не дѣлали, но безчинно разговаривали между собою и безобразно кричали, или, по какому нибудь поводу сильно хватая нѣсколькихъ Римлянъ за горло, давили ихъ и тѣмъ прерывали пѣніе, такъ что поющіе явно пѣли въ землѣ чужой, а не стоя въ храмѣ Божіемъ. А многіе, подпѣвая поющимъ пѣсни Господу, пѣли срамныя пѣсни и, лая по собачьи, прерывали пѣніе и заглушали Божественную службу.

Такъ-то страдали Фессалоникійцы, по взятіи ихъ города, — о чемъ нѣкоторые написали особыя сочиненія и составили обширную исторію, а мы рассказали только нѣчто изъ многого. Когда же Тотъ, кто въ вышнихъ живетъ и на смиренныя призираетъ, пріиникъ съ неба и увидѣлъ, что между побѣдителями нѣтъ разумѣвающаго и никто не ищетъ Бога, но всеъ непотребны и уклонились къ дѣламъ беззаконнымъ, — Онъ праведнымъ судомъ Своимъ опредѣлилъ посмѣяться надъ ними, поразить и стереть ихъ гнѣвомъ своимъ, а къ озлобленію людей своихъ явить состраданіе и даровать имъ избавленіе, призрѣвъ на болѣзнь ихъ духа и не отвергнувъ сокрушенія сердца. Поэтому, ради избранныхъ, какъ я думаю, недалъ Онъ продолжиться ужаснымъ дѣламъ нечестивыхъ, и, чѣмъ нѣкогда грозилъ Вавилонянамъ, не помпловавшимъ Сіона, плѣнившимъ и отведшимъ на чужую сторону нѣжныхъ сыновъ и дочерей его, тѣмъ въ одно мгновеніе поразилъ и Сицилійцевъ,

И дивная милость Господа никогда не являлась въ такой славѣ, въ какой Онъ явилъ ее въ это время, преклонившись на моленія, какъ надобно думать, мучениковъ, и внявъ молитвѣ тогдашняго ѳессалоникскаго архіерея. То былъ знаменитый краснорѣчіемъ и всюду извѣстный своею добродѣтелию Евстацій. Онъ былъ украшенъ и достохвальнымъ умомъ, и обладалъ удивительною и необыкновенною опытностію, но особеннымъ и отличительнымъ его свойствомъ было то, что онъ далеко превосходилъ другихъ ученостію и былъ сосудомъ, преисполненнымъ всякой мудрости, какъ нашей, такъ и внѣшней. Онъ скорѣе согласился страдать вмѣстѣ съ своимъ стадомъ, нежели подражать наемникамъ, которые, видя идущихъ волковъ, бѣгутъ отъ овецъ. Онъ имѣлъ возможность скрыться изъ города еще до осады, когда враговъ только ожидали, но ни какъ не рѣшился на это, зная, что его присутствіе могло быть спасеніемъ для многихъ. Добровольно заключившись въ городъ, какъ въ темницѣ, онъ переносилъ съ страждущими все скорби до конца, убѣждая ихъ то собственнымъ примѣромъ, то увѣщаніями, переносить посылаемые Богомъ наказанія, какъ раны, налагаемые добрымъ отцемъ, и отъ поражающаго ожидать и исцѣленія. «Если Богъ часто наказываетъ, говорилъ онъ, то еще чаще любить исцѣлять, и особенно того, кто переноситъ скорби съ покорностію и благодареніемъ, кто за горечь и тяжесть ихъ не питаетъ вражды къ Ниспосылающему ихъ, не жалуется на Провидѣніе и, признавая глубины судьбы Божі-

ихъ, не слѣдуетъ примѣру того, кто умѣетъ благодарить Господа только въ счастіи, когда челнокъ его жизни, влекомый попутнымъ вѣтромъ, благополучно, легко и удобно приносить ему все желаемое, какъ корабли, приносящіе издалика товары». Являясь къ вождямъ, которыхъ говорящіе на латинскомъ языкѣ называютъ контами⁽¹⁾, онъ испрашивалъ отъ нихъ начальственные распоряженія, которыми уменьшались бѣдствія страдальцевъ, давалось имъ облегченіе и вообще все, что служило къ ихъ утѣшенію. Впрочемъ рѣчь его, кажется, тронула бы и бездушный камень. Даже однимъ видомъ своимъ онъ возбуждалъ уваженіе къ себѣ въ чужеземцахъ, такъ что, при его появленіи, они вставали съ сѣдалищъ, охотно слушали его и становились добрѣе и мягче, подобно тому, какъ воспаленіе раны утихаетъ отъ воды, при тонкомъ прикосновеніи руки. Хотя они и были тоже, что плотоядныя, чуть не до облаковъ поднимающіяся, птицы, и стремительно нападали на покоренныхъ Римлянъ, угрожая переселить ихъ въ Сицилію; но онъ, подобно курицѣ, накрывающей птенцовъ своихъ крыльями, собиралъ вокругъ себя и успокоивалъ объятыхъ страхомъ гражданъ, опасавшихся въ будущемъ еще болѣе тяжкихъ бѣдствій, и услаждалъ горькій, какъ мерра, духъ побѣдителей, являясь среди нихъ какъ бы Моисеевымъ древомъ. А какъ послѣдовало освобожденіе, какими необыкновенными средствами совершилъ его Богъ,—это пусть ждетъ своего времени.

⁽¹⁾ т. е. графами.

10. А теперь возвратимся къ тому, о чемъ начали говорить, и будемъ повѣствовать о дѣлахъ царя Андроника. Повѣсивъ братьевъ Севастьяновъ, за то, что они хотѣли будто бы свергнуть его съ престола и воцарить Алексея Комнина, который родился отъ незаконныхъ связей царя Мануила и вступилъ въ бракъ съ Ириною, Андрониковою дочерью подобнаго же происхожденія,—Андроникъ, спустя не много времени, захватилъ и заключилъ въ темницу и самаго Алексея. Потомъ онъ ослѣпилъ его и отправилъ на заточеніе въ Хилу, небольшой приморскій городъ, лежащій не подалеку отъ устьевъ Понта, гдѣ и посадилъ въ нарочно для того построенную башню. Въ то же время онъ возненавидѣлъ и удалилъ отъ себя и дочь свою Ирину; потому что онъ приказалъ ей не скорбѣть и отнюдь не сокрушаться о своемъ мужѣ, а напротивъ совершенно забыть его и, сколько прежде любила, столько же возненавидѣть, если она, какъ дочь, любитъ отца и жалѣетъ о своемъ родителѣ, а она не переставала, какъ и естественно, любить своего супруга, плакала о немъ и, постригшись въ монахини, надѣла темное платье. Такъ-то нечаянно расторгся этотъ удивительный брачный союзъ, столько расхваленный презрѣнными льстецами и незаконными судіями, которые верблюда глотали, а комара отцѣживали. Они пророчили, что чрезъ этотъ бракъ снова сблизятся части, издавна отторгшіяся, Востокъ соединится съ Западомъ, уничтожится исконная вражда, народы, отличные отъ Римлянъ какъ по языку, такъ и по характеру, войдутъ съ ними въ со-

гласіе, и единство правовъ замѣнить собою, необыкновеннымъ образомъ, прежнее разногласіе, такъ что мечи раскуются на плуги и агнцы будутъ пастись вмѣстѣ съ львами. Возвысится, говорили они, и благоустройство городовъ, явится обиліе плодовъ земныхъ и будутъ необыкновенные урожан, такъ что терновникъ будетъ произращать грушу, и смоковница покроется множествомъ колосьевъ, почти такъ же, какъ на ложѣ Юпитера и Юноны, по изображенію поэтовъ, изъ подостланнаго росистаго лотоса вырастаетъ шафранъ и разцвѣтаетъ гіацинтъ. Всѣ эти рассказы оказались очевиднѣйшею глупостію, и сочинители ихъ, называя себя мудрецами, прозорливцами, провидящими будущее, явно не видѣли и того, что у нихъ подъ ногами; надъ ними сбылось заклятіе пророка: они видя не видѣли и слыша не слышали. Или, лучше, они ясно видѣли и очень хорошо понимали, что говорятъ гибельныя рѣчи и превращаютъ свои зубы въ оружіе и стрѣлы, но какъ люди съ языкомъ продажнымъ и съ рѣчью купною, какъ льстецы, старающіеся, сколько можно больше, челоуѣкоугодничать, они намѣренно споспѣшествовали злу и одобряли то, что нравилось государю, а не то, что угодно Царю царствующимъ. Какихъ, увы, людей питаютъ на зло себѣ царскіе дворцы, людей, которые хвалятъ зло и не хотятъ знать добра! Но не съ однимъ только Алексѣемъ Андроникъ поступилъ такъ жестоко и безчеловѣчно, но и всѣхъ главныхъ его чиновниковъ отдалъ подъ стражу и, спустя не много времени, не малое число важнѣйшихъ изъ нихъ лишилъ

зрѣнія. А одного, бывшего въ числѣ писцовъ Алексѣевыхъ, по имени Мамала, онъ отдѣлилъ и отложилъ на послѣднее кушанье. И такъ онъ приготовилъ его, столько различныхъ приправъ приложилъ къ нему, что оно достойно было не другаго гостя, а только одного царя Андроника, годилось быть на трапезѣ фурій и на пирѣ завистливыхъ Телхиновъ—кушанье, какого никогда не приготовлялъ самый искусный поваръ. Именно онъ приказалъ сжечь этого человѣка въ конномъ циркѣ. И вотъ разведенъ былъ огонь, и пламя его далеко разливалось по воздуху на ристалищѣ, все равно какъ въ той халдейской печи, которую семь разъ разжигали нефтью и хворостомъ. Привели юношу, у котораго только что стала показываться борода и щеки покрылись первымъ пухомъ,—въ узахъ и нагимъ, какимъ онъ вышелъ изъ матерней утробы и въ первый разъ увидѣлъ свѣтъ Божій. Сожигатели обступили его, какъ жертву, и длинными острыми шестами стали толкать его въ самую средину огня. Но онъ, при приближеніи къ огню, чувствуя боль и, какъ человѣкъ, питая естественную любовь къ жизни и все еще имѣя въ умѣ, какъ бы избѣжать уже неминуемой смерти, то бросался прямо на обращенные противъ него шесты, считая боль отъ этого легче, чѣмъ мученія въ огнѣ и на угляхъ, то, вверженный сожигателями въ самую средину огня и объятый пламенемъ, быстро, какъ змѣя, огромнымъ прыжкомъ, выскакивалъ изъ костра. И такое зрѣлище продолжалось довольно долго и приводило зрителей въ слезы. Наконецъ онъ, вы-

бившись изъ силъ, упалъ навзничъ, и лютой огонь, охвативъ его тѣло, вскорѣ пожралъ его. Только смрадъ, поднимаясь вверхъ, заражалъ окружающій воздухъ и, разлетаясь, былъ нестерпимъ для обонянія прохожихъ. Какое лютое пожарище! Какое всесожженіе вождельнное для демоновъ! О жертва Телхиновъ! О вполне бѣсовское приношеніе! О воня неблагоуханія, которую обоняетъ не Господь, но сонмъ фурій и злодѣй Андроникъ! Слыша, что древніе приносили въ жертву воловъ и служили божеству куреніемъ, онъ не захотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру, но, какъ видно изъ его дѣла, имѣя душу болѣе безжалостную, чѣмъ самыя лютыя, когда либо бывшіе, люди, рѣшился, по своей злобѣ, приносить въ жертву людей, презрѣвъ христіанскіе законы, которые заповѣдываютъ скорѣе спасать, чѣмъ губить душу, и объявляютъ цѣлый міръ недостойнымъ ея. Какой безумный Камбизъ, или жестокій Тарквиній, или Ехетъ и Фаларисъ—эти дикіе и звѣрскіе люди сдѣлали что нибудь подобное? Кто изъ Тавроскиновъ, у которыхъ положено закономъ убивать иноземцовъ и которыхъ обычаями заразился этотъ, много скитавшійся, старикъ, такъ свирѣпствовалъ надъ своимъ плѣнникомъ? А чтобы показать, что казнь была не безъ причины, но что она навлечена дѣйствительнымъ преступленіемъ, Андроникъ сжегъ вмѣстѣ съ Мамаломъ какія-то книги, въ которыхъ будто бы говорилось о будущихъ императорахъ и которыя Мамаль, какъ говорили, читалъ Алексѣю и тѣмъ возбуждалъ въ немъ желаніе царствовать.

11. И всѣ эти дѣла Андроника ни сколько не возбуждали въ немъ раскаянія и отсюда не приводили его къ мысли удержаться отъ подобныхъ дѣйствій на будущее время. Напротивъ, онъ и Георгія Дисипата, одного изъ чтецовъ Великой Церкви,—единственно за то, что онъ, раздраженный жестокостью Андроника, худо говорилъ объ немъ,—заклучилъ въ темницу и постоянно собирался пронзить рожнами и, испекши на угляхъ, отослать къ женѣ. И вѣрно тучный Дисипатъ былъ бы испеченъ на рожнахъ, подобно поросенку, и, положенный въ сосудъ, незнаю какой, только ужъ, конечно, не маленькій, вмѣсто жареннаго кушанья былъ бы отправленъ къ женѣ и ко всѣмъ домашнимъ, если бы его тестъ, Левъ Монастиріотъ, котораго Андроникъ, за его умныя, по тогдашнимъ дѣламъ, мнѣнія, называлъ устами сената, не отклонилъ Андроника отъ его намѣренія и своимъ вліяніемъ не удержалъ, не подавилъ его порывовъ. Ктому же, и отовсюду прилетавшія вѣсти о томъ, что Эпидамнъ сдался Сицилійцамъ, а Фессалоника въ осадѣ, нѣсколько тревожили Андроника и, развлекая его, не много ослабляли лютость казней. Такимъ образомъ Дисипатъ содержался въ темницѣ и, воздвигая руки къ Богу, молился то словами Давида: «изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему», то словами Іоны: «еда приложу призрѣти ми ко храму святому твоему». О чемъ же собственно онъ молился? «Изгладь меня, Господи, изъ памяти Андроника, да буду я невѣдомъ ему изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ дня въ день,

да не вспомнить онъ и имени моего, пока самъ не будетъ изглаженъ изъ книги живыхъ»? И Господь не отвергъ, не презрѣлъ его моленій, но вывелъ его изъ темницы невредимымъ, потому что чрезъ нѣсколько дней не стало Андроника.

А какъ умѣлъ Андроникъ цѣнить своихъ вѣрнѣйшихъ слугъ и самыхъ усердныхъ исполнителей его желаній, это онъ показалъ уже и тѣмъ, что безчеловѣчно умертвилъ Константина Макродуку и Андроника Дуку, изъ которыхъ одного, какъ было уже сказано, возвысилъ до почестей Паниперсеваста, а другаго усыновилъ, включивъ въ число самыхъ первыхъ друзей. Но особенно ясно выказалась жестокость его характера и неспособность постоянно оказывать кому либо благоволеніе—въ томъ, что онъ ослѣпилъ и Константина Трипсиа. Это былъ чрезвычайный любимецъ Андроника и самый ревностный исполнитель его приказаній, который и самъ такъ много любилъ Андроника и такъ горячо былъ преданъ ему, что въ этомъ отношеніи превзошелъ почти всѣхъ его почитателей. Только одинъ Стефанъ Агіохристоритъ, подвизавшійся на одномъ съ нимъ поприщѣ и старавшійся превзойти его усердіемъ, могъ спорить съ нимъ о побѣдѣ въ дѣлѣ царскихъ милостей и раздѣлялъ съ нимъ награду за жестокость. Причина, по которой Трипсиа лишился глазъ, заключалась въ одномъ незначительномъ оскорбленіи, которое слѣдовало бы скорѣе оставить безъ вниманія, чѣмъ заводить изъ-за-него дѣло и казнить виновнаго,—и особенно человѣка, столько любимаго и не менѣе любящаго. Но такъ какъ во време-

на Андроника люди отдавали отчетъ и за праздное слово; то и Трипсихъ, занимавшійся разборомъ подобныхъ дѣлъ и многихъ подвергшій мученіямъ и лишившій всего имущества за то, что они или произнесли слово ропота противъ Андроника, или затаили въ душѣ своей остатки злаго умысла,—въ свою очередь немилосердно подвергся той же участи, накликавъ бѣду собственной неправдой. Какою мѣрою часто мѣрилъ самъ, тою же, притомъ до излишества преисполненною, возмѣрилось и ему; какую яму нерѣдко копалъ для ближняго, въ ту же,—какъ не похвалить тебя, Правосудіе!—заслуженно попалъ самъ; камень, который онъ столько разъ поднималъ на ближняго, теперь обрушился на него. Кто-то изъ самыхъ близкихъ къ Трипсиху людей донесъ Андроннику, что и Трипсихъ, осыпанный столькими благодѣяніями и удостоенный такихъ чрезвычайныхъ почестей, который въ царскихъ грамотахъ называется возлюбленнымъ сыномъ и вѣрнѣйшимъ человекомъ, какихъ съ трудомъ можно найти теперь, что и этотъ богатый и знатный вельможа тайно ропщетъ на него, наравнѣ съ лицами, не испытывавшими его благодѣяній и милостей. Это извѣстіе крайне огорчило Андроника; рѣшивъ, что ни въ комъ нѣтъ вѣрности, онъ стоялъ въ раздумьѣ и гнѣвъ начиналъ загораться и волноваться въ немъ. Но доносчикъ видѣлъ, что нужно прибавить еще нѣсколько ѣдкихъ словъ, чтобы огонь гнѣва Андроника разгорѣлся и разлился огромнымъ пламенемъ по воздуху,—нуженъ еще порывъ сильнаго вѣтра, чтобы это необъятное море гнѣвливо-

сти разступилось и поглотило несчастнаго Трипсиха, какъ новаго египетскаго всадника. Поэтому, обращаясь къ Андроннику, продолжалъ: и надъ твоимъ сыномъ, преемникомъ твоего царства и законнымъ наследникомъ верховной власти, прекраснѣйшимъ и обожаемымъ всею Іоанномъ, Трипсихъ непрестанно издѣвается, говоритъ про него безумныя рѣчи и называетъ его мерзостью, имѣющею воцариться на священномъ престолѣ имперіи. А однажды, когда проходилъ царь Іоаннъ и его сопровождала и привѣтствовала радостными криками толпа народа, Трипсихъ смѣялся надъ нимъ, поносилъ его, называлъ его Зинцифицомъ и съ великимъ вздохомъ говорилъ: «о злополучное римское царство! Какой готовится тебѣ самодержецъ!» А Зинцифицъ былъ безобразнѣйшій человекъ, постоянно вертѣвшійся на конномъ циркѣ, съ членами, большею частію, неуклюжими, приземистый и мясистый, хотя, съ другой стороны, ловкій острякъ и большой мастеръ смѣшить стихами и, подъ видомъ забавной шутки, уязвить въ самое сердце. Андроникъ не вынесъ этихъ словъ, которыя стрѣлой пронзили его сердце. Разметавъ, подобно бурѣ, все имущество Трипсиха, онъ его самого посадилъ въ тюрьму, хотя и безъ оковъ, а потомъ лишилъ и зрѣнія. Вотъ чѣмъ кончилось владычество Трипсиха, такъ что кажется, будто прямо о немъ сказано и къ нему относится изреченіе Соломона: «суть пути кажущіися мужу исперва прави, послѣдняя же ихъ зрятъ въ смерть.» Такъ шли дѣла въ царственномъ городѣ.

ЦАРСТВОВАНИЕ АНДРОНИКА КОМНИНА.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Между тѣмъ Сицилійское войско раздѣлилось на три части: одна изъ нихъ осталась въ Фессалоникѣ, другая напала на Серры ('), имѣя въ виду захватить и опустошить всѣ тамошнія мѣста, а третья, несясь какъ бы по ровной дорогѣ и не встрѣчая на пути ни одного непріятеля, безъ всякаго сопротивленія раскинула палатки въ самомъ Мосинополѣ и покорила всю окрестность. Андроникъ, съ своей стороны, прежде всего позаботился отправить въ Эпидамнъ Іоанна Врану съ тѣмъ, чтобы защитить этотъ городъ. Но прошло не много дней и Италійцы, прилетѣвъ, словно птицы по воздуху, напали на Эпидамнъ и безъ труда перелѣзли чрезъ зубцы стѣнъ, а Врану взяли въ плѣнъ и отвели въ Сицилію. Потомъ онъ писалъ грамоты къ бывшему правителю Фессалоники Давиду и приказывалъ бдительно охранять городъ и отнюдь не бояться, выражаясь собственными словами Андроника, сапожниковъ—Латинянъ, а, напротивъ, скакать, кусать и колоть. Для чего Андроникъ употреблялъ въ своихъ грамотахъ такія выраженія,—это было извѣстно одному сочинителю ихъ—Андронику. Но любившіе

(') Городъ близъ рѣки Стримона, недалеко отъ Христополя или Никополя.

пошутить граждане смѣялись надъ ними, сличая и сопоставляя ихъ съ срамными площадными словами, о которыхъ упоминать не слѣдуетъ. Затѣмъ онъ собралъ римскія войска, какъ восточныя, такъ и западныя, и, раздѣливъ ихъ на полки, одну часть отдалъ сыну своему, нареченному царю, Іоанну, жившему тогда въ провинціи Филиппійской, другую поручилъ Хартулярію Хумну, третью—Андронику Палеологу, четвертую—свнуху Никифору, который былъ почтенъ отъ Андроника званіемъ Паракимомена. Кромѣ того, съ особеннымъ войскомъ выслалъ Алексѣя Врану. Но сынъ его наслаждался охотою около Филиппополя и о раззореніи Фессалоники столько же думалъ, сколько о завладѣніи гадирскими воротами (') или о низверженіи статуй Вакха. А прочіе начальники отнюдь не смѣли приблизиться къ осажденному городу и подать ему помощь, но, стоя лагеремъ вдали отъ города, чрезъ лазутчиковъ и скороходовъ, тайкомъ проходившихъ въ лагерь непріятелей, узнавали о положеніи Фессалоники. Только Хумнъ Осодеръ, одинъ изъ всѣхъ, рѣшился подойти поближе, чтобы помочь Фессалоникійцамъ въ случаѣ, если они выступятъ на сраженіе противъ окружившаго городъ войска, или, если можно,—войти и въ самый городъ. Но онъ не достигъ ни того, ни другаго, и съ безчестіемъ отступилъ назадъ. Его войска не вынесли и одного вида непріятельскихъ шлемовъ, показали тылъ и безъ оглядки бѣжали, только тѣмъ

(') Гадира — островъ и городъ Кадиксъ. Гадирскими воротами Никита называетъ гибралтарскій проливъ.

отличившись предъ прочими своими соотечественниками, что не все же спокойно стояли на мѣстѣ, но собственными глазами увидѣли враговъ, о которыхъ рассказывали лазутчики, и на самомъ дѣлѣ узнали ихъ пылъ въ сраженіяхъ. Когда взята была славная Фессалоника и послѣдовало раздѣленіе, какъ уже сказано мною, сицилійскаго войска, о которомъ иной сказалъ бы, что оно прежде соединено было на подобіе баснословной химеры, а теперь раздѣлилось, — одна часть его, важнѣйшая, выступая какъ левъ вперёдъ, направлялась прямо къ царствующему городу, другая, средняя, опустошала окрестности Амфиполя и Серръ, а остальная, то есть, флотъ, какъ змѣя, вращавшійся на водѣ, сторожила главный городъ Фессалоникійцевъ. Но Римляне и въ этомъ случаѣ, не смотря на то, что силы ихъ были соединены и находились подъ однимъ начальствомъ, не осмѣлились напасть ни на одинъ непріятельскій отрядъ. Даже тогда, когда враги, занявшіе Мосинополь, не встрѣчая ни одного римскаго ратника, собирались идти далѣе, Римляне, засѣвъ въ ущельяхъ горъ, не имѣли духа спуститься на ровное мѣсто и вступить въ бой съ непріателемъ. Поэтому Италійцы рѣшились не медлить болѣе, но, соединивъ свои силы, спѣшить къ прекрасному Константинополю и завладѣть этимъ городомъ. Такою надеждою одушевлялъ ихъ Алексѣй Комнинъ, который сопровождалъ имъ и хотя не былъ между ними даже въ званіи полководца, однакожъ, мечтая о томъ, что никогда не могло сбыться, этотъ глупѣйшій

человѣкъ, недостойный пасти даже овецъ, думалъ, будтобы сицилійскій король трудится для него, и велъ себя надменно, какъ будто уже провозглашенъ былъ самодержцемъ и облеченъ въ знаки царской власти. Хвастаясь предъ иноземнымъ войскомъ, онъ увѣрялъ, что жители Константинополя тоскуютъ по немъ не менѣе, чѣмъ по дѣдѣ его, великомъ царѣ Мануилѣ, что Римляне обожаютъ его и ждутъ не дождутся, какъ отраднѣйшихъ лучей утренняго солнца. Такъ это было.

2. Между тѣмъ самъ Андроникъ объѣхалъ городскія стѣны, и, что обветшало отъ времени, приказалъ поправить. Приказаніе его тотчасъ же было исполнено. Въмѣстѣ съ тѣмъ строенія, которыя, прилегая къ стѣнамъ, облегчали входъ въ городъ, были разрушены; у морскаго берега выставлены были длинные корабли, числомъ около ста, готовые къ отплытію, чтобы въ случаѣ нужды, оказать помощь городамъ противъ сицилійскаго флота, защитить самихъ жителей столицы, которые также опасались скорого нападенія враговъ, — и во время занять морской заливъ, вдающійся въ матерую землю и на подобіе рѣки омывающій берегъ влахерскій. Сдѣлавъ эти распоряженія, Андроникъ тѣмъ и окончилъ свои заботы о государственныхъ дѣлахъ, какъ будтобы уже достаточно приготовился къ отраженію враговъ, идущихъ на Римлянъ. Услышавъ, что Фессалоника взята, онъ обратилъ свой гнѣвъ на родственниковъ Давида, бывшаго, какъ сказано, начальникомъ этого города, схватилъ и заключилъ

ихъ въ темницу; а публично говорилъ, что это дѣло не важное и что сицилійцы отнюдь не какой нибудь достолавный подвигъ совершили, что не первый разъ и не теперь только, но и прежде часто были завоевываемы города, и что побѣда попеременно достается людямъ. Непріятные слухи одни за другими преслѣдовали его; часто являлись вѣстники, которые доносили, что непріатели то Амфиполь взяли, то опустошили сопредѣльные съ нимъ области и стоятъ лагеремъ въ Мосинополѣ. Но онъ и эти вѣсти признавалъ нисколько не опасными и увѣрялъ, что отместить врагамъ и совершенно истребить ихъ, какъ охотники убиваютъ дикихъ свиней. Какъ свиньи, говорилъ онъ, обольщаясь выставленною добычею, выходятъ мало по малу изъ чащи и, преслѣдуя добычу, попадаютъ въ силокъ и тутъ пронзаются копьемъ или получаютъ глубокую рану въ сердце; такъ точно и Италійцы, считая себя вполне безопасными, какъ будто нѣтъ ни одного противника, и изъ желанія большей добычи идя все далѣе и далѣе, неожиданно подвергнутся совершенной гибели, и неправда ихъ обратится на ихъ голову. Но эти пріятныя слова были не что иное, какъ пустыя рѣчи человѣка, который явно вооружался противъ природы вещей и хотѣлъ успокоить народъ, уже возстававшій противъ него за то, что онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ прилично храброму человѣку, и не употреблялъ всѣхъ средствъ къ отраженію иноземцевъ. Дѣйствительно, не смотря на то, что грозило такое множество тяжкихъ золъ и всѣ опасались самыхъ ужасныхъ

бѣдствій и томились ими, какъ бы уже дѣйствительно наступившими, онъ спокойно переносилъ самыя несносныя вещи и, словно въ чужой бѣдѣ, выказывалъ себя философомъ, хотя былъ властолюбивъ, какъ едвали кто другой, и страстью къ царствованію доведенъ былъ до безчеловѣчія и превзошелъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ, тиранновъ. Часто оставлялъ онъ городъ и съ толпой блудницъ и наложницъ проводилъ время въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ благораствореннѣе воздухъ; любилъ забираться, подобно звѣрямъ, въ расѣлины горъ и въ прохладныя рощи, и водилъ за собою любовницъ, какъ пѣтухъ водить курицъ, или козель—козъ на пастбищѣ. Какъ Вакхъ ходилъ въ сопровожденіи Фіадъ, Совадъ и Менадъ⁽¹⁾, такъ ходилъ и онъ, въ сопровожденіи своихъ любовницъ и только что не одѣвался въ кожу оленя и не носилъ женскаго платья шафранаго цвѣта. Придворнымъ своимъ, только немногимъ и то самымъ приближеннымъ, онъ показывался лишь въ опредѣленные дни и какъ бы сквозь завѣсу; а пѣвицамъ и блудницамъ у него всегда былъ открытый доступъ: ихъ онъ принималъ во всякое время. Нѣгу и роскошь онъ любилъ, подобно Сардананалу, который вырѣзалъ на своей могилѣ: «я имѣю только то, что я ѣлъ и студѣдѣйствовалъ». Онъ былъ эпикуреецъ и преслѣдователь Хризиппа, человѣкъ крайне развратный и до неистовства преданный сладострастію. Онъ

(1) Названія Вакханокъ и вообще распутныхъ и неистовыхъ женщинъ.

явно подражалъ Геркулесу въ растлѣніи имъ пятидесяти дочерей одного только Фіеста; но такъ какъ не имѣлъ столько же силъ для сладострастія, то, какъ тотъ призывалъ на помощь Юлая противъ возражающей гидры, такъ и онъ прибѣгалъ къ пособію различныхъ мазей и къ изысканнымъ снадобьямъ, чтобы укрѣпить свои дѣтородные члены. Онъ ѣлъ даже нильское животное, очень похожее на крокодила и называемое скингасомъ, которое обыкновенно въ пищу не употребляется, но имѣетъ свойство раздражать и возбуждать похоть. Послѣ прогулокъ и развлеченій, возвратившись домой и живя во дворцѣ, онъ имѣлъ при себѣ не мало тѣлохранителей, притомъ все варваровъ и людей крайне негодныхъ, которые не знали никакой дисциплины и по большей части ни сколько не понимали греческаго языка. Постельники и привратники также всегда у него выбирались изъ такого же дикаго сброда. Наконецъ онъ завелъ у себя и злую собаку, которая могла бороться со львами и опрокинуть на землю вооруженнаго всадника. Тѣлохранители и стражи обыкновенно спали ночью гдѣнибудь вдали отъ его спальни, а собака привязывалась къ дверямъ и прималявѣйшемъ шумѣ поднималась и страшно лаяла. Въ отношеніи къ жителямъ Константинополя онъ мало по малу дошелъ до того, что издѣвался надъ ихъ простодушіемъ, водилъ ихъ какъ бы за носъ и смѣялся надъ ихъ готовностію угождать царямъ и оказывать имъ всякаго рода услуги,—не зная того, что они лишаютъ его власти и

подвергнуть жесточайшей казни. Такъ онъ вѣшалъ на портикахъ площади большія и чѣмънибудь замѣчательныя рога изловленныхъ имъ оленей, повидимому для того, чтобы показать величину пойманныхъ звѣрей, на самомъ же дѣлѣ—чтобы наругаться надъ гражданами и осмѣять распутство ихъ женъ. День, когда онъ возвращался въ городъ, послѣ роскошной жизни въ прелестныхъ мѣстахъ Пропонтиды, нельзя было не считать самымъ несчастнымъ. Казалось, не за чѣмъ инымъ возвращался онъ, какъ только за тѣмъ, чтобы губить и рѣзать людей, которыхъ подозревалъ въ злоумышленіи противъ себя. И точно, прибытіе Андроника сопровождалось для многихъ лишеніями и скорбями, или даже потерей жизни, либо какоюнибудь другою крайнею бѣдой. Положивъ однажды на всегда въ основаніе души своей жестокость и ей подчиняя всю свою дѣятельность, этотъ человѣкъ считалъ для себя тотъ день погибшимъ, когда онъ не захватилъ или не ослѣпилъ какогонибудь вельможу, или когонибудь не обругалъ, или, по крайней мѣрѣ, не устранилъ грознымъ взглядомъ и дикимъ выраженіемъ гнѣва. Подобно жестокому учителю, то и дѣло поднимающему бичъ на дѣтей, онъ, по прибытіи своемъ, кстати и некстати ругался и отъ всякаго непріятнаго для него слуха выходилъ изъ себя. Потому-то люди того времени жили печально и уныло. Многіе даже во снѣ не находили для себя покоя, тишины и отрады, но, едва заснувши, вдругъ въ испугъ пробуждались, увидѣвъ предъ собою во снѣ Андроника или тѣхъ, кого этотъ

свирѣпый, упрямый и неумолимый въ своемъ гнѣвѣ чловѣкъ принесъ въ жертву своей жестокости. Что будетъ въ послѣдніе дни, по предсказанію Богочловѣка, то есть, что двое будутъ на одномъ ложѣ, и одинъ поемлется, а другой остается, тоже самое явно происходило и въ тѣ дни, потому что одного изъ супруговъ внезапно хватили и отводили на истязаніе. Не было пощады и женщинамъ; и онѣ не избавлялись отъ тяжкихъ наказаній, напротивъ и изъ нихъ не малое число были ослѣплены, подверглись темницамъ, голоду и тѣлесному наказанію. Отецъ пренебрегалъ дѣтьми, дѣти не заботились объ отцѣ. Если въ одномъ домѣ было пять чловѣкъ, то трое составляли противъ двоихъ и двое противъ троихъ. Многіе, избѣгая гнѣва Андроника, какъ пожара содомскаго, безъ оглядки бѣжали изъ отечества и поселялись у сосѣднихъ съ Римлянами народовъ. И если они оставались въ изгнаніи до смерти Андроника, они спасались и отъ всякой бѣды. Но кто теперь же возвращался въ свой домъ, тѣ, хотя и не превратились въ соленой столпъ, подобно женѣ Лотовой, и не сдѣлались мертвою солью, но все же измѣнились и погибли лютою смертію.

5. Такъ раздражителенъ, суровъ и жестокъ былъ Андроникъ; неумолимый въ наказаніяхъ, онъ забавлялся несчастіями и страданіями ближнихъ и, думая погибелю другихъ утвердить свою власть и упрочить царство за своими дѣтьми, находилъ въ томъ особенное удовольствіе. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ не мало сдѣлалъ и хорошаго и, при всѣхъ своихъ пагубныхъ свойствахъ,

не вовсе былъ чуждъ и добрыхъ качествъ. Какъ изъ тѣла змѣи можно достать драгоцѣнное средство противъ всѣхъ болѣзней и спасительное противуядіе, какъ среди колючихъ спицъ можно сорвать благоухающую розу, изъ чемерицы и лютика — добыть пріятную пищу для скворцовъ и перепеловъ, — такъ было и съ нимъ. Онъ помогалъ бѣднымъ подданнымъ щедрыми подаваніями, если была хоть какая нибудь надежда, что проситель не враждуетъ противъ Андроника за его злодѣянія. Онъ до такой степени обуздалъ хищничество вельможъ и такъ стѣснилъ руки, жадныя до чужаго, что въ его царствованіе населенность во многихъ областяхъ увеличилась. Каждый, согласно съ словами Пророка, спокойно лежалъ теперь подъ тѣнью своихъ деревъ и, собравъ виноградъ и плоды земли, весело праздновалъ и пріятно спалъ, не боясь угрозъ сборщика податей, не думая о хищномъ или побочномъ взыскателѣ повинностей, не опасаясь, что ограбятъ его виноградъ и оберутъ его жатву. Кто отдалъ кесарева кесареви, съ того никто больше не спрашивалъ, у того не отнимали, какъ бывало прежде, и послѣдней рубашки и насиліемъ не доводили его до смерти. Отъ одного имени Андроника, какъ отъ волшебнаго заклинанія, разбѣгались алчныя сборщики податей; оно было страшнымъ пугаломъ для всѣхъ, кто требовалъ сверхъ должнаго, отъ него цѣпенѣли и опускались руки, которыя прежде призывали только брать. Многіе чуждались теперь и добровольныхъ приношеній, избѣгая ихъ, какъ могли или какой нибудь другой заразы, губительной

для всего, что къ ней прикасается. Но, что еще важнѣе, — посылая въ области правителей, Андроникъ назначалъ имъ богатое жалованье и въ тоже время объявлялъ, какимъ подвергнутся они наказаніямъ, если нарушать его повелѣнія. Онъ не продавалъ общественныхъ должностей и не отдавалъ ихъ каждому желающему за какое нибудь приношеніе, но предоставлялъ ихъ даромъ и лицамъ избраннымъ. Оттого-то люди, съ давнихъ поръ заснувшіе и доведенные общественными недугами до смерти, какъ бы услышавъ трубу Архангела, пробудились отъ долгаго и тяжкаго сна и воскресли. И, какъ говорится въ видѣніи Іезекииля, кости стали соединяться теперь съ костями, члены съ членами, такъ что въ короткое время весьма многіе города ожили и по прежнему стали богаты. Если же нужно сказать что нибудь и словами псалмопѣвца Давида, то пустыню Андроникъ обратилъ въ вмѣстилище водъ и землю безводную въ источники водъ. Онъ собралъ разсѣявшихся жителей и чрезъ то увеличилъ государственные доходы, потому что прекратилъ притѣсненія сборщиковъ податей и непрерывные поборы, которые были выдуманы и обращены въ ежегодную дань жадными казначейскими чиновниками, какъ хлѣбъ пожиравшими народъ, привелъ въ опредѣленный сборъ.

У Римлянъ и, кажется, у нихъ только однихъ былъ въ силѣ слѣдующій безумнѣйшій обычай: когда море, взволнованное вѣтрами, бушевало и корабли, застигнутые бурей, выбрасывало на берегъ волнами, прибрежные жители не оказывали

имъ никакой помощи, а напротивъ, хуже всякаго урагана, разносили и расхищали все, чего не унесло море. Андроникъ жестоко вооружился противъ этого несправедливѣйшаго образа дѣйствій и совершенно прекратилъ это пиратское грабительство кораблей, такъ что одно это дѣло стоитъ многихъ и заключаетъ въ себѣ величайшую для него похвалу. Лица, окружавшія царскій престолъ, считали это зло трудно исцѣлимъ, или даже совершенно неисправимъ, такъ какъ оно вошло въ силу и глубоко укоренилось. Многіе, говорили они, и изъ прежнихъ римскихъ царей хотѣли прекратить этотъ нелѣпый обычай и разсылали кучи царскихъ указовъ, грозя жесточайшими казнями людямъ, которые нападаютъ на потерпѣвшіе крушеніе корабли и расхищаютъ корабельное имущество; но все ихъ приказанія были не дѣйствительны и оставались на бумагѣ: волны усилившагося и высоко поднимавшагося зла смывали красныя царскія чернила, такъ что писавшіе, казалось, явно писали на водѣ и напрасно подписывали свои указы.

4. Когда они высказали это, Андроникъ сурово посмотрѣлъ на всехъ окружавшихъ его сенаторовъ и, глубоко вздохнувъ, сказалъ: «нѣтъ ничего такого, что бы не могло быть исправлено царями; нѣтъ ни одного незаконнаго дѣла, котораго бы они не могли уничтожить своею силою. Поэтому надобно думать, что предшествующіе цари перадиво принимались за дѣло, или только показывали видъ, что сокрушаются о несправедливости. Если бы они дѣйствительно хотѣли ос-

тановить это пагубное зло и дѣйствовать искренно въ пользу справедливости, они оставили бы свои красныя грамоты и бросили бы, какъ ни къ чему негодныя, бумаги. Они подумали бы, что тѣ, чьи корабли выбрасываются на берегъ волнами, плачутъ кровью, а не слезами, встрѣчая на берегу людей, хуже подводныхъ камней и скалъ, — вооружились бы противъ этихъ злодѣевъ мечемъ, который не напрасно посятъ и осудили бы ихъ на смерть. Но они, какъ я убѣжденъ, ничего не писали, кромѣ лукавства и, выказывая въ чужой бѣдѣ неумѣстное великодушіе, содѣйствовали и сами несчастіямъ страдальцевъ и еще болѣе утверждали дурныя обычаи, потому что добровольно уклонялись отъ ихъ исправленія. Сказавъ это, онъ прибавилъ: «вы, мужи, которые соединены со мной кровными узами, или своею вѣрностію заслужили мое благоволеніе, равно и вы всѣ предстоящіе здѣсь, числится ли кто въ сенатѣ или занимаетъ какую либо другую должность въ римскомъ царствѣ, послушайте меня, послушайте! Я скажу вамъ не то, что разнесется по вѣтру и останется безъ исполненія, а то, что непременно въ свое время должно быть сдѣлано. Въ противномъ случаѣ я, дающій приказаніе, воспламенюсь страшнымъ гнѣвомъ, и этотъ гнѣвъ, жестокий и несносный, обрушится на тѣхъ, которые дѣйствуютъ не согласно съ моими приказаніями и ни сколько не обращаютъ вниманія на царскія слова. Нужно уничтожить и другія злоупотребленія, вредныя и гибельныя для Римлянъ, — и пусть знаютъ люди, привыкшіе жить на счетъ грабитель-

ства, что, если они добровольно не перестанутъ домогаться чужой собственности, то они потеряютъ свое имущество и будутъ сметены съ лица земли стонами бѣдныхъ, какъ пыль разметается сильною бурею. Но особенно нужно обуздать тѣхъ, которые нападаютъ на потерпѣвшіе крушеніе корабли, расхищаютъ ихъ грузъ, а иногда ломаютъ и разбираютъ по частямъ и самые корабли. Итакъ, если кто изъ васъ занимаетъ, по нашей власти какую либо должность, или если кто владѣетъ недвижимымъ имуществомъ на морскомъ берегу; то пусть онъ утвердитъ прежде самого себя, а потомъ и своихъ подчиненныхъ въ страхѣ Божіемъ и въ благоговѣйной покорности моей царской власти. Въ противномъ случаѣ строго будетъ взыскано за преступленіе съ того, кто начальствуетъ надъ областію или владѣетъ помѣстьемъ, — даже и тогда, когда самъ будетъ невиненъ руками и чистъ сердцемъ, а его подчиненные сдѣлаютъ это преступное дѣло. Наказаніемъ негоднаго господина обыкновенно вразумляются его слуги. И какъ въ дурныхъ дѣлахъ подчиненные любятъ подражать начальнику, такъ точно и въ томъ случаѣ, если онъ, велѣдствіе наказанія, по необходимости, станетъ служить общественной пользѣ, они пойдутъ по слѣдамъ его, какъ дитя за матерью. А чтобы вы знали и самое наказаніе, какое навлечетъ на себя нарушитель моего повѣлѣнія, — я скажу, что онъ будетъ повѣшенъ на мачтѣ корабля. Если же мачту унесутъ морскія волны, то его повѣсятъ на огромнѣйшемъ прямомъ деревѣ, какое можно будетъ срубить въ

тѣхъ лѣсахъ и выставляютъ на высокомъ морскомъ берегу. Пусть онъ видѣнъ будетъ плывущимъ и среди моря, какъ парусъ на реѣ и, потерпѣвъ кораблекрушеніе на сушѣ, пусть служитъ знакомъ, что неудастся и впередъ безнаказанно ломать потерпѣвшіе крушеніе корабли и грабить ихъ имущество,—подобно тому, какъ радуга поставлена Богомъ въ облакахъ во свидѣтельство, что не будетъ болѣе потопа.»

5. Сказавъ эти слова съ сильнымъ волненіемъ и съ видомъ человѣка, который отнюдь не намѣренъ измѣнить свое рѣшеніе, или смягчить строгость приговора, — Андроникъ обратился къ другимъ дѣламъ. Слушатели, зная по опыту, что Андроникъ шутить не умѣетъ и что въ подобныхъ дѣлахъ онъ не одно говоритъ, а иное думаетъ, чуть не окаменѣли отъ страха. Наконецъ, едва собравшись съ духомъ, они со скороходами отправились къ своимъ управляющимъ и намѣстникамъ писма, въ которыхъ строго на строго наказывали и всячески умоляли бдительно смотрѣть, чтобы не потерпѣлъ какого нибудь вреда корабль, подвергшійся крушенію, а если можно, — запретить и самимъ вѣтрамъ, или, какъ говорится въ баснѣ объ эолѣ, собрать ихъ въ мѣшки, чтобы они не поднимали бури и не возмущали моря. И съ тѣхъ поръ не было случая, чтобы корабль, пострадавшій отъ напора волнъ, потерялъ что нибудь изъ клажи, или чтобы сняли у него часть палубы, или отрубили мачту, или унесли якорь, или похитили хоть малѣйшую веревочку, не говоря о другихъ снарядахъ. Напротивъ, если

выбрасывало вѣтромъ корабли на землю, или они разбивались, ударившись объ утесы и подводныя скалы, на нихъ смотрѣли, словно какъ на выходящую изъ отверстій ада харонову лодку, на которой перевозятся души умершихъ, или о нихъ заботились, какъ о священныхъ корабляхъ, такъ что и толпа простаго народа и лица начальствующихъ оказывали имъ всякаго рода услуги, опасаясь, какъ бы у нихъ не пропало что нибудь на сушѣ, чего не истребило море. Такимъ—то образомъ на мѣсто бури вдругъ явилась тишина и эта перемена до того была нечаянна, что, казалось, была дѣломъ руки явно нечеловѣческой.

Кромѣ того, Андроникъ возобновилъ, употребивъ на то огромныя суммы, старый подземный водопроводъ, который долженъ былъ выходить среди площади и давать воду не стоячую и вредную, но текучую и здоровую. Онъ провелъ воду въ него изъ рѣчки Идралы, и при истокѣ его построилъ башню и дома, удобныя для лѣтняго житія. Въ настоящее время изъ этого водопровода берутъ воду граждане, живущіе близъ Влахерны и нѣсколько далѣе—во внутреннихъ частяхъ города. Смерть не допустила Андроника довести до конца всю эту работу, такъ чтобы вода изливалась и среди площади. А всѣ послѣдующіе императоры, царствующие и до настоящаго времени, столько заботились объ окончаніи этого общепользнаго дѣла, что Исаакъ, лишившій Андроника вмѣстѣ съ властію и жизни, разрушилъ даже башню и уничтожилъ тѣ пре-

лестныя зданія, какъ будто завидуя Андронику въ этомъ прекраснѣйшемъ дѣлѣ.

На возстановленныя имъ преторскія должности онъ избиралъ мужей знаменитыхъ и лучшихъ изъ сенаторовъ. Притомъ, разсылая по мѣстамъ, онъ надѣлялъ ихъ богатѣйшими дарами и, такъ сказать, ушительвалъ благодареніями, для того, чтобы ихъ назначеніе было необременительно для городовъ, и чтобы они единственно заботились о защитѣ и облегченіи участи бѣдныхъ. И такъ какъ эти люди имѣли достаточныя средства для жизни, потому что привозили съ собою по сороку и по осьмидесяти минъ серебра, то они, какъ отъ святотатства, воздерживались даже и отъ тѣхъ подарковъ, которые добровольно были имъ приносимы жителями за избавленіе отъ руки сильнаго, или за какое либо другое благодареніе. Отъ этого въ короткое время населеніе городовъ возрасло, земля принесла сторичный плодъ, жизненные припасы сдѣлались дешевле. Вмѣстѣ съ тѣмъ Андроникъ былъ доступенъ для всѣхъ, кто приходилъ жаловаться на самоуправство и насилие, не разбиралъ лицъ и не отнималъ правъ у справедливаго. Наравнѣ съ людьми простыми онъ призывалъ къ суду и людей знатныхъ по роду и богатству, тѣхъ и другихъ внимательно выслушивалъ и, если оказывалось, что человекъ гордый и считающій для себя безчестіемъ судиться съ бѣднякомъ обижалъ, или тѣнилъ, или билъ кулакомъ свсего ближняго, — жестоко за то ругалъ его и подвергалъ, соразмѣрно винѣ, наказанію. Такъ, однажды, пришли къ нему поселя-

не и жаловались на Θεодора Дадиврина, что онъ, остановившись у нихъ проѣздомъ и взявъ все, что нужно было ему самому и всей его прислугѣ и всѣмъ лошадямъ, уѣхалъ и ничего не заплатилъ. Это тотъ Дадивринъ, о которомъ мы выше сказали, что онъ, вмѣстѣ съ другими, удавилъ царя Алексѣя. Разобравъ дѣло и увидѣвъ, что поселяне говорятъ правду, Андроникъ Дадиврина наказалъ двѣнадцатью палочными ударами, а поселянамъ приказалъ выдать изъ царской казны — гораздо больше, чѣмъ сколько стоили ихъ издержки. А къ какимъ то народнымъ правителямъ онъ написалъ такого рода грамоту: «истинный князь лжи, ты, глупый мой Синесій, и ты, продажный Лахана! Дошло до моего царскаго слуха, что вы много дѣлаете обидъ; такъ перестаньте обижать или проститесь съ жизнью. Что вы обижаете и живете — это и Богу не угодно и мнѣ, Его рабу, несносно».

Онъ крайне не одобрялъ бывшаго въ то время и нынѣ существующаго обычая спорить о божественныхъ догматахъ и отнюдь не любилъ говорить или слышать что нибудь новое о Богѣ, хотя былъ далеко не чуждъ нашей мудрости. Поэтому онъ не только разбранилъ Евѣимія, епископа новыхъ Патръ, мужа ученѣйшаго, и Іоанна Кинама за то, что они, въ царскомъ дворцѣ, въ бытность его въ Лопадіѣ, разсуждали о словахъ Бсгочеловѣка: «Отець Мой болій Мене есть», но и съ крайнимъ гнѣвомъ сказалъ имъ, что бросить ихъ въ рѣку Риндакъ, если они не перестанутъ говорить о Богѣ. А что Андроникъ не советѣмъ

быль дикъ—этомѹ служить доказательствомъ уже и то, что онъ цѣнилъ образованіе и не удалялъ отъ себя людей ученыхъ, а напротивъ приближалъ ихъ къ своему престолу, часто поощрялъ дарами и удостоивалъ не маловажныхъ почестей. Онъ и небесную философію считалъ дѣломъ важнымъ и цѣнилъ весьма высоко, и одобрялъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, и чрезвычайно уважалъ искусныхъ правовѣдовъ.

6. Желая, чтобы тѣло его погребено было въ прекраснѣйшемъ и огромнѣйшемъ храмѣ сорока мучениковъ, воздвигнутомъ на лучшемъ мѣстѣ среди города, онъ тщательно исправилъ всѣ обветшавшія части этого храма и возстановилъ поблекшій отъ времени блестящій видъ его, а икону Христа, нашего Спасителя, чрезъ которую нѣкогда, какъ говорятъ, Господь бесѣдовалъ съ царемъ Маврикіемъ, украсилъ великолѣпнымъ окладомъ. Огромную порфировую чашу, по краямъ которой вьются, изгибаясь, два страшныхъ дракона,—это дивное произведеніе—онъ перенесъ изъ сада, находящагося при большомъ Дворцѣ, въ притворъ этого храма, и тутъ же положилъ останки своей первой супруги, перенеся ихъ изъ Анкуріева монастыря. Съ вѣншей стороны, близъ сѣверныхъ вратъ храма, выходящихъ на площадь, онъ, на огромной картинѣ, изобразилъ самого себя не въ царскомъ облаченіи и не въ золотомъ императорскомъ одѣяніи, но въ видѣ бѣднаго земледѣльца, въ одеждѣ синяго цвѣта, опускающей до поясицы, и въ бѣлыхъ сапогахъ, доходящихъ до колѣнъ. Въ рукъ у этого земледѣль-

ца была тяжелая и большая кривая коса и онъ, склонившись, хваталъ и ловилъ ею прекраснѣйшаго юношу, виднаго только до шеи и плечъ. Этою картиною онъ явно открывалъ прохожимъ свои беззаконныя дѣла, громко проповѣдывалъ и выставялъ всѣмъ на видъ, что онъ убилъ наследника престола и вмѣстѣ съ его властію присвоилъ себѣ и его невѣсту. Кромѣ того, у него была мысль—поставить на коленихъ свою мѣдную статую на высокомъ мѣдномъ четвероугольникѣ, на которомъ нагіе купидоны бросаютъ другъ въ друга яблоками и который назывался Анемодуліономъ⁽¹⁾. А портреты задушенной имъ императрицы Ксеніи, матери царя Алексѣя, онъ приказалъ переписать и представить се въ видѣ морщинистой старухи, опасаясь сожалѣнія со стороны прохожихъ, при видѣ ея блистательной, прекраснѣйшей и истинно достойной удивленія наружности. Большую же часть ея портретовъ онъ дозволилъ и совсѣмъ уничтожить и вмѣсто ней изобразить самого себя въ царскомъ облаченіи, стоящимъ или отдѣльно, или вмѣстѣ съ невѣстою Алексѣя. Наконецъ, онъ построилъ возлѣ храма сорока мучениковъ великолѣпныя палаты, которыя должны были служить для него помѣщеніемъ, когда онъ приходилъ

(1) Анемодуліонъ — *ανεμοδούλιον* — собственно значить слуга, рабъ вѣтровъ. Такое названіе получилъ этотъ четвероугольникъ отъ того, что на вершинѣ его поставлена была женская статуя, которая поворачивалась при первомъ движеніи вѣтра. По однимъ онъ устроилъ Θεοδοσίємъ Великимъ, а по другимъ—при Львѣ Исаврѣ. Латиняне, овладѣвъ Константинополемъ, вмѣстѣ съ другими мѣдными статуями, переплавили въ монету и этотъ Анемодуліонъ. *Cqqr. Hitt. Byzant. vol. 29. p. p. 17 et 96. vol. 30 p. 378 edit. Venet.*

въ церковь. Не имѣя возможности расписать въ нихъ живописью или изобразить мозаикой дѣла, недавно имъ совершенныя, онъ обратился къ тому, чѣмъ занимался до воцаренія. Такимъ образомъ живопись представляла конскую ѣзду, псовую охоту, крикъ птицъ, лай собакъ, погоню за оленями и травлю зайцевъ, пронзеннаго копьемъ кабана и раненаго зубра (этотъ звѣрь больше сказочнаго медвѣдя и пестраго леопарда и водится преимущественно у Тавроскиѳовъ), сельскую жизнь съ ея палатками, наскоро приготовленный обѣдъ изъ пойманной добычи, самага Андроника, собственными руками разрубающаго на части мясо оленя или кабана и тщательно его поджаривающаго на огнѣ, и другіе предметы въ томъ же родѣ, свидѣтельствующіе о жизни человѣка, у котораго вся надежда на лукъ, мечъ и быстроногаго коня, и который бѣжитъ изъ отечества по своей глупости или по добродѣтели. Но Андроникъ сравнивалъ свою судьбу съ судьбой Давида и говорилъ, что и онъ, подобно Давиду, избѣгая съѣтей зависти, много разъ уходилъ на чужую сторону. Иногда же, превознося свои дѣла, говорилъ, что Давидъ проживалъ въ Сикелѣ, не далеко отъ Палестины, побилъ мечемъ Амаликитянъ и жилъ до того бѣдно, что убилъ бы и Навала, еслибы не получилъ, чего требовалъ, а онъ обошелъ почти весь Востокъ, поапостольски пронесъ и проповѣдалъ имя Христова во всемъ народамъ, вездѣ, куда ни приходилъ, принимаемъ былъ съ величайшими почестями и возвращался съ почетною свитой. И все это онъ рассказывалъ о себѣ довольно серьезно и

убѣдительно, особенно если велъ бесѣду съ людьми учеными и краснорѣчивыми, когда обстоятельства были еще благопріятны и все было тихо и спокойно.

7. Но что наконецъ онъ задумалъ и отчасти сталъ уже приводить въ исполненіе, то было дѣломъ крайняго сумасшествія и выходило изъ всѣхъ предѣловъ безчеловѣчія. Видя, съ одной стороны, что его владѣнія уменьшаются и что враги, подобно усилившемуся отъ дождей и выступившему изъ береговъ потоку, опустошаютъ и затопляютъ все, встрѣчающееся на пути, а съ другой—замѣчая, что и граждане мало по-малу начинаютъ говорить свободнѣе и склоняются къ мятежу,—такъ какъ онъ нисколько о нихъ не заботился, но, какъ бы погруженный въ глубокій сонъ, ничего не видѣлъ и не слышалъ о непріятельскихъ опустошеніяхъ,—Андроникъ зачалъ трудъ и родилъ беззаконія не столько по собственному побужденію, сколько по наущенію другихъ. Именно, онъ не только всѣхъ, содержавшихся въ темницахъ, осудилъ на смерть, положивъ однимъ отрубить голову, другихъ бросить въ глубину моря, третьимъ разсѣчь чрево кинжаломъ, иныхъ лишить жизни еще какънибудь иначе, но изощрилъ свой мечъ и на ихъ родственниковъ. Что пользы, говорилъ онъ, если на мѣсто одной отрубленной головы народится множество новыхъ и никто не приложитъ къ нимъ шипящаго желѣза? Въ этомъ случаѣ нельзя не отдать особенной похвалы герою и полубогу Геркулесу за то, что онъ употребилъ Юлая для прижиганія и уничтоженія возраждающейся гидры.

Собравъ совѣтъ изъ своихъ друзей и продажныхъ судей, которые ищутъ царскаго стола, какъ коршуны труповъ, Андроникъ представляетъ имъ въ трогательномъ видѣ, сколько бѣдъ надѣлали Италійцы, какимъ опустошеніямъ подвергли западныя провинціи, сколько завоевали городовъ, и причину всего этого приписываетъ не другому кому, а своимъ противникамъ. «Они жаждутъ, говоритъ онъ, погибели Андроника и готовы на все, чтобы только лишить Андроника власти и довести до несчастной смерти. Но, не имѣя возможности осуществитъ свое желаніе, при содѣйствіи своихъ соотечественниковъ, они призвали чуждое, иноземное войско, и явно подражаютъ саранчѣ, которая, избѣгая огня, гибнетъ въ водѣ. Но клянусь, сказалъ онъ, этою старостію, не порадуются недоброжелатели и враги Андроника, и что злоумышляютъ они противъ Андроника, то сами испытываютъ отъ Андроника. Если же судьба влечетъ и Андроника въ жилище ада,—они будутъ предшествовать ему и первые откроютъ путь; затѣмъ уже пойдетъ Андроникъ.» Сказавъ эти слова, онъ присоветовалъ изрѣченіе Ап. Павла: не еже хочу, доброе творю; но еже не хочу злое, сіе содѣваю, потому что враги противовоюютъ мнѣ и плѣняютъ меня тѣмъ, что противно мнѣ,—и просилъ указать врачевство противъ зла. Такъ какъ всѣ его сообщники, возвысивъ голосъ, громко закричали, что этихъ людей, не щадя никого, слѣдуетъ стереть съ лица земли, то опредѣлено было истребить всѣхъ, кто только содержался въ темницѣ, или былъ отправленъ въ ссылку, равно какъ всѣхъ ихъ привержен-

цевъ и родственниковъ. И этотъ приговоръ тотчасъ же изложенъ былъ на бумагѣ. Диктовалъ его Протасикритъ⁽¹⁾, а писалъ чиновникъ, завѣдывавшій прошеніями, при громкихъ восклицаніяхъ протонотарія Дрома. Я не назову и этихъ людей по именамъ, равно какъ и другихъ подобныхъ соудниковъ, которые, гоняясь за суетною славой, трепетали и боялись Андроника. Главнымъ между ними и вождемъ былъ Стефанъ Агіохристоритъ, котораго голосъ, какъ громъ, раздавался по дворцу и который, подобно потоку, шумѣлъ и увлекалъ всѣхъ, кого Андроникъ считалъ виновнымъ⁽²⁾. Начинался же этотъ приговоръ такимъ образомъ: «по внушенію Божію, а не по повелѣнію державнаго и святаго государя и императора нашего, опредѣляемъ и объявляемъ, что, для пользы государства, и, въ частности, для блага Андроника, спасителя Римлянъ, необходимо совершенно уничтожить тѣхъ дерзкихъ крамольниковъ, которые содержатся въ темницахъ или отправлены въ ссылку, равно какъ захватить и предать смерти всѣхъ ихъ приверженцевъ и родственниковъ. Чрезъ это, Богъ дастъ, и Андроникъ, управляющій, по милости Божіей, скипетромъ римскаго царства, хоть сколько нибудь отдохнетъ отъ государственныхъ заботъ и отъ опасенія козней со стороны злоумышлен-

(1) Протасикритъ—*Protasikritis*—у Кодина, въ спискѣ придворныхъ должностей, занимаетъ двадцать восьмое мѣсто. Одни его называютъ первымъ секретаремъ при особѣ императора, а другіе главнымъ судьей въ царскомъ совѣтѣ. Codin. de offic. p. p. 192—193. Ducang. Glossar. Graecit. pp. 137—138.

никовъ,—и Сицилійцы откажутся, наконецъ, отъ своего предпріятія, такъ какъ у нихъ небудетъ уже никого, ктобы научилъ, какъ нужно дѣйствовать прѣтивъ Римлянъ. Всѣ эти люди, не смотря на то, что заключены въ оковы, или даже ослѣплены, не оставляютъ своихъ злыхъ умысловъ, и потому нѣтъ болѣе средства образумить ихъ. Остается только лишить ихъ жизни, и намъ надобно обратиться къ этому средству, какъ послѣднему, спасительному якорю, противъ злоумышленниковъ, которые до того помѣшаны и неистовы, что идутъ противъ рожна и, въ своемъ безуміи, не понимаютъ, что изощряютъ мечъ противъ самихъ себя.» Такъ и подобнымъ образомъ—изъ многого я привожу только не многое—говорилось въ этомъ незаконномъ приговорѣ. Затѣмъ слѣдовалъ списокъ лицъ, которыхъ надобно было схватить и умертвить, обозначался и самый родъ смерти, какому каждый долженъ былъ подвергнуться. Для меня и другія дѣйствія этихъ людей кажутся удивительными и я считаю ихъ совершенно незаконными; но настоящій приговоръ изумляетъ меня до крайности, и я не могу понять, съ какою цѣлію они постановили его, или почему, опредѣляя его, свое скверноубійство приписывали Богу, безстыдно называя вдохновеніемъ Божіимъ то, что внушилъ имъ исконный человекоубійца. Они могли сдѣлать и другое вступленіе и не говорить такъ безстыдно и безбоязненно, и не клеветать на Бога столь открыто, какъ будто ему пріятно убійство, когда онъ, въ началѣ создалъ человека для жизни и не сотворилъ смерти, когда къ Нему во-

нѣтъ кровь Авеля и онъ явно вѣщаетъ, что не хочетъ смерти грѣшника, но желаетъ, чтобы онъ обратился и жилъ. Осудивши такимъ образомъ всѣхъ на гибель, судьи оставили собраніе, а Андроникъ, взявъ къ себѣ ихъ гнусный приговоръ, тщательно хранилъ его въ своемъ сундукѣ, съ какою цѣлію—незнаю, но думаю потому, что предвидѣлъ будущее и боялся той бѣды, которой впослѣдствіи подвергся. По крайней мѣрѣ, когда его схватили и собравшійся народъ потребовалъ отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ, онъ, въ оправданіе своихъ жестокостей, говорилъ, что наказанія, которыми подверглись люди, оскорбившіе его до воцаренія и во время самаго царствованія, назначаемы были судьями и сенаторомъ, а онъ былъ только исполнителемъ ихъ рѣшеній (потому что не напрасно носить мечъ) и осуществлялъ на дѣлѣ ихъ приговоры. Вслѣдъ за тѣмъ онъ приступилъ къ исполненію произнесеннаго приговора, отъ котораго отступился сынъ его, Севастократоръ Мануиль, сказавъ, что онъ отнюдь не согласенъ на такое дѣло, которое совершается не по царскому опредѣленію, какъ признаются въ началѣ сами судьи. Да притомъ, говорилъ онъ, и ни въ какомъ случаѣ онъ не дозволитъ себѣ одобрить опредѣленіе, которое осуждаетъ на смерть почти всю римскую имперію и не только истребляетъ природныхъ Римлянъ, но не мало губить и иноплеменниковъ. Вѣдь это убійство продолжится въ безконечность, если изъ-за-одного будутъ хватать и умерщвлять другаго, потому что и этотъ другой не безъ роднаго города и не съ дуба родился, но имѣетъ

отца и мать, или, по крайней мѣрѣ, близкихъ родныхъ и друзей. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе царскаго приказанія, основаннаго на этомъ приговорѣ судей, всѣ, разосланные по разнымъ областямъ и заключенные, гдѣ бы то ни было, въ темницахъ, должны были собраться въ одно мѣсто, какъ овцы, обреченныя на закланіе. И, вѣрно, каждый подвергся бы опредѣленной смерти, если бы Богъ, говоря словами Пророка, не обратилъ своего меча на этого отступника, на этого коварнаго, скрывающагося въ водахъ, дракона, который, какъ показываетъ его изнѣженный образъ жизни, ничего другаго не желалъ, ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только о сладострастной жизни.

9. Было и еще обстоятельство, которое расположило Андроника къ такой жестокости. Онъ видѣлъ, что всѣ дѣла его идутъ дурно, что Сицильцы скоро наступятъ ему на голову и сдавятъ его, какъ стоглаваго Тифона, а граждане жаждутъ его смерти и гибель его считаютъ Божиимъ благодѣяніемъ и избавленіемъ отъ золъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что и Богъ оставилъ его за тѣ многоразличныя казни, которымъ онъ подвергъ вельможъ, хотя и утверждалъ, что принадлежитъ къ двору Христову, и былъ одинаковой природы съ тѣми, кого истреблялъ. Все это побудило его обратиться къ нечистымъ демонамъ и чрезъ служеніе имъ узнать будущее, подобно тому какъ нѣкогда и Саулъ обратился наконецъ къ волшебницамъ, которыхъ прежде гналъ ради умилоствленія Бога. А такъ какъ искусство гадать и предсказывать будущее по внутренностямъ жертвен-

ныхъ животныхъ много лѣтъ уже назадъ прошло и совершенно уничтожилось, а равно и суевѣріе авгуровъ, точно также, какъ толкованіе сновъ и предзнаменованій, давно уже отлетѣло отъ римскихъ предѣловъ, и остались только обманщики, гадающіе по тазамъ и лаханямъ, да люди, которые, наблюдая за положеніемъ звѣздъ, столько же обманываютъ, сколько и обманываются; то Андроникъ, оставивъ на этотъ разъ астрологию, какъ вещь довольно обыкновенную, и которая не такъ ясно указываетъ на то, что будетъ, всецѣло предался тѣмъ, которые предсказываютъ будущее по мутной водѣ, какъ будто бы видятъ въ ней какіе то солнечные лучи, представляющіе образы будущихъ вещей. Впрочемъ самъ онъ отказался присутствовать при этихъ гаданіяхъ, опасаясь, какъ думаю, болтливой молвы, которая видитъ и то, что совершается втайнѣ, и всемъ о томъ разглашаетъ. Это грязное дѣло онъ поручилъ Агіохристориту Стефану, о которомъ мы уже неразъ упоминали. Стефанъ обращается къ Сноу, который съ молодыхъ лѣтъ занимался подобными дѣлами и за то, какъ мы уже сказали, былъ ослѣпленъ по повелѣнію царя Мануила. При его посредствѣ, онъ извѣстнымъ способомъ, о которомъ мнѣ непріятно ни знать, ни говорить и о которомъ любопытные могутъ узнать отъ другихъ, — предлагаетъ вопросъ, кто будетъ царствовать по смерти Андроника, или кто похититъ у него власть. Злой духъ отвѣчаетъ, или лучше, едва замѣтно, какъ на водѣ, и притомъ мутной, начертываетъ не цѣлое имя, а нѣсколько буквъ, по которымъ можно догадываться

объ имени Исаака, именно сначала показываетъ сигму въ видѣ полулуны, а потомъ присоединяетъ къ ней іоту, чтобы сдѣлать чрезъ то прорицаніе неяснымъ и только какъ бы очеркомъ будущаго. Или, лучше сказать, чего вполне не зналъ этотъ ночной, крайне лукавый демонъ, то онъ затемнялъ неясностію, что бы не быть обличеннымъ во лжи. Оттого-то и Андроникъ, услышавъ объ этомъ, полагалъ, что тѣ буквы означаютъ Исаврянина и утверждалъ, что это Исаакъ Комнинъ, который силою овладѣлъ Кипромъ и на котораго Андроникъ постоянно смотрѣлъ съ подозрѣніемъ, какъ на преемника своей власти. И дѣйствительно, изъ Исавріи прибылъ въ Кипръ этотъ злодѣй, какихъ еще не бывало, этотъ пагубный Телхинъ, это море, разливающееся несчастіями, эта лютая фурія, жестоко терзавшая счастливыхъ прежде обитателей острова. Не могу не выразить, хоть на словахъ, состраданія къ тѣмъ, которые на самомъ дѣлѣ испытали это общественное зло. Подивившись предсказанію, Андроникъ сказалъ: «спроси не только о преемникѣ, но предложи вопросъ и о времени.» Когда сдѣланъ былъ вопросъ и о времени,—воздушный и любящій землю духъ, вызванный заклинаніями, которыхъ не слѣдуетъ приводить, съ шумомъ спустившись въ воду, отвѣчала, что то будетъ въ дни Воздвиженія Креста. А это происходило въ началѣ сентября. Услышавъ отвѣтъ и на второй вопросъ, Андроникъ съ непріятнымъ, ложнымъ и явно сардоническимъ смѣхомъ сказалъ: «пустой это оракулъ; какъ возможно, чтобы Исаакъ успѣлъ приплыть изъ Кипра

въ эти немногіе дни и низложить меня съ престола?» и на слова предсказанія не обратилъ никакого вниманія. Даже и тогда, какъ Іоаннъ Тиранинъ (¹), возведенный Андроникомъ въ званіе Вило-судіи, и потому ревностный исполнитель его желаній, сказалъ, что изъ предосторожности слѣдуетъ задержать и умертвить Исаака Ангела, потому что, можетъ быть, пророчество относится къ нему, тогда какъ они, пренебрегая тѣмъ, что у нихъ на глазахъ, мечтаютъ о томъ, что находится вдали,—даже и тогда Андроникъ не согласился признать это предсказаніе. Напротивъ, онъ даже смѣялся надъ Тираниномъ за то, что онъ могъ подозрѣвать что-нибудь подобное за Исаакомъ Ангеломъ, выражалъ къ Исааку пренебреженіе, какъ къ человѣку изнѣженному, и говорилъ, что онъ не способенъ ни къ какому важному дѣлу. Роковой часъ его приближался и Божество явно было мудрѣе его.

10. Впрочемъ Стефанъ Агіохристофоритъ, какъ человѣкъ предприимчивый, заботившійся о благосостояніи своего государя и царя, рѣшился схватить Исаака Ангела и сначала заключить его въ темницу, а потомъ предать и смерти, какую опредѣлитъ Андроникъ. Прибывъ въ домъ Исаака, находящійся близъ Перивлептова монастыря, вечеромъ 11-го сентября 6784 года и войдя въ переднюю, онъ приказывалъ Исааку выйти и слѣдовать за собою, куда онъ поведетъ его. Когда же тотъ, какъ

(¹) Такъ называется этотъ Іоаннъ, по происхожденію изъ Тираса-города при рѣкѣ Днѣстрѣ.

и естественно, сталъ медлить, потому что, по одному уже его появленію, могъ заключить о крайней бѣдѣ; то Агіохристоритъ употребилъ силу и сталъ бранить своихъ слугъ за то, что они при первомъ же замедленіи не хватаютъ его за волосы, не берутъ за бороду, не выводятъ съ безчестіемъ изъ дома и съ толчками и ударами не ведутъ въ тюрьму, какую онъ укажетъ. Слуги приступили къ исполненію приказанія. Исаакъ видѣлъ, что ему невозможно уйти и избѣжать сѣти, которую разставилъ напавшій на него рыбакъ и въ которую онъ уже попалъ; тѣмъ не менѣе однакожъ не потерялъ присутствія духа и не оробѣлъ, но рѣшился сразиться на смерть, въ надеждѣ какъ нибудь избѣжать смерти. Или, лучше сказать, не имѣя возможности свободно бить копытами землю, подобно откормленному Гомерову коню, и вольно носиться по полямъ, потому что сѣть была уже протянута и не трудно было поймать его, онъ поступаетъ подобно боевому коню, который при звукѣ военной трубы, натянувъ уши, тряхнувъ гривой и заржавъ, бросается впередъ на мечи, презирая смерть и не смотря ни на какія опасности. Въ томъ самомъ видѣ, какъ былъ, — а онъ былъ съ непокрытой головою, въ двуцвѣтной туникѣ, нисходящей до поясицы и потомъ раздѣленной надвое, — вскочивъ на коня и обнаживъ мечъ, онъ бросается на Агіохристорита и направляетъ мечъ на его голову. Тотъ, утраченный нападеніемъ Исаака, который явно стремился на убійство, — повернулъ лошака, на которомъ сидѣлъ, сталъ часто его прищипоривать и думалъ только

о томъ, какъ бы уйти. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выѣхать изъ воротъ, Исаакъ поражаетъ несчастнаго въ голову и наноситъ смертельный ударъ. Разсѣкши его на двое, онъ, какъ скотину, дрожащую и плавающую въ своей крови, оставляетъ его на съѣденіе псамъ, а самъ бросается на его слугъ и послѣ того, какъ одного изъ нихъ обратилъ въ бѣгство однимъ лишь поднятіемъ меча, другому отрубилъ ухо, а остальныхъ разогналъ иначе, такъ что все они разбѣжались по своимъ домамъ, — во весь опоръ скачетъ къ Великой церкви. Проѣзжая большою дорогою и чрезъ площадь, онъ громкимъ голосомъ объявлялъ все, что этимъ мечемъ, который держалъ еще обнаженнымъ въ рукѣ, онъ убилъ Стефана Агіохристорита. Въ такомъ видѣ онъ вошелъ въ святыи храмъ и сталъ на амвонѣ, съ котораго убійцы открыто исповѣдуютъ свой грѣхъ, испрашивая себѣ прощенія у входящихъ и исходящихъ изъ божественнаго храма. Между тѣмъ городская чернь, частию видѣвшая, какъ Исаакъ скакалъ на лошади, частию узнавшая объ этомъ по слуху отъ другихъ, тотчасъ же стала тысячами стекаться къ Великой Церкви, какъ для того, чтобы увидѣть Исаака, такъ и для того, чтобы посмотрѣть, что съ нимъ будетъ. Ибо все думали, что еще до заката солнечнаго онъ будетъ схваченъ Андроникомъ и подвергнется самому тяжкому наказанію, что для мученія его будетъ придумана новаго рода казнь этимъ негодяемъ, изобрѣтательнымъ на такія вещи. Вмѣстѣ съ другими приходитъ сюда и дядя Исаака по отцу, Іоаннъ Дука, съ своимъ сыномъ

Исаакомъ, и оба поддерживаютъ его возстаніе, не потому, чтобы они были участниками въ убіеніи Агіохристофорита и сообщниками въ пролитіи его крови, но потому, что знали, какое послѣдуетъ наказаніе за нарушеніе обѣщанія, которое они по неволѣ дали другъ за друга Андронику, поклявшись ему въ вѣрности. Впрочемъ всѣ они, какъ люди, которымъ грозить скорый арестъ и у которыхъ смерть предъ глазами, были въ большомъ страхѣ, такъ что явно скрежетали зубами. Обращаясь къ пестрой толпѣ, которая собралась въ церковь и постоянно увеличивалась, они убѣдительно умоляли ее остаться съ ними и по возможности помочь имъ въ ихъ крайней опасности. И были люди, которые дѣйствительно склонялись на ихъ просьбу и жалѣли о настоящей ихъ участи. А такъ какъ со стороны императора тутъ не было никого, кто бы изъявилъ негодованіе на это событіе, — не было ни людей, знаменитыхъ родомъ, ни друзей Андроника, ни вооруженныхъ сѣкирами варваровъ, ни облеченныхъ въ шарлахового цвѣта одежду ликторовъ, — рѣшительно никого, кто бы остановилъ народъ, то собравшіеся становились смѣлѣе и смѣлѣе, стали говорить языкомъ свободнымъ и необузданнымъ и обѣщались оказать всякую помощь. Такъ провелъ Исаакъ всю эту ночь; не о царствѣ думалъ онъ, а молилъ о спасеніи. Онъ зналъ, что Андроникъ заколетъ его, какъ вола, или даже, подобно циклопу, пожретъ его плоть, еще дымящуюся горячею кровью. По его усердной просьбѣ нѣкоторые изъ собравшихся заперли двери храма и, зажегши свѣтильники,

своимъ примѣромъ расположили многихъ не расходиться по домамъ. Съ разсвѣтомъ дня, собрались всѣ жители города и всѣ молили Бога, чтобы Исаакъ сдѣлался императоромъ, а Андроникъ былъ низложенъ, арестованъ и подвергся тому же, чему подвергаль другихъ, злоумышляя на жизнь почти всѣхъ.

11. Въ это время, по устроенію, какъ надобно думать, Божію, Андроника не было въ городѣ: онъ жилъ въ Милудійскомъ дворцѣ на восточной сторонѣ Пропонтиды. Услышавъ въ первую стражу ночи о убіеніи Агіохристофорита, онъ ночью не оставилъ своего мѣстопробыванія и ничего другаго не сдѣлалъ, какъ только написалъ къ жителямъ города небольшую грамоту, въ которой убѣждалъ ихъ прекратить мятежъ и которая начиналась такимъ образомъ: «что сдѣлано, то сдѣлано; казни не будетъ.» Съ наступленіемъ утра и приверженцы Андроника пытались укротить волненіе народное, и самъ Андроникъ на императорской трибунѣ пріѣзжаетъ въ большой дворецъ. Но народъ не переставалъ собираться; самая вѣсть о прибытіи Андроника во дворецъ не остановила движенія. Да и всѣ другія убѣжденія прекратить это волненіе оставались безуспѣшными. Многіе чуть было даже не подверглись смерти единственно за то, что выразили свое неодобреніе и называли это дѣло нехорошимъ. Всѣ, какъ бы по одному условному знаку, огромными толпами, съ одушевленіемъ и съ явнымъ и ступленіемъ бѣжали къ огромному храму Слова Божія, подстрекая другъ друга и издѣваясь надъ тѣми,

кто не выказывалъ такой же ревности и не вооружился какимъ нибудь оружіемъ, но стоялъ въ бездѣйствіи и смотрѣлъ, что дѣлаютъ другіе. А люди, знакомые съ словесными науками, называли ихъ даже гнилыми членами, не сочувствующими всему остальному тѣлу государства. Затѣмъ разломаны были замки и запоры государственныхъ темницъ и открытъ свободный выходъ заключеннымъ, между которыми не все были преступники, но и люди знаменитые родомъ, томившіеся въ тюрмѣ за какой нибудь ничтожный проступокъ, или неосторожное слово или даже за преступленіе друга противъ Андроника. Отъ этого стеченіе народа еще болѣе увеличилось, и тѣ, которые прежде втайнѣ роптали на Андроника, но колебались принять участіе въ дѣлѣ, такъ какъ оно соединено было съ опасностію, — теперь открыто пристали къ мятежу. Тутъ можно было видѣть людей и съ мечами, и со щитами, и въ латахъ; но у большей части руки были вооружены кольями и обрубками дерева, взятыми изъ мастерскихъ. И вотъ эта-то огромнѣйшая толпа съ неистовствомъ сбѣжавшагося народа провозглашаетъ Исаака самодержавнымъ римскимъ императоромъ, когда одинъ изъ служителей храма снялъ, при пособіи лѣстницы, вѣнецъ Константина Великаго, висѣвшій надъ таинственной трапезой и возложилъ его на главу Исаака. Исаакъ—я не хочу умолчать и не передать потомкамъ и этого—Исаакъ не соглашался на это вѣнчаніе не потому, чтобы онъ не любилъ власти, но потому, что считалъ это дѣло труднымъ и едва ли достижимымъ. Ему казалось,

что все это совершается надъ нимъ во снѣ, а не на яву, да къ тому же онъ боялся гнѣва Андроника и не хотѣлъ еще болѣе раздражать его. Между тѣмъ стоявшій близъ него Дука, о которомъ мы выше упомянули, снявъ съ головы шляпу, просилъ, чтобы на него возложили діадиму, при чемъ указывалъ на свой безволосый черепъ и на плѣшь, которая у него сіяла, какъ полная луна. Но чернь не соглашалась и говорила, что она не хочетъ, чтобы опять ею управлялъ и надъ нею царствовалъ старикъ, что она много потерпѣла золь отъ сѣдовласаго Андроника, и, вслѣдствіе того, она ненавидитъ и гнушается всякаго близкаго къ смерти старика, и особенно, если у него длинная борода, раздѣляющаяся на двѣ половины и оканчивающаяся остріемъ. Когда такимъ образомъ Исаакъ провозглашенъ былъ царемъ, — случилось и еще одно обстоятельство, о которомъ стоитъ упомянуть. При переправѣ златоебруйныхъ царскихъ лошадей съ той стороны пролива, одна изъ нихъ, вскочивъ на дыбы, вырвалась изъ рукъ конюха и бѣгала по большимъ дорогамъ. Ее поймали и привели къ Исааку. Исаакъ садится на нее и такимъ образомъ выѣзжаетъ изъ Великой Церкви, имѣя въ своей свитѣ даже и патріарха Василія Каматира, потому что народъ принудилъ и его принять участіе въ этомъ дѣлѣ и своимъ согласіемъ одобрить его. Что же касается Андроника, — онъ, по прибытіи въ большой дворецъ, услышавъ неясные крики, а спустя не много и увидѣвъ все, что происходило, рѣшился вступить въ бой съ народомъ и сталъ собирать

и готовить къ сраженію бывшихъ при немъ людей. И такъ какъ не многіе изъ нихъ оказались готовыми раздѣлять его мысли и желанія, то онъ и самъ принялъ участіе въ сраженіи, взявъ въ руки лукъ и сквозь щели огромной башни, которая называется Кентинаріемъ, бросалъ въ наступающихъ стрѣлы. Видя однакожъ, что его усилія напрасны, онъ рѣшается вступить въ переговоры съ народомъ и объявляетъ, что отказывается отъ царства и передаетъ его сыну своему Мануилу, надѣясь чрезъ то утишить волненіе и отдалить близкую и крайнюю опасность. Но народъ отъ этихъ словъ еще болѣе ожесточился и сталъ осыпать какъ его, такъ и того, кого онъ предложилъ въ наслѣдники царства, самыми гнусными всякаго рода ругательствами. Когда же чернь разломала ворота, называемыя Карейскими, и ворвалась во дворецъ, — Андроникъ обращается въ бѣгство. Снявъ съ ногъ пурпуровые сапоги и, какъ сумасшедшій, сбросивъ съ шеи крестъ, эту давнюю свою охрану, онъ надѣваетъ на голову варварскую шапку, которая, оканчиваясь остріемъ, похожа на пирамиду, и снова вступаетъ на царскую тріиру, на которой пріѣхалъ въ большой дворецъ изъ дворца Милудійскаго. Возвратясь опять туда же и взявъ съ собой двухъ женщинъ, Анну, бывшую въ бракѣ съ царемъ Алексѣемъ, а по смерти его, какъ уже сказано, вышедшую за мужъ за Андроника, и любовницу Мараптику, которая не дурно играла на флейтѣ и которую онъ страстно и до безумія любилъ, какъ не любилъ и Димитрій Полоркетъ Лачію, взятую въ плѣнъ, послѣ побѣды

надъ Штолосеемъ, на островѣ Кипрѣ, — Андроникъ поспѣшно отправился въ предположенный путь. Предположилъ же онъ бѣжать къ Гавроскиѣамъ, потому что всѣ римскія области, равно какъ и владѣнія другихъ народовъ, считалъ для себя не безопасными.

12. Такимъ-то образомъ Андроникъ низложенъ былъ съ римскаго престола, а Исаакъ вступилъ во дворецъ и, будучи снова провозглашенъ отъ собравшагося народа римскимъ царемъ — самодержцемъ, отправилъ велѣдъ за Андроникомъ погоню. Такъ какъ дворецъ былъ открытъ, и никто не мѣшалъ и не препятствовалъ множеству собравшагося народа, то народъ расхитилъ не только всѣ сокровища, какія хранились въ хрисіоплисіяхъ, — а тутъ было, кромѣ слитковъ, двѣнадцать кентинаріевъ золотой, тридцать серебряной и двѣсти мѣдной монеты, — но и все вообще, что легко могъ унести на рукахъ одинъ человѣкъ, или даже нѣсколько соединившихся людей. Равнымъ образомъ и изъ оружейныхъ палатъ похищено было множество оружія. Грабежъ простерся даже и на храмы, находившіеся въ царскомъ дворцѣ; и здѣсь сорваны были украшенія со святыхъ иконъ и даже украденъ тотъ священнѣйшій сосудъ, въ которомъ, какъ говоритъ давнишняя молва, дошедшая и до насъ, хранилось письмо Господа, собственноручно написанное Имъ къ Авгарю. Между тѣмъ Исаакъ, проживъ довольно дней въ большомъ дворцѣ, переѣзжаетъ во дворецъ Влахерскій и здѣсь получаетъ извѣстіе о взятіи Андроника. Взятъ же былъ Андроникъ такимъ образомъ. На пути, во время своего бѣгства, онъ

привзжаетъ въ Хилу, въ сопровожденіи немногихъ слугъ, бывшихъ при немъ еще до воцаренія, и съ двумя, взятыми имъ, женщинами. Жители того мѣста, видя, что на немъ нѣтъ никакихъ царскихъ украшеній, но что онъ, какъ бѣглець, сѣвши переправиться къ Тавроскиоамъ и что его никто не преслѣдуетъ, и не осмѣлились и отнюдь не сочли справедливымъ задержать его. Хотя онъ былъ уже и беззащитный звѣрь, тѣмъ не менѣе они испугались его и при одномъ видѣ его дрожали. Они приготовили корабль, на который и сѣлъ Андроникъ съ своими спутниками. Но, кажется, и море негодовало на Андроника за то, что онъ много разъ осквернялъ лоно его трупами невинныхъ: оно поднималось высокими волнами, разступалось безднами, сilesя поглотить его, и нѣсколько разъ выбрасывало корабль на берегъ. Это помѣшало бѣдному Андронику переправиться до прибытія погоны. Его схватили, связали и вмѣстѣ съ женщинами бросили въ лодку. Но и теперь Андроникъ былъ тотъ же умный и находчивый Андроникъ. Видя, что ноги не помогутъ, что руки ни къ чему не служатъ и что нѣтъ у него меча, съ которымъ можно было бы сдѣлать что нибудь славное и разогнать схватившихъ его, онъ искусно измѣняетъ голосъ и разыгрываетъ трагедію. Употребивъ въ дѣло старинныя сильныя убѣжденія и искусно, какъ вождь музъ, пробѣгая по струнамъ сладкозвучнаго органа, онъ начинаетъ печальную и трогательную пѣсню и, разливаясь соловьемъ, рассказываетъ, какого онъ высекаго рода, на сколько зна-

менитѣе многихъ по своему пропехожденію, какъ счастлива его бывшая судьба, какъ отнюдь не бѣдственна его прежняя жизнь, хотя онъ былъ въ бѣгствѣ и ссылкѣ, и какъ жалко несчастіе, которому онъ подвергся теперь. На его пѣніе отвѣчали еще болѣе трогательнымъ пѣніемъ бывшія съ нимъ умныя женщины, такъ что онъ начиналъ печальную пѣсню, а они его поддерживали и ему подпѣвали. Но напрасны были все эти затѣи, тщетны все эти выдумки изобрѣтательнаго и изворотливаго Андроника. Нечестивыя дѣла его, словно воскъ, затыкали уши схватившихъ его людей: никто нисколько не сжалился надъ нимъ и не слушалъ того, что онъ, подобно сиренамъ, такъ сладко, или, точнѣе сказать, такъ коварно напѣвалъ. Богъ явилъ свой гнѣвъ, и не нашлось у Андроника средства къ спасенію. Его заключили въ тюрьму, называемую Анема, наложили на его гордую шею двѣ тяжелыя цѣпи, на которыхъ держать, въ желѣзныхъ ошейникахъ, содержимыхъ въ тюрьмѣ львовъ, и заковали ноги его въ кандалы. Когда въ такомъ видѣ его привели и представили царю Исааку, - его осыпаютъ ругательствами, бьютъ по щекамъ, толкаютъ пивками, ему щиплютъ бороду, вырываютъ зубы, рвутъ на головѣ волосы. За тѣмъ отдають его на общее всемъ поруганіе, при чемъ надъ нимъ издѣваются и бьютъ его кулаками по лицу даже женщины, и особенно тѣ, чьихъ мужей онъ умертвилъ или ослѣпилъ. Наконецъ, ему отрубили сѣкирою правую руку и снова бросили его въ ту же тюрьму, гдѣ онъ оставался безъ пищи и

безъ питья, и ни отъ кого не видѣлъ ни малѣйшаго попеченія. А спустя нѣсколько дней ему выкалываютъ лѣвый глазъ, сажаютъ на паршиваго верблюда и съ торжествомъ ведутъ по площади. Нагая, какъ у стараго дерева, и гладкая, какъ яйцо, голова его была не покрыта, а тѣло прикрито короткимъ рубищемъ. Жалкое то было зрѣлище, исторгавшее ручьи слезъ изъ кроткихъ глазъ. Но глупые и наглые жители Константинополя, и особенно колбасники и кожевники и всѣ тѣ, которые проводятъ цѣлый день въ мастерскихъ, кое-какъ живутъ починкою сапоговъ и съ трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ иглою, сбѣжавшись на это зрѣлище, какъ слетаются весною мухи къ подойнику и къ салнымъ сосудамъ, ни сколько не подумали о томъ, что это человѣкъ, который такъ недавно былъ царемъ и украшался царскою діадимою, что его всѣ прославляли какъ спасителя, привѣтствовали благожеланіями и поклонами, и что они дали страшную клятву на вѣрность и преданность ему. Съ бессмысленнымъ гнѣвомъ и въ безотчетномъ увлеченіи они злодѣйски напали на Андроника и не было зла, котораго бы не сдѣлали ему. Одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ему ноздри пометомъ, третьи, намочивъ губку скотскими и человѣческими изверженіями, выжимали ихъ ему на лицо. Нѣкоторые поносили срамными словами его мать и отца, иные кололи его рожнами въ бока, а люди, еще болѣе наглые, бросали въ него камни и называли его бѣшеной собакой. А одна распутная и развратная женщина, схвативъ изъ кухни

горшокъ съ горячею водою, вылила ему на лицо. Словомъ не было никого, ктобы не злодѣйствовалъ надъ Андроникомъ. И послѣ того, какъ съ такимъ безчестіемъ въ смѣшномъ триумфѣ привели его на театръ, его стащили съ жалкаго верблюда, на котораго посадили ради посмѣянія, и, привязавъ веревку, повѣсили за ноги между двухъ столбовъ, которые соединяются вверху камнемъ и стоятъ подлѣ мѣдныхъ статуй, изображающихъ разъяренную волчицу и гіену съ наклоненными другъ къ другу шеями, какъ будто онѣ хотятъ одна на другую броситься. Перенесши такое множество страданій, вытерпѣвъ тысячи и другихъ мученій, о которыхъ мы не упомянули, Андроникъ все еще имѣлъ довольно силы мужественно и съ полнымъ сознаніемъ переносить и новыя страданія. Обращаясь къ нападавшей на него толпѣ, онъ ничего другаго не говорилъ, какъ только: «Господи помилуй» и — «для чего вы еще ломаете секрушенную трость?» Между тѣмъ бессмысленнѣйшая чернь и послѣ того, какъ его повѣсили за ноги, не оставила страдальца въ покоѣ и не пощадила его тѣла, но, разорвавъ рубашку, терзала его дѣтородные члены. Одинъ злодѣй вонзилъ ему длинный мечъ въ горло до самыхъ внутренностей. А нѣкоторые изъ Латинянъ со всего размаха всадили ему и въ заднія части ятаганъ и, ставъ около него, наносили ему удары мечами, пробуя, чей мечъ острѣе и хвастая искусствомъ удара. Наконецъ послѣ такого множества мученій и страданій, онъ съ трудомъ испустилъ духъ, при чемъ болѣзненно

протянулъ правую руку и провелъ ею по устамъ, такъ что многіе подумали, что онъ сосетъ каплющую изъ ней еще горячую кровь, такъ какъ рука недавно была отрублена.

15. Царствовалъ Андроникъ два года, а одинъ годъ управлялъ дѣлами безъ порфиры и царской діадымы. При прекрасномъ тѣлосложеніи, онъ имѣлъ завидную наружность. Станъ у него былъ прямой, ростъ величественный, лице, даже и въ глубокой старости, молоджавое. Онъ былъ необыкновенно здоровый человѣкъ, потому что чуждался изысканныхъ лакомствъ, не былъ ни обжора, ни пьяница, но, подобно Гомеровымъ героямъ, любилъ ѣсть только жареное на огнѣ, отъ чего никто не видѣлъ, чтобы у него была отрыжка. Если же иногда и случалось ему обременить желудокъ, то и это непродолжительное разстройство онъ устранялъ цѣлодневнымъ трудомъ и постомъ, такъ что только въ концѣ дня подкрѣплялъ свое тѣло кускомъ хлѣба и чашею разведеннаго вина. Лекарствъ онъ не употреблялъ никогда, исключая одного случая, бывшаго во время царствованія; да и тогда принималъ лекарство неохотно, вслѣдствіе убѣжденія врачей, что ему нужно принять его, если не по приключившейся болѣзни, то какъ средство предохранительное. Выпитое имъ слабительное подѣйствовало не скоро, и лишь около заката солнечнаго онъ извергъ нѣсколько излишнихъ мокротъ, накопившихся въ его жилахъ. Когда друзья сказали ему, по этому случаю, что, по общему мнѣнію, къ нему относится это древнее предсказаніе: «серпоносецъ, тебя ждутъ четыре

мѣсяца», онъ съ улыбкою отвѣчалъ, что они явно ошибаются, потому что онъ въ состояніи бороться цѣлый годъ со всякаго рода болѣзнію. Онъ надѣялся на крѣпость своего тѣлосложенія и мечталъ, какъ видно, что его смерть будетъ тихая и кончина мирная, а мысль о смерти насильственной онъ или охотно отклонялъ отъ себя, или она никогда не приходила ему въ голову. Впрочемъ есть слухъ, который дошелъ и до насъ, что однажды, во время конской скачки, Андроникъ протянулъ руку и, указавъ пальцемъ своему двоюродному брату, царю Мануилу, на столпы, между которыми были повѣшены, сказалъ, что тутъ когда нибудь будетъ висѣть римскій императоръ послѣ тяжкихъ мученій, которымъ подвергнется со стороны городскихъ жителей, — и что Мануиль на эти слова Андроника отвѣчалъ, что, по крайней мѣрѣ, съ нимъ этого не случится. И такая-то именно кончина постигла Андроника. Внезапно обратился онъ въ запустѣніе и сталъ какъ бы сномъ возстающего и въ городѣ уничтожили образъ его (Пс. 72, 19. 20), — будетъ ли кто разумѣть здѣсь его лицо, или — его изображенія на стѣнахъ и доскахъ, потому что и ихъ чернь уничтожила, разбросала по землѣ и сокрушила, какъ нѣкогда Моисей сокрушилъ тельца, вылитаго Евреями въ опьяненіи. Спустя нѣсколько дней, тѣло Андроника сняли съ жалкой высоты, на которой оно висѣло, и, какъ падаль, бросили въ одномъ изъ сводовъ на ипподромѣ. Наконецъ нашлись люди съ нѣкоторою жалостію и не всегда враждующіе: они взяли оттуда трупъ Андроника и положили его въ

одномъ низменномъ мѣстѣ подлѣ Ефорова монастыря, построеннаго въ Зевксиппѣ. Здѣсь и доселѣ желающіе могутъ видѣть его;—составъ его еще не совсѣмъ разложился. Исаакъ, считавшій себя во всемъ безукоризненнымъ и справедливымъ, не соизволилъ, чтобы Андроникъ преданъ былъ погребенію, или чтобы тѣло его перенесено было въ храмъ сорока мучениковъ, который Андроникъ возобновилъ съ такимъ великолѣпіемъ, блистательно украсивъ и снабдивъ богатыми приношеніями, и въ которомъ предполагалъ положить свое бренное тѣло.

До смерти любилъ онъ посланія божественнаго проповѣдника — Павла, часто наслаждался источаемою ими сладостію и въ свои прекрасныя письма любилъ вставлять ихъ неотразимо убѣдительныя изреченія. Икону этого духовнаго Витія Тарсійскаго — произведеніе древней руки — онъ украсилъ золотомъ и поставилъ въ названномъ нами храмѣ. Когда приблизилось время смерти Андроника, эта икона источала изъ глазъ слезы. Услышавъ объ этомъ, Андроникъ послалъ съ точностію узнать о томъ. Вмѣстѣ съ другими былъ назначенъ для этого и Стефанъ Агіохристоритъ. Поднявшись по лѣстницѣ—такъ какъ икона стояла вверху — онъ отеръ чистымъ платкомъ глаза Павла; но изъ нихъ, подобно очищеннымъ источникамъ, еще болѣе полились слезы. Подивившись этому, видѣнному имъ, событію, онъ пошелъ и рассказалъ Андронику. Андроникъ сильно опечалился, покачалъ головою и, глубоко вздохнувъ, сказалъ, что, вѣроятно, о немъ плачетъ Павелъ и

что это предвѣщаетъ ему тяжкую бѣду, такъ какъ онъ сердечно любитъ Павла и высоко цѣнитъ его изреченія, и, конечно, взаимно любимъ Павломъ.

Кратко сказать, если бы Андроникъ нѣсколько сдерживалъ свою жестокость и не тотчасъ прибѣгалъ къ раскаленному желѣзу и мечу, если бы не осквернялъ постоянно свою царскую одежду каплями крови и не былъ неумолимъ въ казняхъ,—чѣмъ онъ заразился у народовъ, среди которыхъ жилъ во время своего долгаго скитальчества,—онъ былъ бы не послѣдній между царями изъ рода Комниныхъ, чтобы не сказать — не уступилъ бы имъ и сравнялся бы съ ними. И отъ него можно было получить величайшія человѣческія блага, потому что онъ не со всѣмъ пересталъ быть человѣкомъ, но, подобно вымышленнымъ созданіямъ съ двумя природами, будучи отчасти звѣремъ, украшенъ былъ лицомъ человѣческимъ.

О смерти Андроника и въ книгахъ встрѣчаются и народомъ распѣваются, кромѣ другихъ пророческихъ, ямбическихъ стиховъ, еще и эти: «внезапно поднимется съ мѣста, богатаго напитками, мужъ багровый, гордый правомъ, ужасный, сѣдой, измѣняющійся подобно хамелеону и, торгшись, будетъ жать людей, какъ соломѣ. Но наконецъ и самъ пожатъ будетъ временемъ и, бѣдякъ, жестоко заплатитъ за все, сдѣланное имъ въ жизни, зло. Кто носитъ мечъ, тотъ не избежитъ меча.» Подъ именемъ мѣста, богатаго напитками, разумѣется Эней,⁽¹⁾ какъ видно изъ самаго

⁽¹⁾ Греческое названіе Энея—Οἰναίον происходитъ отъ слова: οἶνος—вино и всякій хмѣльной напитокъ.

названія этой мѣстности, откуда, какъ уже сказано мною, Андроникъ прибылъ въ Константинополь.

Конецъ перваго тома.